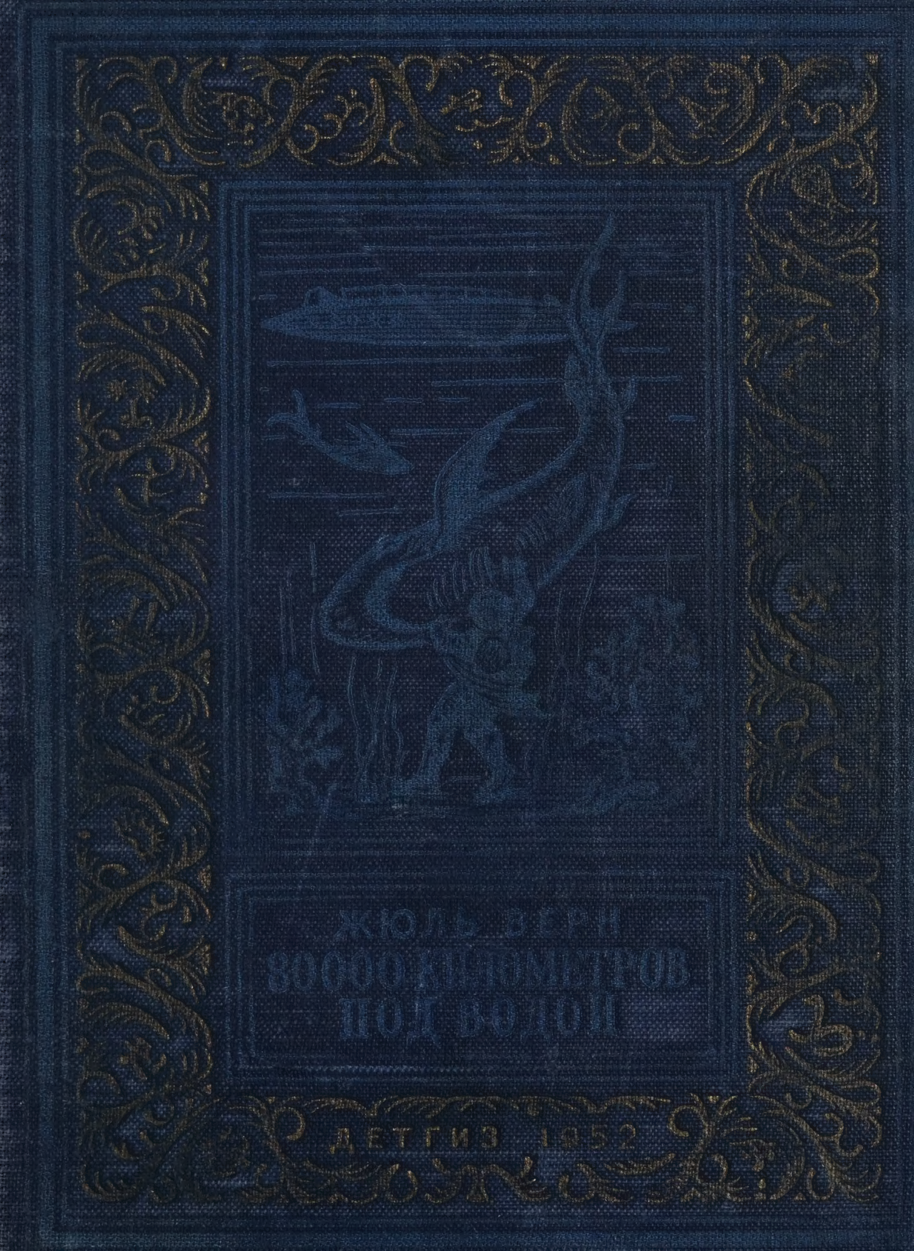
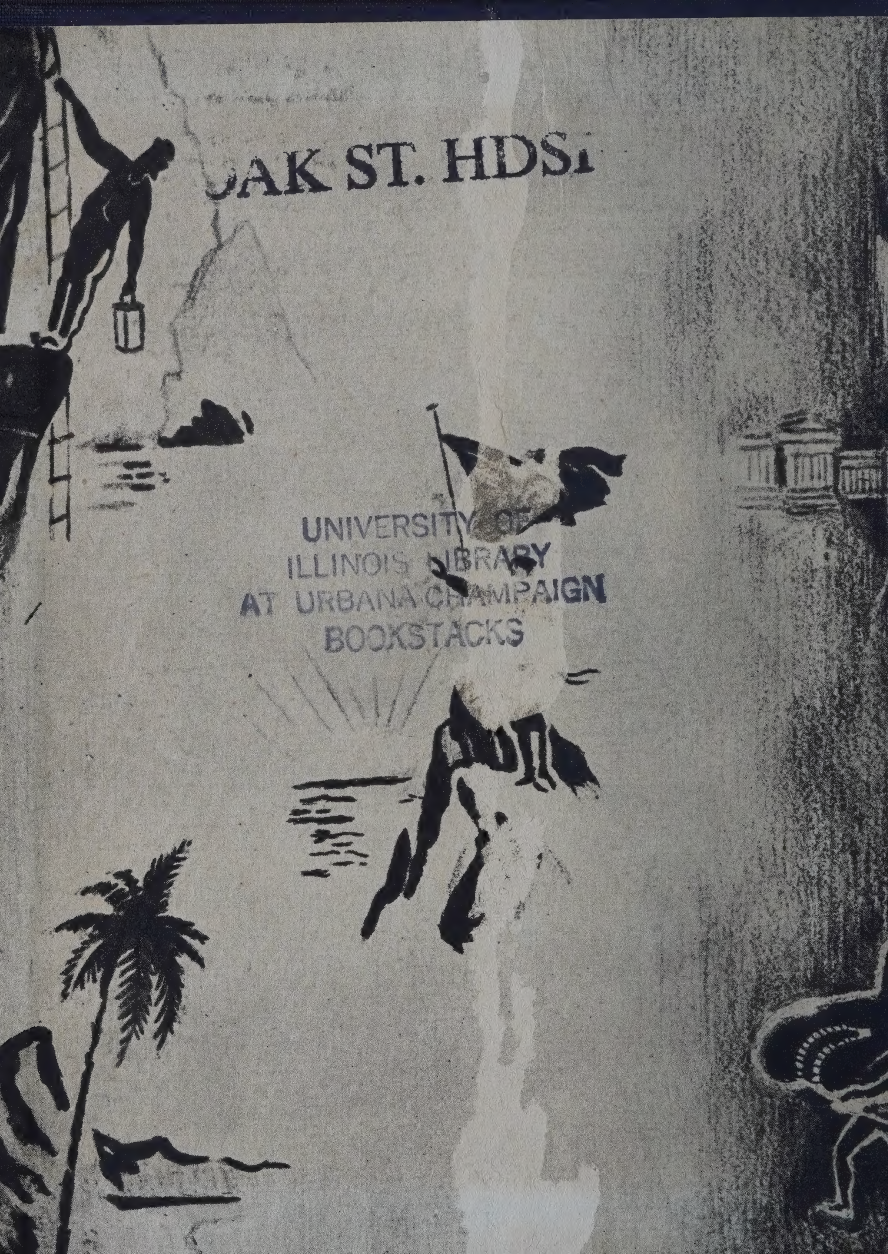

ЖЮЛЬ ВЕРН
80000 КИЛОМЕТРОВ
ПОД ВОДОЙ
ДЕТГИЗ 1952

OAK ST. HDSF

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1951 ЛЕНИНГРАД

ЖЮЛЬ ВЕРН

80 000 КИЛОМЕТРОВ ПОД ВОДОЙ

Перевод
Игнатия Петрова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ДВИЖУЩИЙСЯ РИФ

1866 год ознаменовался необычайными происшествиями, память о которых, вероятно, и по сей день жива у многих. Слухи об этих событиях возбудили любопытство среди населения континентов и взбудоражили жителей портовых городов; но особенно встревожили они моряков. Купцы, судовладельцы, капитаны, шкиперы, военные моряки, даже правительства ряда государств Старого и Нового Света — все были чрезвычайно заинтересованы одним феноменом [1].

В тот год несколько кораблей повстречали в море какой-то длинный, веретенообразный предмет; размерами и быстротой передвижения он значительно превосходил кита; иногда он излучал яркий свет.

Записи в бортовых журналах разных кораблей мало разнились при описании внешности этого предмета или существа и единогласно отмечали неслыханную быстроту его передвижения. Предполагали, что это кит. Однако ни одна из известных науке разновидностей китов не достигала таких размеров. Ни Кювье, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж [2] не поверили бы в существование такого чудовища, пока не увидели бы его собственными глазами.

---

[1] Феномен — необычайное, редкое явление.

[2] Кювье, Ласепед, Дюмериль, Катрфаж — ученые-натуралисты.

Некоторые очевидцы определяли его длину в двести английских футов[1], и это было явное преуменьшение; зато другие наделяли его длиной в три мили при ширине в одну милю, что представляло бесспорное преувеличение. Несмотря на эти противоречия, подводя итоги многочисленным сообщениям, можно было смело заявить, что это существо, если только оно существует в действительности, несравненно больше всех известных зоологам животных. А между тем нельзя было сомневаться в его существовании — этот факт был неоспорим.

Естественно, что при свойственной человечеству склонности увлекаться загадками весь мир был до крайности взволнован этими сообщениями.

20 июля 1866 года пароход «Губернатор Хигинсон», принадлежащий Калькуттскому пароходному обществу, встретил эту движущуюся массу невдалеке от восточного берега Австралии.

Сперва капитан Беккер решил, что он обнаружил не отмеченный на карте риф; он хотел было уже приступить к точному определению его географических координат[2], как вдруг из недр странного предмета вырвались два столба воды и со свистом взлетели на полтораста футов вверх. Если только это не было извержением подводного гейзера[3], «Губернатор Хигинсон», очевидно, наткнулся на какое-то неизвестное морское млекопитающее, выбрасывающее из ноздрей столбы воды, смешанной с паром.

23 июля 1866 года в Тихом океане это странное существо заметили с палубы парохода «Христофор

---

[1] Один английский фут равен 30,4 сантиметра.

[2] Координаты (географические) — широта и долгота, определяющие положение точки на земном шаре.

[3] Гейзеры — горячие источники, выбрасывающие через определенные промежутки времени (от 25 минут до 3 часов) фонтаны горячей воды и пара.

Колумб», принадлежащего Вест-Индскому и Тихоокеанскому пароходному обществу. Ясно было, что этот удивительный кит действительно обладает способностью перемещаться с чудовищной скоростью, ибо на протяжении трех дней «Губернатор Хигинсон» и «Христофор Колумб» видели его в двух точках земного шара, отстоящих одна от другой на семьсот морских миль! [1]

Через пятнадцать дней пароходы «Гельвеция» Национальной компании и «Ханаан» компании «Роял Мейл», встретившиеся в Атлантическом океане между Америкой и Европой, обнаружили «чудовище» под 42°15′ северной широты и 60°35′ западной долготы (от Гринвича). Капитаны обоих пароходов определили минимальную длину млекопитающего в триста пятьдесят английских футов. «Ханаан» и «Гельвеция», каждый размером в триста двадцать пять футов от форштевня до ахтерштевня [2], были меньше его. Между тем самые крупные киты, встречавшиеся в районе Алеутских островов, никогда не превышали ста пятнадцати футов в длину.

Эти сообщения и следовавшие одно за другим известия о том, что трансатлантический пароход «Перейра» также наблюдал чудовище, что корабль «Этна» столкнулся с ним, наконец протокол, составленный офицерами французского фрегата «Нормандия», и обстоятельный отчет, поступивший в английское адмиралтейство от командира судна «Лорд Клайд» Фитц-Джемса, — все это до крайности встревожило общественное мнение. В некоторых странах над феноменом только смеялись, но в государствах, ведущих оживленную морскую торговлю, им живо заинтересовались.

Во всех столицах чудовище стало модной темой раз-

---

[1] Морская миля равна 1852 метрам.

[2] Форштевень — продолжение киля, составляющее носовую оконечность судна. Ахтерштевень — продолжение киля, составляющее кормовую оконечность судна.

говоров. О нем пели песни с эстрад, карикатуры на него печатались в журналах, его выводили в театральных представлениях. Во всех газетах появились рисунки, изображавшие вымышленных и действительно существовавших гигантских животных — от страшного белого кита приполярных вод до фантастических осьминогов, способных якобы охватить своими щупальцами пятисоттонный корабль и увлечь его на дно морское. Из архивов спешно выкапывались старинные документы, свидетельства древних — Аристотеля, Плиния[1], — допускавших возможность существования морских чудовищ, рассказы норвежских мореплавателей, сообщения Пауля Геггеды и, наконец, показания Харингтона, чья искренность не внушает никаких сомнений, о виденной им в 1857 году чудовищных размеров морской змее.

Тогда в ученых обществах, в научных журналах разгорелись нескончаемые споры между верующими и неверующими. Вопрос о чудовище занял все умы. Потоки чернил были пролиты во время этого памятного спора.

В течение шести месяцев борьба продолжалась с переменным успехом. Бульварная печать подняла насмех статьи в «Известиях Бразильского географического института», в «Анналах Берлинской академии наук», в журнале Смитовского института в Вашингтоне, издевалась над дискуссией солидных журналов «Индийский архипелаг» и «Известия» Петерманна, над научной хроникой лучших журналов Европы. Журналисты, перефразируя известное изречение Линнея[2], приведенное кем-то из противников чудовища: «Природа не создает дураков», уговаривали ученых «не оскорблять природу, приписывая ей создание таких бесполезных гиган-

---

[1] Аристотель — один из величайших ученых и мыслителей древней Греции (384—322 гг. до н. э.). Кай Секунд Плиний Старший — римский писатель и ученый (23—79 гг. н. э.).

[2] Линней Карл (1707—1778) — шведский натуралист.

тов, которые могут существовать только в воображении пьяных моряков». Наконец, популярный сатирический еженедельник пером известнейшего писателя атаковал чудовище с таким неподражаемым юмором, что при всеобщем смехе защитники его вынуждены были отступить. Так остроумие победило науку.

В продолжение первых месяцев 1867 года вопрос о чудовище казался прочно погребенным, без надежды на воскрешение. Но тут новые факты дошли до сведения читающей публики. Речь шла уже не о разрешении отвлеченной научной проблемы, а о борьбе с серьезной и совершенно реальной опасностью. Вопрос получил новое освещение. Чудовище стало снова островком, скалой, рифом, но рифом движущимся, неуловимым, загадочным.

В ночь на 25 марта 1867 года пароход «Моравия», принадлежащий Монреальской океанской компании, под 27°30′ широты и 72°15′ долготы наткнулся на скалу, не обозначенную ни на каких картах. «Моравия» благодаря попутному ветру и четырехсотсильной машине шла со скоростью тринадцати узлов[1]. Не обладай корпус судна значительным запасом прочности, это столкновение при столь значительной скорости хода могло бы стать роковым и для самого судна и для двухсот тридцати семи человек пассажиров и команды.

Столкновение произошло в пять часов утра. День только еще занимался. Вахтенные офицеры кинулись к бортам. Они осмотрели поверхность океана с величайшим вниманием, но не заметили ничего подозрительного, если не считать большой волны, поднятой как будто мощным гребным винтом в трех кабельтовых[2] расстояния. Отметив точные координаты этого места, «Моравия» продолжала свой путь. Внешних признаков аварии

---

[1] То-есть тринадцати морских миль в час.

[2] Кабельтов (кабельтовый) — морская мера длины для небольших расстояний; равен 185,2 метра.

не было обнаружено, и командный состав «Моравии» тщетно ломал себе голову над вопросом, наткнулся ли пароход на подводный риф или на какое-нибудь затонувшее судно.

По приходе в порт в сухом доке было установлено, что часть киля «Моравии» разбита.

Это странное происшествие, вероятно, было бы вскоре предано забвению, как много других, если бы три недели спустя оно не повторилось в подобных же условиях. Только на этот раз благодаря тому, что пострадавшее судно принадлежало всемирно известному пароходному обществу, случай получил широкую огласку и вызвал отклики во всем мире.

Вероятно, всем известно имя английского судовладельца Кьюнарда, чьи пароходы первыми стали поддерживать регулярное сообщение между Европой и Америкой. За двадцать семь лет существования пароходства Кьюнарда его суда пересекли Атлантический океан свыше двух тысяч раз, ни разу за все время не опоздав, ни разу не отменив рейсов, ни разу не потеряв ни одного письма из доверенной им почты. Репутация кьюнардовского пароходства была настолько прочной, что оно не боялось конкуренции. Тем бо́льшую огласку приобрело происшествие с одним из лучших пароходов компании.

13 апреля 1867 года, при зеркально гладком море и полном безветрии, «Шотландия» находилась под 15°12′ западной долготы и 45°37′ северной широты. Тысячесильная машина сообщала пароходу скорость в тринадцать и сорок три сотых узла. Колеса «Шотландии» рассекали воду с размеренностью часового маятника.

В 4 часа 17 минут пополудни, в то время как пассажиры пили чай в большом зале, «Шотландия» слегка вздрогнула от чуть заметного удара в правый борт, несколько позади колеса.

Удар был настолько слабым, что на палубе никто не

обратил бы на него внимания, если бы из трюма не донеслись крики:

— В трюме вода! Мы тонем!

Пассажиры, естественно, переполошились. Но капитан Андерсон успокоил их. Действительно, одна пробоина не могла угрожать безопасности «Шотландии», разделенной водонепроницаемыми переборками на семь отсеков.

Капитан Андерсон немедленно спустился в трюм. Он установил, что пятый отсек залит водой и, судя по быстроте, с какой вода прибывала, пробоина в борту должна быть весьма значительной. К счастью, в этом отсеке не было топок паровых котлов.

Капитан Андерсон распорядился остановить машины и приказал одному из матросов нырнуть в воду. Матрос доложил, что в корпусе судна имеется пробоина шириной в два метра. Такую пробоину нечего было и думать чинить в море, и «Шотландия» с полупогруженными в воду колесами кое-как продолжала свой путь.

Судно находилось в это время в трехстах милях от мыса Клир и в Ливерпульский порт пришло с трехдневным опозданием, вызвавшим живейшее беспокойство во всей Англии.

«Шотландию» ввели в сухой док, и инженеры компании осмотрели ее. Они не хотели верить своим глазам: в двух с половиной метрах ниже ватерлинии в корпусе судна зияла пробоина, имевшая форму правильного равнобедренного треугольника! Края пробоины были идеально ровными, словно ее сделали нарочно. Очевидно, орудие, пробившее корпус, обладало исключительной закалкой.

Еще большее недоумение вызвал вопрос, каким образом, пробив дыру в четырехсантиметровой металлической обшивке парохода, это орудие могло высвободиться из пробоины. Это было совершенно необъяснимо...

Происшествие с «Шотландией» снова разожгло уже остывшее было любопытство публики. С этой минуты все морские катастрофы от невыясненных причин стали приписывать чудовищу. А так как морской статистике из трех тысяч судов, ежегодно терпящих крушения, не менее двухсот приходится относить к графе «без вести пропавших», то естественно, что день ото дня вина фантастического чудовища становилась все более тяжкой.

Справедливо или несправедливо приписывая чудовищу ответственность за все эти беды, общественное мнение всех стран, обеспокоенное тем, что сообщение между материками стало опасным, потребовало, чтобы моря наконец были во что бы то ни стало освобождены от этого страшного существа.

Глава вторая

ЗА И ПРОТИВ

В то время, когда происходили описываемые события, я странствовал по диким уголкам штата Небраска в Северной Америке. Французское правительство командировало меня в эту научную экспедицию как натуралиста и адъюнкт-профессора при Парижском музее естественной истории.

Собрав за шесть месяцев пребывания в Небраске драгоценнейшие коллекции, я в конце марта 1867 года прибыл в Нью-Йорк. Во Францию мне нужно было вернуться только в первых числах мая, и потому оставшееся время я решил потратить на приведение в порядок своих минералогических, ботанических и зоологических коллекций.

Конечно, я был в курсе событий, волновавших общественное мнение. Да могло ли быть иначе, когда сообщениями о морском чудовище были полны все га-

зеты и журналы? Эта загадка разжигала мое любопытство.

Не зная, какое объяснение дать событиям, я переходил от одной крайности к другой. Тут, несомненно, крылась какая-то тайна: скептикам стоило взглянуть на протараненный борт «Шотландии», чтобы убедиться в этом.

Весь Нью-Йорк был возбужден. Гипотезы о пловучем островке, неуловимом рифе, выдвинутые малоосведомленными лицами, уже были окончательно отброшены. И в самом деле, нельзя было объяснить, как мог передвигаться с такой скоростью этот пловучий риф, если только у него не было мощной машины. Точно так же была оставлена и гипотеза о блуждающем корпусе затонувшего гигантского корабля, потому что и она не объясняла быстроты передвижения чудовища.

Оставались, таким образом, только два правдоподобных решения задачи: чудовище было либо огромным животным, либо подводным кораблем с необычайно сильным двигателем.

Это последнее предположение, в конечном счете самое правдоподобное, рассеялось впрах после следствия, произведенного в обоих полушариях.

Невозможно было предположить, что этот подводный корабль принадлежит частному лицу: его надо было где-то построить, а строительство такого гиганта не могло не привлечь к себе внимания.

Только какое-нибудь государство в состоянии было создать механизм, обладающий столь страшной разрушительной силой. В наши печальные времена, когда человечество изощряется в изобретении все новых и новых смертоносных орудий, легко допустить, что какое-нибудь государство втайне от всех остальных соорудило и испытывало на практике такой боевой корабль.

Но гипотеза о военном корабле рухнула, потому что все правительства, одно за другим, заявили о своей не-

причастности к этому делу. Так как чудовище угрожало международным трансокеанским сообщениям, не приходилось сомневаться в правдивости этих заявлений. Кроме того, если частному лицу трудно сохранить в тайне сооружение громадного подводного корабля, то государству, за каждым шагом которого ревниво следят соперничающие страны, это и подавно невозможно.

Таким образом, после того как были наведены справки в Англии, Франции, России, Германии, Италии, Америке и даже в Турции, предположение о подводной лодке окончательно отпало.

На поверхность воды, несмотря на насмешки бульварной прессы, снова всплыло огромное животное, и возбужденное воображение стало рождать одну за другой самые фантастические гипотезы.

В Нью-Йорке многие просили меня высказать свои соображения по волнующему всех вопросу. Незадолго до отъезда из Франции я выпустил в свет двухтомный труд, озаглавленный «Тайны морского дна». Эта книга, встретившая хороший прием в научном мире, утверждала мое право на звание специалиста в этой сравнительно мало изученной отрасли естественной истории.

Меня стали настойчиво приглашать высказаться. Я уклонялся под разными предлогами, но, припертый к стене неумолимыми репортерами «Нью-Йоркского вестника», вынужден был наконец дать обещание поделиться с читателями этой газеты своими мыслями по вопросу о странных происшествиях в океане.

И вот 30 апреля в газете появилась обстоятельная статья профессора Пьера Аронакса, в которой всесторонне освещался вопрос о чудовище и давалась научная оценка всем известным фактам.

Привожу выдержку из этой статьи.

«Итак, — писал я, разобрав одну за другой все выдвинутые гипотезы, — за неимением другого выдержи-

вающего критику предположения, нам приходится допустить, что чудовище — не что иное, как морское животное, наделенное огромной силой.

Жизнь больших глубин океана нам совершенно неизвестна. Никакой зонд их еще не достигал. Что происходит в этих бездонных пропастях? Какие существа живут, какие существа могут жить на глубине двенадцати-пятнадцати тысяч метров под поверхностью моря?[1] Какое строение должно быть у этих существ? Об этом трудно даже высказывать предположения.

Решение стоящей перед нами задачи может быть двояким: либо нам известны все населяющие землю существа, либо только некоторая часть их.

Если мы знаем не все существа, обитающие на нашей планете, если природа хранит еще от нас тайны, нет никаких оснований не допускать существования рыб или морских млекопитающих неизвестных нам видов или даже родов, с особой, «глубинной», конституцией; такие существа могут жить в недоступных исследованию наддонных слоях океанов и в силу каких-то неизвестных пертурбаций или без всякой причины время от времени всплывать на поверхность вод.

Если, напротив, мы знаем все виды живых существ, тогда нужно искать занимающее нас чудовище в ряду уже классифицированных морских животных. В этом случае я склонен был бы допустить существование гигантского нарвала[2].

Обыкновенный нарвал часто достигает тридцати футов в длину. Упятерите, удесятерите эту длину, надели-

---

[1] Наибольшая глубина океана немногим превышает 10 000 метров (в Тихом океане); глубины в 12 000—15 000 метров не существует.

[2] Нарвал — морской единорог, род морских млекопитающих животных отряда китообразных. Самцы нарвалов имеют громадные бивни в левой половине верхней челюсти.

те это животное силой, соответствующей его величине, пропорционально усильте его бивень — и вы получите разгадку волнующей вас тайны. Это животное приобретет размеры, указанные офицерами «Ханаана», бивень, который может сделать пробоину такой же формы, как в корпусе «Шотландии», и силу, достаточную для того, чтобы пустить ко дну океанский пароход.

В самом деле, нарвал вооружен своеобразным костяным бивнем, или алебардой, как говорят некоторые натуралисты. Эта алебарда обладает твердостью стали. Такие алебарды неоднократно находили в теле китов, которых нарвалы почти всегда побеждают в борьбе; такие алебарды с трудом извлекали из корпусов деревянных кораблей, которые они протыкали насквозь — от борта до борта.

Музей парижского медицинского факультета располагает алебардой длиной в два с четвертью метра; у основания толщина ее достигает сорока восьми сантиметров.

Итак, представим себе нарвала в десять раз больше, чем обыкновенный, с гигантской алебардой, или бивнем, наделим его способностью перемещаться со скоростью двадцати морских миль в час, перемножим его массу на скорость — и вас не удивит, если столкновение с ним повлечет за собою катастрофу для любого судна!

В заключение скажу: пока не поступят более подробные сведения, я буду считать это чудовище гигантским нарвалом, вооруженным не простой алебардой, а настоящим тараном, как броненосный фрегат, и наделенным не меньшими, чем у фрегата, массой и силой!

Так и только так можно объяснить этот феномен в том случае... если он действительно существует. А это еще нуждается в проверке».

Эта последняя фраза была продиктована трусостью: мне хотелось сохранить свое достоинство ученого и не

дать повода для насмешек американцам. Я приготовил себе таким образом лазейку, но в глубине души не сомневался в существовании чудовища.

Моя статья вызвала горячие отклики и получила широкую известность. Она даже собрала некоторое число сторонников. Предложенное в ней решение загадки давало обильную пищу воображению. Люди любят помечтать о сверхъестественном. Море же как раз является той единственной средой, где действительно есть условия для развития гигантских существ, по сравнению с которыми земные великаны — слоны и носороги — просто пигмеи. В морской воде живут самые крупные представители млекопитающих, как, например, киты. Почему же не допустить, что там же водятся гигантские моллюски, страшные ракообразные — омары длиной в сто метров или крабы, весящие по двести тонн? В прежние геологические эпохи четвероногие, четверорукие, птицы и пресмыкающиеся достигали колоссальных размеров, и только через десятки, сотни тысячелетий они уменьшились до современных размеров. Но почему бы в море, состав которого во все времена оставался неизменным, в то время как земная кора беспрерывно видоизменяется, не могли сохраниться представители животного мира отдаленнейших геологических эпох? Почему бы морю не сохранить в своих тайниках последние разновидности этих гигантских первозданных существ, продолжительность жизни которых измеряется не годами, а веками или тысячелетиями?

Но я увлекся грезами, а это пристало мне меньше, чем кому бы то ни было другому.

Повторяю, природа этого необычайного явления не вызывала больше споров, и общество признало существование какого-то огромного животного, не имеющего ничего общего со сказочными морскими змеями.

Но если для некоторых это был вопрос отвлеченный,

имеющий только чисто научный интерес, то для англичан и американцев, заинтересованных в безопасности океанских сообщений, ясно вырисовывалась необходимость принять меры к тому, чтобы немедленно очистить моря от этого опасного чудовища.

Финансовая и коммерческая пресса занималась теперь вопросом о чудовище только под этим углом зрения. «Морское обозрение», «Газета Ллойда», «Пакетбот», «Мореходная торговая газета» — все эти печатные органы страховых обществ, которым грозили крупные убытки, единодушно требовали объявления беспощадной войны чудовищу.

Общественное мнение, и в первую очередь североамериканское, было на стороне страховых обществ. В Нью-Йорке стали готовить экспедицию для охоты за нарвалом. Для этой цели решено было снарядить быстроходный фрегат «Авраам Линкольн».

Двери арсеналов были широко раскрыты перед командиром фрегата капитаном Фарагутом, который всячески старался ускорить день отплытия. Но, как всегда бывает в таких случаях, как только было принято решение о преследовании чудовища, оно перестало показываться. В продолжение двух месяцев никто ничего не слышал о нем. Ни один корабль не встретил его. Казалось, нарвал учуял, что против него замышляется поход. Об этом столько говорили по трансатлантическому подводному кабелю!.. Шутники уверяли, что хитрый нарвал перехватил какую-нибудь из многочисленных телеграмм и поспешил убраться восвояси.

Таким образом, когда фрегат был снаряжен в путь и оборудован всеми приспособлениями для необычайной ловли, капитан не знал, куда ему следует направиться.

Всеобщее нетерпенье достигло своего предела, когда распространился слух, что пароход, совершающий рейсы между Сан-Франциско и Шанхаем, около трех недель

тому назад встретил животное в северной части Тихого океана. Это известие произвело огромное впечатление. Капитану Фарагуту не дали отсрочки даже на сутки. Продовольствие было погружено на борт, трюмы ломились от угля, команда была в полном составе. Оставалось только разжечь топки, развести пары и сняться с якоря.

Капитану Фарагуту не простили бы, если бы он задержался хотя бы на полдня. Впрочем, он и сам рвался в путь.

За три часа до отхода «Авраама Линкольна» мне вручили письмо следующего содержания:

Господину профессору Аронаксу.
Гостиница «Пятое авеню», Нью-Йорк.

Милостивый государь!

Если Вы пожелаете присоединиться к экспедиции на «Аврааме Линкольне», правительству Соединенных Штатов будет приятно знать, что Франция, в Вашем лице, участвует в этом предприятии. Капитан Фарагут предоставит Вам отдельную каюту.

Сердечно преданный Вам
морской министр Д.-Б. Гобсон.

Глава третья

«КАК БУДЕТ УГОДНО ХОЗЯИНУ»

За три секунды до получения письма морского министра я столько же думал о преследовании нарвала, сколько о попытке прорваться через льды Северо-западного прохода[1]. Через три секунды после получения письма я понял, что мое настоящее призвание, моя единственная цель жизни заключается в преследовании этого

[1] Проход из Атлантического океана в Тихий, мимо северных берегов Американского континента.

опасного чудовища и в том, чтобы избавить от него человечество.

Между тем я только что вернулся из трудного путешествия, бесконечно устал и нуждался в отдыхе. Я мечтал о возвращении на родину, к своим друзьям, в свою маленькую квартирку возле Ботанического сада, к своим дорогим и бесценным коллекциям. Но ничто не могло удержать меня. Я забыл все — усталость, друзей, коллекции — и, не раздумывая, принял приглашение американского правительства.

«К тому же, — думал я, — все дороги ведут в Европу, и может случиться, что нарвал приведет меня к берегам Франции. Это достойное животное, может быть, позволит прикончить себя в европейских морях, и я отвезу тогда по крайней мере полуметровый кусок его бивня в Музей естественной истории в Париже!»

Но пока что нарвала приходилось искать в северной части Тихого океана; это значило, что для возвращения во Францию мне предстояло объехать вокруг всего света.

— Консель! — крикнул я нетерпеливо.

Консель был моим слугой и сопровождал меня во всех поездках. Я искренне привязался к этому славному фламандцу, и он платил мне той же монетой. Это был человек флегматичный по природе, положительный и солидный по характеру, усердный и исполнительный по привычке, невозмутимо встречающий все житейские неожиданности, мастер на все руки, жадный к работе и, вопреки своему имени [1], никогда и никому не дававший советов, даже когда его об этом просили.

Соприкасаясь постоянно с кружком ученых, посещавших мою маленькую квартирку, Консель сам многому научился и превратился в специалиста в области естественно-научной классификации, способного с быстротой

---

[1] Игра слов: «консель» (conseil) — по-французски «совет».

акробата пробегать всю лестницу отделов, групп, классов, подклассов, отрядов, семейств, родов, видов и подвидов. Но все его знания этим и ограничивались. Весьма сведущий в теории классификации и очень далекий от практических знаний, он не в состоянии был, я думаю, по внешнему виду отличить кита от кашалота.

И все же какой чудесный малый!

В течение десяти лет Консель неизменно сопровождал меня во всех научных экспедициях. Никогда я не слышал от него ни одной жалобы на продолжительность путешествия или на усталость. Консель каждую минуту готов был отправиться в любую страну, будь это Китай или Конго, ни о чем не спрашивая, ни в чем не сомневаясь.

Он обладал превосходным здоровьем, при котором не страшны никакие болезни, крепкими мускулами и поистине железными нервами.

Ему было тридцать лет, и его возраст относился к возрасту его хозяина, как пятнадцать к двадцати. Прошу прощения за этот несколько сложный способ признания в том, что мне сорок лет.

Консель имел только один недостаток. Неисправимый формалист, он говорил со мной не иначе, как в третьем лице, и это нередко выводило меня из терпения.

— Консель! — повторил я, начиная в то же время лихорадочно готовиться к отъезду.

Я был уверен, что Консель безгранично предан мне. Обычно я никогда не спрашивал его, согласен ли он сопровождать меня в путешествие; но на этот раз предполагалась экспедиция, которая грозила затянуться на неопределенное время, да к тому же еще она была рискованным предприятием. Шутка сказать: преследовать животное, способное потопить фрегат, как ореховую скорлупу! Было над чем призадуматься даже самому невозмутимому человеку в мире. Что-то скажет Консель?

— Консель! — позвал я в третий раз.

Консель явился.

— Хозяин звал меня? — спросил он входя.

— Да, голубчик. Приготовь все, что нужно для поездки. Через два часа мы отправляемся.

— Как будет угодно хозяину, — спокойно ответил Консель.

— Нельзя терять ни одной минуты. Собери в чемодан все необходимое: платье, рубашки, носки. Уложи столько, сколько влезет, но как можно быстрее!

— А коллекции хозяина? — заметил Консель.

— Мы займемся ими позже. Они останутся на хранении в гостинице.

— А олений кабан?

— Его будут кормить и без нас. Впрочем, я распоряжусь, чтобы весь наш зверинец отправили во Францию.

— Значит, мы едем не в Париж? — спросил Консель.

— Как сказать, — уклончиво ответил я, — пожалуй, нам придется сделать небольшой крюк...

— Любой крюк, если это угодно хозяину.

— О, сущий пустяк! Дорога будет несколько более длинной... Мы поедем на «Аврааме Линкольне».

— Как будет угодно хозяину, — невозмутимо твердил Консель.

— Ты знаешь, друг мой, речь идет о чудовище... знаменитом нарвале... Мы должны освободить от него океаны! Автор двухтомных «Тайн морского дна» не может отказаться от путешествия с капитаном Фарагутом... Почетная миссия, но вместе с тем и опасная. Совершенно неизвестно, куда нас заведет нарвал... Это животное может оказаться очень капризным. И все же мы поедем! Наш капитан — молодчина.

— Куда поедет хозяин, туда поеду и я, — сказал Консель.

— Подумай хорошенько! Я ничего не хочу от тебя

скрывать. Это одно из тех путешествий, из которых не всегда возвращаются.

— Как будет угодно хозяину...

Через четверть часа чемоданы были уложены; Консель ничего не забыл. Этот малый классифицировал рубашки и платье так же безупречно, как птиц и млекопитающих. Коридорный сложил наш багаж в вестибюле. Я спустился в нижний этаж, к большой конторке, вечно осаждаемой посетителями, и распорядился, чтобы тюки с препарированными животными и засушенными растениями были отправлены в Париж. Открыв достаточный кредит оленьему кабану и оплатив счета, я прыгнул наконец в коляску, где уже сидел Консель.

Экипаж спустился по Бродвею до Юнион-сквера, завернул на Четвертую авеню, проехал по ней до Катрин-стрит и наконец остановился у Тридцать четвертой набережной. Оттуда паром перевез всех нас — людей, лошадей и экипаж — в Бруклин, предместье Нью-Йорка, расположенное на левом берегу реки Гудзона. Через несколько минут коляска подъехала прямо к сходням «Авраама Линкольна», из двух труб которого валили густые клубы дыма.

Наш багаж был немедленно поднят на палубу фрегата. Я поспешно взбежал по трапу и спросил, где можно найти капитана Фарагута. Один из матросов проводил меня на мостик и указал на высокого, с открытым лицом моряка. Тот протянул мне руку.

— Господин Пьер Аронакс? — спросил он.

— Так точно, — ответил я. — Капитан Фарагут?

— Самолично. Добро пожаловать, господин профессор! Каюта ждет вас.

Я поклонился и, не желая мешать капитану в эти горячие предотъездные минуты, попросил матроса указать предназначенную мне каюту.

«Авраам Линкольн» как нельзя более подходил для задуманной экспедиции.

Это был быстроходный фрегат, оборудованный самыми совершенными машинами, позволявшими ему развивать скорость в восемнадцать и три десятых мили в час. Впрочем, и эта огромная скорость была недостаточной для погони за гигантским нарвалом.

Внутренняя отделка фрегата не уступала его мореходным качествам. Я был вполне удовлетворен предоставленной мне каютой, помещавшейся в офицерском отделении, на корме.

— Мы отлично устроимся здесь, — сказал я Конселю.

— С позволения хозяина, я скажу: так же удобно, как рак-отшельник в раковине улитки, — ответил мой ученый слуга.

Я оставил Конселя в каюте распаковывать чемоданы, а сам поднялся на палубу, чтобы следить за приготовлениями к отплытию.

Как раз в эту минуту капитан Фарагут приказал отдать концы, удерживавшие «Авраама Линкольна» у Бруклинской набережной. Стоило мне задержаться на четверть часа — «Авраам Линкольн» отплыл бы без меня, и я не участвовал бы в этой необычайной экспедиции, самый правдивый отчет о которой, вероятно, будет все-таки встречен недоверчиво многими скептиками.

Капитан Фарагут не хотел откладывать не только на день, но на час и даже на минуту начало похода против нарвала.

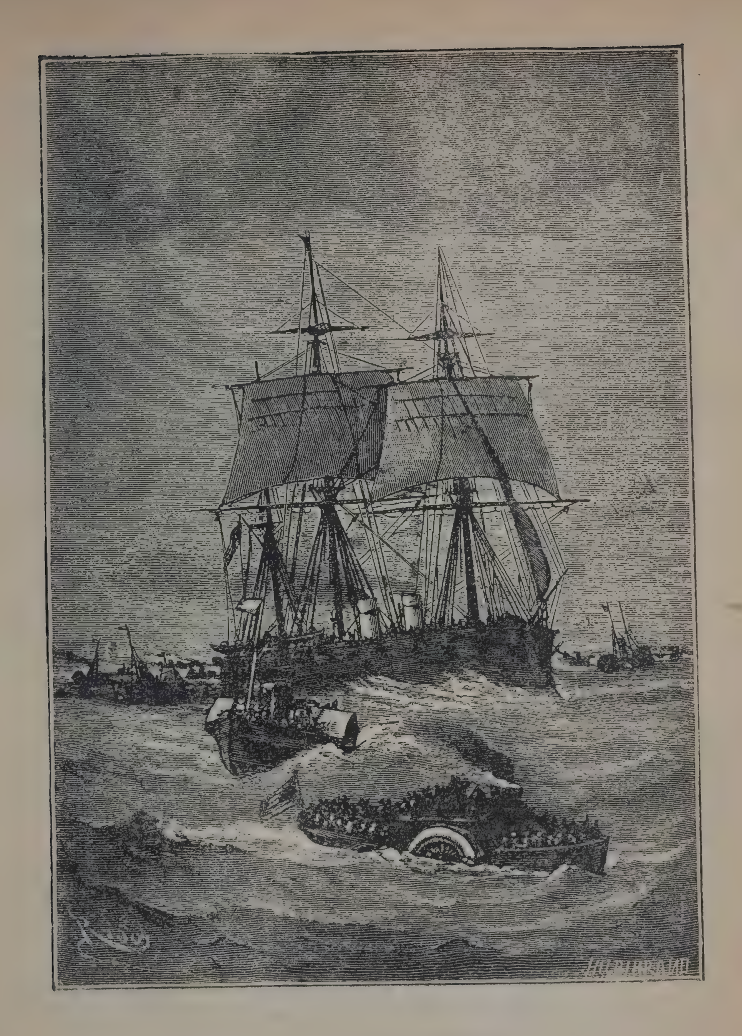
Он вызвал корабельного инженера.

— Давление пара достаточное? — спросил он.

— Да, капитан.

— Малый ход! — скомандовал капитан.

Получив этот приказ по машинному телеграфу,

Вереница катеров провожала фрегат.

приводимому в действие сжатым воздухом, механик повернул пусковой рычаг.

Пар со свистом устремился в цилиндры, и поршни привели во вращение гребной вал. Лопасти винта стали вращаться со все возрастающей скоростью, и «Авраам Линкольн» величественно поплыл, сопровождаемый сотнями катеров и буксирных пароходиков, переполненных провожающими.

Набережные Бруклина были густо усеяны любопытными. Троекратное «ура», вырвавшееся из тысячи глоток, прозвучало, как раскат грома. Тысячи носовых платков развевались в воздухе над толпой, приветствуя «Авраама Линкольна», пока фрегат не вошел в воды реки Гудзона у оконечности полуострова, на котором расположен Нью-Йорк.

Спустившись вниз по течению Гудзона, вдоль Нью-Джерсея, вытянувшегося цепью прелестных вилл, «Авраам Линкольн» прошел мимо фортов и ответил на их пушечные салюты, трижды подняв и опустив свой кормовой флаг, усеянный тридцатью девятью звездами. Затем, замедлив ход, фрегат вступил в извилистый фарватер морского канала, отмеченный бакенами, обогнул песчаную косу Сэнди-Гука, где его снова приветствовала многотысячная толпа зрителей, и вышел в открытый океан.

Вереница катеров и буксиров провожала фрегат до пловучих маяков, огни которых указывают судам вход в Нью-Йоркский порт.

Было три часа пополудни. Лоцман покинул мостик, шлюпка быстро доставила его на катер, и «Авраам Линкольн», набирая скорость, поплыл вдоль берега Лонг-Айленда.

К восьми часам вечера скрылись из виду огни Файр-Айленда, и фрегат на всех парах понесся по темным водам Атлантического океана.

Глава четвертая

НЕД ЛЕНД

Капитан Фарагут был хорошим моряком, достойным великолепного фрегата, которым он командовал. Корабль и он составляли как бы одно тело, в котором капитан выполнял функции мозга. У него не было никаких сомнений по вопросу о существовании нарвала, и он не допускал в своем присутствии никаких споров по этому поводу. Чудовище существовало, и он освободит моря от него — он поклялся в этом.

Либо капитан Фарагут убьет нарвала, либо нарвал убьет капитана Фарагута — третьего исхода не было!

Судовые офицеры разделяли веру своего капитана. Приятно было слушать, как они спорили о шансах на скорую встречу с чудовищем и высчитывали быстроту его хода. Даже те офицеры, которые в обычных условиях считали вахты скучной необходимостью, в этот рейс всегда готовы были отдежурить лишнюю.

Пока солнце описывало на небосклоне свой дневной путь, мачты были усеяны кучками матросов, которые высматривали чудовище. А между тем «Авраам Линкольн» был еще далеко от Тихого океана!

Экипаж горел желанием встретить нарвала, загарпунить его, втащить на борт и изрубить на куски. Вся свободная от работы часть команды с самым пристальным вниманием всматривалась в морскую гладь. Кстати сказать, капитан Фарагут поощрял это, пообещав премию в две тысячи долларов. Эта награда ждала юнгу, матроса, боцмана или офицера, которому посчастливится первому заметить нарвала. Нетрудно себе представить, с каким усердием экипаж фрегата всматривался в море!

Что касается меня, то я не отставал от других и добросовестным образом выстаивал по целым дням у

бортов корабля. Один Консель был равнодушен к занимавшему всех вопросу и не разделял общего увлечения.

Я уже говорил, что капитан Фарагут снабдил свой фрегат всеми приспособлениями для ловли гигантских китов. Пожалуй, ни одно китобойное судно не выходило в плавание лучше снаряженным.

У нас были все современные китоловные снаряды, начиная от ручного гарпуна и кончая зубчатыми стрелами, которыми стреляли из специальной пушки. На носу стояло скорострельное усовершенствованное орудие, посылающее свои четырехкилограммовые снаряды на шестнадцать километров.

Итак, команда «Авраама Линкольна» не могла пожаловаться на недостаток смертоносных орудий. Но этого мало — на борту фрегата находился сам Нед Ленд, король гарпунщиков!

Нед Ленд был уроженцем Канады и искуснейшим в мире китоловом, не знающим соперников в этом опасном ремесле. Он был наделен совершенно исключительным хладнокровием, ловкостью, смелостью и сообразительностью. И нужно было быть уж очень лукавым китом или очень хитрым кашалотом, чтобы увильнуть от его страшного гарпуна.

Неду Ленду около сорока лет. Это высокий, почти шести футов ростом, крепкий, суровый человек. Он мало общителен, вспыльчив и легко приходит в ярость при малейшем противоречии.

Внешность его невольно приковывала к себе внимание, особенно глаза, необычайная дальнозоркость которых придавала своеобразное выражение всему его лицу.

Я считаю, что капитан Фарагут поступил вполне правильно, привлекши знаменитого китолова к участию в экспедиции: когда понадобится сильная рука и верный глаз, он один сделает больше, чем весь остальной экипаж. Неда Ленда можно было сравнить с мощным

Нед Ленд.

телескопом, соединенным в одно нераздельное целое с заряженной, всегда готовой выстрелить пушкой.

Канадец — это тот же француз, и как ни мало общителен был Нед, но я должен отметить, что он скоро привязался ко мне — очевидно, он рад был случаю поговорить по-французски. И мне приятно было послушать старофранцузский диалект, сохранившийся со времен Рабле[1] в некоторых провинциях Канады.

Нед Ленд принадлежал к старинной квебекской семье, давшей немало смелых моряков еще в те отдаленные времена, когда город этот принадлежал Франции.

Мало-помалу наши беседы с Недом Лендом становились все более оживленными. Я охотно слушал о его приключениях в полярных морях. Его рассказы об охотах и сражениях были так безыскусственны и поэтичны, что порой мне казалось, что я слушаю какого-то канадского Гомера, поющего «Илиаду» полярных стран.

Я описываю этого смелого человека таким, каким я его знаю сейчас, — мы старые друзья, и дружба наша, родившаяся в дни страшных испытаний, крепка и нерушима.

Каково же было мнение Неда Ленда о морском чудовище? Должен признаться, что он не верил в существование нарвала и — единственный человек на всем фрегате — не разделял общего увлечения этой гипотезой. Он уклонился от разговора на эту тему, когда я однажды попытался выяснить его мнение.

Через три недели после нашего отплытия фрегат находился невдалеке от Байа-Бланка, в тридцати милях от Патагонии. Мы пересекли уже тропик Козерога, и теперь Магелланов пролив отстоял от нас меньше чем в семистах милях к югу. Еще восемь дней — и «Авраам Линкольн» будет бороздить воды Тихого океана!

---

[1] Рабле Франсуа (ок. 1495—1553) — крупнейший французский писатель эпохи Возрождения.

Я сидел с Недом Лендом на юте[1]. Мы болтали о всякой всячине, глядя на таинственное море, глубины которого до сих пор недоступны человеческому взору. По естественной ассоциации, я заговорил о гигантском нарвале и стал разбирать все условия, от которых зависели успех или неудача нашей экспедиции. Но, заметив, что Нед Ленд отмалчивается, я поставил ему вопрос в упор:

— Как вы можете сомневаться в существовании гигантского нарвала, которого мы преследуем? Есть ли у вас какие-нибудь основания быть таким недоверчивым?

Гарпунщик в продолжение нескольких секунд молча смотрел на меня. Прежде чем ответить, он привычным жестом хлопнул себя по лбу, закрыл глаза, как бы собираясь с мыслями, и только после этого сказал:

— Может быть, и есть, господин Аронакс.

— Послушайте, Нед, ведь вы гарпунщик по профессии, вы перевидали на своем веку сотни огромных морских млекопитающих — вам легче, чем кому бы то ни было другому, поверить в возможность существования гигантского китообразного.

— Вот здесь-то вы и ошибаетесь, господин профессор, — ответил Нед. — Невежда охотно поверит в существование чудовищных животных, населяющих внутренность полого земного шара, — это вполне естественно. Но геолог никогда не поверит этим сказкам. Так и китобой. Я преследовал и убил немало китов и нарвалов. Но при всей их величине и силе ни их хвосты, ни их бивни не в состоянии были пробить металлическую обшивку парохода!

— Однако, Нед, известны случаи, когда зуб нарвала пробивал насквозь борта кораблей.

— Деревянных, профессор, деревянных! — возразил Нед. — Да, признаться, я не очень в это верю — лично я

---

[1] Ют — кормовая часть верхней палубы судна.

ничего подобного не видел. Поэтому, до тех пор пока не увижу этого своими глазами, я не поверю, что кашалоты, киты или нарвалы могут произвести разрушения, подобные пробоине в корпусе «Шотландии».

— Послушайте, Нед...

— Нет, профессор, нет. Все, что вам угодно, но только не это. Может быть, огромный спрут...

— Ни в каком случае, Нед! Спрут — это моллюск гигантских размеров с вялым, мягким телом. Будь он хоть пятисот футов в длину, спрут останется беспозвоночным и, следовательно, совершенно безопасным для таких судов, как «Шотландия» или «Авраам Линкольн». Пора оставить басни об опасности спрутов для кораблей.

— Итак, господин естествоиспытатель, — иронически заметил Нед, — вы убеждены в существовании огромного нарвала?

— Да, Нед, я убежден в этом, и мое убеждение основывается на ряде неопровержимых фактов. Я не сомневаюсь в существовании гигантского китообразного животного, принадлежащего, так же как киты, кашалоты и дельфины, к разряду позвоночных и наделенного зубом, рогом или бивнем исключительной крепости.

— Гм! — хмыкнул гарпунщик, с сомнением покачав головой.

— Заметьте, дорогой мой, — продолжал я, — что если такое животное живет в глубинах океана, в нескольких милях под поверхностью воды, оно должно обладать необычайно мощным организмом.

— Почему? — спросил Нед.

— Потому что нужна неслыханная сила для того, чтобы выдерживать огромное давление воды на такой глубине.

— В самом деле? — сказал Нед, недоверчиво прищурив глаз.

— Да, это так! И в доказательство я могу вам привести несколько цифр.

— О, цифры! — протянул Нед. — Цифрами можно доказать что угодно...

— Не всегда и не все, Нед. Вот выслушайте меня. Представим себе давление в одну атмосферу в виде давления водяного столба высотой в тридцать два фута. В действительности высота водяного столба должна быть даже несколько меньшей, так как морская вода обладает большей плотностью, нежели пресная. Итак, Нед, когда вы ныряете в воду, ваше тело испытывает давление в столько атмосфер, то-есть в столько килограммов на каждый квадратный сантиметр своей поверхности, сколько столбов воды в тридцать два фута отделяют вас от поверхности моря. Отсюда следует, что на глубине в триста двадцать футов это давление равняется десяти атмосферам, на глубине в три тысячи двести футов — ста атмосферам и в тридцать две тысячи футов, то-есть на глубине примерно двух с половиной миль, — тысяче атмосферам. Иными словами, если бы вам удалось добраться до этой глубины, каждый квадратный сантиметр вашего тела испытывал бы давление в тысячу килограммов, или одну тонну. Кстати, дорогой мой, знаете ли вы, сколько квадратных сантиметров имеет поверхность вашего тела?

— Не имею ни малейшего представления об этом.

— Около семнадцати тысяч.

— Так много?!

— А так как в действительности атмосферное давление несколько превышает названную мной величину в один килограмм на один квадратный сантиметр, то семнадцать тысяч квадратных сантиметров поверхности вашего тела испытывают в эту минуту давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограммов.

— И я этого не замечаю?

— Да, вы этого не замечаете. Эта огромная тяжесть не сплющивает вас только потому, что воздух, находящийся внутри вашего тела, уравновешивает это давление. Поэтому вы ничего и не замечаете. Но стоит вам попасть в воду, и это равновесие нарушается...

— Понимаю, — прервал меня Нед, видимо заинтересовавшийся моим объяснением. — Вода ведь окружит меня со всех сторон, но не проникнет внутрь организма!

— Вот именно, Нед. Таким образом, в тридцати двух футах под поверхностью моря вы будете испытывать давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограммов; в трехстах двадцати футах это давление удесятерится, то-есть будет равно ста семидесяти пяти тысячам шестистам восьмидесяти килограммам; в трех тысячах двухстах футах оно увеличится в сто раз и достигнет миллиона семисот пятидесяти шести тысяч восьмисот килограммов; наконец, в тридцати двух тысячах футов оно усилится в тысячу раз, и на вас будет давить тяжесть в семнадцать миллионов пятьсот шестьдесят восемь тысяч килограммов. Иными словами, вы мгновенно превратитесь в лепешку, в тончайший листочек, как будто вас вынули из-под гигантского гидравлического молота.

— Ух, чорт! — воскликнул Нед.

— Итак, дорогой друг, если позвоночное животное длиной в несколько сот метров может существовать в подобных глубинах, то миллионы квадратных сантиметров его поверхности испытывают давление многих миллиардов килограммов. Подумайте теперь, какой мускульной силой должны быть наделены эти животные и какая сопротивляемость должна быть у их организма, чтобы безнаказанно выносить это давление!

— Похоже на то, что они должны быть обшиты восьмидюймовым котельным железом, как броненосцы, — сказал канадец.

— Верно, Нед! Подумайте теперь, какие страшные

разрушения может произвести такое животное, столкнувшись с кораблем, если оно способно двигаться в воде со скоростью самого быстрого из наших курьерских поездов.

— Да... действительно... — неуверенно бормотал канадец, смущенный этими расчетами, но еще не желая сдаваться.

— Что ж, убедил я вас?

— Вы убедили меня в одном, господин профессор: что если такие животные действительно существуют в глубинах океана, то они должны быть очень сильными.

— Ах вы, упрямец этакий! Да если они не существуют в глубинах океана, то как вы объясните случай с «Шотландией»?

— Может быть.. — нерешительно начал Нед.

— Да говорите же!

— Может быть... такого случая и не было! — выпалил канадец.

Но этот ответ свидетельствовал только об упрямстве гарпунщика и ни о чем другом. В этот день я его больше не пытался убедить. Случай с «Шотландией» был совершенно бесспорным. Пробоина была настолько реальной, что ее пришлось заделывать; я думаю, трудно отыскать более убедительное доказательство ее существования. Не вызывало никаких сомнений и то, что эта пробоина не могла возникнуть сама собой; а так как, с другой стороны, совершенно исключалась даже мысль о столкновении с подводным камнем или рифом, то необходимо было признать существование страшного зуба морского животного.

Я лично в силу всех изложенных выше соображений относил это животное к типу позвоночных, классу млекопитающих и отряду китообразных. Что касается семейства, к которому его надлежало отнести — китов, кашалотов или дельфинов, — подсемейства и, наконец, вида, то на этот вопрос могло ответить только будущее

Чтобы разрешить этот вопрос, нужно было вскрыть неизвестное чудовище; а чтобы вскрыть, необходимо было сначала его изловить; чтобы изловить, надо было загарпунить его — это касалось Неда Ленда; чтобы загарпунить, следовало его увидеть — это было делом всего экипажа; чтобы увидеть, нужно было его встретить, — а это уже было дело случая.

Глава пятая

ПОГОНЯ ВСЛЕПУЮ

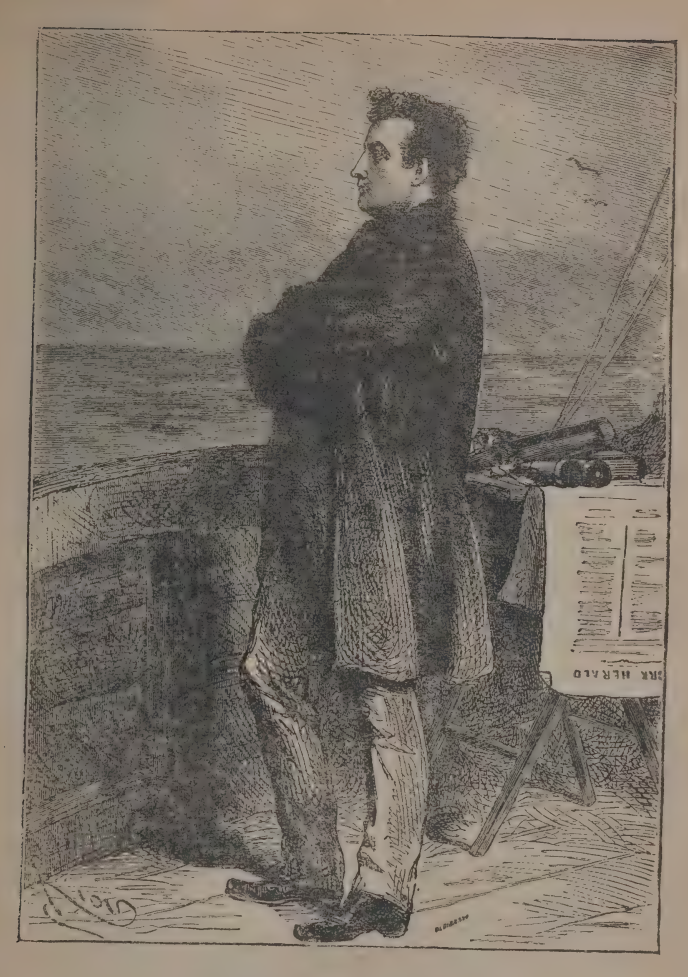
Первые дни плавания «Авраама Линкольна» не были отмечены никакими приключениями. Только однажды произошло событие, выставившее в самом выгодном свете поразительное искусство Неда Ленда; гарпунщик доказал, что на него можно безусловно положиться.

В виду Фальклендских островов «Авраам Линкольн» встретил американское китоловное судно «Монроэ». Команда его ничего не слышала про нарвала. Но капитан «Монроэ», узнав, что на борту «Авраама Линкольна» находится знаменитый Нед Ленд, попросил его помочь в охоте на выслеженного кита. Капитан Фарагут, которому хотелось посмотреть, как работает Нед Ленд, разрешил гарпунщику перейти на борт «Монроэ».

Канадцу повезло, и вместо одного кита он загарпунил двух: первого он убил сразу, всадив ему гарпун в сердце, а второго — после нескольких минут преследования.

О, если только когда-нибудь чудовищу придется иметь дело с гарпуном Неда Ленда, ему не уйти живым!

Фрегат продолжал с большой быстротой плыть вдоль юго-восточного берега Америки. 3 июля мы подошли к мысу Дев, у входа в Магелланов пролив.

Профессор Пьер Аронакс.

Но капитан Фарагут прошел мимо этого извилистого пролива и взял курс на мыс Горн.

Экипаж единодушно одобрил такое решение.

В самом деле, было мало вероятия встретить нарвала в этом узком проливе. Многие матросы были убеждены, что чудовище «слишком толсто, чтобы пройти через Магелланов пролив».

Около трех часов пополудни 6 июля «Авраам Линкольн» обогнул тот уединенный островок, ту скалу, затерянную в самом конце Американского материка, которую голландские моряки окрестили мысом Горн — в честь своего родного города. Фрегат взял курс на северо-запад, и винт его начал пенить воды Тихого океана.

— Гляди в оба! Гляди в оба! — твердили матросы «Авраама Линкольна».

И они действительно глядели в оба! Соблазненные премией в две тысячи долларов, люди не отрывали взоров от поверхности океана. Ночью и днем глаза и бинокли не знали ни секунды покоя.

Никталопы — люди, обладающие способностью видеть по ночам так же ясно, как днем — имели вдвое больше шансов получить премию, чем люди с нормальным зрением.

Хотя премия нисколько не соблазняла меня, я также упорно целыми днями всматривался в море. Ограничивая свой сон тремя-четырьмя часами в сутки, тратя на еду считанные минуты, я все остальное время безотлучно находился на палубе.

То перегнувшись через перила носа, то опираясь на борт кормы, я жадно всматривался в однообразные пенистые гребни валов, простиравшиеся во все стороны, сколько видел глаз.

Как часто вместе со всем экипажем я переживал минуты бурного волнения, когда на горизонте показывалась

черная спина кита! Весь экипаж мгновенно выбегал на палубу. Каждый, тяжело дыша, напрягая зрение до боли, следил за движениями кита. И я смотрел, смотрел до тех пор, пока все не начинало мутиться в глазах.

Флегматичный Консель в таких случаях спокойно говорил мне:

— Хозяин видел бы много лучше, если бы поменьше таращил глаза.

Но всякий раз волнение оказывалось напрасным. «Авраам Линкольн» подходил ближе к предполагаемому врагу и, убедившись, что это самый обыкновенный кашалот или кит, снова ложился на прежний курс, а команда осыпала тысячами проклятий ни в чем не повинное животное.

Погода все время стояла хорошая, и наше плавание протекало в наилучших условиях, несмотря на то что июль в Южном полушарии соответствует январю в Северном и обычно в это время — самый разгар дождливого сезона. Тем не менее море было спокойно, и видимость была отличная.

Нед Ленд попрежнему упорствовал в своем неверии. Он демонстративно не глядел на море в часы, свободные от вахт, или когда в виду не было кита.

Это было досадно, потому что его исключительно зоркие глаза могли сослужить большую службу экспедиции.

Но упрямый канадец предпочитал шестнадцать часов из двадцати четырех проводить в каюте.

Я сто раз упрекал его за равнодушие.

— Зачем напрасно утомлять глаза, профессор? — отвечал он мне. — Прежде всего вообще нет никакого нарвала, а если бы даже и существовало подобное животное, то сколько у нас шансов натолкнуться на него? Ведь мы гонимся за ним вслепую, наугад. Допускаю даже, что какой-то корабль действительно встре-

тил это неуловимое животное в Тихом океане. Но ведь с тех пор прошло уже около двух месяцев, а судя по характеру этого нарвала, он, повидимому, не любит подолгу околачиваться на одном месте. Вы сами признаете, что он обладает способностью перемещаться с огромной быстротой, и, я думаю, вы согласитесь со мной, что природа, которая ничего не делает бесцельно, не стала бы наделять медлительное по натуре создание способностью мчаться с быстротой ветра. Следовательно, если это животное существует, оно уже далеко отсюда!

Против этого рассуждения нечего было возразить. Мы в самом деле плыли вслепую. Но что нам оставалось делать? Нед Ленд был прав: наши шансы на встречу с чудовищем были ничтожны. И тем не менее никто не сомневался в конечном успехе экспедиции.

20 июля мы вторично пересекли тропик Козерога под 105° долготы, а 27-го числа того же месяца перешли экватор под 110° долготы. В тот же день фрегат взял курс на запад, к центральному бассейну Тихого океана. Капитан Фарагут резонно считал, что нарвала можно надеяться встретить лишь в глубоководных зонах, вдали от континентов и островов, приближаться к которым чудовище до сих пор избегало, «повидимому потому, что там море недостаточно глубоко для него», как объяснял наш боцман.

Фрегат прошел, таким образом, мимо островов Паумоту, Маркизских, Сандвичевых, пересек тропик Рака под 132° долготы и направился в Китайское море.

Наконец-то мы добрались до места, где в последний раз было встречено чудовище! Все сердца бились с такой лихорадочной быстротой, что сердечные болезни неизбежно должны были получить большое распространение на фрегате. Весь экипаж был словно одержим навязчивой идеей. Люди не спали, не ели. По двадцать

раз в день обманы зрения вызывали взрывы восторга, и это всякий раз обманутое ожидание держало экипаж в состоянии такого нервного напряжения, которое не предвещало ничего хорошего.

И действительно, реакция не замедлила наступить. В продолжение трех месяцев — трех месяцев, каждый день которых длился сто лет! — «Авраам Линкольн» бороздил вдоль и поперек всю северную часть Тихого океана. Фрегат кидался вдогонку за замеченными китами, делал повороты с галса на галс[1], внезапно останавливался, то прибавлял, то убавлял пары с риском разрегулировать машину. Он не оставил необследованной ни одной точки от берегов Японии до Американского континента. Но ничего, ничего решительно не удалось обнаружить на этом огромном пространстве! Ничего, что напоминало бы хоть отдаленно гигантского нарвала, или подводный островок, или обломок крушения, или движущийся риф, или другую какую-нибудь чертовщину! Ничего!

Началась реакция. Отчаяние пробило дорогу неверию. Тяжелое чувство овладело экипажем: оно состояло из трех десятых стыда и семи десятых обиды.

Каждому было стыдно, что он остался в дураках, поверив нелепой басне; но еще больше, чем стыд, людей терзала обида. Горы доказательств, нагромождавшихся одно на другое в течение целого года, в один день сразу рухнули, и теперь каждый думал только о том, как бы наверстать так глупо потраченное время.

Со свойственным человеческому уму непостоянством люди из одной крайности ударились в другую. Самые горячие сторонники экспедиции стали самыми яростными врагами ее. Неверие волной залило весь фрегат, от трюмов до кают-компании, и если бы не непонятное упор-

---

[1] Галс — курс судна относительно ветра.

ство капитана Фарагута, то «Авраам Линкольн» немедленно повернул бы носом к югу.

Но эти бесплодные поиски не могли продолжаться бесконечно. «Аврааму Линкольну» не в чем было упрекать себя — корабль сделал все от него зависящее, чтобы успешно выполнить поручение. Никогда еще команда американского корабля не проявляла такого усердия и долготерпения. Меньше всего на нее падала вина за неуспех экспедиции. Повидимому, оставалось только вернуться...

Капитану Фарагуту экипажем судна было сделано соответствующее заявление. Он отказал.

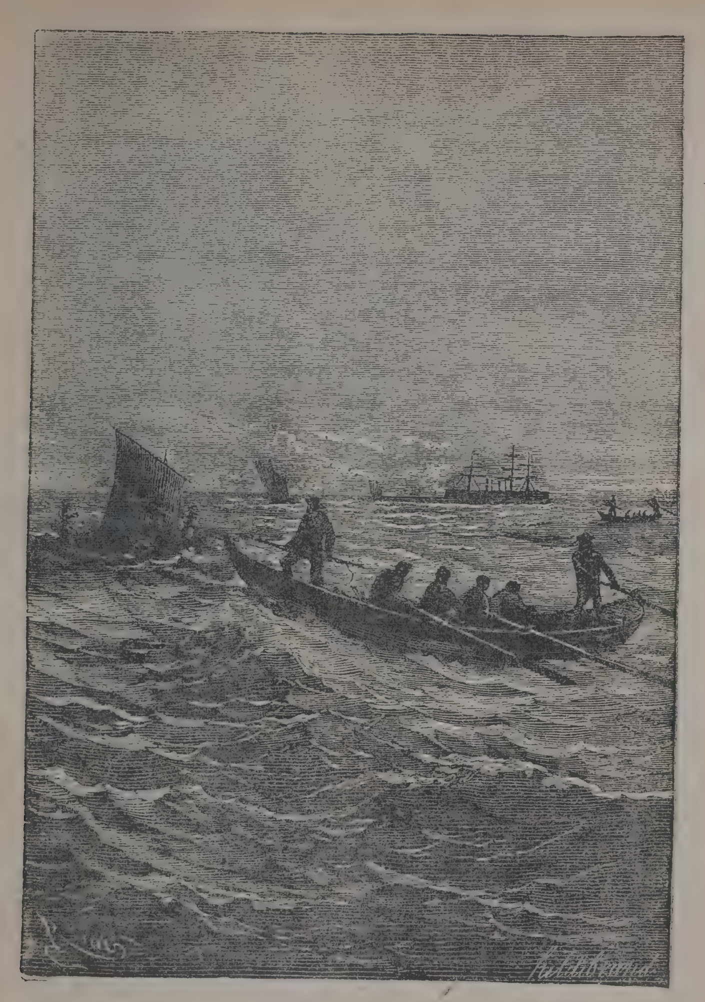
Матросы не скрывали своего недовольства, и дисциплина на судне упала. Я не хочу сказать, что на судне начался бунт, но после недолгого сопротивления капитан Фарагут, как в свое время Колумб, вынужден был попросить у экипажа три дня терпения: если в течение этих трех дней чудовище не будет обнаружено, рулевой повернет штурвал, и «Авраам Линкольн» тронется в обратный путь.

Это обещание было дано 2 ноября. Оно сразу подняло настроение команды. Люди опять стали всматриваться в волны, с новым вниманием. Бинокли и подзорные трубы снова были пущены в ход. Это был последний вызов гигантскому нарвалу.

Так прошло два дня. «Авраам Линкольн» шел малым ходом. Команда придумывала тысячи способов привлечь внимание нарвала, если он находился невдалеке.

Огромные куски сала сбрасывались за борт, к вящему удовольствию акул, толпами сопровождавших фрегат. Шлюпки фрегата бороздили море во всех направлениях, исследуя каждый квадратный метр его поверхности.

Наступил уже вечер 4 ноября, а тайна попрежнему оставалась неразоблаченной.

Шлюпки фрегата бороздили море во всех направлениях.

На следующий день, 5 ноября, в полдень истекал назначенный срок. С последним ударом часов капитан Фарагут, верный своему слову, должен был повернуть на юго-восток и покинуть северную часть Тихого океана.

Фрегат находился в это время под 31°15′ северной широты и 136°42′ восточной долготы. Япония отстояла от нас меньше чем в двухстах милях. Ночь надвигалась. Пробило восемь часов. Густые облака заволокли узкий серп луны, только что вступившей в свою первую четверть. Море плавно покачивало фрегат.

Я стоял в эту минуту на штирборте[1], облокотившись на перила палубы. Консель был рядом со мной и равнодушно глядел вперед. Матросы, забравшись на реи, осматривали все суживающийся из-за надвигающейся темноты горизонт. Офицеры направили на поверхность океана ночные бинокли. Время от времени луч лунного света, прорываясь сквозь завесу облаков, бросал свой серебристый отблеск на волны, но тотчас же тучи затягивали просвет, и все снова погружалось в темноту.

Посмотрев на Конселя, я решил, что впервые за все время этот невозмутимый человек заразился общим волнением.

— Что, Консель, — спросил я его, — последний раз представляется случай заработать две тысячи долларов?

— С позволения хозяина, скажу, что я никогда не рассчитывал прикарманить эту премию, — ответил Консель. — Правительство Соединенных Штатов могло с таким же успехом пообещать премию в сто тысяч долларов, и оно не стало бы беднее от этого.

— Ты прав, Консель. В конечном счете это глупая затея, и я поступил легкомысленно, ввязавшись в эту экспедицию. Сколько нервов это стоило! Мы бы уж шесть месяцев тому назад вернулись во Францию...

---

[1] Штирборт — правый борт, правая сторона судна.

— В маленькую квартирку хозяина, — подхватил Консель, — в его музей. И я бы распределил по классам ископаемых из нашей коллекции, и олений кабан, привезенный хозяином, занимал бы клетку в зоологическом саду и привлекал бы к себе любопытных со всех концов Парижа!

— Все это так именно и было бы, Консель. А теперь, в довершение всех несчастий, над нами еще будут смеяться.

— Несомненно, — спокойно подтвердил Консель. — Я уверен, что над хозяином будут смеяться. Не знаю, стоит ли говорить...

— Говори, говори, Консель.

— ...но я думаю, что эти насмешки заслужены хозяином.

— В самом деле?

— Когда человек имеет честь быть таким крупным ученым, он не должен рисковать...

Консель не закончил своего комплимента. Звучный голос послышался в царившей кругом тишине.

Это был голос Неда Ленда.

Канадец кричал:

— Эй! Эта штука здесь, под ветром, против нас!

Глава шестая

НА ВСЕХ ПАРАХ

При этом возгласе весь экипаж кинулся к гарпунщику — капитан, офицеры, матросы, юнги, даже инженеры и механики, бросившие свои машины, даже кочегары, покинувшие свои топки.

Капитан приказал остановить фрегат.

Ночь была непроницаемо темной, и хотя я знал, что у канадца превосходное зрение, я спрашивал себя, как и что он мог увидеть в подобной темноте.

Сердце мое билось с такой силой, что грозило разорваться.

Но Нед Ленд не ошибся. Вскоре все мы увидели то, на что он указывал рукой.

В двух кабельтовых от «Авраама Линкольна», за штирбортом, море казалось освещенным изнутри. Это не могло быть простым фосфорическим свечением. Чудовище, погруженное на несколько футов под поверхностью воды, излучало яркое и странное сияние, о котором упоминали в своих отчетах многие капитаны. Это излучение должно было вызываться каким-то очень ярким источником. Освещенный участок поверхности океана имел форму длинного овала. В центре овала свечение было очень ярким, но по мере приближения к краям оно ослабевало.

— Это просто скопление фосфоресцирующих организмов! — воскликнул один из офицеров.

— Нет, вы ошибаетесь, — возразил я убежденно. — Ни в каком случае ночесветки или сальпы не могли бы испускать такой яркий свет. У этого излучения несомненно имеется какой-то электрический источник... Впрочем, глядите... Глядите! Оно движется!.. Оно направляется к нам!

Крик вырвался из уст всех столпившихся на палубе.

— Молчать! — скомандовал капитан Фарагут. — Лево руля! Задний ход!

Все кинулись по своим местам.

Приказание было мгновенно выполнено, и «Авраам Линкольн» описал полукруг.

— Право руля! Ход вперед! — приказал капитан Фарагут.

Винт снова заработал, и фрегат стал быстро удаляться от источника яркого света.

Я ошибся: фрегат хотел удалиться, но сверхъестественное животное приближалось к нему вдвое быстрее, чем он отступал.

Мы затаили дыхание и замерли в неподвижности, не произнося ни слова не столько от страха, сколько от удивления. Животное точно шутя догоняло нас. Оно обогнуло фрегат, мчавшийся со скоростью четырнадцати узлов, обдав его своими электрическими лучами, словно светящейся пылью. Затем оно отплыло на две или три мили, оставив за собой фосфоресцирующий след, похожий на клубы дыма, отбрасываемые назад мчащимся локомотивом экспресса. И вдруг из темноты, в которую оно отступило для разбега, чудовище ринулось на «Авраама Линкольна» с устрашающей быстротой, так же внезапно остановилось на расстоянии двадцати футов от него и... погасло. Оно не погрузилось в воду — в этом случае яркость его свечения уменьшалась бы постепенно; оно погасло сразу, точно источник, питающий этот световой поток, внезапно истощился.

Через мгновение чудовище снова появилось, с другой стороны фрегата, не то обогнув его, не то проплыв под килем «Авраама Линкольна».

Каждую секунду могло произойти столкновение, которое неминуемо должно было иметь для нас роковые последствия.

Меня удивляли маневры фрегата. Он спасался бегством, вместо того чтобы вступить в бой с чудовищем. Фрегат, посланный для преследования чудовища, сам оказался в положении преследуемого.

Я сделал это замечание капитану Фарагуту. Его обычно невозмутимое лицо выражало сейчас крайнее недоумение.

— Видите ли, профессор, — ответил он мне, — я не знаю, с каким огромным зверем я имею дело, и не хочу рисковать своим фрегатом в этой непроницаемой темноте. Как атаковать неизвестное, как от него защищаться? Подождем до рассвета, тогда роли переменятся.

— Капитан, есть ли у вас еще сомнения насчет природы этого существа?

— Нет, профессор. Очевидно, это гигантский нарвал, но нарвал электрический.

— Может быть, — продолжал я, — к нему так же опасно приближаться, как к гимноту[1] или пловучей мине?

— Вполне возможно, — согласился капитан. — И если он вдобавок ко всему прочему заряжен электричеством, то это поистине самое опасное животное на свете. Поэтому я и решил быть настороже.

Экипаж фрегата не смыкал глаз всю ночь. Никто не покидал палубы. «Авраам Линкольн», убедившись в невозможности соперничать с нарвалом в скорости, убавил ход.

Со своей стороны, и нарвал, подражая фрегату, плавно покачивался на волнах и, казалось, не собирался покинуть поле битвы.

Около полуночи, однако, он исчез, или — чтобы быть более точным — погас, как большой светляк. Может быть, он бежал? Этого следовало скорее опасаться, чем желать. Но через час послышалось оглушительное шипенье, похожее на шум воды, которая под сильным давлением вырывается из узкого отверстия.

Капитан Фарагут, Нед Ленд и я находились в это время на палубе. Мы жадно всматривались в окружавший нас непроницаемый мрак.

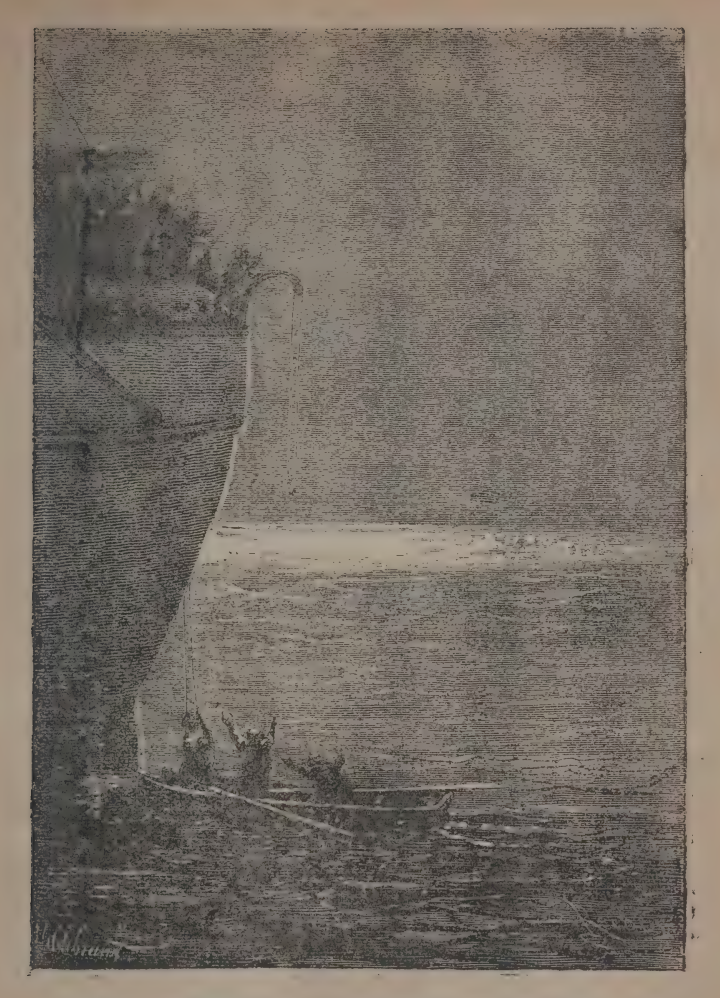
— Нед Ленд, — спросил капитан, — часто ли приходилось вам слышать шум, издаваемый китом?

— Часто, капитан, но до сих пор я еще не встречал кита, один вид которого принес бы мне две тысячи долларов.

— В самом деле, вы заслужили премию. Но скажите

---

[1] Гимнот — электрический угорь.

Чудовище было в двух кабельтовых от фрегата.

мне, похож ли этот звук на шум воды, извергаемой китами из ноздрей?

— Звук похож, но только несравненно сильней обычного. Однако сомневаться не приходится: перед нами несомненно какое-то китообразное животное, и с вашего позволения, капитан, — добавил гарпунщик, — завтра на рассвете я скажу ему пару слов.

— Если только ему заблагорассудится выслушать вас, Нед, — заметил я, — но я не очень-то уверен в этом.

— Если мне удастся подойти к нему на расстояние учетверенной длины гарпуна, — возразил канадец, — ему придется познакомиться со мной.

— Но ведь для этого придется дать вам шлюпку? — спросил капитан.

— Разумеется.

— И рисковать жизнью гребцов?

— Так же, как и моей, — просто ответил гарпунщик.

Около двух часов ночи электрическое сияние вновь появилось с наветренной стороны, в пяти милях от «Авраама Линкольна». Несмотря на значительное расстояние, шум ветра и моря, отчетливо было слышно, как животное всплескивало хвостом и прерывисто дышало. Можно было подумать, что когда нарвал выходит на поверхность, чтобы подышать, воздух врывается в его легкие с такой же силой, как пар в цилиндры двухтысячесильной машины.

«Чорт побери! — подумал я. — Кит, обладающий силой целого кавалерийского полка, должен быть незаурядным китом».

Ночь прошла в настороженном ожидании и в подготовке к бою. Китоловные орудия были выложены на палубе вдоль бортов. Второй помощник капитана приказал зарядить гарпунные пушки, бросающие гарпуны на целую милю, и карабины, стреляющие разрывными пулями,

которые насмерть ранят даже самых крупных животных. Нед Ленд довольствовался тем, что наточил свой гарпун.

В шесть часов занялась заря. С первыми лучами света электрическое сияние вокруг нарвала исчезло.

В семь часов настал день, но густой туман, непроницаемый для самых сильных биноклей, ограничивал видимость. Можно себе представить общее огорчение и гнев.

Я взобрался на первую перекладину бизани[1]. Несколько офицеров поднялись еще выше.

В восемь часов туман поплыл над волнами и медленно, клочьями стал подниматься вверх.

Внезапно, как и накануне, послышался голос Неда Ленда.

— Эта штука — с наветренной стороны, за кормой! — кричал гарпунщик.

Все устремились на корму.

Действительно, в полутора милях от фрегата из воды выступало примерно на метр длинное черное тело. За его хвостом, повидимому быстро извивающимся, море бурлило и волновалось. Ни одно известное мне животное не могло бить воду с такой силой. Огромный след ослепительно белой пены отмечал его путь.

Фрегат направился к чудовищу. Я глядел на него, не отрывая глаз и затаив дыхание. Рапорты «Ханаана» и «Гельвеции» несколько преувеличивали размеры нарвала. Я определил его длину всего в двести пятьдесят футов. О толщине трудно было судить, но у меня создавалось впечатление, что животное имеет прекрасные пропорции во всех трех измерениях.

В то время как я наблюдал за животным, из его ноздрей вырвались два столба воды, поднявшиеся на

---

[1] Бизань — задняя меньшая мачта корабля.

сорок метров вверх. Это дало мне представление о том, как оно дышит.

Я пришел к выводу, что загадочное существо принадлежит к типу позвоночных, классу млекопитающих, подклассу одноутробных, отряду китообразных, семейству... Этого я еще не знал.

Отряд китообразных включает семейства: китов, кашалотов и дельфинов. К этому последнему относятся и нарвалы. Каждое из этих семейств делится на много подсемейств, подсемейства — на роды, роды — на виды. Вид, род, подсемейство и семейство — об этом я еще не мог судить, но я не сомневался, что скоро благодаря искусству Неда Ленда и опытности капитана Фарагута получу и эти данные.

Команда с нетерпением ждала приказаний своего начальника. Капитан, внимательно посмотрев на животное, приказал позвать корабельного инженера. Тот не замедлил явиться.

— Пары разведены? — спросил капитан.

— Точно так, капитан, — ответил инженер.

— Хорошо. Подбавьте угля в топки!

Троекратное «ура» встретило этот приказ.

Час борьбы настал.

Через несколько минут над двумя трубами фрегата поднялись столбы черного дыма, и палуба задрожала мелкой дрожью.

Мощный винт «Авраама Линкольна» повлек судно прямо к животному. Оно равнодушно позволило приблизиться к себе на полкабельтова. Потом, не погружаясь в воду, тихо поплыло прочь, сохраняя прежнюю дистанцию от фрегата.

Преследование продолжалось в течение трех четвертей часа, но за это время «Аврааму Линкольну» не удалось выиграть ни одного фута. Ясно было, что при такой скорости невозможно догнать животное.

Капитан Фарагут яростно теребил свою густую бороду.

— Нед Ленд! — крикнул он.

Канадец подошел.

— Ну, господин китолов, — обратился к нему капитан, — нужна ли вам шлюпка?

— Нет, — ответил гарпунщик. — Эту бестию не возьмешь, пока она сама не дастся в руки.

— Что же делать?

— Поднять давление пара, если это возможно. Я же, с вашего позволения, помещусь на носу и, как только мы подойдем к нему достаточно близко, брошу гарпун.

— Хорошо, Нед, — сказал капитан и по переговорной трубе передал приказ: — Поднять пары!

Нед Ленд отправился на свой пост. Топки были загружены новой порцией угля, и винт стал давать сорок три оборота в минуту. Брошенный в воду лаг показал, что «Авраам Линкольн» движется со скоростью восемнадцати с половиной миль в час.

Но проклятое животное также стало делать по восемнадцати с половиной миль в час.

В течение часа фрегат шел с этой скоростью, не выиграв ни одного сантиметра расстояния. Это было унизительно для самого быстроходного судна американского флота.

Вся команда была охвачена бешенством. Матросы отчаянно ругали чудовище, но оно презрительно молчало. Капитан Фарагут уже не теребил свою бороду, а кусал ее.

Инженера снова призвали на мостик.

— Вы довели давление до предела? — спросил капитан.

— Да, — ответил инженер.

— До скольких атмосфер?

— До шести с половиной.

— Доведите до десяти!

Это было безумно смелое приказание. Лучше не мог бы сказать даже капитан парохода какой-либо компании, стремящийся обогнать конкурента.

— Консель, — сказал я моему славному слуге, стоявшему рядом, — знаешь ли ты, что мы, вероятнее всего, взлетим на воздух?

— Как будет угодно хозяину, — ответил Консель.

Признаюсь, мне понравилась безумная смелость капитана.

Кочегары снова засыпали уголь на колосники. Вентиляторы нагнетали воздух в топки. Давление пара усилилось. «Авраам Линкольн» рванулся вперед. Мачты его дрожали до самого основания, и вихри дыма едва прорывались наружу сквозь узкие отверстия труб.

Вторично был брошен лаг.

— Сколько? — спросил капитан.

— Девятнадцать и три десятых мили.

— Поднять еще давление!

Инженер повиновался. Стрелка манометра показала десять атмосфер. Но и чудовище, видно, «развело пары» — без какого бы то ни было заметного усилия оно также плыло теперь со скоростью девятнадцати и трех десятых мили в час...

Какая погоня! Нет, я не могу описать своего волнения.

Я весь дрожал от возбуждения.

Нед Ленд стоял на носу с гарпуном в руке.

Несколько раз животное позволяло фрегату приблизиться к себе.

— Догоняем! Догоняем! — кричал канадец.

Но когда он заносил руку, чтобы бросить гарпун, животное вдруг удалялось со скоростью по меньшей мере тридцати миль в час. Мало того: в то время как мы шли с максимальной скоростью, оно, словно в

насмешку, описало вокруг нас широкий круг. Экипаж фрегата мог ответить на это только криками бешенства.

В полдень мы находились на таком же расстоянии от нарвала, как и в восемь часов утра.

Тогда капитан Фарагут решил пустить в ход другие средства.

— Ах, так! — воскликнул он. — Это животное плывет быстрее, чем «Авраам Линкольн»? Что ж, посмотрим, обгонит ли оно коническую бомбу. Боцман! Канонира к носовому орудию!

Орудие было мгновенно заряжено и наведено. Раздался выстрел, но снаряд пролетел на несколько футов выше нарвала, находившегося в полумиле впереди.

— Другого наводчика, половчее! — крикнул капитан. — Пятьсот долларов награды тому, кто попадет в эту проклятую тварь!

Старый канонир с седой бородой — я и сейчас отчетливо вижу его спокойный взгляд и холодное лицо — подошел к орудию и тщательно прицелился. Не успел отзвучать гул выстрела, как раздался мощный крик «ура».

Снаряд попал в цель. Но вместо ожидаемого эффекта он скользнул вдоль бока нарвала и отлетел далеко в море.

— Ах, чорт! — воскликнул взбешенный старый канонир. — Неужто у этой гадины шестидюймовая броня?

— Проклятье! — вскричал капитан Фарагут.

Погоня продолжалась.

Подойдя ко мне, капитан сказал:

— Я буду преследовать нарвала до тех пор, пока фрегат не взлетит на воздух.

— Правильно, — ответил я. — Так и надо!

Можно было надеяться, что рано или поздно животное устанет, не выдержав состязания с неутомимой

паровой машиной. Но час проходил за часом, а оно не проявляло никаких признаков усталости.

К чести «Авраама Линкольна» надо сказать, что он продолжал преследование с непоколебимым упорством. По моим расчетам, фрегат прошел не менее пятисот миль в этот злосчастный день, 5 ноября. Но снова спустилась ночь и окутала мглою бурное море.

Я решил в эту минуту, что наша экспедиция закончена и что мы больше никогда не увидим фантастического животного.

Но я ошибся.

В 10 часов 50 минут вечера электрическое сияние снова появилось в трех милях от фрегата.

Нарвал казался неподвижным. Утомившись за день, он спал теперь, покачиваясь на волнах. Надо было воспользоваться этим, и капитан решил попытать счастья.

Он отдал соответствующие приказания. «Авраам Линкольн» двинулся вперед тихим ходом, чтобы не разбудить животное. В океане нередко можно встретить китов, спящих глубоким сном, и Нед Ленд загарпунил не одного из них именно во время сна.

Канадец снова занял свой пост на носу.

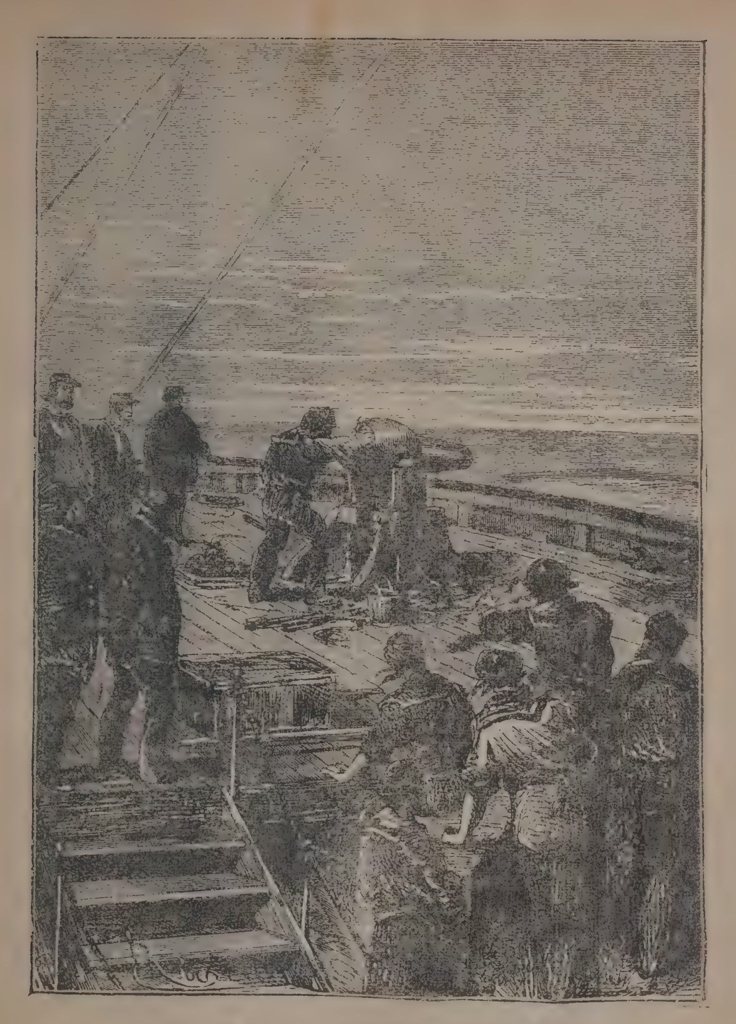
Фрегат бесшумно подошел на два кабельтовых к животному. Здесь машина была остановлена, и судно подвигалось вперед только по инерции.

На борту все притаили дыхание. Мертвая тишина царила на палубе. Мы находились едва в ста шагах от сияющего овала.

Посмотрев в эту минуту на Неда Ленда, я увидел, что он вытянул руку со своим страшным оружием.

Фрегат подплыл еще ближе к неподвижному животному — едва двадцать шагов отделяли нас от него.

Вдруг рука Неда Ленда с силой описала в воздухе полукруг, и гарпун полетел. Я услышал звон, как будто от удара в металл.

Старый канонир тщательно прицелился.

Электрическое сияние мгновенно угасло, и два огромных столба воды внезапно обрушились на палубу фрегата, сшибая с ног людей и все круша на своем пути.

Раздался страшный треск, и, не успев схватиться за перила, я вылетел за борт.

Глава седьмая

КИТ НЕИЗВЕСТНОГО ВИДА

Несмотря на полную неожиданность этого падения, я сохранил отчетливое воспоминание о всех своих ощущениях.

Сначала я погрузился в воду.

Я хорошо плаваю и благодаря этому не растерялся при неожиданном погружении.

Всплыв на поверхность океана, первым долгом я стал искать глазами фрегат. Заметили ли там мое исчезновение? Спустил ли капитан Фарагут шлюпку, чтобы искать меня? Могу ли я надеяться на спасение?

Несмотря на темноту, я рассмотрел на востоке какую-то черную массу, которая, судя по расположению опознавательных огней, удалялась. Это был фрегат. Я понял, что погиб.

— Ко мне, ко мне!—кричал я, пытаясь догнать фрегат.

Одежда стесняла меня. Намокнув, она липла к телу и парализовала движения. Я задыхался. Меня тянуло ко дну...

— Помогите!

Это был мой последний крик. Я отчаянно забарахтался, чувствуя, что тону.

Вдруг сильная рука схватила меня за шиворот и одним рывком вытащила на поверхность воды.

Я услышал следующие слова, произнесенные над самым моим ухом:

— Если хозяин соблаговолит опереться на мое плечо, ему будет легче плыть.

Я схватил за руку верного Конселя.

— Это ты? — воскликнул я. — Это ты?

— Да, это я, — ответил Консель. — Всегда готов к услугам хозяина.

— Значит, толчок сбросил тебя в море так же, как и меня?

— Нет. Но, состоя на службе у господина профессора, я счел своим долгом последовать за ним.

Славному малому этот поступок казался естественным!

— А фрегат?

— Фрегат? — переспросил Консель, поворачиваясь на спину. — Мне кажется, что хозяину лучше было бы не рассчитывать на его помощь.

— Почему?

— Потому что в ту минуту, когда я бросился в воду, вахтенный матрос крикнул: «Винт и руль сломаны!»

— Сломаны?

— Да, сломаны зубом чудовища. Кажется, «Авраам Линкольн» отделался только этой аварией. Но, к нашему огорчению, он потерял способность управляться.

— Значит, мы погибли?

— Возможно, — спокойно ответил Консель. — Однако в нашем распоряжении есть еще несколько часов, а за несколько часов можно многое сделать.

Невозмутимое хладнокровие Конселя ободрило меня. Я поплыл более энергично. Но одежда попрежнему стесняла движения и мешала держаться на поверхности.

Консель заметил это.

— Прошу у хозяина позволения разрезать на нем платье, — сказал он.

И он ножом вспорол на мне одежду сверху донизу, в то время как я поддерживал его на поверхности.

В свою очередь, я оказал такую же услугу Конселю. После этого мы снова поплыли рядом.

Но положение не стало от этого менее отчаянным. Наше исчезновение могло пройти незамеченным; да если бы даже его и заметили, фрегат все равно не мог, потеряв руль и винт, пойти за нами против ветра. Следовательно, мы могли надеяться только на то, что капитан Фарагут пошлет за нами шлюпки.

Придя к этому заключению, мы решили держаться на поверхности, сколько будет возможно. Чтобы не расходовать одновременно силы, мы решили поступать так: в то время как один из нас, скрестив руки, будет отдыхать, лежа на спине, другой будет плыть вперед и подталкивать лежащего. Каждые десять минут мы должны были сменяться. Таким образом мы могли удержаться на поверхности воды в течение нескольких часов, быть может даже до восхода солнца.

Какая слабая надежда на спасение! Но ведь человеку свойственно надеяться даже тогда, когда его положение безнадежно.

Столкновение фрегата с нарвалом произошло около одиннадцати часов вечера. Следовательно, до наступления дня нам надо было продержаться на воде около восьми часов. Это было вполне возможно.

Море было спокойно, волн не было. Время от времени я пытался разглядеть что-нибудь в кромешной тьме, но кругом все было пустынно, и только светилась фосфорическим блеском потревоженная нашими движениями вода.

Однако около часу ночи я почувствовал смертельную усталость. Сильные судороги сводили мои руки и ноги.

Конселю пришлось одному заботиться о нашем спасении. Скоро бедный малый стал часто и тяжело дышать — я понял, что он недолго продержится.

— Оставь меня! Оставь меня! — сказал я ему.

— Покинуть хозяина? Никогда! — ответил мой преданный слуга. — Я твердо рассчитываю утонуть раньше, чем он.

В эту минуту из просвета в темной туче, увлекаемой ветром к востоку, выглянула луна. Поверхность океана заискрилась под ее лучами. Этот благодетельный свет вернул мне силы. Я поднял голову и обвел глазами горизонт.

Я увидел фрегат — он был в пяти милях от нас. На таком расстоянии он казался едва заметной точкой. Ни одной шлюпки не было в виду.

Мне хотелось позвать на помощь, но мои распухшие губы не могли издать ни звука.

Консель закричал:

— Помогите! Помогите!

Остановившись на секунду, мы прислушались. Что это, шум в ушах от прилива крови к голове или действительно донесся ответный крик?

— Ты слышал? — прошептал я.

— Да, да!

И Консель снова бросил в пространство отчаянный зов.

Теперь — никакого сомнения! Человеческий голос ответил на крик Конселя!

Был ли это голос какого-нибудь несчастного, затерянного, как и мы, в безбрежном океане, голос еще одной жертвы толчка, испытанного кораблем? Или, быть может, нас окликали с невидимой во тьме шлюпки?

Консель сделал огромное усилие и, опершись на мое плечо, наполовину высунулся из воды; но тотчас же, обессиленный, он плашмя упал на воду.

— Что ты увидел?

— Я увидел... — прошептал он, — я увидел... Но лучше помолчим, сбережем силы...

Что же он увидел? Не знаю почему, но в эту минуту мне пришла в голову мысль о чудовище...

Между тем Консель продолжал подталкивать меня вперед. Время от времени он поднимал голову и кого-то окликал. Ему тотчас же отвечал чей-то голос.

Но я уже плохо слышал. Мои силы исчерпались до конца; пальцы безвольно разжались; ладонь не служила больше точкой опоры; судорожно раскрытый рот заполнила соленая вода; холод пронизал меня до костей. Я поднял голову в последний раз, чтобы попрощаться с жизнью...

В эту секунду я натолкнулся на какое-то твердое тело. Я уцепился за него. Потом почувствовал, что меня вытаскивают из воды, что грудь моя свободно дышит, и... потерял сознание.

Очевидно, я скоро пришел в себя благодаря энергичному растиранию.

Я полуоткрыл глаза.

— Консель! — прошептал я.

— Хозяин звал меня? — тотчас же откликнулся верный слуга.

В этот миг при свете последних лучей луны, опускавшейся за горизонт, я увидел другое хорошо знакомое мне лицо.

— Нед Ленд! — воскликнул я.

— Совершенно верно, господин профессор. Как видите, гонюсь за своей премией, — ответил канадец.

— Вас выбросило в море при толчке?

— Да, господин профессор, только мне больше повезло, чем вам, — я почти сразу выбрался на пловучий островок.

— Островок?

— Да. Или — чтобы быть точным — на вашего гигантского нарвала.

— Говорите ясней, Нед!

— И тут только, — продолжал канадец, — я понял, почему мой гарпун не мог пробить его кожу, а только скользнул по ней.

— Почему, Нед, почему?

— А потому, господин профессор, что это животное заковано в стальную броню!

Слова канадца произвели внезапный переворот в моих мыслях.

Я быстро встал и выпрямился на спине у полупогруженного в воду существа или предмета, на котором мы нашли убежище.

Топнув ногой, я убедился, что спина эта была непроницаемой и твердой, а не упругой, каким бывает тело крупных млекопитающих.

Я подумал было, что мы находимся на костистом черепе, сходном с черепами допотопных животных. Тогда мне пришлось бы отнести чудовище к разряду пресмыкающихся, как черепахи или аллигаторы.

Но нет, черная спина, на которой я стоял, была гладкой и полированной, а не чешуйчатой. При ударе она издавала металлический звук и производила впечатление склепанной из стальных листов.

Нельзя было сомневаться: животное, чудовище, живой феномен, тайна которого волновала весь научный мир и потрясала воображение моряков обоих полушарий, оказался — приходилось поверить очевидности — еще более удивительным феноменом, феноменом, созданным рукой человека!

Если бы мне удалось открыть существование самого баснословного животного, я не был бы так удивлен и потрясен. Нет ничего удивительного в том, что природа творит чудеса. Но увидеть своими глазами нечто чудесное и сверхъестественное, созданное рукой человека, — от этого можно потерять рассудок.

И тем не менее сомневаться было нельзя. Мы нахо-

дились на поверхности своеобразного подводного корабля, имеющего, сколько я мог судить, форму огромной стальной рыбы. Мнение Неда Ленда на этот счет уже твердо установилось. Конселю и мне осталось только присоединиться к нему.

— Но если это корабль, — сказал я, — то он должен иметь двигатель и всяческие механизмы, а следовательно, и людей для управления ими?

— Разумеется, — ответил гарпунщик, — хотя в продолжение тех трех часов, которые я провел на этом пловучем острове, я не заметил никаких признаков жизни.

— Корабль не двигался?

— Нет, профессор. Он качался на гребнях волн, но не трогался с места.

— Но мы-то хорошо знаем, что он может двигаться с большой скоростью. А так как, чтобы развить эту скорость, нужна машина и люди, управляющие ее работой, я считаю... что мы спасены.

— Гм! — промычал недоверчиво Нед Ленд.

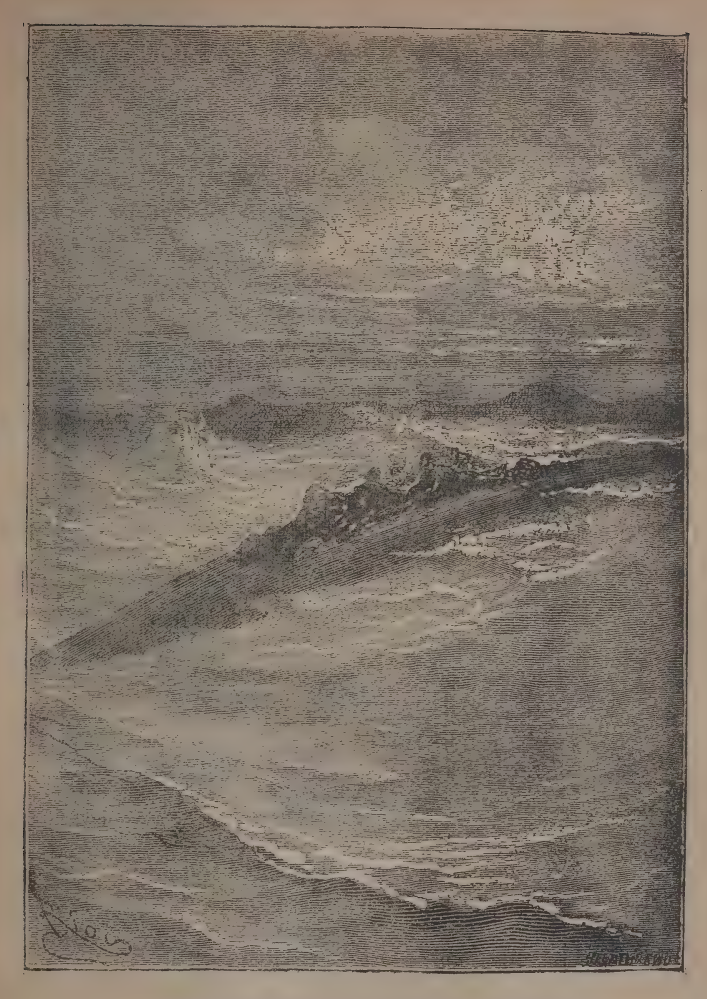
В этот момент, как бы в подтверждение моих слов, за кормой странного корабля раздалось какое-то клокотанье и он тронулся с места. Очевидно, он приводился в движение вращением лопастей гребного винта. Мы только-только успели уцепиться за небольшое возвышение, выступавшее на носу. К счастью, корабль плыл тихим ходом.

— Покамест он плывет по поверхности воды, — пробормотал Нед Ленд, — мне нечего возразить. Но если ему заблагорассудится нырнуть, я не дам и двух долларов за свою шкуру.

Канадец мог бы предложить за нее и того меньше. Очевидно, нам нужно было немедленно вступить в общение с людьми, находившимися внутри этого пловучего аппарата, кем бы они ни были.

Я стал искать на поверхности какой-нибудь люк,

Мы находились на подводном корабле.

отверстие. Но ряды заклепок, плотно пригнанных к краям стальной обшивки, были везде одинаковы.

Луна закатилась, и мы очутились в полнейшей темноте. Нужно было дождаться рассвета, чтобы попытаться проникнуть внутрь этого подводного корабля.

Итак, наша жизнь всецело зависела от каприза таинственных рулевых, направлявших корабль. Если им вздумается погрузиться в воду, мы пропали. Если же это не случится, я не сомневался, что нам удастся войти в сношения с людьми, составлявшими экипаж подводного корабля. И в самом деле, если только они сами не добывали себе кислород, время от времени они должны были возвращаться на поверхность океана для возобновления запасов воздуха. А отсюда следовало, что должно было существовать какое-нибудь отверстие, через которое воздух проникает внутрь корабля.

Корабль шел на запад с умеренной скоростью, не больше двенадцати миль в час. Лопасти винта регулярно били воду, по временам выбрасывая высоко в воздух фонтаны фосфоресцирующих брызг.

Около четырех часов утра скорость движения возросла. Нам стало трудно удерживаться на палубе корабля. К счастью, Нед нащупал рукой широкое кольцо, прикрепленное к обшивке, и нам удалось всем уцепиться за него.

Наконец эта бесконечная ночь миновала. Я не могу сейчас вспомнить все свои переживания, но одна подробность остро запечатлелась в моей памяти: временами, когда шум ветра́ и песни волн стихали, мне казалось, что я слышу звуки какой-то музыки, беглые аккорды, обрывки мелодии...

Какую тайну хранил этот подводный корабль?

Какие странные существа жили в нем? Какой двигатель позволял ему перемещаться с такой огромной скоростью?..

Рассвело. Утренний туман окутал нас. Но и он вскоре рассеялся.

Только что я хотел приступить к подробному осмотру выступавшей из воды части подводного судна, как вдруг оно стало медленно погружаться.

— Эй вы, дьяволы! — закричал Нед Ленд, изо всех сил стуча ногами по гулкому металлу. — Пустите же нас!..

Но голос его терялся среди оглушительного шума, производимого винтом. К счастью, корабль прекратил погружение.

Вдруг стук отодвигаемых засовов донесся изнутри судна. Открылась крышка люка, и из нее выглянул человек. Он крикнул что-то и мгновенно исчез. Через несколько минут из люка вышли восемь дюжих молодцов. Они молча повлекли нас внутрь загадочного корабля.

Глава восьмая

«ПОДВИЖНЫЙ В ПОДВИЖНОМ»

Эта операция была совершена с такой быстротой, что ни я, ни мои товарищи не успели обменяться даже словом. Не знаю, что они почувствовали, когда их втаскивали в пловучую тюрьму, но у меня при этом мороз пробежал по коже.

С кем мы имели дело? Несомненно, с какими-то пиратами новейшей формации!

Как только узкая крышка люка закрылась за нами, мы очутились в полнейшей темноте. Мои глаза, привыкшие к яркому свету дня, ничего не различали вокруг.

Нед Ленд и Консель, также окруженные стражей, следовали за мной.

У подножья трапа находилась дверь. Она пропустила нас и тотчас же звонко захлопнулась.

Мы были одни. Где? Этого я не мог сказать и даже не мог себе представить.

Кругом было темно, настолько темно, что даже после долгого пребывания во мраке мои глаза не уловили ни малейшего проблеска света.

Между тем Нед Ленд, возмущенный таким грубым обращением, дал волю своему негодованию.

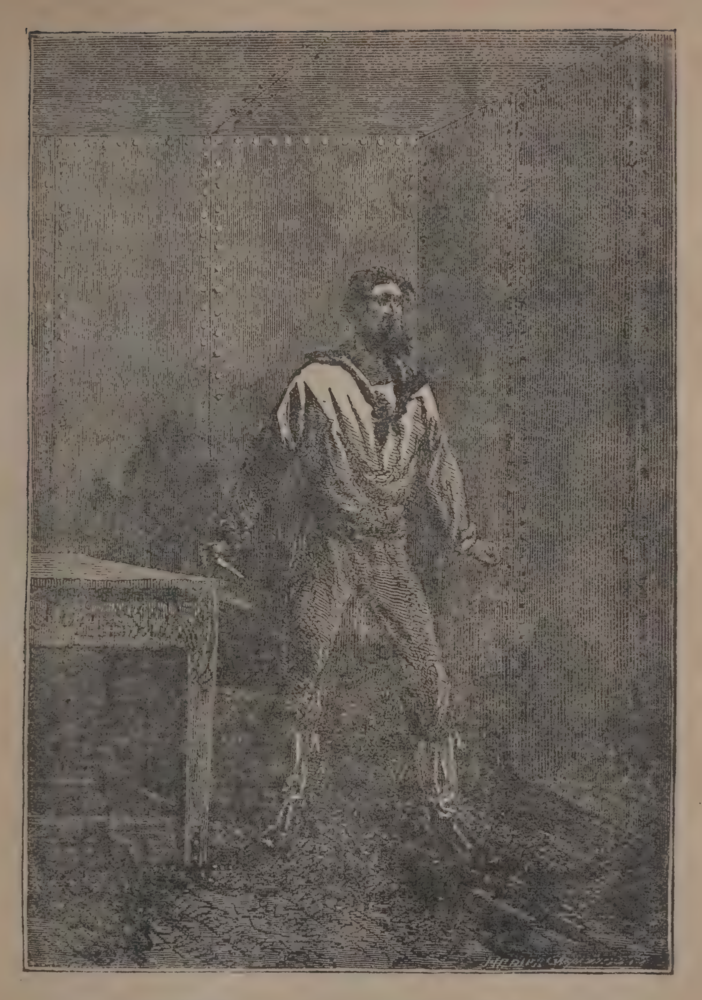
— Тысяча чертей! — вскричал он. — Эти люди хуже самых диких из каледонских дикарей! Недостает только одного: чтобы они оказались людоедами! Меня это нисколько не удивит... Но я заранее заявляю, что добровольно на съедение не дамся.

— Успокойтесь, Нед, успокойтесь, — невозмутимо сказал Консель. — Не стоит горячиться раньше времени. Пока что мы еще не на сковородке.

— Согласен, мы еще не на сковородке, — ответил канадец, — но в печке — это уж наверняка! Здесь достаточно темно. К счастью, нож при мне, а для того чтобы пустить его в ход, мне не нужно много света. Первый из этих бандитов, который прикоснется ко мне...

— Нед, не шумите, — сказал я гарпунщику, — и не отягчайте нашего положения... Кто знает, может быть нас подслушивают. Лучше попробуем выяснить, где мы находимся.

Я осторожно сделал несколько шагов и уперся в стену, обитую листовым железом. Пройдя вдоль стены, я наткнулся на деревянный стол, вокруг которого стояло несколько табуреток. Пол нашей тюрьмы был устлан плотной цыновкой, заглушавшей шаги. В голых стенах я не нашел ни окна, ни двери. Консель, отправившийся вдоль стены в противоположную сторону, столкнулся со мной, и мы вместе вернулись на середину каюты, имевшей двадцать футов в длину и десять в ширину.

Нед Ленд стоял в оборонительной позе.

Высоты ее мы определить не могли, так как даже Нед Ленд, несмотря на свой высокий рост, не мог дотянуться до потолка.

Прошло около получаса, а наше положение оставалось прежним. Но вдруг наша тюрьма осветилась. По яркости и белизне света я узнал электричество — то самое, которое словно фосфоресцирующим ореолом окружало подводный корабль.

В первую секунду я невольно зажмурил глаза. Снова открыв их, я увидел, что свет струится из матового полушария, прикрепленного к потолку.

— Наконец-то все видно! — воскликнул Нед.

Он стоял в оборонительной позе, стиснув нож в руке.

— Да, — ответил я шутливо, — не видно только, что с нами будет.

— Советую хозяину запастись терпением, — сказал Консель.

При ярком свете мы могли осмотреть как следует свою тюрьму. Единственной ее мебелью служили стол и пять табуреток. Потайная дверь была герметически закрыта — следов ее я не обнаружил. Никакой шум не доходил до наших ушей. Казалось, на корабле все вымерли. Я не мог определить, стоим ли мы на одном месте, движемся ли, погрузились ли под воду или попрежнему продолжаем плыть по поверхности...

Но ясно было, что электрическая лампа была зажжена с какой-то целью. Я не сомневался, что кто-нибудь из состава команды не замедлит появиться, — люди не станут напрасно освещать темницу.

Я не ошибся. Вскоре послышался шум отодвигаемых засовов, дверь открылась, и в каюту вошли два человека.

Один из них был маленького роста, мускулистый, широкоплечий, с большой головой, густыми всклокоченными черными волосами, длинными усами и проницательным

взглядом. В его облике была та южная подвижность и живость, которые во Франции отличают провансальцев.

Второй неизвестный, человек высокого роста, заслуживает более подробного описания. Ученик великих физиономистов — Грасиоле или Энгеля — определил бы по его лицу, как по книге, весь его характер. Я не колеблясь определил важнейшие свойства его: уверенность в себе — голова его гордо была поднята и черные глаза глядели с холодной решимостью; спокойствие — бледность его кожи говорила о хладнокровии; энергия — на это указывали быстрые сокращения надбровных мышц; наконец, смелость — об этом свидетельствовало его мощное дыхание, обнаруживавшее также большой запас жизненной силы. Добавлю, что человек этот был гордым, что его спокойный и твердый взгляд отражал благородство мыслей и что в целом облик его производил впечатление большой искренности.

Как только он вошел, я сразу почувствовал, что можно не беспокоиться о нашей участи и что свидание с ним кончится для нас благоприятно.

Этому человеку можно было дать от тридцати пяти до пятидесяти лет — точнее определить его возраст я не мог. У него был большой лоб, прямой нос, резко очерченный рот, великолепные зубы, тонкие, красивой формы руки. В общем, он являл собой самый совершенный образец мужской красоты, какой мне когда-либо приходилось встречать.

Отмечу еще одну своеобразную отличительную черту его лица: широко расставленные глаза могли охватить одним взглядом целую четверть горизонта. Это свойство, как я узнал позже, сочеталось с остротой зрения, еще большей, чем у Неда Ленда.

Когда этот незнакомец устремлял на кого-нибудь свой взор, его брови сдвигались, веки сближались, ограничивая поле зрения, и взгляд его пронизывал насквозь.

Какой взгляд! Он приближал отдаленные предметы, забирался в самые скрытые тайники мозга, проникал, как сквозь стекло, в водные толщи и читал, как по книге, жизнь морских глубин.

На обоих незнакомцах были шапочки из меха выдры, высокие морские сапоги из тюленьей кожи и костюмы из какой-то неизвестной мне ткани, удобные, не стеснявшие движений тела и красивые.

Более высокий — очевидно, начальник — посмотрел на нас с величайшим вниманием. Обернувшись затем к своему спутнику, он заговорил на неизвестном мне языке. Это был звучный, гибкий, певучий язык, богатый гласными звуками, со скачущими ударениями.

Тот ответил кивком головы и произнес, в свою очередь, два-три столь же непонятных слова.

Затем взгляд начальника обратился ко мне, как будто о чем-то вопрошая.

Я ответил на чистом французском языке, что не понимаю его вопроса. Но он, повидимому, не понял меня. Положение становилось затруднительным.

— Советую хозяину рассказать нашу историю; может быть, они все-таки поймут из нее хоть что-нибудь, — сказал Консель.

Я последовал этому совету и рассказал о наших приключениях, чеканя слова и не упуская ни одной подробности. Я перечислил наши имена и звания и в конце, с соблюдением всех правил этикета, представил незнакомцам профессора Аронакса, его слугу Конселя и заслуженного гарпунщика Неда Ленда.

Человек с задумчивыми и добрыми глазами слушал меня учтиво и внимательно. Но ни один мускул не дрогнул на его лице; ничто не выдавало, что он понял хоть одно из моих слов.

Оставалась еще возможность объясниться с ними по-английски. Я знал английский, так же как и немецкий,

В каюту вошли двое.

достаточно хорошо, чтобы читать без словаря, но не в такой мере, чтобы объясняться. Между тем здесь надо было стараться говорить как можно лучше.

— Теперь ваша очередь, — сказал я гарпунщику. — Начинайте, Нед! Вытащите из вашей памяти самый изысканный английский язык и постарайтесь добиться лучшего результата, чем я.

Нед не заставил дважды просить себя и повторил по-английски мой рассказ. Вернее, он передал сущность его, но совершенно изменил форму.

Канадец говорил с большим жаром. Он резко протестовал против совершенного над нами насилия, противоречащего, говорил он, человеческим правам; он спрашивал, в силу какого закона нас заключили в эту камеру; он грозил судебным преследованием тем, кто лишил нас свободы; жестикулировал, кричал и в конце концов выразительным жестом дал понять, что мы умираем с голоду.

Это было совершенно верно, но мы об этом почти забыли.

К своему величайшему удивлению, гарпунщик убедился, что его речь так же мало была понята, как и моя. Наши посетители не моргнули и глазом. Очевидно, они знали язык Фарадея не больше, чем язык Араго[1].

Смущенный неудачей, исчерпав свои филологические ресурсы, я не знал, что делать дальше, когда Консель обратился ко мне:

— Если хозяин позволит, я расскажу то же самое по-немецки.

— Как, ты говоришь по-немецки? — вскричал я.

— Как всякий фламандец. Если только хозяин не имеет ничего против...

— Пожалуйста, Консель! Говори скорей!

---

[1] Фарадей — английский физик. Араго — французский физик и астроном.

И Консель совершенно спокойно в третий раз повторил рассказ о всех наших приключениях. Но, несмотря на изысканность оборотов и ораторские приемы рассказчика, немецкий язык также не имел успеха.

Наконец, прижатый к стене, я собрал в памяти обрывки школьных воспоминаний и начал тот же рассказ по-латыни. Цицерон[1] заткнул бы уши и выгнал меня на кухню, но все-таки я довел свою речь до конца.

Результат был такой же неудовлетворительный.

После неудачи этой последней попытки незнакомцы обменялись несколькими словами на своем непонятном языке и удалились, не ответив нам даже успокоительным жестом, который одинаков во всех странах и у всех народов.

Дверь закрылась за ними.

— Это подлость! — вскричал Нед Ленд, в двадцатый раз вскипая негодованием. — Как! С этими неучами говорят по-французски, по-английски, по-немецки, по-латыни, и ни один из них ни словом не отвечает!

— Успокойтесь, Нед, — сказал я взволнованному гарпунщику, — гневом делу не поможешь.

— Но вы понимаете, профессор, — ответил раздраженный канадец, — что мы тут сдохнем с голоду, в этой железной клетке!

— О, — с философским спокойствием возразил Консель, — еще не так скоро.

— Друзья мои, — сказал я, — не надо отчаиваться. Мы прошли и через худшие испытания. Не спешите осуждать капитана и экипаж этого корабля. Мы успеем еще составить себе о них мнение.

— Мое мнение уже сложилось окончательно, — заявил Нед Ленд: — это негодяи!

---

[1] Цицерон — древнеримский оратор и писатель (106—43 гг. до н. э.).

— Отлично. Но откуда они родом? — невозмутимо спросил Консель.

— Из страны негодяев!

— Милый Нед, эта страна недостаточно четко обозначена на географической карте, поэтому, признаюсь, мне трудно определить национальность этих людей. Можно только с уверенностью сказать, что они не англичане, не французы и не немцы. У меня сложилось впечатление, что начальник и его спутник родились в стране, расположенной под низкими градусами широты, — по внешности они похожи на южан. Но расовые особенности у них не настолько ярко выражены, чтобы можно было с уверенностью сказать, кто они — испанцы, турки, арабы или индусы. Язык их мне совершенно неизвестен.

— Вот как плохо не знать всех языков, — заметил Консель. — Насколько лучше было бы, если бы существовал один международный язык!

— Это ни к чему бы не привело, — возразил Нед Ленд. — Разве вы не видите, что у наших тюремщиков свой особый язык, придуманный для того, чтобы бесить честных людей, которым хочется есть? Во всех странах света понимают, что означают открытый рот, щелкающие зубы, движущиеся челюсти. В Квебеке, в Париже, на Паумоту, у антиподов [1] — всюду это обозначает одно и то же: я голоден, дайте мне поесть!

— О, — невозмутимо ответил Консель, — есть такие непонятливые люди...

В это время дверь раскрылась, и в комнату вошел стюард [2]. Он принес нам одежду — куртки и брюки, сделанные из какой-то неизвестной мне ткани.

Я поспешил одеться. Мои товарищи последовали моему примеру.

---

[1] Антиподы — обитатели взаимно противоположных точек земного шара.

[2] Стюард — слуга на корабле.

Тем временем стюард — немой, а может быть, и глухой — поставил на стол три прибора.

— Вот это дело! — сказал Консель. — Это приятное начало!

— Посмотрим, — пробурчал злопамятный гарпунщик. — Воображаю, чем здесь кормят! Тресковой печенью, окуньим филе и бифштексом из морской собаки?

— Мы это скоро узнаем, — ответил Консель.

Прикрытые серебряными колпаками блюда были симметрично расставлены на скатерти.

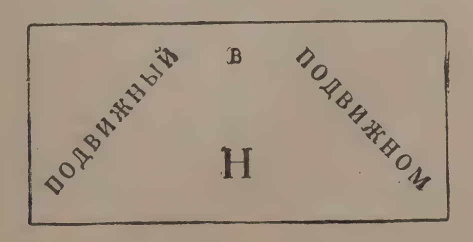
Мы уселись за стол. Несомненно, мы находились среди цивилизованных людей, и если бы не электрическое освещение, можно было подумать, что мы в столовой отеля Адельфи в Ливерпуле или Гранд-отеля в Париже.

Впрочем, нужно отметить, что ни хлеба, ни вина не было вовсе.

Вода была свежей, прозрачной, но это была только вода, что весьма огорчило Неда.

Среди поданных нам кушаний я различил несколько отлично приготовленных рыбных блюд. Но зато об остальных блюдах я не мог сказать даже, к какому царству природы — растительному или животному — они принадлежат.

Обеденный сервиз был элегантен и красив. На каждой ложке, вилке, тарелке, салфетке и т. д. был выгравирован следующий девиз:

Подвижный в подвижной среде! Этот девиз вполне подходил к подводному кораблю. Буква «Н» была, очевидно, инициалом загадочного подводного капитана.

Нед Ленд и Консель не утруждали себя размышлениями. Они жадно ели, и я не замедлил последовать их примеру.

Теперь я был спокоен за нашу участь. Я не сомневался, что хозяева не станут морить нас голодом.

Но все на этом свете проходит, даже голод людей, не евших в течение пятнадцати часов. Насытившись, мы почувствовали неодолимую тягу ко сну. Это была естественная реакция после долгой ночной борьбы со смертью.

— Право, я охотно соснул бы, — сказал Консель.

— Я уже сплю, — ответил Нед Ленд.

И оба мои спутника растянулись на устилавших пол каюты цыновках и мгновенно погрузились в глубокий сон.

Я не мог заснуть так легко, как они. Слишком много мыслей теснилось в моем мозгу, слишком много неразрешенных проблем волновало меня, слишком много образов мелькало передо мною. И глаза мои еще долго оставались открытыми.

Где мы находились? Какая странная сила увлекала нас?

Я чувствовал — вернее, мне казалось, что я чувствую, — как корабль погружается в бездну.

Кошмары преследовали меня. Предо мной мелькали в этих таинственных глубинах сонмы неизвестных животных, в чем-то родственных этому подводному кораблю, таких же огромных, таких же подвижных, таких же сильных, как и он.

Но вскоре образы потускнели, мозг погрузился в туман дремоты, и я заснул.

Глава девятая

НЕД ЛЕНД ВОЗМУЩЕН

Не знаю, сколько времени продолжался мой сон. Но, очевидно, он был очень долгим, так как, проснувшись, я почувствовал себя совершенно свежим и бодрым.

Я очнулся первым. Мои товарищи еще крепко спали.

Поднявшись со своего достаточно жесткого ложа с сознанием, что мозг отдохнул и снова обрел способность точно и отчетливо работать, я прежде всего занялся внимательнейшим исследованием нашей каюты.

Ничто не изменилось в ней за время нашего сна. Тюрьма осталась тюрьмой, а заключенные — заключенными. Только стюард успел убрать со стола остатки обеда. Ничто, таким образом, не предвещало скорого изменения нашей судьбы, и я тревожно спрашивал себя, не обречены ли мы на вечное заключение в этой клетке.

Эта перспектива показалась мне тем более удручающей, что хотя мой мозг и освободился от вчерашних кошмаров, но что-то сдавливало мне грудь. Дышать было трудно. Спертый воздух мешал нормальной работе легких.

Несмотря на то что каюта была достаточно просторной, мы, повидимому, поглотили бо́льшую часть содержащегося в ее воздухе кислорода.

Действительно, человек расходует на дыхание в час такое количество кислорода, какое заключается в ста литрах воздуха. И этот воздух, насыщаясь выдыхаемой углекислотой, становится негодным для дыхания.

Таким образом, нужно было обновить воздух в нашей тюрьме, а может быть, и во всем подводном корабле.

Тут возник первый вопрос: как поступает в этом случае командир подводного корабля? Получает ли он кис-

лород химическим путем, то-есть путем прокаливания бертолетовой соли? В таком случае он, очевидно, должен поддерживать связь с сушей, чтобы возобновлять запасы этой соли. Довольствуется ли он тем, что сгущает воздух в специальных резервуарах и потом расходует его по мере надобности? Возможно, что и так. Или, экономии ради, он попросту поднимается на поверхность каждые двадцать четыре часа за новым запасом воздуха?

Но каким бы из этих способов он ни пользовался, давно, по-моему, настала пора применить его, и без промедления!

Я вынужден был уже дышать вдвое чаще, чтобы получить то количество кислорода, которое необходимо легким, как вдруг в каюту ворвалась струя свежего воздуха, пахнущего солью. Это был морской воздух, освежающий, напоенный иодом.

Я широко раскрыл рот и жадно ловил животворящую струю. В ту же минуту стала заметной качка, не сильная, правда, но достаточно чувствительная.

Подводный корабль, железное чудовище, очевидно, поднялся, как кит, на поверхность океана, чтобы подышать свежим воздухом...

Способ вентиляции, принятый на судне, таким образом, был точно установлен.

Надышавшись вволю, я стал искать глазами вентиляционное отверстие, «воздухопровод», если угодно, через который добрался к нам живительный газ, и без труда нашел его. Над дверью находилась решетка, через которую в каюту врывалась струя воздуха.

Едва успел я сделать это наблюдение, как Нед и Консель почти одновременно проснулись. Они протерли глаза, потянулись и вскочили на ноги.

— Как почивал хозяин? — спросил Консель с своей обычной учтивостью.

— Отлично, мой милый, — ответил я. — А вы, Нед?

— Спал, как убитый, господин профессор. Но что это? Мне кажется, тут пахнет морем.

Я рассказал канадцу, что произошло во время его сна.

— Так, — сказал он, — это отлично объясняет странное мычанье, которое мы слышали, когда «нарвал» был в виду «Авраама Линкольна».

— Вы правы, Нед. Он «дышал».

— Знаете, господин профессор, я никак не могу сообразить, который теперь час. Не пора ли нам обедать?

— Не пора ли обедать? Вы хотели, верно, спросить про завтрак, Нед, ибо совершенно ясно, что мы проспали и день и ночь.

— Не стану с вами спорить, — ответил Нед Ленд, — но я с распростертыми объятиями встречу стюарда, что бы он ни принес — завтрак или обед.

— Особенно, если он принесет и то и другое вместе! — добавил Консель.

— Правильно, — сказал канадец, — мы имеем право и на то и на другое, и, с своей стороны, я непрочь был бы оказать честь и завтраку и обеду вместе.

— Что ж, Нед, подождем, — сказал я. — Ясно, что эти люди не собираются уморить нас голодом, иначе им не было бы смысла присылать нам вчера обед.

— А может быть, они, наоборот, хотят откормить нас на убой? — возразил Нед.

— Нед, будьте справедливы! Не думаете же вы в самом деле, что мы попали в лапы людоедов?

— Один раз — это не в счет, — серьезно ответил канадец. — Кто знает, может быть эти люди давно не ели свежего мяса... А в таком случае трое здоровых, хорошо сложенных и упитанных людей, как господин профессор, Консель и ваш покорный слуга...

— Перестаньте, Нед! — оборвал я гарпунщика. — Выбросьте из головы эти мысли. А главное, не вздумайте так разговаривать с нашими хозяевами — это только ухудшит наше положение.

— Как бы там ни было, — сказал Нед Ленд, — но я голоден, как собака, а завтрака или обеда нам все еще не приносят.

— Дорогой Нед, нам надо подчиняться существующему здесь распорядку. Я думаю, что наши желудки слишком спешат по сравнению с часами кока [1].

— Что ж, переведем стрелки наших желудков, и все будет в порядке, — спокойно сказал Консель.

— Узнаю вас, Консель! — воскликнул нетерпеливый канадец. — Вы, как всегда, бережете свои нервы. Вот завидное спокойствие! Вы способны скорее умереть с голоду, чем пожаловаться.

— К чему жаловаться? Это все равно не поможет.

— Как так — не поможет? Да ведь уже сама по себе жалоба приносит какое-то облегчение! Но если эти пираты — я называю их пиратами только из уважения к господину профессору, который запрещает называть их людоедами, — если, говорю, эти пираты думают, что я молча позволю держать себя в этой каморке, где я задыхаюсь, и не познакомлю их даже со своим репертуаром ругательств, то они жестоко ошибаются! Послушайте, господин профессор, скажите откровенно, как по-вашему: долго они продержат нас в этой клетке?

— По правде сказать, Нед, я знаю об этом столько же, сколько и вы.

— Но что вы об этом думаете?

— Я думаю, что мы случайно узнали важную тайну. Если экипаж подводного корабля заинтересован в сохранении этой тайны и этот интерес важнее, чем жизнь трех человек, тогда нам угрожает серьезная опасность.

[1] Кок — корабельный повар.

В противном случае, при первой возможности чудовище возвратит нас в мир, населенный такими же людьми, как и мы.

— Или зачислит нас в судовую команду, — добавил Консель, — и оставит здесь...

— ...до тех пор, — докончил его фразу Нед Ленд, — пока другой фрегат, более быстроходный и более удачливый, чем «Авраам Линкольн», не захватит это пиратское гнездо и не вздернет весь его экипаж и нас в том числе на самую верхушку своей грот-мачты!

— Резонное замечание, Нед, — сказал я. — Но, сколько мне известно, пока еще никто не делал нам предложения вступить в состав команды этого подводного корабля. Поэтому не стоит обсуждать, как нам держаться в таком случае. Повторяю, запасемся терпением, будем ждать, а когда наступит пора действовать, поступим, сообразуясь с обстоятельствами; пока же ничего не будем делать, так как делать-то нам все равно нечего.

— Напротив, — возразил упрямый гарпунщик, не желая сдаваться, — необходимо что-то делать!

— Но что же, Нед?

— Спасаться!

— Бежать из земной тюрьмы чрезвычайно трудно, спастись же из подводной — совершенно невозможно, — сказал я.

— Ну, друг Нед, — спросил Консель, — что вы ответите на замечание хозяина?

Гарпунщик растерянно молчал. Бегство при тех условиях, в которых мы находились, было действительно невозможно. Но канадец ведь наполовину француз. И Нед Ленд превосходно доказал это своим ответом.

— Господин профессор, — сказал он после нескольких минут раздумья, — вы не знаете, что должны делать люди, которые не могут бежать из тюрьмы?

— Нет, друг мой.

— Но ведь это очень просто! Они устраиваются в тюрьме так, чтобы в ней приятно было оставаться...

— Еще бы! — сказал Консель. — Лучше уж быть внутри подводной тюрьмы, чем под ней или над ней.

— Но предварительно выбрасывают оттуда тюремщиков, привратников и сторожей, — добавил Нед Ленд.

— Да что вы, Нед! Неужели вы серьезно думаете завладеть этим судном?

— Вполне серьезно, — ответил канадец.

— Это невозможно.

— Почему же, профессор? Это возможно, если представится удобный случай. И я не вижу причины не воспользоваться им. На борту корабля, я думаю, не более двадцати человек. Такая горсточка людей не может устрашить нас!

Благоразумнее было обойти молчанием предложение гарпунщика, чем вступать с ним в спор. Поэтому я ограничился тем, что сказал:

— Подождем такого случая, Нед, и тогда мы посмотрим. Но до тех пор прошу вас сдерживать свое нетерпение. Такой план можно осуществить только хитростью, а ваша вспыльчивость меньше всего способствует приближению удобного случая. Обещайте мне терпеливо и без гнева дожидаться его.

— Я обещаю вам это, господин профессор, — ответил Нед Ленд не очень уверенным голосом. — Вы не услышите от меня ни одного грубого слова, не увидите ни одного резкого жеста, даже если кушанье не будет подаваться нам со всей желаемой аккуратностью.

— Помните же ваше слово, Нед, — ответил я канадцу.

Разговор на этом прекратился, и каждый из нас отдался своим мыслям. Должен сознаться, что, несмотря на все уверения гарпунщика, я не обольщал себя ника-

кими надеждами. Я не верил в счастливую случайность, о которой говорил Нед Ленд. Несомненно, подводное судно имело многочисленный экипаж, и, следовательно, в случае борьбы нам пришлось бы столкнуться с очень сильным противником.

Впрочем, для того чтобы привести в исполнение план Неда Ленда, нам прежде всего нужна была свобода, а мы были пленниками. Я не представлял себе, каким образом мы освободимся из этой железной, герметически закупоренной клетки. Ведь если странный капитан подводного судна хранит какую-то тайну — а это казалось весьма вероятным, — то ясно, что он не позволит нам беспрепятственно ходить по своему судну.

Нельзя было предвидеть, как он поступит с нами: пожелает ли он немедленно избавиться от нас или, продержав нас взаперти много лет, высадит на какой-нибудь необитаемый клочок земли. Мы находились всецело в его власти, и все эти предположения казались мне очень правдоподобными. Надо было обладать характером Неда Ленда, чтобы надеяться завоевать свободу при таких условиях. Я понимал, впрочем, что чем больше Нед Ленд будет размышлять, тем больше он будет раздражаться. Я чувствовал уже, что в его глотке застряли проклятия, и видел, что его жесты становятся все более угрожающими. Он бегал взад и вперед, как дикий зверь по клетке, и колотил в стены ногами и кулаками.

Между тем время шло, голод жестоко давал о себе знать, а стюард все не показывался. Это невнимание к потерпевшим крушение не предвещало ничего хорошего.

Неда Ленда мучили спазмы голода, и он все больше и больше выходил из себя. Несмотря на его обещание сдерживать свои порывы, я опасался настоящего взрыва с его стороны при появлении кого-нибудь из команды.

В продолжение следующих двух часов гнев Неда

Ленда все время нарастал. Канадец звал, кричал, но тщетно: железные стены были глухи. Я не слышал ни малейшего шума в глубине этого судна, которое казалось мертвым. Оно стояло на месте, иначе мы чувствовали бы дрожание корпуса от вращения винта. Погруженное в водную бездну, оно не принадлежало более земле. Эта гробовая тишина была ужасна.

Я боялся и думать о том, сколько времени может продлиться наше заключение в этой железной клетке.

Надежды, возникшие было у меня после свидания с капитаном судна, мало-помалу исчезли. Ласковый взгляд, открытое выражение лица, благородство осанки — все стерлось из моей памяти. Я представлял себе этого загадочного человека таким, каким он, очевидно, был: жестоким и безжалостным. Я представил себе его стоящим выше человечности, недоступным чувству жалости, непримиримым врагом людей, которым он поклялся в вечной ненависти.

Но неужели этот человек даст нам погибнуть от истощения в тесной тюрьме, во власти соблазнов, на которые толкает голод? Эта страшная мысль всецело завладела моим умом. Ужас охватил меня. Консель оставался спокоен, Нед распалялся все больше и больше.

В это мгновение за стеной послышался шум. Звуки шагов отдавались в металлических плитах. Засовы заскрипели. Дверь открылась, и появился стюард.

Прежде чем я успел помешать ему, канадец бросился на этого несчастного, повалил его на пол и схватил за горло. Стюард задыхался в его могучих руках.

Консель пытался вырвать из рук гарпунщика его жертву, я собрался уже помочь ему, как вдруг был пригвожден к месту словами, произнесенными по-французски:

— Успокойтесь, Ленд, и вы, господин профессор! Выслушайте меня!

Глава десятая

ЧЕЛОВЕК БЕЗДНЫ

Это говорил капитан корабля.

Нед Ленд мгновенно вскочил. Стюард, чуть живой, шатаясь, вышел из каюты по знаку своего хозяина. И такова была власть капитана, что человек этот ни единым жестом не проявил ненависти, которую, несомненно, должен был питать к канадцу. Я и Консель в изумлении ожидали развязки этой сцены.

Капитан, скрестив руки на груди, смотрел на нас с глубоким вниманием. Может быть, он не решался говорить? Или он жалел о произнесенных по-французски словах? Это было весьма вероятно.

Прошло несколько секунд в молчании, которое никто из нас не решился нарушить.

— Господа, — сказал наконец капитан, — я одинаково свободно говорю по-французски, по-английски, по-немецки и по-латыни. Следовательно, я мог ответить вам при первой же нашей встрече. Но мне хотелось сперва приглядеться к вам, поразмыслить. Все вы порознь рассказали мне о себе одно и то же — это совершенно убедило меня в том, что вы и есть те люди, за которых себя выдаете. Я знаю теперь, что случай свел меня с господином Пьером Аронаксом, профессором естественной истории Парижского музея, отправленным за границу с научной миссией, Конселем, его слугой, и канадцем Недом Лендом, гарпунщиком с фрегата «Авраам Линкольн», входящего в состав военного флота Соединенных Штатов Америки.

Я поклонился в знак согласия. Капитан не обращался ко мне с вопросом, следовательно и ответа не требовалось.

Этот человек объяснялся по-французски вполне правильно, без малейшего акцента. Его произношение было

безукоризненно, слова точны, легкость речи исключительна. И, несмотря на это, я не чувствовал в нем соотечественника.

Он продолжал свою речь:

— Без сомнения, господа, вы убеждены, что я несколько запоздал со своим вторым визитом. Но, узнав, кто вы такие, я должен был обдумать, как поступить с вами. Я долго колебался. Досадные обстоятельства столкнули вас со мной — человеком, который порвал со всем человечеством. Вы нарушили мое уединение...

— Невольно, — сказал я.

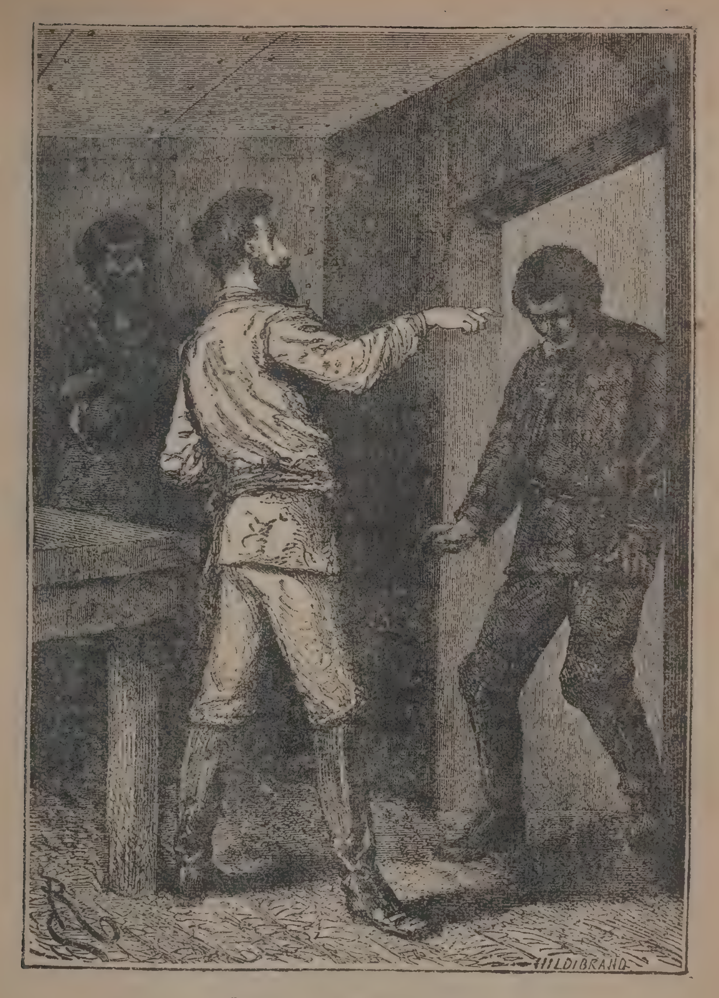
— Невольно? — повторил незнакомец, возвышая голос. — Разве «Авраам Линкольн» невольно охотился за мною по всем морям? Разве невольно предприняли вы плавание именно на этом фрегате? И ваши ядра невольно попали в корпус моего судна? А мистер Ленд тоже невольно метнул в меня гарпуном?

Я почувствовал в его словах сдерживаемое раздражение.

Но на все эти упреки у меня был совершенно естественный ответ.

— Сударь, — сказал я, — без сомнения, вам неизвестны споры, которые вы возбудили в Америке и в Европе. Вы не знаете, что ряд происшествий, вызванных столкновениями с вашим подводным судном, взволновал общественное мнение двух материков. Я избавлю вас от перечисления всех бесчисленных гипотез, которыми пытались объяснить эту загадку, ключ к которой известен только вам. Но знайте же, что, преследуя вас до самых отдаленных частей Тихого океана, «Авраам Линкольн» был уверен, что он охотится за каким-то могучим морским чудовищем, от которого он должен любой ценой освободить моря.

Что-то вроде улыбки промелькнуло на лице капитана. Он продолжал более спокойным тоном:

Стюард вышел шатаясь.

— Господин Аронакс, осмелитесь ли вы утверждать, что фрегат не стал бы преследовать и обстреливать подводное судно совершенно так же, как морское чудовище?

Этот вопрос смутил меня, ибо действительно капитан Фарагут не поколебался бы сделать это. Он считал бы своим долгом уничтожить подводный корабль так же, как и гигантского нарвала. Я ничего не ответил.

Капитан продолжал:

— Итак, вы понимаете, что я имею право обращаться с вами, как с врагами?

Я снова промолчал, и совершенно сознательно. К чему обсуждать подобный вопрос, когда сила может разрушить ваши лучшие доказательства?

— Я долго колебался, — продолжал капитан. — Ничто не обязывало меня быть гостеприимным. Если бы я решил избавиться от вас, мне не было бы никакого смысла видаться с вами еще раз. Я мог выбросить вас обратно на палубу этого судна, погрузиться в море и... забыть, что вы когда-либо существовали. Разве я не вправе был так поступить?

— Это было бы правом дикаря, но не культурного человека, — ответил я.

— Господин профессор, — живо возразил капитан, — я не знаю, что вы называете «правом культурного человека». Я порвал с обществом по причинам, о важности которых я один имею право судить. Я не повинуюсь законам этого общества, и я предлагаю вам никогда не упоминать о них при мне.

Это было сказано очень резко. Глаза неизвестного зажглись гневом и презрением. У меня мелькнула догадка, что прошлое этого человека таило нечто страшное. Недаром же он поставил себя выше человеческих законов и ушел за пределы досягаемости.

Кто посмеет преследовать его в глубине морей, когда

и на поверхности вод он легко подавляет малейшую попытку борьбы с собой? Какое судно устоит перед его подводным монитором? Какая броня окажется настолько прочной, чтобы устоять под ударами страшного бивня его корабля? Никто в мире не в силах потребовать у властелина вод отчета в его действиях.

Все это быстро пронеслось в моем мозгу, в то время как этот странный человек шагал по каюте, погруженный в свои думы.

Я смотрел на него со смешанным чувством интереса и ужаса.

После долгого молчания капитан снова заговорил.

— Итак, я колебался, — продолжал он, — но в конце концов пришел к выводу, что мои интересы можно совместить с естественной жалостью, на которую имеет право каждое человеческое существо. Вы останетесь на моем судне, раз уж случай забросил вас сюда. Вы будете свободны, и в обмен на эту свободу — весьма относительную, впрочем — я поставлю вам только одно условие. Ваше обещание подчиниться ему вполне меня удовлетворит.

— Говорите, капитан, — ответил я. — Надеюсь, условие ваше таково, что честный человек может принять его?

— Без сомнения! Вот оно: возможно, некоторые непредвиденные обстоятельства заставят меня держать вас иногда взаперти по нескольку часов, а может быть, и дней, — сейчас трудно сказать. Я не желаю ни при каких условиях прибегать к насилию и поэтому хочу заручиться вашим обещанием беспрекословно повиноваться мне в таких случаях. Предлагая вам это, я целиком снимаю с вас всякую ответственность за то, что может произойти, так как вы будете даже лишены возможности видеть то, чего вам не следует знать. Принимаете ли вы мое условие?

Следовательно, на борту подводного судна иногда разыгрывались события, которые не следовало даже видеть людям, не порвавшим с человеческими законами? Из всех неожиданностей, которые готовило мне будущее, эта, пожалуй, была одной из самых неприятных.

— Принимаем, — ответил я. — Только... разрешите задать один вопрос, капитан?

— Пожалуйста.

— Вы сказали, что мы будем свободны на борту вашего корабля?

— Да, совершенно.

— Я прошу объяснить, как это понимать?

— Вы можете ходить по всему судну, смотреть, наблюдать все, что здесь происходит, за редкими исключениями, — словом, пользоваться такой же точно свободой, как я сам и мои спутники.

Ясно было, что мы друг друга не поняли.

— Простите, капитан, — сказал я, — но ведь эта свобода — свобода узника, которому разрешается ходить по тюрьме. Мы не можем довольствоваться ею.

— И тем не менее вам придется ею довольствоваться.

— Как, мы навеки должны отказаться от возвращения на родину, к семьям, к друзьям?

— Да. Но отказаться от тяжести отвратительного гнета, который называется законами в вашем обществе и который люди в своем ослеплении принимают за свободу, — это не так уж мучительно, как вы думаете.

— Что касается меня, — воскликнул Нед Ленд, — то я никогда не дам обещания не пытаться бежать отсюда!

— Я и не прошу у вас его, Ленд, — холодно ответил капитан.

— Капитан, — вскричал я, не в силах сдержаться, — вы злоупотребляете своей властью над нами! Это жестокость!

— Нет, господа, это милосердие. Вы попали ко мне в плен после боя. Я дарую вам жизнь, хотя мог бы вышвырнуть вас в океан. Вы напали на меня! Вы завладели тайной, в которую не должен был проникнуть ни один человек, — тайною моего бытия! И вы думаете, что я позволю вам беспрепятственно вернуться на землю, где никто не должен и подозревать о моем существовании? Никогда! Задерживая вас на борту своего подводного корабля, я думаю не о ваших интересах, а о своих собственных.

В голосе капитана звучали такие нотки, что я понял бесцельность попыток переубедить его.

— Итак, капитан, вы попросту предлагаете нам выбор между пленом и смертью?

— Совершенно верно.

— Друзья мои, — обратился я к Конселю и Неду Ленду, — при такой постановке вопроса нам не о чем спорить. Но помните, что никакое обещание не связывает нас с хозяином этого судна.

— Никакое, — подтвердил капитан.

И более мягким тоном он продолжал:

— Теперь выслушайте еще несколько слов. Я знаю вас, господин Аронакс. Не поручусь за ваших товарищей, но вы лично не можете пожаловаться на случай, столкнувший вас со мной. Среди книг, которыми я постоянно пользуюсь, вы найдете и свой труд о тайнах морского дна. Я часто перечитываю его. Вы достигли в своей книге предела знаний, доступных земной науке. Но вы не все знаете, ибо вы мало видели. Позвольте заверить вас, что вы не пожалеете о времени, проведенном на этом борту. Вы совершите путешествие в страну чудес. Изумление, глубочайшее и восторженное удивление станут, вероятно, обычным состоянием вашего ума. Вы не скоро пресытитесь зрелищем, которое беспрерывно будет развертываться перед вашими глазами. Я решил

предпринять новое подводное кругосветное путешествие, быть может последнее — кто знает? — чтобы подвести итог всем наблюдениям, сделанным во время прежних путешествий. Вы будете помогать мне в этой работе. С сегодняшнего дня вы попадете в совершенно новый мир. Вы увидите то, чего не видел ни один человек — я и мои товарищи не идем в счет, — и наша планета раскроет перед вами свои последние тайны!

Не могу не признаться, что слова капитана произвели на меня огромное впечатление. Он задел самую чувствительную мою струнку, и я забыл на мгновение, что созерцание этих чудес не могло мне возместить утерянную свободу.

Впрочем, я рассчитывал в будущем найти еще случай вернуться к этому важному вопросу. Поэтому я ограничился таким ответом:

— Капитан, я надеюсь, что, порвав связь с человечеством, вы не отказались от человеческих чувств. Мы — потерпевшие крушение, которых вы милосердно приютили на своем корабле. Ни я, ни мои товарищи никогда не забудем этого. Признаюсь, лично меня возможность служить интересам науки до известной степени вознаграждает за утраченную свободу.

Я думал, что капитан протянет мне руку, чтобы скрепить наш договор. Но он не сделал этого. И я искренне пожалел его в душе.

— Еще один вопрос, — сказал я в тот момент, когда этот странный человек хотел уже уйти.

— Слушаю, господин профессор.

— Каким именем мы должны вас звать?

— Для вас я только капитан Немо[1], а вы сами и ваши спутники для меня только пассажиры «Наутилуса»[2].

---

[1] Немо — по-латыни «никто».

[2] Наутилус — по-латыни «кораблик».

Капитан Немо что-то крикнул. В каюту вошел стюард. Капитан отдал ему приказание на том же неизвестном мне языке.

Затем, повернувшись к канадцу и Конселю, он сказал:

— Вы будете завтракать в своей каюте. Прошу вас следовать за этим человеком.

— Не откажусь, — сказал гарпунщик.

Консель и он вышли из клетки, в которой мы провели в заключении почти тридцать часов.

— А теперь, профессор, очередь за нами. Завтрак ждет нас. Позвольте указать вам дорогу.

— К вашим услугам, капитан.

Я последовал за капитаном Немо. Мы вышли в освещенный электричеством коридор, похожий на обычные судовые коридоры, и, пройдя метров десять, остановились перед закрытой дверью.

Капитан Немо распахнул дверь и пропустил меня вперед.

Я очутился в столовой, обставленной и отделанной со строгим вкусом. Высокие дубовые поставцы, инкрустированные черным деревом, стояли в противоположных концах зала. На их полках сверкала и переливалась огнями хрустальная, фарфоровая, серебряная посуда художественной работы, не имеющая цены. Строгие тона облицовки стен смягчали нестерпимую яркость света, лившегося с потолка.

В середине зала стоял богато убранный стол.

Капитан Немо жестом указал мне место.

— Садитесь, — сказал он, — и кушайте. Вы, верно, умираете с голоду.

Я не заставил дважды просить себя.

На завтрак подали несколько рыбных кушаний и какие-то яства, приготовленные из неизвестных мне продуктов.

Все это было вкусно, но с каким-то привкусом, к которому, впрочем, легко было привыкнуть. Эти продукты показались мне богатыми фосфором, и я подумал, что они должны быть морского происхождения.

Капитан Немо пристально смотрел на меня. Я ни о чем не спрашивал его, но он сам поспешил ответить на незаданные вопросы, которые жгли мне язык.

— Большинство этих кушаний незнакомо вам, — сказал он. — Тем не менее вы можете есть без опаски. Все они здоровые и питательные. Я уже давно отказался от земных продуктов и чувствую себя, несмотря на это, превосходно. Да и весь мой экипаж, питающийся так же, как и я, пользуется завидным здоровьем.

— Значит, все эти яства — морские продукты?

— Да, профессор, море удовлетворяет все мои потребности. Иногда я забрасываю сети, и не было случая, чтобы они оставались пустыми. Иногда я отправляюсь на охоту в стихию, недоступную другим людям, и преследую «дичь», обитающую в моих подводных лесах. Мои стада, как стада старого пастуха Нептуна [1], спокойно пасутся в океанских прериях. Поместья мои бесконечно велики, и я один пользуюсь ими.

Я с удивлением посмотрел на капитана Немо и ответил ему:

— Я понимаю, капитан, что сети поставляют вам великолепную рыбу к столу. Я не знаю как, но все-таки допускаю, что вы можете охотиться за «дичью» в своих подводных лесах; но мне непонятно, откуда попадает к вам на стол мясо, как бы мало вы ни потребляли его.

— Но, — возразил капитан Немо, — я никогда не ем мяса наземных животных.

— А это? — спросил я, указывая на блюдо, на котором лежало несколько ломтей филея.

---

[1] Нептун — у древних римлян бог моря.

Мы завтракали в хорошо обставленной столовой.

— Это кушанье, которое вы приняли за мясо земного животного, есть не что иное, как филей морской черепахи. Вот соус из печени дельфина, который покажется вам похожим по вкусу на свиное рагу. Мой повар — мастер своего дела и не знает соперников в приготовлении блюд из морских рыб и животных. Вот консервы из ракушек, которые любой малаец признал бы лучшими в мире; вот крем, сливки для которого дало вымя кита, а сахар — водоросли Северного моря; наконец, вот варенье из анемонов.

Я пробовал все эти кушанья не из жадности, а из любопытства, как зачарованный слушая рассказы капитана Немо.

— Море, — продолжал он, — не только кормит меня, но и одевает. Ткань, из которой сшита ваша одежда, соткана из биссусов некоторых морских ракушек. Она окрашена пурпурной краской древних, а фиолетовый оттенок получен при помощи экстракта из средиземноморских моллюсков — аплизий. Духи, стоящие на туалетном столике отведенной вам каюты, — продукт сухой перегонки некоторых морских растений. Тюфяк на вашей постели сделан из лучших океанских трав. Перо, которым вы будете писать, сделано из китового уса, чернила — из выделений желез каракатицы. Все, чем я пользуюсь сейчас, поставляется морем, и все это когда-нибудь вернется к нему.

— Вы любите море, капитан?

— О да, я люблю его. Море — это все. Оно покрывает семь десятых земного шара. Его испарения свежи и живительны. В его огромной пустыне человек не чувствует себя одиноким, потому что все время ощущает дыхание жизни вокруг себя. В самом деле, ведь в море есть все три царства природы: минеральное, растительное и животное. Последнее насчитывает многочисленных предста-

вителей зоофитов[1], два класса членистоногих, пять классов моллюсков, три класса позвоночных, млекопитающих, пресмыкающихся и бесчисленное множество рыб. Этот огромный класс животных насчитывает свыше тринадцати тысяч разновидностей, из коих едва одна десятая часть живет в пресных водах. Море — обширный резервуар природы. Жизнь на земном шаре началась в море, и, кто знает, не в море ли она и окончится? В море — высшее спокойствие... Море не принадлежит деспотам. На его поверхности они еще могут сражаться, истреблять друг друга, повторять весь ужас жизни на суше. Но на глубине тридцати футов под водой их власть кончается. Ах, профессор, живите в глубине морей! Только здесь — полная независимость, только здесь человек поистине свободен, только здесь его никто не может угнетать!

Капитан Немо внезапно оборвал свою горячую речь. Не раскаивался ли он, что изменил своей обычной сдержанности? Не испугался ли, что сказал лишнее?

В продолжение нескольких минут он взволнованно шагал по столовой. Затем, совладав со своими нервами, придав своему лицу обычное выражение холодной величавости, он обратился ко мне со следующими словами:

— А теперь, профессор, если вам угодно осмотреть «Наутилус», я к вашим услугам.

Глава одиннадцатая

«НАУТИЛУС»

Капитан Немо направился к дверям. Я последовал за ним. Двустворчатая дверь в глубине столовой распахнулась, и мы вошли в соседнюю комнату. Это была библиотека. По размерам она не уступала столовой. В высоких,

[1] Зоофиты — животные-растения. Так называли раньше иглокожих, мшанок, кишечнополостных, губок и некоторых червей.

до самого потолка, шкафах из палисандрового дерева с бронзовой отделкой хранилось множество книг в одинаковых переплетах. Шкафы тянулись вдоль всех стен комнаты. Широкие, обитые коричневой кожей диваны манили к отдыху. Легкие передвижные пюпитры — подставки для книг — стояли возле диванов.

Середину комнаты занимал большой стол, заваленный грудой книг. Тут же лежало несколько выпусков старых газет.

Этот величественный зал освещался четырьмя электрическими полушариями, вделанными в потолок.

Я с восхищением осматривал это помещение, так комфортабельно и красиво обставленное.

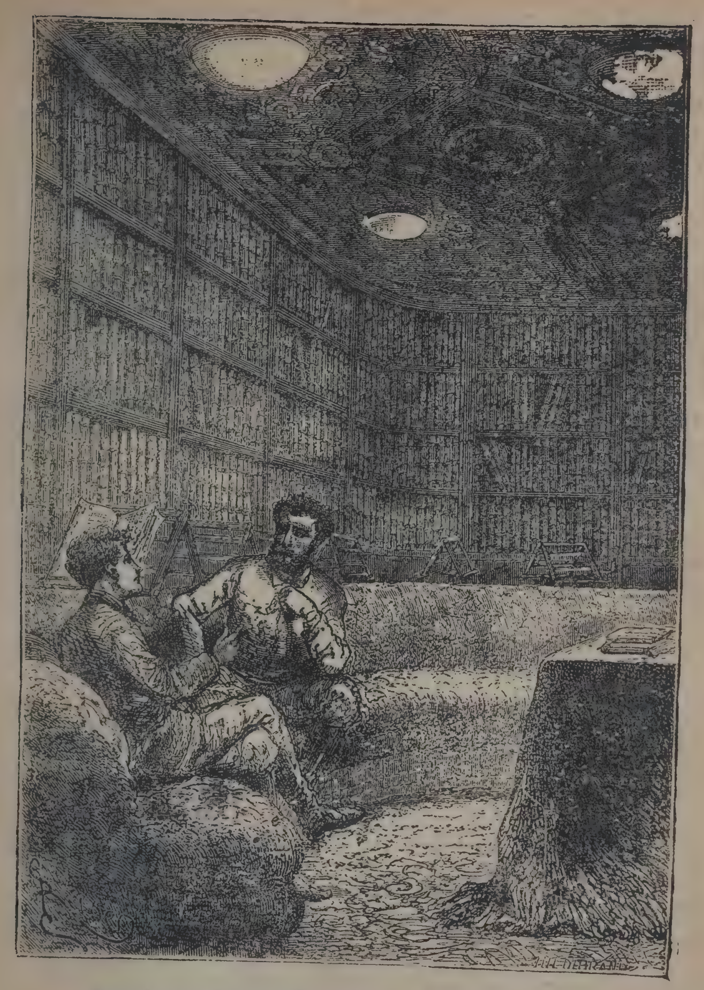
— Капитан Немо, — сказал я, — вот книгохранилище, которым гордился бы любой из дворцов на континенте. Я просто потрясен при мысли, что эта чудесная библиотека сопровождает вас на дно океанов!

— А где же вы найдете более благоприятные условия для работы, профессор? — возразил капитан. — Разве ваш кабинет в Парижском музее дает вам такой ничем не возмутимый покой?

— Нет, конечно... Я должен признаться, что он выглядит очень бедным по сравнению с этим залом. У вас здесь не меньше шести-семи тысяч книг?

— Двенадцать тысяч, господин Аронакс. Это единственное, что связывает меня с землей. Но свет перестал существовать для меня в тот день, когда «Наутилус» в первый раз погрузился в воду. В этот день я купил последние книги, последние брошюры и последние выпуски газет. С тех пор для меня человечество перестало думать, перестало писать. Книги эти, профессор, в полном вашем распоряжении — пользуйтесь ими, когда и как вам угодно.

Поблагодарив капитана Немо, я подошел к библиотечным полкам. Я нашел там книги на всех языках по

Вдоль стен стояли высокие шкафы с книгами.

различным отраслям точных наук, по философии, по литературе.

Мне бросилось в глаза любопытное обстоятельство: все книги стояли в алфавитном порядке, независимо от того, на каком языке они написаны. Это свидетельствовало о том, что капитан Немо одинаково свободно владел всеми языками.

В библиотеке я увидел произведения старинных и современных авторов — все то лучшее, что создано человеческим гением и в области науки, и в художественной прозе, и в поэзии: от Гомера до Виктора Гюго, от Ксенофонта до Мишле, от Рабле до Жорж Занд. Но научные книги все-таки преобладали в этой библиотеке; книги по механике, баллистике [1], гидрологии [2], метеорологии, географии, геологии и т. д. занимали не меньше места, чем труды по естественной истории, которая, как я понял, являлась главным предметом научных занятий капитана Немо. На полках стояли: полный Гумбольдт, полный Араго, работы Фуко, Анри Сен-Клер-Девиля, Шасля, Мильн-Эдвардса, Катрфажа, Тиндаля, Фарадея, Бертелло, аббата Секки, Петерманна, Мори, Агассица, «Ежегодники» академий, бюллетени различных географических обществ и т. д., и тут же рядом, в этом почетном обществе, находились те два тома, которым, быть может, я был обязан гостеприимством капитана. Книга Жозефа Бертрана «Основы астрономии» позволила мне установить одну дату: я знал, что эта книга вышла в свет в середине 1865 года; следовательно, «Наутилус» был спущен на воду не раньше этого времени.

Итак, капитан Немо стал подводным странником не больше трех лет тому назад!

---

[1] Баллистика — наука, изучающая законы полета артиллерийских снарядов.

[2] Гидрология — наука, изучающая физические свойства водной оболочки земного шара (океанов, морей, озер и рек).

Я подумал, что если удастся обнаружить более свежие книги, можно будет определить дату спуска подводного судна еще более точно. Но у меня впереди было достаточно времени для этих изысканий, а пока что мне не хотелось откладывать знакомство с чудесами «Наутилуса».

— Благодарю вас, капитан, за разрешение пользоваться вашей библиотекой. Это настоящая сокровищница науки, и я воспользуюсь ею.

— Эта комната служит не только библиотекой, но и курительной.

— Курительной?! — вскричал я. — Разве на «Наутилусе» курят?

— Разумеется.

— В таком случае, капитан, я должен высказать предположение, что вы поддерживаете связь с Гаваной?

— Никакой, — ответил капитан Немо. — Вот попробуйте эту сигару, профессор, и хоть она и не гаванская, но если вы знаток, она понравится вам.

Я взял сигару, по форме напоминавшую лучшие сорта гаванских, но более светлую, скрученную из золотистых листьев, и раскурил ее у светильника, стоявшего на изящной бронзовой подставке. С жадностью завзятого курильщика, лишенного табака в течение двух суток, я затянулся дымом.

— Отличная сигара, но... значит, это не табак?

— Нет, — ответил капитан. — Это разновидность морских водорослей, богатая никотином. Жалеете ли вы теперь о гаванских сигарах?

— С этой минуты я их презираю.

— В таком случае, курите, сколько вам вздумается, не спрашивая о происхождении сигар. Никакая табачная монополия не взимала за них налога. Но ведь от этого они не стали хуже, не правда ли?

— Нисколько.

В эту минуту капитан Немо распахнул дверь, располо-

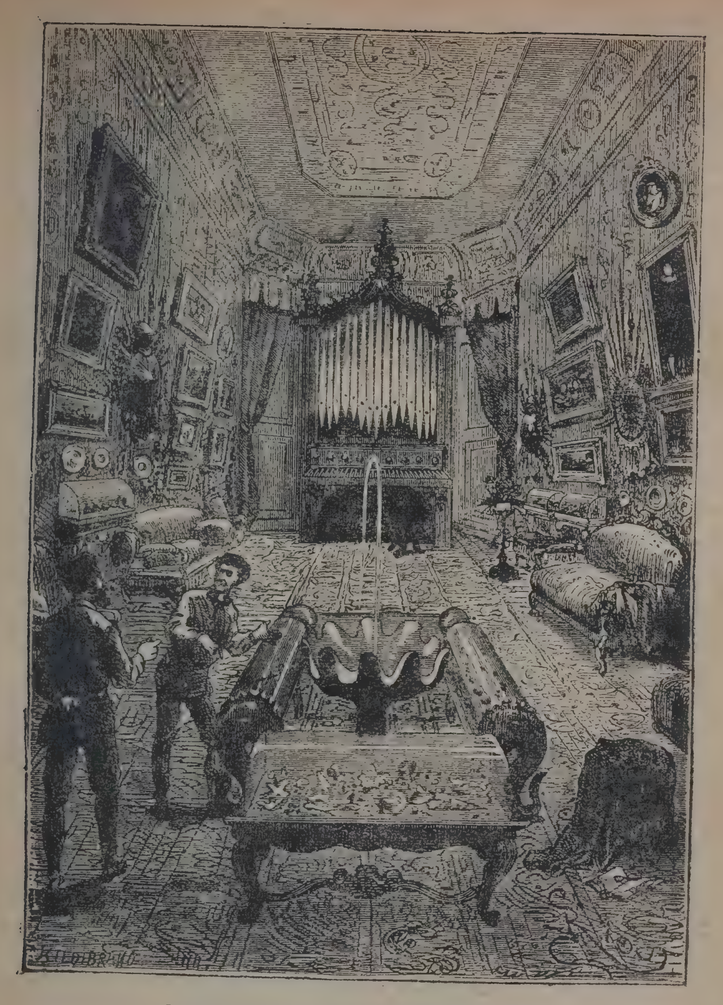
женную напротив той, через которую мы вошли в библиотеку, и я вступил в огромный, великолепно освещенный салон.

Это был просторный зал со срезанными углами, длиной в десять, шириной в шесть и высотой в пять метров. Скрытые в потолке, украшенном изящными арабесками, лампы заливали ярким, но не резким светом чудеса, собранные в этом музее. Да, это был настоящий музей! Умелые и щедрые руки собрали здесь все сокровища природы и искусства в том живописном беспорядке, который отличает жилище художника. Тридцать картин великих мастеров, в одинаковых рамах, украшали стены, обитые красивыми, со строгим рисунком тканями. Между картинами висели щиты с оружием и стояли статуи в полном рыцарском снаряжении.

Я увидел полотна огромной ценности, которыми любовался на выставках и в частных картинных галлереях Европы. Старинные мастера были представлены здесь одной «Мадонной» Рафаэля, «Девой» Леонардо да-Винчи, «Немой» Корреджо, «Женщиной» Тициана, «Поклонением волхвов» Веронезе, «Вознесением» Мурильо, «Портретом» Гольбейна, «Монахом» Веласкеза, «Мучеником» Рибера, «Ярмаркой» Теньерса, двумя фламандскими пейзажами Рубенса, тремя маленькими полотнами в манере Жерара-Доу, Метсу, Поля Поттера, двумя картинами Жерико и Прюдона, несколькими морскими видами Бакюйзена и Верне. Среди произведений современной живописи я заметил картины, подписанные Делакруа, Энгром, Деканом, Труайном, Мейсонье, Добиньи и др.

Несколько очаровательных мраморных и бронзовых копий античных скульптур стояло на высоких пьедесталах по углам этого великолепного музея.

Предсказание капитана Немо начинало сбываться: с первых же шагов осмотра «Наутилуса» я был ошеломлен.

Мы очутились в настоящем музее.

— Надеюсь, вы извините меня, профессор, — сказал этот странный человек, — за ту бесцеремонность, с какой я вас принимаю, за беспорядок, царящий в этой комнате.

— Капитан, — ответил я, — я должен сказать — вы настоящий артист!

— О нет, только любитель, — возразил он. — Мне доставляло радость собирать эти великолепные произведения человеческого гения. Я был неутомим в поисках и жаден в приобретениях — это позволило мне заполучить ряд вещей действительно высокой ценности. Это последнее воспоминание об умершей для меня земле. В моих глазах даже современные ваши художники — старинные мастера. У гениев нет возраста.

— А эти музыканты? — спросил я, показывая на партитуры Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена, Гайдна, Мейербера, Вагнера, Обера, Гуно и ряд других, разбросанные на крышке большого пианино-органа, занимавшего целый простенок в салоне.

— Эти музыканты для меня — современники Орфея...[1] Разница во времени стирается в памяти мертвецов, а я мертв, профессор, так же мертв, как те из ваших друзей, которые покоятся под землей...

Капитан Немо умолк и погрузился в глубокую задумчивость. Я глядел на него с живейшим интересом, молча изучая особенности его лица. Облокотившись о драгоценный столик, он не видел меня и, казалось, совершенно забыл о моем существовании.

Я решил не мешать его раздумью и продолжал осматривать чудеса, собранные в этом салоне.

Рядом с произведениями искусств видное место занимали природные редкости. Это были главным образом растения, раковины и другие продукты океанской флоры

[1] Орфей — в древнегреческой мифологии певец, своими песнями приводивший в движение деревья и скалы и укрощавший диких зверей.

и фауны, очевидно все собранные руками самого капитана Немо.

Посредине салона бил фонтан, освещенный снизу электричеством; струйки воды ниспадали в бассейн, сделанный из одной гигантской раковины — тридакны. Окружность тридакны достигала шести метров. Следовательно, она была даже больше знаменитой раковины, подаренной Венецианской республикой королю Франциску I.

Вокруг бассейна в красивых стеклянных витринах, отделанных медью, были расставлены самые драгоценные морские редкости, которые когда-либо доводилось видеть натуралисту. Можно себе вообразить мою радость при взгляде на них!

Раздел зоофитов был представлен здесь полипами и иглокожими. Среди первых были веерообразные горгонии, морские органчики, сирийские губки, молуккские кораллы, великолепный экземпляр альционии, восхитительные вееролистники, глазчатки с острова Реюньён и целая коллекция мадрепоровых, в числе которых особенно обращала на себя внимание «колесница Нептуна» с Антильских островов. Здесь были собраны самые разнообразные виды кораллов, колонии которых образуют целые острова, а с течением веков, быть может, и континенты. Иглокожие, снабженные панцырем, покрытым шипами и иглами, были представлены здесь несколькими разновидностями морских звезд, морских кубышек (голотурий), морских ежей, змеехвосток и др.

Будь на моем месте слабонервный конхиолог[1], он бы обмер при виде соседних витрин, в которых разместились коллекции моллюсков. Этим экспонатам не было цены, и описанию их нужно было бы посвятить целый том. Я ограничусь поэтому перечислением только самого интересного. В коллекции капитана Немо были представлены: элегант-

---

[1] Конхиолог — ученый, изучающий раковины.

ный молоток Индийского океана с правильно расположенными белыми пятнами на красно-коричневом фоне; так называемый «императорский спондилий», весь усеянный комочками и ярко расцвеченный, — экземпляр, за который любой европейский музей не пожалел бы двадцати тысяч франков; австралийский молоток, который почти невозможно разыскать; сенегальские сердцевики — двустворчатые, белые, такие хрупкие, что они рассыпаются в прах при малейшем дуновении; несколько яванских морских леек — известковых трубочек со складчатыми краями, высоко ценимых любителями; целый ряд брюхоногих — желто-зеленых, встречающихся в американских водах, темнобурых, водящихся у берегов Новой Зеландии, в Мексиканском заливе и отличающихся своей черепицеобразной раковиной; затем удивительные сернистые теллины, драгоценные породы цитер и венусов, мраморная кубарна с перламутровыми пятнами; далее — все разновидности ужовок, употребляемых в Индии вместо монет; «слава моря» — самая драгоценная раковина Восточной Индии; наконец, башенки, янтины, митры, каски, багрецы, арфы, тритоны, птероцеры, пателлы, гиалеи, клеодоры — нежные и хрупкие раковины, которым ученые дали красивые имена.

В отдельных витринах лежали нити невиданной красоты жемчугов, в которых отблески электрического света зажигали искры огня: розовый жемчуг, добываемый на дне Красного моря, зеленый, желтый, синий, черный жемчуга — встречающиеся почти во всех морях и океанах болезненные наросты на телах разных моллюсков.

Некоторые из этих жемчужин были больше голубиного яйца. Они стоили дороже, чем та жемчужина, которую путешественник Тавернье продал за три миллиона шаху персидскому, а красотой превосходили жемчужину имама Маскаты, которую я считал первой в мире.

Таким образом, определить стоимость этой коллекции

было невозможно. Капитан Немо должен был истратить миллионы, чтобы приобрести ее.

Я спрашивал себя, где источник этого неслыханного богатства, как вдруг капитан обратился ко мне:

— Вы рассматриваете мои коллекции, профессор? Они и в самом деле заслуживают внимания натуралистов. Но для меня ценность их тем значительнее, что каждую из них я собрал своими собственными руками, и нет на земном шаре моря, которое не дало бы мне хоть что-нибудь для этих витрин.

— Я вполне понимаю, капитан, радость, которую вы должны испытывать при виде таких богатств. Ни один европейский музей не располагает такой коллекцией! Но если я растрачу все свои восторги на осмотр музея, что останется мне для осмотра корабля? Я меньше всего хочу быть нескромным и допытываться о ваших тайнах, но признаюсь, что мое любопытство в высшей степени возбуждено самим «Наутилусом», приводящей его в движение силой, механизмами, сообщающими ему такую подвижность. На стенах этого салона я вижу приборы, назначение которых мне неясно. Могу ли я спросить...

— Господин Аронакс, — прервал меня капитан, — я уже сказал, что вы свободны на этом корабле, и, следовательно, нет такого уголка на «Наутилусе», куда бы вам был запрещен доступ. Можете осматривать корабль, сколько вам будет угодно, и я с удовольствием готов служить вам проводником.

— Не знаю, как благодарить вас, капитан. Постараюсь не злоупотреблять вашей любезностью. Разрешите мне только узнать, каково назначение этих физических приборов?

— Точно такие же приборы, профессор, имеются в моей каюте, и там я объясню вам их назначение. Но прежде пройдемте в отведенную вам каюту. Надо же вам знать, в каких условиях вы будете жить на «Наутилусе».

Я последовал за капитаном Немо в узкий коридор. Пройдя на нос корабля, капитан Немо ввел меня в каюту, вернее — в элегантно обставленную просторную комнату, с кроватью, туалетным столом, креслами и т. д.

Я рассыпался в благодарностях.

— Ваша каюта — смежная с моей, — сказал капитан, раскрывая дверь, — а моя сообщается с салоном, который мы только что покинули.

Мы вошли в каюту капитана. Железная койка, рабочий стол, несколько стульев, умывальник — вот и вся обстановка. Только необходимые вещи, никакого комфорта.

В каюте царил полусвет.

Капитан Немо указал мне на стул:

— Садитесь, пожалуйста.

Я сел. Он помолчал немного и потом заговорил.

Глава двенадцатая

ВСЕ ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

— Смотрите, профессор, — начал капитан Немо, указывая на приборы, висевшие на стенах комнаты. — Вот аппараты, служащие для управления «Наутилусом». Здесь, так же как и в салоне, они всегда перед моими глазами и указывают мне точное местонахождение «Наутилуса» в океане и его направление. Некоторые из этих приборов вам известны. Это термометр, указывающий температуру воздуха на «Наутилусе»; барометр, определяющий давление воздуха и тем самым предсказывающий изменение погоды; гигрометр, показывающий содержание влаги в атмосфере; компас, указывающий судну направление; секстант, позволяющий по высоте солнца определять широту местности; хронометры, при помощи которых мы находим долготу; наконец, дневные и ночные подзорные трубы, при помощи которых я осматриваю го-

ризонт, когда «Наутилус» поднимается на поверхность воды.

— Все эти приборы, — ответил я, — обычны в мореходной практике, и я давно с ними знаком. Но вот тут есть какие-то неизвестные мне приборы. Очевидно, они-то и отвечают особенностям управления «Наутилусом». Вот этот большой циферблат с подвижной стрелкой — это не манометр ли?

— Да, это манометр. Сообщаясь с водой за бортом корабля, он показывает ее давление и тем самым — глубину погружения «Наутилуса».

— А это зонды?

— Да, только новой конструкции. Это термометрические зонды, указывающие температуру различных слоев воды.

— А вот эти приборы? Я не представляю себе, для чего они могут служить.

— Здесь, профессор, придется дать вам некоторые разъяснения, — ответил капитан Немо.

Он помолчал немного, потом заговорил:

— В природе есть сила — послушная, быстрая, простая в обращении. Она делает все на моем корабле: освещает, отапливает, приводит в движение машины. Эта сила — электричество.

— Электричество? — удивленно воскликнул я.

— Да.

— Однако, капитан, ваш корабль обладает необыкновенной скоростью передвижения. Это мало вяжется с тем, что нам известно об электричестве. До сих пор его механическая сила представлялась чрезвычайно ограниченной.

— Видите ли, профессор, — ответил капитан Немо, — мои способы использования электрической энергии не похожи на общепринятые. Разрешите мне ограничиться только этим сообщением.

— Не буду настаивать, капитан, хотя я совершенно ошеломлен вашим сообщением. Прошу вас ответить мне только на один вопрос, если, конечно, он не покажется вам нескромным. Ведь элементы, которые служат источником получения этой удивительной силы, должны быстро истощаться, особенно цинк. Каким же образом вы пополняете его запасы, раз вы не поддерживаете связи с землей?

— Охотно отвечу на этот вопрос, — сказал капитан Немо. — Прежде всего знайте, что на дне морском есть залежи цинка, железа, серебра, золота и других металлов, разработка которых не представляет большого труда. Но я не пользуюсь этими земными металлами. Я получаю из моря то количество энергии, в котором нуждаюсь.

— Из моря?

— Да, профессор, из моря. Есть немало способов получения электричества из моря. Я мог бы, например, в цепи проводников, погруженных на разную глубину, получить ток от разностей температур слоев воды, окружающих эти проводники. Но я предпочел другой, более практичный способ.

— Какой?

— Вы знаете состав морской воды? В ста частях ее чистая вода занимает девяносто шесть с половиной частей, а примерно две и две трети части падают на долю хлористого натрия[1]. Далее, в ней содержатся в небольшом количестве хлористый магний и хлористый кальций, бромистый магний, сернокислый магний, серная кислота и углекальциевая соль. Вы видите, что хлористый натрий содержится в морской воде в значительном количестве. Вот этим-то хлористым натрием я и питаю свои элементы.

— Хлористым натрием?

— Да. В соединении с ртутью он образует амальгаму, заменяющую цинк в элементах Бунзена. Ртуть в элемен-

[1] Хлористый натрий — обыкновенная поваренная соль.

тах не разлагается. Расходуется, таким образом, только натрий, а его мне поставляет море. Должен вам еще сказать, что натриевые элементы по крайней мере в два раза сильнее цинковых.

— Я понимаю, капитан, преимущества натрия в условиях, в которых вы находитесь. В море его сколько угодно. Отлично. Но ведь натрий надо еще выделить в чистом виде из его хлористого соединения. Что вы делаете для этого? Конечно, ваши батареи могли бы послужить для электролиза хлористого натрия, но, если я не ошибаюсь, расход натрия на электролиз превысит получающееся в результате его количество натрия. И вы больше потратите натрия, чем получите нового!

— Поэтому-то, профессор, я и не добываю натрий электролитическим путем, а пользуюсь для этого энергией горения каменного угля.

— Каменного угля? Значит, вы все-таки связаны с землей?

— Нет. Назовем, если хотите, этот уголь морским.

— Значит, вы нашли способ разработки подводных залежей каменного угля?

— Вы увидите это собственными глазами, профессор. Я прошу у вас только немного терпения, тем более что время вполне позволяет вам быть терпеливым. Помните только одно: я абсолютно все получаю от океана. Он дает мне электричество, а электричество дает «Наутилусу» тепло, свет, движение — одним словом, жизнь!

— Но только не воздух для дыхания?

— О, мне было бы легко добывать нужное количество воздуха, но это бесполезно, ибо я могу подниматься на поверхность океана, когда мне заблагорассудится. Впрочем, электричество приводит в действие мощные насосы, нагнетающие воздух в специальные резервуары, пользуясь которыми я могу при нужде долго находиться под водой.

— Капитан, — сказал я, — я могу только преклониться перед вами. Очевидно, вам удалось открыть то́, что люди откроют лишь много позже, — огромную механическую силу электричества!

— Не знаю, откроют ли они ее когда-нибудь, — холодно ответил капитан Немо. — Но как бы там ни было, вы уже знаете, какое применение я дал этой изумительной силе. Это она освещает корабль с постоянством и непрерывностью, которых нет даже у солнца. Теперь взгляните на эти часы — они электрические и в точности не уступают лучшим хронометрам. Я поделил циферблат на двадцать четыре часа, как итальянские часы, потому что для меня не существует ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, но только тот искусственный свет, который я увлекаю за собой в глубину морей. Глядите, теперь десять часов утра.

— Совершенно верно.

— А вот вам другое применение электричества. Этот циферблат, висящий перед вашими глазами, служит указателем скорости «Наутилуса». Провод соединяет винт лага с этим циферблатом, и стрелка его говорит мне, с какой быстротой идет судно. Вот видите, в настоящую минуту мы идем с умеренной скоростью — пятнадцать миль в час.

— Поразительно! — воскликнул я. — Я вижу теперь, капитан, что вы совершенно правильно поступили, использовав именно эту природную силу, и что ваш корабль только выиграл от замены электричеством силы пара.

— Мы еще не кончили осмотра, профессор, — сказал капитан Немо, поднимаясь со стула. — Если вы не устали, пройдемте на корму «Наутилуса».

В самом деле, я уже познакомился со всей носовой частью подводного корабля. Вот перечень помещений этой части в последовательном порядке, от середины до

тарана на носу: столовая длиной в пять метров, отделенная от библиотеки водонепроницаемой переборкой; библиотека длиной в пять метров; большой салон длиной в десять метров, отделенный от комнаты капитана второй водонепроницаемой переборкой; комната капитана длиной в пять метров; моя комната в два с половиной метра и, наконец, резервуар для воздуха в семь с половиной метров в длину, идущий до самого форштевня.

В общем длина этой части равнялась тридцати пяти метрам. Водонепроницаемые переборки были снабжены герметически закрывающимися дверями и должны были обезопасить «Наутилус» от затопления на случай, если в какой-нибудь его части откроется течь.

Я последовал за капитаном Немо по коридорам в середину судна. Там находилась узкая шахта, заключенная между двумя водонепроницаемыми переборками. Железная лесенка, привинченная к стене, вела к потолку. Я спросил капитана, каково назначение этой шахты.

— Она ведет к шлюпке, — ответил он.

— Как! У вас есть шлюпка? — недоуменно переспросил я.

— Конечно. Прекрасная шлюпка, легкая и нетонущая. Она служит для прогулок и рыбной ловли.

— И для того, чтобы спустить шлюпку на воду, вам приходится подниматься на поверхность?

— Ничуть не бывало. Шлюпка помещается в специальной выемке в палубе «Наутилуса». Она снабжена герметически закрывающейся, водонепроницаемой крышкой и удерживается в своей выемке крепкими болтами. Эта лестница ведет к узкому люку в палубе «Наутилуса», сообщающемуся с таким же люком в дне шлюпки. Через эти два отверстия я влезаю в шлюпку. За мной закрывают люк «Наутилуса». Я сам закрываю отверстие в дне шлюпки особой крышкой. Затем я отвинчиваю болты, и шлюпка с огромной быстротой всплывает на поверхность

моря. Тогда я разбираю складную крышку, ставлю мачту, парус или берусь за весла.

— А как вы возвращаетесь на борт?

— Я и не возвращаюсь. «Наутилус» приходит за мной.

— По вашему приказанию?

— Да, по моему приказанию. Я соединен с ним электрическим проводом. Когда я хочу вернуться на судно, я даю телеграмму.

— В самом деле, — воскликнул я, ошеломленный всеми этими чудесами, — ничто не может быть проще!

Миновав клетку трапа, ведущего на палубу, мы прошли мимо каюты длиною в два метра, в которой Нед Ленд и Консель уписывали за обе щеки великолепный завтрак. Рядом находилась кухня, занимавшая три метра в длину. Тут же помещались просторные кладовые.

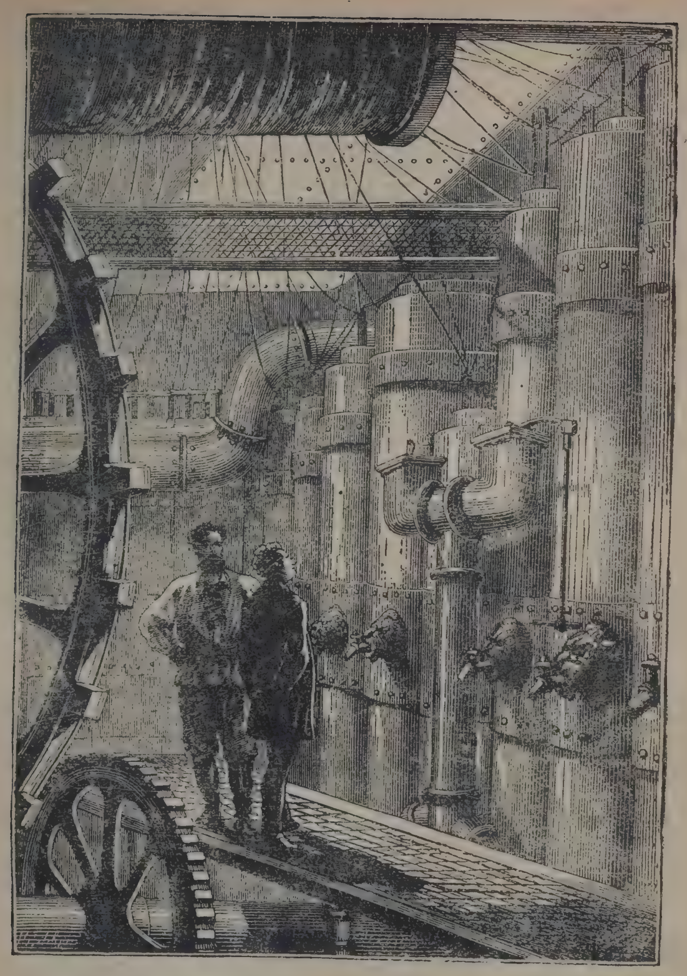
Кухня отапливалась электричеством. Провода, припаянные к платиновым пластинкам, раскаляли их добела, поддерживая нужную для печения, варки и жарения температуру плиты. Электричество же нагревало дистилляционный аппарат, снабжавший судно достаточным количеством отличной пресной воды путем перегонки морской воды.

Возле кухни помещалась ванная комната.

Дальше находился кубрик — помещение команды — длиной в пять метров; но дверь в него была заперта, и мне не удалось по обстановке его определить количество людей в экипаже «Наутилуса», на что я втайне рассчитывал.

Здесь же находилась четвертая водонепроницаемая переборка, отделяющая кубрик от машинного отделения. Пройдя через дверь в переборке, мы очутились в зале, где капитан Немо, первоклассный инженер, установил машины, приводящие «Наутилус» в движение.

Этот ярко освещенный зал имел не менее двадцати метров в длину. Зал делился на две части. В первой

Машинное отделение «Наутилуса».

стояли элементы, вырабатывающие электрическую энергию, во второй — машины, вращающие винт корабля.

Меня удивил какой-то странный запах, ощущаемый в этом зале.

Капитан Немо заметил мое недоумение.

— Это запах газа, — сказал он, — выделяющегося при получении натрия. Но это, в конце концов, небольшое неудобство. Впрочем, мы каждое утро основательно вентилируем весь корабль.

С интересом я рассматривал машины «Наутилуса».

— Как видите, — сказал капитан Немо, — я пользуюсь элементами Бунзена, а не Румкорфа. Они не дали бы мне нужной мощности. Батарей Бунзена у меня немного, но зато каждая очень сильна. Выработанное батареями электричество передается в противоположный конец зала, воздействует там на огромные электромоторы, которые через сложную систему трансмиссий сообщают вращательное движение гребному валу. Диаметр этого вала — шестьдесят сантиметров, длина — семь с половиной метров. Несмотря на эти большие размеры, скорость вращения вала доходит до ста двадцати оборотов в секунду.

— И вы развиваете скорость...

— Пятьдесят миль в час.

Здесь крылась какая-то тайна, но я не смел добиваться ее разъяснения. Каким образом электричество могло давать такую огромную энергию? Где источник этой неслыханной, почти неограниченной мощи? Заключался ли секрет в катушках нового образца, дающих высокое напряжение, или в системе трансмиссий? Этого я не мог понять.

— Капитан Немо, — сказал я, — я преклоняюсь перед результатами и не пытаюсь даже объяснить себе, как вы достигли их. Я видел «Наутилус» маневрирующим вокруг «Авраама Линкольна» и знаю, какую чудовищную ско-

рость может он развивать. Но ведь недостаточно одной быстроты. Нужно еще видеть, куда идешь. Нужно иметь возможность направлять судно вверх, вниз, влево, вправо. Как добиваетесь вы всего этого на больших глубинах, где давление достигает сотен атмосфер? Как поднимаетесь на поверхность океана? Наконец, каким способом вы достигаете прямолинейности движения в избранном вами водном слое? Не нескромно ли, что я задаю вам столько вопросов?

— Нисколько, профессор, — ответил капитан после недолгого колебания. — Ведь вы никогда не уйдете с этого подводного корабля. Пройдем в салон. Там мой рабочий кабинет, и там вы узнаете все, что должны знать о «Наутилусе».

Глава тринадцатая

НЕСКОЛЬКО ЦИФР

Через несколько минут мы уже сидели с сигарами в зубах на диване в салоне.

Капитан Немо дал мне чертежи, на которых «Наутилус» был изображен в продольном и поперечном разрезах. Затем он начал свое объяснение:

— Вот, господин Аронакс, чертежи судна, на котором вы находитесь. Это вытянутый в длину цилиндр с коническими краями. По форме он похож на сигару, а сигарообразная форма считается лучшей для такого рода конструкций. Длина цилиндра, от края до края, в точности равняется семидесяти метрам, а наибольшая его ширина — в центре — восемь метров. Я не придерживался обычного для быстроходных судов отношения ширины к длине, как один к десяти, но и при данном соотношении лобовое сопротивление невелико и вытесняемая вода не тормозит хода. Эти величины уже позволяют вам вычислить площадь и объем «Наутилуса». Площадь его рав-

няется одной тысяче одиннадцати квадратным метрам, объем — одной тысяче пятистам кубическим метрам. Таким образом, полностью погруженный в воду, он вытесняет тысячу пятьсот кубических метров, или тонн, воды.

Составляя план этого судна, предназначенного для подводного плавания, я ставил себе задачу, чтобы при спуске на воду девять десятых его объема были погружены в море и одна десятая выступала из воды. При таких условиях судно должно было вытеснять девять десятых своего объема, или тысячу триста пятьдесят кубических метров воды, и весить столько же тонн. Мне нужно было, следовательно, не допускать нагрузки сверх этого веса. «Наутилус» имеет два корпуса — один внутренний и другой наружный; они соединены между собой железными балками, имеющими двутавровое сечение; эти балки придают судну необычайную крепость. В самом деле, благодаря этому устройству пустотелый «Наутилус» обладает таким же запасом прочности, как если бы он был весь литой. Его обшивка не прогибается; тщательность креплений и однородность материалов позволяют ему не бояться самого бурного моря. Эти два корпуса состоят из стальных листов. Толщина листов внутреннего корпуса — около пяти сантиметров и вес его — триста девяносто тонн. Внешний корпус, киль, имеющий в высоту пятьдесят и в ширину двадцать пять сантиметров и весящий сам по себе шестьдесят тонн, машины, балласт, все остальное оборудование, обстановка, внутренние переборки и подпорки — все это вместе взятое весит около девятисот тонн, что вместе с тремястами девяноста тоннами веса внутреннего корпуса составляет нужный суммарный вес в тысячу триста пятьдесят тонн. Поняли ли вы?

— Понял.

— Итак, — продолжал капитан, — когда «Наутилус» находится на поверхности воды, при этой нагрузке он

Капитан развернул чертеж.

выступает на одну десятую часть. Следовательно, если бы на корабле были резервуары емкостью, равной этой десятой части, то-есть емкостью в сто пятьдесят тонн, и если бы эти резервуары наполнить водой, то «Наутилус», вытесняющий тысячу пятьсот кубометров, или, что одно и то же, весящий тысячу пятьсот тонн, полностью погрузился бы в воду. Это-то и происходит на практике. На «Наутилусе» имеются резервуары, расположенные в его нижней части. Стоит открыть краны, как они наполняются водой, и корабль полностью погружается в море в уровень с поверхностью.

— Отлично, капитан. Но тут-то, по-моему, и начинаются главные трудности. Я понимаю, что вы можете погрузиться в воду настолько, что ни один сантиметр «Наутилуса» не выступает на поверхность. Но вот когда вы спускаетесь вглубь, разве ваше судно не встречает повышенного давления? Разве это давление не выталкивает его снизу вверх с силой, которая равняется примерно одной атмосфере на каждые тридцать два фута водяного слоя, или, иначе говоря, с силой одного килограмма на квадратный сантиметр?

— Совершенно верно, профессор.

— В таком случае, если только вы не заполняете водой весь «Наутилус», я не вижу, каким образом вы можете заставить его погружаться глубоко в воду.

— Господин профессор, — сказал капитан Немо, — не следует смешивать статику с динамикой — это может повлечь за собой серьезные ошибки. Для того чтобы достигнуть больших глубин океана, не нужно тратить много усилий... Вы следите за ходом моих рассуждений?

— Я слушаю вас внимательно.

— Для определения того, на сколько нужно увеличить вес «Наутилуса», чтобы он мог погружаться в глубину морей, я должен был заняться расчетом уменьшения

объема, занимаемого морской водой на различных глубинах, под влиянием тяжести вышележащих слоев.

— Это очевидно, капитан.

— Однако хотя нельзя отрицать, что вода обладает способностью сжиматься, но надо сказать, что сжимаемость ее очень ограниченна. В самом деле, по новейшим данным, вода сжимается на четыреста тридцать шесть десятимиллионных частей при увеличении давления на одну атмосферу, то-есть на глубине тридцати футов. При погружении на глубину тысячи метров надо взять в расчет уменьшение объема от давления столба воды высотой в тысячу метров, то-есть от давления в сто атмосфер. Это уменьшение объема выражается в таком случае в четыреста тридцать шесть стотысячных. Следовательно, вес судна должен будет увеличиться до тысячи пятисот шести целых и пятидесяти четырех сотых тонны вместо нормального веса в тысячу пятьсот тонн. Таким образом, требуемое увеличение веса составит всего шесть и пятьдесят четыре сотых тонны.

— Всего?

— Только всего, господин Аронакс, и расчет этот нетрудно проверить. Между тем у меня есть запасные резервуары емкостью в сто тонн. Благодаря им я могу погружаться на значительные глубины. Для того чтобы подняться в уровень с поверхностью воды, мне достаточно освободить эти добавочные резервуары от водяного балласта. Если же я хочу, чтобы «Наутилус» выплыл из воды на одну десятую часть своего объема, я должен целиком опорожнить все резервуары.

Мне нечего было возразить против этих рассуждений, опирающихся на точные цифры.

— Я принимаю ваши расчеты, капитан, — сказал я. — И в самом деле, смешно было бы оспаривать их, когда практика каждый день подтверждает их правильность. Но у меня возникает еще одно сомнение.

— Какое?

— Когда вы погружаетесь на глубину тысячи метров, стенки корпуса «Наутилуса» испытывают давление в сто атмосфер. Следовательно, если вы на этой глубине захотите опорожнить резервуары, чтобы облегчить ваш корабль и подняться на поверхность, то насосам, выталкивающим воду из резервуаров, придется преодолеть добавочное сопротивление в сто килограммов на каждый квадратный сантиметр. А это потребует от насосов такой мощности...

— ...которую может дать только электричество, — прервал меня капитан Немо. — Повторяю, профессор, мощность моих машин почти беспредельна. Насосы «Наутилуса» необычайно сильны. Вы должны были в этом убедиться, когда на палубу «Авраама Линкольна», как водопад, обрушились извергнутые ими столбы воды. Впрочем, чтобы не перегружать батареи, я пользуюсь добавочными резервуарами только в тех случаях, когда хочу погрузиться на глубину от полутора до двух тысяч метров. А если мне взбредет в голову фантазия посетить самые глубокие места океана — в восьми-десяти тысячах метров от его поверхности, — я прибегаю к другим маневрам, несколько более сложным, но столь же надежным.

— К каким же, капитан?

— Для того чтобы вы поняли их, я должен сначала рассказать вам, как управляется «Наутилус».

— Мне не терпится узнать это.

— Чтобы направлять судно вправо и влево, или, иными словами, в горизонтальной плоскости, я пользуюсь обыкновенным рулем, укрепленным под кормой. Руль этот приводится в движение посредством штурвала и штуртросов. Но можно также направлять «Наутилус» и в вертикальной плоскости — сверху вниз и снизу вверх — при помощи двух плоскостей, свободно прикрепленных к его бортам у ватерлинии. Плоскости подвижны в верти-

кальном направлении и приводятся в движение изнутри судна при посредстве рычагов. Когда плоскости установлены параллельно килю, «Наутилус» идет по горизонтали. Когда они наклонены, «Наутилус», в зависимости от угла наклона, увлекаемый вперед винтом, либо опускается по диагонали, либо поднимается по диагонали же, причем длина этой диагонали всецело зависит от меня. Больше того: если я хочу ускорить подъем, я останавливаю винт, и давление воды выталкивает «Наутилус» на поверхность по вертикали, как наполненный водородом аэростат.

— Браво, капитан! — воскликнул я. — Но управление погруженным в воду «Наутилусом» производится вслепую?

— Ничего подобного. Рулевой помещается в рубке, образующей выступ над палубой «Наутилуса», в его носовой части. Иллюминаторы этой рубки имеют толстые чечевицеобразные стекла.

— Стекла, выдерживающие такие давления?

— Да. Хрусталь, хрупкий при падении или толчке, обладает в то же время значительной прочностью. В тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году во время рыбной ловли при электрическом освещении, производившейся в Северном море, хрустальные пластинки толщиной в семь миллиметров выдержали давление в шестнадцать атмосфер. А стекла, которыми я пользуюсь, имеют толщину в центре двадцать один сантиметр, то-есть они в тридцать раз толще пластинок, о которых я говорил.

— Я понял. Но для того чтобы видеть, нужно, чтобы свет рассеивал темноту, и я спрашиваю себя: каким образом в темных глубинах...

— За рулевой рубкой помещается мощный электрический рефлектор, — прервал меня капитан Немо, — лучи которого освещают воду на полмили вперед.

— Браво, трижды браво, капитан! Теперь мне понятно

это электрическое солнце пресловутого «нарвала», которое так смущало ученых. Кстати, позвольте узнать: было ли только случайностью столкновение «Наутилуса» с «Шотландией», которое наделало столько шума во всем мире?

— Чистой случайностью, профессор. Я плыл в двух метрах ниже поверхности воды, когда произошло столкновение. Впрочем, я сразу увидел, что никакой беды не случилось.

— Совершенно верно. «Шотландия» благополучно добралась до порта. Ну, а ваша встреча с «Авраамом Линкольном»?

— Господин профессор, я сам сочувствую этому лучшему из кораблей американского флота, но он нападал на меня, и я должен был защищаться. Впрочем, я ведь ограничился тем, что лишил фрегат возможности нападать на меня, — ему нетрудно будет исправить свои повреждения в ближайшем порту.

— О капитан, — воскликнул я, — «Наутилус» действительно изумительный корабль!

— Да, профессор, — с заметным волнением в голосе ответил капитан Немо. — Я люблю его, как родное дитя. Тысячи опасностей подстерегают корабли, плавающие по поверхности океана. Каждая случайность может стать для них роковой. Между тем здесь, в глубине морей, человеку нечего опасаться. Не приходится бояться сплющивания от давления — корпус этого судна крепче, чем железо. У него нет такелажа, который «устает» от качки. Нет парусов, которые может сорвать ветер. Нет котлов, могущих взорваться. Не страшен пожар, ибо на нем нет деревянных частей. Не страшны столкновения, так как только он один бороздит глубины океанов. Не опасны бури, потому что в нескольких метрах ниже поверхности океана всегда царит невозмутимый покой. Вот, профессор, идеальный корабль! И если правда, что изобретатель всегда

больше верит в свое судно, чем инженер-конструктор, а этот последний больше, чем капитан, то вы поймете, с каким безграничным доверием отношусь к «Наутилусу» я, одновременно и изобретатель, и конструктор, и капитан судна!

Капитан Немо говорил с большим воодушевлением. Огонь, загоревшийся в его глазах, живость движений преобразили его. Я не удержался и предложил капитану Немо вопрос, который мог показаться ему нескромным:

— Следовательно, вы получили инженерное образование?

— Да, — ответил он. — В то время, когда я еще был земным жителем, я учился в Лондоне, Париже и Нью-Йорке.

— Но как вам удалось сохранить в тайне постройку этого изумительного подводного корабля?

— Каждая часть его, господин профессор, делалась в различных уголках земного шара, причем заводам указывалось вымышленное назначение их. Киль «Наутилуса» был выкован на заводах Крезо во Франции; гребной вал — у Пена и К° в Лондоне; винт — у Скотта в Глазго; резервуары — у Кайля и К° в Париже; двигатель сделали заводы Круппа в Германии; таран — шведский фабрикант Мотана; измерительные приборы — братья Гарт в Нью-Йорке, и так далее. Каждый из поставщиков получал мои чертежи, подписанные всякий раз другим именем.

— Но, — заметил я, — ведь недостаточно было получить части — надо было их собрать, смонтировать.

— Я построил себе верфь на одном необитаемом островке, затерянном в океане. Там обученные мною рабочие, верные мои товарищи, под моим наблюдением собрали «Наутилус». Когда сборка закончилась, огонь уничтожил всякие следы нашего пребывания на островке. Будь я в силах, я бы взорвал и самый островок.

— Надо полагать, что корабль стоил вам огромных затрат?

— Обычный железный корабль стоит тысячу сто двадцать пять франков с каждой тонны веса. Мой «Наутилус» весит тысячу пятьсот тонн. Следовательно, он стоит без малого два миллиона франков, если считать только стоимость его оборудования, и не менее четырех-пяти миллионов франков вместе с коллекциями и предметами искусства, хранящимися на нем.

— Разрешите задать еще один, последний вопрос, капитан?

— Говорите, профессор.

— Вы очень богаты?

— Я неизмеримо богат и мог бы, без затруднений и не обеднев, уплатить десятимиллиардный государственный долг Франции.

Я пристально посмотрел на этого странного человека. Злоупотреблял ли он моей доверчивостью?

Будущее должно было показать это.

Глава четырнадцатая

«ЧЕРНАЯ РЕКА»

Площадь, занимаемая водой на земной поверхности, равняется тремстам шестидесяти одному миллиону квадратных километров. Объем этой массы воды равен одной тысяче тремстам семидесяти миллионам кубических километров. Следовательно, вес воды на земном шаре достигает одной тысячи трехсот семидесяти квинтиллионов тонн.

Чтобы осмыслить это число, надо знать, что квинтиллион так относится к миллиарду, как миллиард к единице, или, иначе говоря, в квинтиллионе столько миллиардов, сколько в миллиарде единиц.

В дни молодости Земли за огненным периодом последовал период водяной. Океан сперва покрывал всю землю.

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
Ново-Сибирские о-ва
Северный полярный круг
р. Лена
СИБИРЬ
Берингово море
Алеутские о-ва
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА
р. Мекензи
р. Миссури
Пекин
Сан-Франциско
ТИХИЙ
О-в Креспо
Сандвичевы о-ва
Тропик Рака
Калькутта
Каролинские о-ва
Филиппинские о-ва
Мексико
ОКЕАН
Экватор
Борнео
Новая Гвинея
Индийский океан
ОКЕАНИЯ
Маркизские о-ва
О. Ваникоро
Паумоту
Тропик Козерога
Коралловое море
О-ва Товарищества
Новая Каледония
АВСТРАЛИЯ
Сидней
Тасмания
Ван-Дименова земля
Новая Зеландия
Южный полярный круг
ЮЖНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
Земля Виктории
Г. Эребус и Террор
80 000 КИЛОМЕТРОВ ПОД ВОДОЙ
1-я КАРТА
Составлена Жюль Верном

Затем мало-помалу, в силурийский период, начался горообразовательный процесс. Из океана выступили макушки гор. Затем появились острова; они снова исчезли от потопов, затем снова появились, упрочились и образовали материки; наконец суша приобрела те очертания, которые мы видим сейчас. Суша отвоевала у воды сто сорок миллионов шестьсот тысяч семь квадратных километров.

Очертания материков позволяют разделить воды земного шара на пять главнейших частей:

Северный Ледовитый океан,
Южный Ледовитый океан,
Индийский океан,
Атлантический океан и
Тихий океан.

Тихий океан вытянулся с севера на юг, между обоими полярными кругами, и с запада на восток, между Азией и Америкой, на протяжении ста сорока пяти градусов долготы. Это самый спокойный из океанов; его течения широки и неторопливы, приливы и отливы в нем небольшие, дожди обильные.

Таков океан, с которого начались мои необычайные странствия.

— Если хотите, профессор, — сказал мне капитан Немо, — мы точно определим наше местонахождение — отправную точку нового путешествия. Сейчас без четверти двенадцать. Я прикажу немедленно поднять «Наутилус» на поверхность океана.

С этими словами капитан трижды нажал кнопку электрического звонка. Насосы начали выталкивать воду из резервуаров. Стрелка манометра шевельнулась и поползла кверху по циферблату, показывая, что давление все время уменьшается. Наконец она замерла на нуле.

— Мы поднялись на поверхность, — сказал капитан Немо.

Я направился к центральному трапу, взобрался по его железным ступенькам наверх и через открытый люк вышел на палубу «Наутилуса».

Она выступала из воды не больше чем на восемьдесят сантиметров. Веретенообразный корпус «Наутилуса» действительно напоминал длинную сигару. Я обратил внимание на то, что его листовая обшивка походила на чешую, покрывающую тело крупных наземных пресмыкающихся. Теперь мне стало понятно, почему все корабли принимали «Наутилус» за морское животное.

Полускрытая в корпусе «Наутилуса» лодка образовывала небольшой выступ в середине палубы. На носу и на корме возвышались две невысокие кабины с наклонными стенками, застекленными толстым чечевицеобразным хрусталем. В передней помещался рулевой, управлявший «Наутилусом», в задней — яркий электрический прожектор, освещавший путь.

Море было великолепно, небо ясно. Длинное судно едва покачивалось на широких океанских волнах. Легкий восточный ветерок рябил поверхность воды. Ничем не затуманенная, отчетливо вырисовывающаяся линия горизонта позволяла с полной точностью произвести наблюдения.

Море было совершенно пустынным. Ни островка, ни скалы в виду. «Авраама Линкольна» также не было видно.

Безбрежная, величественная пустыня окружала нас.

Капитан Немо дождался полудня и, поднеся к глазам секстант, определил высоту солнца — это давало ему широту места. Во время наблюдения ни один мускул его не дрогнул, и секстант не был бы более неподвижен в руке мраморного изваяния.

— Полдень, — сказал он. — Профессор, не угодно ли вам спуститься вниз?

Я бросил последний взгляд на море, вода которого

была чуть желтоватой — неопровержимое свидетельство близости берегов Японии, — и спустился вслед за ним в салон.

Там капитан Немо определил при помощи хронометра долготу места, проверил свой расчет по предшествующим угломерным наблюдениям и нанес на карту точку — найденное местонахождение «Наутилуса».

— Господин Аронакс, — сказал он, — мы находимся на 137°15′ западной долготы.

— Считая от какого меридиана? — живо спросил я в надежде, что ответ капитана прольет свет на его национальность.

— У меня есть разные хронометры, — ответил он, — поставленные по парижскому, гринвичскому и вашингтонскому времени. Но в честь вашего присутствия я воспользовался сегодня парижским меридианом.

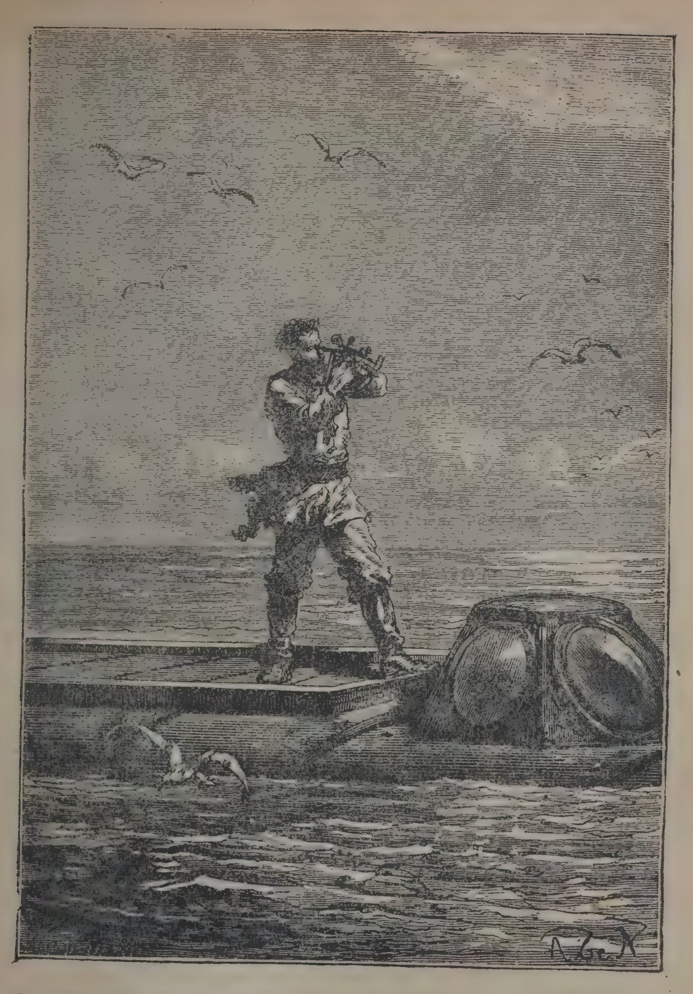
Этот ответ ничего не дал мне. Я поклонился в знак благодарности.

Капитан продолжал:

— 137°15′ западной долготы от парижского меридиана и 30°7′ северной широты. Иными словами, мы примерно в трехстах милях от берегов Японии. Итак, сегодня, восьмого ноября, в полдень, мы начнем свою исследовательскую кругосветную экспедицию под водой. А теперь, господин профессор, я не буду вам мешать работать. Я приказал взять курс на восток-северо-восток и погрузиться на глубину пятидесяти метров. На этой большой карте ежедневно будет отмечаться пройденный путь. Салон в полном вашем распоряжении.

Капитан Немо поклонился и вышел. Я остался один в салоне, погруженный в свои мысли. Они неизменно возвращались к капитану «Наутилуса».

Узнаю ли я когда-нибудь национальность этого человека, гордо заявляющего, что он не имеет родины? Что или кто возбудил в нем ненависть к человечеству? Был ли

Капитан Немо определил высоту солнца над горизонтом.

он одним из тех непризнанных ученых, которых «обидел свет», как говорит Консель, современным Галилеем[1] или ученым-революционером, изгнанным из своей страны? Этого я еще не знал.

Он принял меня, случайно заброшенного на его корабль, гостеприимно, но с оттенком холодности, не позволяющей мне забывать, что моя жизнь в его власти. И он ни разу не пожал руки, которую я ему протягивал, и ни разу сам не протянул мне своей руки.

Целый час я был погружен в эти мысли, стараясь проникнуть в волнующую тайну этого человека.

Потом мой взгляд упал на разложенную на столе карту, и я опустил палец на место скрещения определенных капитаном Немо долготы и широты.

Море имеет свои реки, так же как и материки. Это течения, которые легко узнать по цвету и температуре, отличным от цвета и температуры остальной воды. Наиболее известное океанское течение — это Гольфстрим.

Наука нанесла на карту направление пяти главнейших течений: одного — в северной части Атлантического океана, другого — в южной, третьего — в южной части Тихого океана, четвертого — в северной и, наконец, пятого — в южной части Индийского океана. Вполне вероятно, что в давно прошедшие времена, когда Каспийское и Аральское моря и большие азиатские озера составляли один водоем, в северной части Индийского океана существовало шестое течение.

Через тот пункт карты, где точкой обозначено было местонахождение «Наутилуса», проходило одно из этих течений — Куро-Сиво, что в переводе с японского значит «Черная река»; выйдя из Бенгальского залива, нагретое отвесными лучами тропического солнца, оно проходит

---

[1] Галилей (1564—1642) — великий итальянский ученый, которого церковники преследовали за его учение о вращении Земли вокруг Солнца.

Малаккским проливом, идет вдоль берегов Азии и описывает кривую в северной части Тихого океана, доходя до Алеутских островов.

Течение это увлекает с собой стволы камфорных деревьев и других тропических растений и резко отличается своей яркосиней окраской и высокой температурой от темнозеленых и холодных вод океана.

Путь «Наутилуса» лежал по этому течению. Я следил за течением по карте, мысленно представляя себе, как оно исчезает, растворяясь в беспредельном пространстве Тихого океана, и так далеко унесся от действительности, что не заметил, как Нед Ленд и Консель вошли в салон.

Мои славные спутники просто окаменели при виде сокровищ, лежащих перед их глазами.

— Где мы находимся? — воскликнул канадец. — Неужто в Квебекском музее?

— С позволения хозяина, — сказал Консель, — я бы скорее подумал, что мы в отеле Сомерар.

— Друзья мои, — сказал я, — вы не в Канаде и не во Франции, а на борту «Наутилуса», в пятидесяти метрах под уровнем моря.

— Приходится этому поверить, раз это говорит хозяин, — ответил Консель, — но, сказать по правде, этот салон может ошеломить даже такого фламандца, как я!

— Можешь удивляться, сколько тебе вздумается, друг мой. А заодно осмотри витрины — там есть над чем поработать такому классификатору, как ты.

Конселя не нужно было дважды просить заняться классификацией. Склонившись над витринами, он уже бормотал что-то на языке натуралистов: класс, отряд, подотряд, семейство, род, вид...

Тем временем Нед Ленд, которого мало занимала конхиология, расспрашивал меня о свидании с капитаном Немо: узнал ли я, кто он, откуда родом, куда держит путь, в какие глубины увлекает нас.

Канадец засыпал меня тысячью вопросов, не давая возможности ответить ни на один.

Когда он умолк, я сообщил ему все, что знал сам, и, в свою очередь, спросил его, что он слышал и видел за это время.

— Ничего не слышал и ничего не видел, — ответил канадец. — Я даже не видел никого из команды судна. Может быть, и она тоже электрическая?

— Электрическая?..

— Честное слово, в это можно поверить... Но скажите, господин профессор, — спросил Нед Ленд, одержимый все той же идеей, — сколько человек экипажа на борту этого судна? Десять, двадцать, пятьдесят, сто?

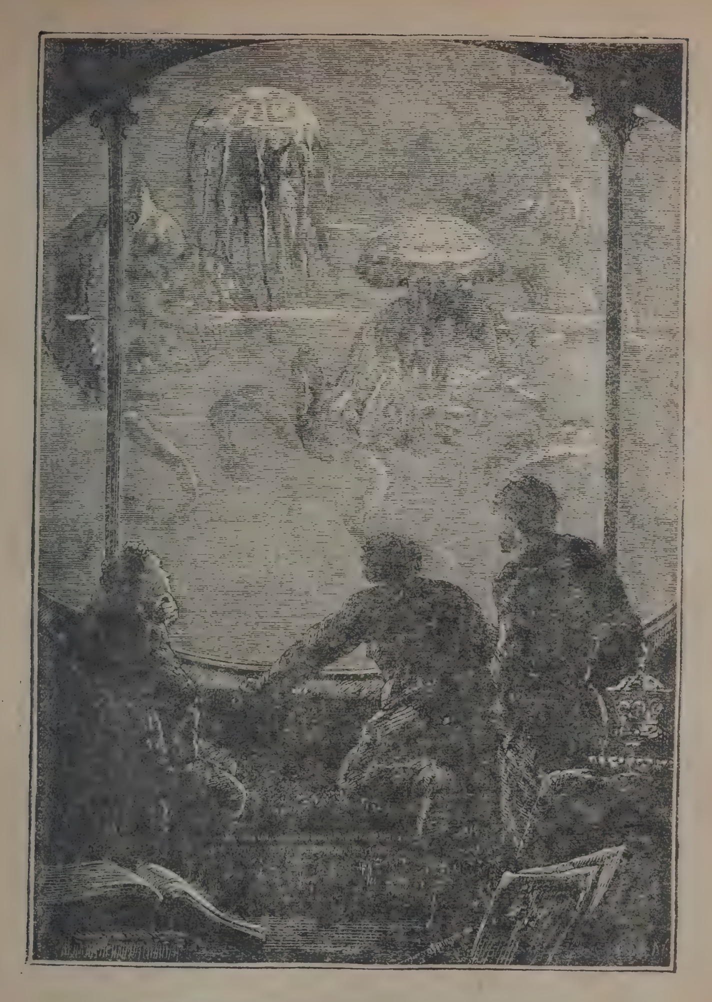
— Ничего не могу вам сказать, Нед. Поверьте мне, выбросьте из головы мысль завладеть «Наутилусом» или бежать с него. Этот корабль — чудо современной техники, и я бы всю жизнь раскаивался, если бы мне не удалось как следует ознакомиться с ним. Многие позавидовали бы нашему с вами положению, хотя бы ради возможности совершить путешествие среди чудес. Итак, ведите себя смирно. Давайте пока наблюдать за тем, что происходит вокруг нас.

— Наблюдать? — вскричал гарпунщик. — Да здесь ничего не увидишь, в этой железной тюрьме! Мы движемся, как слепые!

Не успел Нед Ленд кончить фразу, как вдруг салон погрузился в абсолютную темноту. Светящийся потолок погас с такой быстротой, что у меня даже заболели глаза, так же как если бы от полного мрака я перешел внезапно к ярчайшему свету.

Мы онемели и не смели даже пошевельнуться, не зная, какой сюрприз — приятный или неприятный — нас ожидает. Но тут послышался шорох движения, как будто железная обшивка «Наутилуса» стала раздвигаться.

— Это конец, — сказал Нед Ленд.

Хрустальное окно отделяло нас от моря.

Внезапно салон осветился. Свет проникал в него снаружи с обеих сторон, сквозь два овальных отверстия в стенах. Водные глубины были ярко освещены электрическим прожектором. Два хрустальных окна отделяли нас от моря. Сначала я вздрогнул при мысли, что эта хрупкая преграда может разбиться. Но, разглядев толстый медный переплет окон, я успокоился: он должен был сообщать стеклам огромную прочность.

Море было великолепно видно в радиусе одной мили от «Наутилуса». Какое необычайное зрелище! Кто может передать изумительный эффект электрического луча, пронизывающего прозрачные слои воды, мягкую гамму переходов от света к тени, неописуемое богатство полутонов!..

Всем известна прозрачность морской воды — она чище, чем самая чистая ключевая вода. Растворенные и взвешенные в ней минеральные соли только увеличивают эту прозрачность. В некоторых местах океана, например у Антильских островов, сквозь слой воды толщиной в несколько десятков метров отчетливо видна каждая песчинка на дне.

Электрический свет, вспыхнувший в глубине моря, казалось, превратил жидкую среду вокруг «Наутилуса» не в освещенную воду, а в потоки жидкого пламени.

Если признать правильной гипотезу Эремберга о том, что глубокие водные слои фосфоресцируют, то природа даровала глубоководным жителям зрелище невиданной красоты. Я мог убедиться в этом, глядя через окна «Наутилуса» на игру света в воде.

С обеих сторон салона открыто было по окну в мир неведомого и неисследованного. Темнота, царившая в салоне, усиливала эффект наружного освещения, и мы смотрели как будто сквозь гигантское стекло аквариума.

Казалось, «Наутилус» стоит на одном месте. Это

объяснялось тем, что в виду не было никакого неподвижного предмета, перемещение которого могло бы показать нам, что мы движемся. Но время от времени струйки воды, рассеченные носом подводного корабля, проносились перед нашими глазами с огромной скоростью. Очарованные и восхищенные, мы прижались к стеклам, не находя слов для выражения своего удивления.

Вдруг Консель заговорил:

— Ну-с, дружище Нед, вы хотели видеть? Смотрите же!

— Любопытно, любопытно, — сказал канадец, забывая при виде этого увлекательного зрелища и свой гнев и мечты о побеге. — Стоило приехать издалека, чтобы любоваться этим великолепным зрелищем!

— Теперь мне понятна жизнь капитана Немо! — вскричал я. — Он создал себе особый мир и наслаждается созерцанием его чудес.

— Но где же рыбы? — спросил канадец. — Я не вижу рыб!

— Не все ли вам равно, Нед? — ответил Консель. — Ведь вы их не знаете.

— Как не знаю? Да ведь я рыбак! — вскричал Нед Ленд.

Между друзьями разгорелся спор — оба они знали рыб, но каждый по-своему. Всем известно, что рыбы образуют первый класс типа позвоночных. Наука выработала совершенно точное определение для них: «позвоночные с холодной кровью, дышащие жабрами и приспособленные к жизни в воде». Рыбы делятся на два подкласса: костистых, то-есть таких, у которых спинной хребет состоит из костных позвонков, и хрящевых, то-есть таких, у которых спинной хребет состоит из хрящевых позвонков.

Возможно, что канадец слышал про такое деление рыб, но Консель, бесспорно, знал об этом несравненно

больше. Сдружившись с Недом, он искренне захотел просветить его и поэтому сказал:

— Друг мой Нед, вы гроза рыб, вы ловкий и смелый рыбак. На своем веку вы переловили множество морских обитателей. Но я готов биться об заклад, что вы не имеете представления о том, как их классифицировать.

— Ничего подобного, — совершенно серьезно ответил канадец. — Рыбы делятся на съедобных и несъедобных.

— Это классификация обжор, — рассмеялся Консель. — Но скажите, знаете ли вы разницу между костистыми и хрящевыми рыбами?

— Может быть, и знаю.

— А подразделения этих классов?

— Нет, об этом не имею представления!

— В таком случае, слушайте, Нед, и запоминайте. Костистые рыбы делятся на шесть отрядов. Первый отряд — колючеперые рыбы с цельной и подвижной верхней челюстью и с жабрами, напоминающими по форме гребень. Этот отряд включает пятнадцать семейств, то-есть почти три четверти всех известных рыб. Представитель отряда — обыкновенный окунь.

— Довольно вкусная рыба, — заметил Нед Ленд.

— Второй отряд, — продолжал Консель, — отверстопузырные, у которых брюшные плавники находятся под животом, позади грудных, и не прикреплены к плечевым костям. Этот отряд включает пять семейств, и в него входит бо́льшая часть пресноводных рыб. Представители: карп, щука.

— Фу, — пренебрежительно сказал канадец, — не люблю пресноводных рыб!

— Третий отряд, — сказал Консель, — мягкоперые, брюшные плавники которых расположены под грудными и непосредственно прикреплены к плечевым костям. В этом отряде четыре семейства. Представитель отряда — камбала.

— Вот замечательная рыба! — воскликнул гарпунщик, упорно продолжая рассматривать рыб только под углом зрения кулинарии.

— Четвертый отряд, — не слушая, продолжал Консель, — составляет одно только семейство угрей — с удлиненным телом, лишенным брюшных плавников и покрытым плотной, нередко слизистой кожей.

— Невкусные, — вставил гарпунщик.

— Пятый отряд, — сказал Консель, — пучкожаберные, с цельными подвижными челюстями, но с жабрами, состоящими из маленьких пучков, расположенных попарно вдоль жаберных дуг. В этом отряде только одно семейство иглицевых. Представитель — морской конек.

— Фу, гадость! — воскликнул канадец.

— Шестой и последний, — сказал Консель, — сростночелюстные, челюстная кость которых неподвижно соединена с междучелюстной и поднёбный свод соединяется с черепом. В этом отряде два семейства — твердокожие и скалозубые. Представитель — луна-рыба.

— Которая может только осквернить кастрюлю, — заметил канадец.

— Поняли вы меня, дружище? — спросил ученый Консель.

— Ни черта не понял, Консель, — ответил гарпунщик. — Но продолжайте: то, что вы говорите, очень интересно.

— Что касается подкласса хрящевых рыб, — невозмутимо продолжал Консель, — то он включает в себя всего лишь три отряда.

— Чем меньше, тем лучше, — заметил Нед.

— Первый — круглоротые, челюсти которых соединены в одно кольцо, а жабры открываются многочисленными щелями. В этом отряде только одно семейство. Представитель — минога.

— Неплохая рыба, — отметил Нед Ленд.

— Второй отряд — акулы и скаты с жабрами, как у круглоротых, но с подвижной нижней челюстью.

— Как! — вскричал Нед. — Акула и скат в одном отряде? Ну, дружище Консель, если вы хотите, чтобы скаты уцелели, не советую вам помещать их в один отряд с акулами.

— Третий отряд, — не моргнув глазом, продолжал Консель, — осетровые, жабры которых открываются одной щелью, прикрытой крышкой. В этом отряде четыре семейства. Представитель — осетр.

— Ага, Консель, лучшее-то вы приберегли на самый конец. Вы кончили?

— Да, Нед. Но заметьте себе, что, узнав это, вы узнали еще сущие пустяки, так как отряды делятся на подотряды, семейства, подсемейства, роды, виды, разновидности [1].

— Вот, Консель, как раз несколько разновидностей, — сказал канадец, поворачиваясь лицом к окну.

— Да, рыбы! — воскликнул Консель. — Можно подумать, что находишься в аквариуме.

— Нет, — возразил я, — аквариум ведь только клетка, а эти рыбы так же свободны, как птицы в воздухе.

— А ну-ка, Консель, назовите мне этих рыб, — попросил Нед Ленд.

---

[1] В настоящее время классификация рыб, приводимая Ж. Верном, уже устарела и изменена, а именно: круглоротые рыбы, к которым относится минога, совсем выделены из класса рыб в самостоятельный класс; класс же рыб делится на подклассы: 1) поперечноротых, куда относятся акулы и скаты; 2) химеровых; 3) костноскелетных, куда входят отряд осетровых рыб и отряд настоящих костистых, а этот последний подразделяется на подотряды открытопузырных, мягкоперых, жесткоперых, плотночелюстных, сростночелюстных и пучкожаберных; 4-й подкласс составляют двоякодышащие рыбы.

Также значительно устарели и другие приводимые Ж. Верном данные относительно классификации рыб.

— Это не по моей части, — ответил Консель. — За этим обратитесь к моему хозяину.

И в самом деле, этот заядлый классификатор не был натуралистом, и я не знаю, мог ли он отличить в натуре тунца от пузанка. В этом отношении он был прямой противоположностью практика-канадца, который не колеблясь определял название любой из рыб.

— Это спинорог, — сказал я.

— Китайский спинорог, — добавил Нед Ленд.

— Род спинорогов, семейство твердокожих, отряд сростночелюстных, — прошептал Консель.

Право, Консель и Нед Ленд вместе взятые составили бы одного хорошего натуралиста!

Канадец не ошибся. Множество спинорогов, со сплющенными телами, с шероховатой кожей, с шипом на спинном плавнике, резвились вокруг «Наутилуса», шевеля четырьмя рядами колючек, которыми усеян их хвост.

Трудно представить себе что-либо красивее их тела — серого на спине и белого на брюхе. Рядом со спинорогами плыли скаты, словно полотнища, развевающиеся по ветру. Среди них я заметил китайского ската с желтоватой спиной, нежнорозовым брюхом и тремя шипами над глазом; эта разновидность чрезвычайно редко встречается. Ласепед вообще не верил в существование китайских скатов, так как он видел их только в одном собрании японских рисунков.

В продолжение двух часов целая подводная армия сопровождала «Наутилус». Среди рыб, соперничавших друг с другом красотой расцветки и быстротой движений, я различил зеленого губана, султанку с двойной черной чертой на спине, японскую макрель с синим телом и серебряной головой, блестящих лазоревых рыб, одно название которых заменяет целое описание, полосатых спаров с плавниками, отливающими синим и зеленым,

спаров с черной полосой вокруг хвоста, спаров, окаймленных шестью «поясками», бекасовых рыб, отдельные экземпляры которых достигали целого метра в длину, мурен длиной в шесть футов, с маленькими живыми глазками и широким ртом.

Мы не переставали восхищаться. Нед называл рыб, Консель тотчас же классифицировал их, а я приходил в экстаз от красоты их формы и быстроты движений. Нигде мне еще не приходилось видеть живых рыб в их естественной среде.

Не стану перечислять все разновидности, промелькнувшие перед нашими глазами, всю эту коллекцию рыб Японского и Китайского морей. Привлеченные, повидимому, ярким электрическим светом, они стекались к «Наутилусу» целыми стаями.

Внезапно салон осветился. Железные ставни задвинулись. Чарующее видение исчезло, но я долго еще был погружен в мечты. Посмотрев на висевшие в салоне приборы, я увидел, что стрелка компаса попрежнему показывает направление на восток-северо-восток, манометр — давление в пять атмосфер, соответствующее пятидесятиметровой глубине, а электрический лаг — скорость в пятнадцать миль в час.

Я ждал капитана Немо. Но он не появлялся. Хронометр показывал пять часов пополудни.

Нед Ленд и Консель вернулись в свою каюту. Я тоже ушел к себе. Обед ждал меня на столе. Он состоял из черепахового супа, жаркого из султанки, печень которой, приготовленная отдельно, была на редкость вкусным блюдом, и филея из круглоголового шипоглаза, более нежного, чем лосось.

Вечер я провел за чтением. Когда сон стал одолевать меня, я растянулся на кровати и крепко заснул, в то время как «Наутилус» скользил по течению «Черной реки».

Глава пятнадцатая

ПИСЬМЕННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

На следующий день, 9 ноября, я проснулся после двенадцатичасового сна. Консель пришел, по своему обыкновению, узнать, «как хозяин провел ночь», и предложить свои услуги. Он оставил своего друга-канадца спящим так крепко, как будто ничем другим тот всю свою жизнь и не занимался.

Я предоставил славному Конселю болтать, сколько ему вздумается, отвечая ему кое-как и невпопад. Меня смущало отсутствие капитана Немо на вчерашнем зрелище, и я надеялся, что мне удастся повидать его в этот день.

Я облачился в свой костюм из биссусовой ткани. Вид этой одежды вызвал у Конселя ряд замечаний. Я сказал ему, что ткань изготовлена из шелковистых волокон, которыми прикрепляются к скалам некоторые ракушки. Биссус дает очень мягкую и теплую ткань. Таким образом, само море обеспечивало экипаж «Наутилуса» одеждой, и он не нуждался ни в хлопке, ни в овечьей шерсти, ни в шелковичных червях.

Одевшись, я вышел в салон. Там никого не было.

Я углубился в рассматривание драгоценностей, хранившихся в стеклянных витринах. Я рылся в гербариях, заполненных самыми редкими морскими растениями, сохранившими, несмотря на то что они были засушены, необычайную прелесть и яркость красок.

Так прошел весь день. Капитан Немо не показывался. Железные ставни на окнах салона не раскрывались. Возможно, что нас берегли от пресыщения этим чудесным зрелищем.

«Наутилус» попрежнему держал курс на восток-северо-восток и шел на глубине пятидесяти-шестидесяти метров со скоростью двенадцати миль в час.

Следующий день, 10 ноября, прошел в таком же одиночестве. Я не видел ни одного человека из команды «Наутилуса». Нед и Консель провели бо́льшую часть дня со мною. Отсутствие капитана удивляло их не меньше, чем меня. Может быть, этот странный человек заболел? Или он переменил относительно нас свое решение?

В конечном счете, как правильно заметил Консель, нам не на что было жаловаться. Мы пользовались полной свободой, нас вкусно и сытно кормили. Наш хозяин строго соблюдал условия договора. К тому же самая необычность нашего положения давала нам такое удовлетворение, что мы не вправе были сетовать на судьбу.

С этого дня я стал вести запись всех событий — это позволяет мне теперь рассказывать о них с величайшей точностью. Любопытная подробность: дневник свой я писал на бумаге, сделанной из морских водорослей...

11 ноября рано утром приток свежего воздуха показал, что мы поднялись на поверхность океана, чтобы возобновить запасы кислорода.

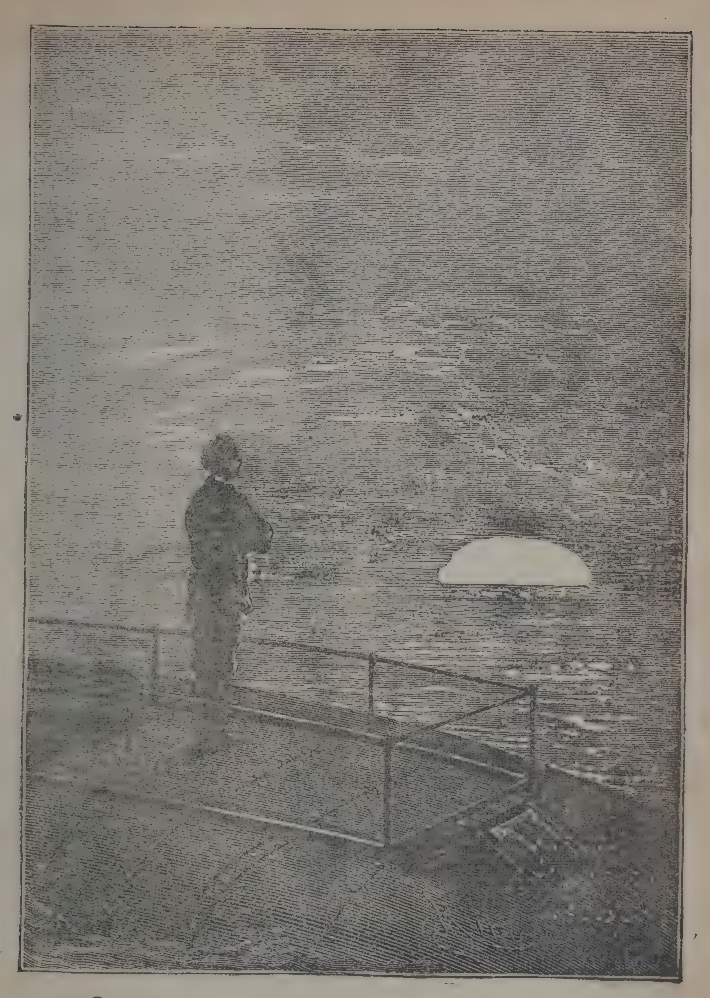
Я направился к трапу и поднялся на палубу «Наутилуса».

Было шесть часов утра. Стояла пасмурная погода. Море было серое, но спокойное; легкая зыбь чуть колыхала его поверхность.

Меня занимал вопрос: поднимется ли наверх капитан Немо? Пока что, кроме рулевого, заключенного в свою стеклянную будку, на палубе никого не было видно.

Усевшись на возвышении, образуемом дном шлюпки, я жадно вдыхал насыщенные солью морские испарения.

Мало-помалу под действием солнечных лучей туман рассеялся. Сияющее светило поднялось из-за горизонта. Море вспыхнуло под его лучами, как порох. Многочисленные перистые облачка, предвещавшие ветреный день, окрасились в удивительно нежные тона.

Сияющее светило поднялось из-за горизонта.

Но что значит ветреный день для «Наутилуса», не боящегося никаких бурь?

Я любовался этим веселым, жизнерадостным восходом солнца, когда за моей спиной послышались шаги. Кто-то поднимался на палубу.

Я приготовился уже поклониться капитану Немо, но это оказался его помощник — я уже видел его раньше, при первой встрече с капитаном. Он вышел на палубу, как будто не замечая моего присутствия. Приставив к глазам сильный бинокль, он с величайшим вниманием стал осматривать горизонт. Окончив осмотр, он подошел к люку и произнес следующую фразу (я точно запомнил ее звучание, потому что впоследствии часто слышал ее при подобных же условиях):

— Hautron respoc orni virch!

Не знаю, что она означала.

Бросив эти слова, помощник спустился вниз по лесенке. Я подумал, что «Наутилус» сейчас снова погрузится, и потому поспешил, в свою очередь, сойти вниз.

Так, без перемен, прошло пять дней. Каждое утро я выходил на палубу. Каждое утро тот же человек произносил ту же фразу. Но капитан Немо не появлялся.

Я уже примирился с тем, что больше не увижу его, когда 16 ноября, войдя в свою комнату в сопровождении Конселя и Неда Ленда, я нашел на столе адресованное мне письмо.

Я нетерпеливо вскрыл конверт. Он был надписан твердым и четким почерком по-французски, но очертания букв походили на готические буквы немецкого алфавита.

Вот содержание этого письма:

Господину профессору Аронаксу.
На борту «Наутилуса».

16 ноября 1867 года.

Капитан Немо просит профессора Аронакса принять участие в охоте, которая состоится завтра утром в лесах

острова Креспо. Капитан Немо будет очень рад, если спутники господина профессора пожелают присоединиться к этой экскурсии.

Командир «Наутилуса»
капитан Немо.

— Охота! — воскликнул Нед.

— Да еще в лесах острова Креспо! — добавил Консель.

— Значит, этот человек посещает иногда и твердую землю? — спросил Нед.

— По-моему, сказано совершенно ясно, — ответил я, перечитав письмо.

— Что ж, в таком случае необходимо принять приглашение, — заявил канадец. — Попав на сушу, мы, в зависимости от обстоятельств, выработаем план действий. А кроме всего, я непрочь съесть кусок свежего мяса.

Не пытаясь примирить кричащее противоречие между словами капитана Немо о том отвращении, которое ему внушают материки и острова, и этим приглашением в лес на охоту, я ограничился таким ответом:

— Давайте посмотрим сначала, что собой представляет остров Креспо.

Поискав на карте, я нашел под 32°40′ северной широты и 167°50′ западной долготы этот островок. В 1801 году его открыл капитан Креспо. На старых испанских картах он назывался Рокка де ла Плата, что в переводе означает «Серебряная скала». Этот островок отстоял примерно в тысяче восьмистах милях от точки нашего отправления; «Наутилус», таким образом, несколько изменил первоначальный курс и направлялся теперь к юго-востоку.

Я указал своим товарищам на эту крохотную точку, затерянную на карте в просторах северной части Тихого океана.

— Ясно, что если капитан Немо иногда и выходит на сушу, то он выбирает для этого совершенно необитаемые острова.

Нед Ленд, не отвечая, покачал головой. Затем он и Консель ушли.

После ужина, поданного невозмутимым и как будто немым стюардом, я лег спать несколько озабоченный.

На следующее утро, 17 ноября, проснувшись, я почувствовал, что «Наутилус» стоит неподвижно. Я быстро оделся и вышел в салон, где застал капитана Немо.

Он поднялся ко мне навстречу, поклонился и спросил, согласен ли я сопровождать его.

Так как он не делал никакого намека на свое восьмидневное отсутствие, я остерегся говорить об этом и коротко ответил, что мои товарищи и сам я готовы следовать за ним.

— Разрешите, капитан, — добавил я, — задать один вопрос.

— Пожалуйста, профессор, — сказал он. — Если смогу, я вам отвечу.

— Как случилось, капитан, — спросил я, — что, порвав всякие связи с землей, вы владеете лесами на острове Креспо?

— Видите ли, профессор, — ответил мне капитан, — леса, которыми я владею, не требуют от солнца ни теплоты, ни света. В них не водятся ни львы, ни тигры, ни пантеры, ни вообще четвероногие. Про их существование знаю только я один. Они и растут-то только для меня... Это не земные, а подводные леса.

— Подводные леса?! — вскричал я.

— Да, профессор.

— И вы предлагаете мне итти туда?

— Совершенно верно.

— Пешком?

— Даже не замочив ног.

— И охотиться?
— Да, охотиться.
— С ружьем?
— С ружьем.

Я бросил на капитана Немо взгляд, в котором не было ничего лестного для него.

«Нет сомненья, — подумал я, — этот человек психически болен; у него только что был приступ болезни, продолжавшийся восемь дней, а может быть, и сейчас еще продолжающийся. Жалко! Я предпочел бы, чтобы он был человеком со странностями, но не безумцем».

Эти мысли, вероятно, легко можно было прочесть на моем лице. Капитан Немо, ничего не говоря, жестом предложил мне следовать за собой, и я пошел с видом человека, готового ко всяким неприятным случайностям.

Мы вошли в столовую, где нас уже ждал завтрак.

— Господин Аронакс, — сказал капитан, — садитесь, пожалуйста, и кушайте без церемоний. Я обещал вам подводную прогулку, но не подводный ресторан. Поэтому рекомендую вам завтракать поплотней, так как обедать мы будем только поздно вечером.

Я послушался этого совета и воздал должное завтраку.

Он состоял из различных рыбных кушаний, приправленных морскими водорослями. Запивали мы завтрак чистой водой, к которой, следуя примеру капитана, я прибавил несколько капель перебродившего настоя водоросли, известной под названием «перепончатой родомении».

Вначале капитан Немо ел молча. Потом он сказал:

— Я думаю, профессор, что, получив приглашение на охоту в лесу острова Креспо, вы сочли меня непоследовательным. Когда же вы узнали, что я приглашаю вас в подводный лес, вы решили, что я сошел с ума. Господин

профессор, никогда не следует поверхностно судить о людях!

— Но, капитан, поверьте, что...

— Благоволите выслушать меня, а после судите, можно ли обвинять меня в непоследовательности или в безумии.

— Я слушаю вас.

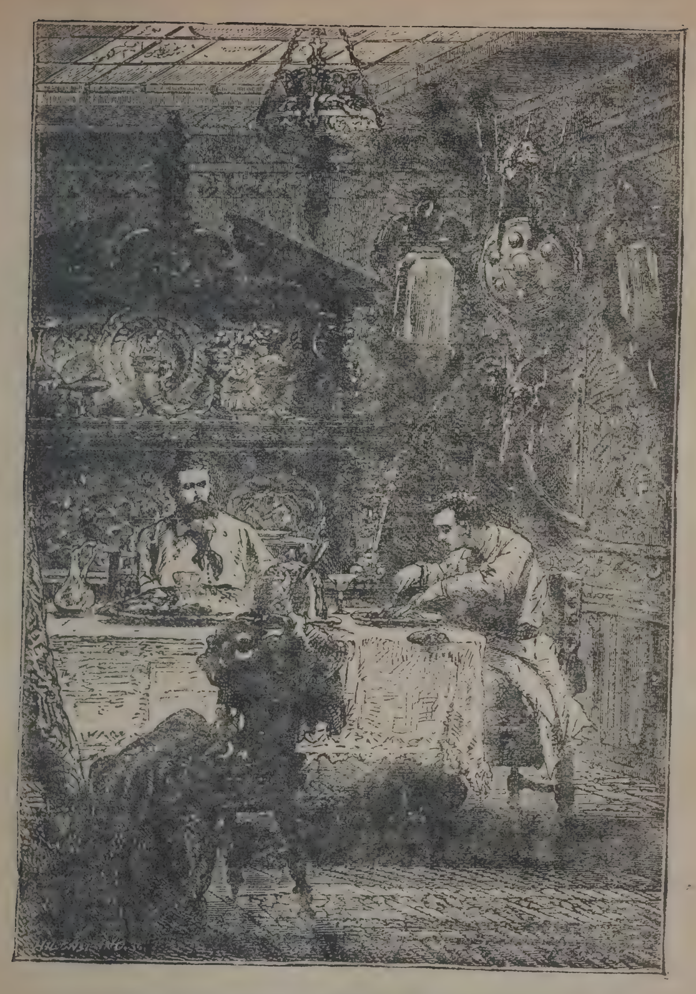
— Вы знаете, так же как и я, профессор, что человек может находиться под водой при условии, если он забирает с собой достаточный запас воздуха для дыхания. При подводных работах рабочие-водолазы, одетые в непромокаемое платье и защищающий голову металлический шлем, получают воздух с поверхности через специальный шланг, соединенный с насосом.

— Да, эта одежда называется скафандром.

— Правильно. Но одетый в скафандр водолаз не свободен. Его связывает резиновый шланг, через который насосы подают ему воздух. Это настоящая цепь, приковывающая его к земле. Если бы мы были прикованы шлангом к «Наутилусу», мы не далеко бы ушли.

— А каким же способом можно этого избежать? — спросил я.

— Пользоваться прибором Руквейроля — Денейруза. Этот прибор изобретен вашими соотечественниками, господин профессор, и усовершенствован мной настолько, что вы можете отправиться с ним под воду — в среду с совершенно иными физиологическими условиями — без всякого ущерба для своего здоровья. Аппарат этот представляет собой резервуар из толстого листового железа, в который нагнетен воздух под давлением в пятьдесят атмосфер. Резервуар укрепляется на спине водолаза при помощи ремней точно так же, как ранец на спине солдата. В верхней части его сделано приспособление вроде кузнечных мехов, которое доводит давление воздуха до нормального и только в таком виде пропускает воздух

Я плотно позавтракал перед экскурсией.

через клапан. В обычном приборе Руквейроля — Денейруза две резиновые трубки, соединенные с резервуаром, подводятся к особой маске, накладывающейся на рот и нос водолаза. Одна служит для вдыхания воздуха из резервуара, другая — для удаления выдыхаемой углекислоты. Водолаз открывает то одну, то другую трубку языком, в зависимости от того, хочет ли он вдохнуть или выдохнуть воздух. Но мне, для того чтобы выдерживать на дне моря значительное давление верхних слоев воды, пришлось заменить эту маску медным шлемом и к нему уже приделать трубки для вдыхания и выдыхания.

— Отлично, капитан. Но воздух, который вы уносите с собой, должен быстро расходоваться, а как только содержание кислорода в нем упадет ниже пятнадцати процентов, он станет не годным для дыхания.

— Это верно, профессор. Но я уже сказал, что насосы «Наутилуса» позволяют мне нагнетать воздух в резервуар под значительным давлением. При этих условиях резервуар обеспечивает запас воздуха для дыхания на девять-десять часов.

— Мне нечего больше возразить, — сказал я. — Позвольте только спросить вас, капитан, каким образом вы освещаете себе путь в глубине океана? Ведь там должен царить беспросветный мрак!

— Аппаратом Румкорфа, профессор. Резервуар со сжатым воздухом укрепляется на спине, а этот — у пояса. Он состоит из элемента Бунзена, который я заряжаю натрием, а не двухромокислым калием, как обычно. Индукционная катушка собирает получающийся ток и направляет его к фонарю особой конструкции: он состоит из змеевидной полой стеклянной трубки, наполненной углекислым газом. Когда аппарат вырабатывает электрический ток, газ светится достаточно ярко. Вот каким образом я могу дышать и видеть под водой.

— Капитан Немо, на все мои возражения вы даете такие исчерпывающие ответы, что я не смею больше ни в чем сомневаться. Однако, признав себя побежденным аппаратами Руквейроля и Румкорфа, я надеюсь еще взять реванш на ружьях, которыми вы обещали вооружить нас для подводной охоты.

— Но ведь это не огнестрельные ружья, заряжающиеся порохом, — сказал капитан.

— Значит, ваши ружья действуют сжатым воздухом?

— Конечно. Ну, судите сами, как бы я стал готовить порох на «Наутилусе», где нет ни селитры, ни серы, ни угля?

— Но ведь при стрельбе под водой, где среда в тысячу восемьсот пятьдесят раз плотнее воздуха, пуле необходимо преодолеть огромное сопротивление.

— Это не мешает моим ружьям стрелять. Кстати сказать, существуют орудия, усовершенствованные после Фултона англичанами Филиппом Кольсом и Берлеем, французом Фурси и итальянцем Ланди, которые могут стрелять и в таких условиях. Но, повторяю, не имея пороха, я заменил его в своих ружьях сжатым воздухом, запас которого благодаря электрическим насосам «Наутилуса», конечно, неограничен.

— Но этот запас нужно возобновлять после каждого выстрела.

— Что же, разве у меня нет за спиной резервуара Руквейроля, чтобы перезарядить ружье? Для этого достаточно повернуть кран. Впрочем, вы увидите сами, профессор, что во время подводных охот не приходится тратить ни много сжатого воздуха, ни много пуль.

— Однако мне кажется, что в царящей на дне полутьме и при большой плотности жидкой среды ваши пули не могут попадать на большом расстоянии и быть смертельными.

— Напротив, профессор, все пули из моих ружей смертельны, и если только «дичь» задета ими — пусть даже чуть-чуть, — она падает, словно сраженная молнией.

— Почему?

— Потому что мои ружья стреляют не простыми пулями, а особыми снарядами, изобретенными австрийским химиком Лёнибреком. Это маленькие стеклянные шарики, имеющие свинцовое ядро и стальную оболочку. В сущности говоря, пули Лёнибрека не что иное, как маленькие лейденские банки, содержащие электрический заряд очень высокого напряжения. При самом легком толчке они разряжаются, и животное, как бы велико оно ни было, падает мертвым. Я добавлю, что эти стеклышки не крупнее дроби номер четыре и что обойма ружья вмещает не меньше двадцати зарядов.

— Сдаюсь, — сказал я, вставая из-за стола. — Вы опрокинули все мои возражения. Мне остается только взять ружье и последовать за вами, куда бы вы ни пошли.

Капитан Немо повел меня на корму «Наутилуса». Проходя мимо каюты Неда Ленда и Конселя, мы позвали их. Они тотчас же присоединились к нам.

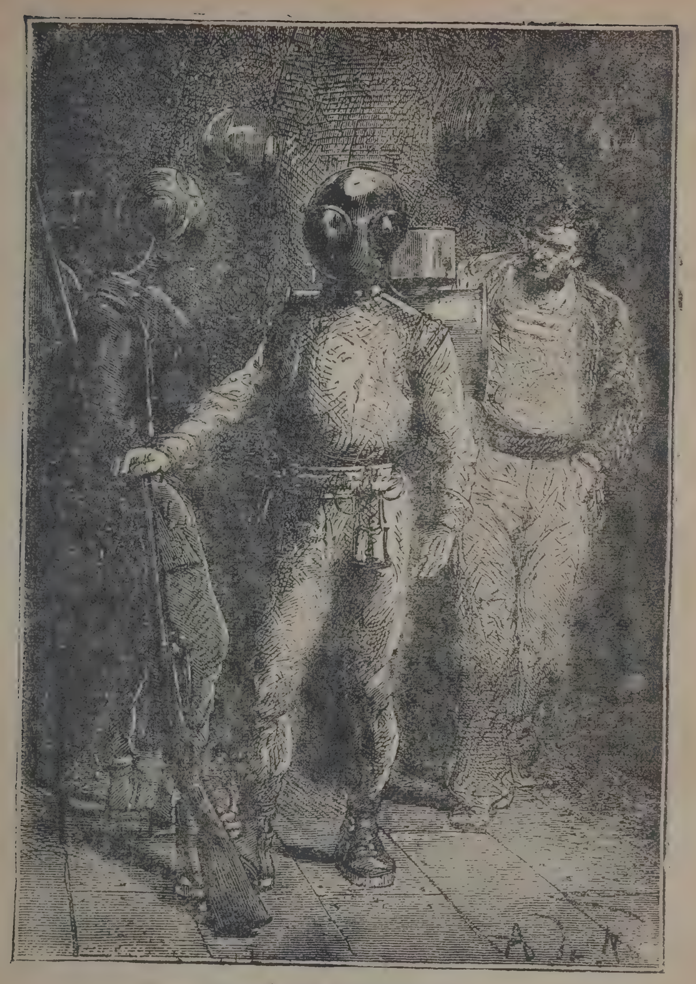
Все вместе мы вошли в камеру, расположенную непосредственно за машинным залом. Здесь мы должны были надеть скафандры для подводной прогулки.

Глава шестнадцатая

ПРОГУЛКА ПО ПОДВОДНОЙ РАВНИНЕ

Эта камера была одновременно и арсеналом и гардеробной «Наутилуса». Дюжина скафандров висела на ее стенах, поджидая охотников.

Нед Ленд, взглянув на скафандры, сделал недовольную

Мы надели скафандры.

гримасу. Ему явно не улыбалось облачаться в этот тяжелый костюм.

— Вы должны знать, Нед, — сказал я храброму канадцу, — что леса острова Креспо — подводные леса.

— Вот так штука! — разочарованно протянул гарпунщик, видя, что его мечты о куске свежего мяса рассыпаются в прах. — А вы, господин профессор, — спросил он меня, — собираетесь влезать в эту сбрую?

— Непременно, дорогой Нед.

— Вольному воля, — ответил Нед Ленд, пожимая плечами, — но если только меня не принудят к этому силой, я в нее не полезу!

— Вас никто принуждать не будет, мистер Ленд, — сухо сказал капитан Немо.

— А Консель пойдет? — спросил Нед.

— Консель последует за хозяином не только в воду, но и в огонь! — ответил Консель.

По зову капитана два матроса пришли помочь нам облачиться в эти тяжелые непромокаемые одежды, сделанные из цельных кусков резины. Скафандры, рассчитанные на высокие давления, напоминали броню средневекового рыцаря, но отличались от нее своей гибкостью.

Одежда состояла из куртки и штанов, оканчивавшихся башмаками, подбитыми толстыми свинцовыми подошвами. Ткань куртки была натянута на медные обручи, которые защищали грудь от давления воды и позволяли легким свободно дышать. К рукавам куртки были пришиты мягкие рукавицы, не стеснявшие движений пальцев.

Капитан Немо, один из его матросов — настоящий Геркулес по внешности, видимо наделенный чудовищной силой, — Консель и я — все мы быстро надели скафандры. Оставалось только просунуть голову в металлический шлем.

Но прежде чем сделать это, я попросил у капитана

разрешения осмотреть ружье, которое мне предназначалось.

Один из матросов подал мне обыкновенное на вид ружье, с несколько бóльшим, чем у огнестрельного, прикладом, полым внутри и сделанным из стали. Приклад этот служил резервуаром для сжатого воздуха, врывавшегося в дуло, когда спущенный курок отодвигал клапан резервуара. В обойме помещалось штук двадцать электрических пуль, которые особой пружиной автоматически вставлялись в дуло. Как только из ружья вылетала одна пуля, на ее месте тотчас же оказывалась другая.

— Капитан Немо, — сказал я, — это замечательное оружие, и притом чрезвычайно простой конструкции. Мне не терпится испробовать его на деле. Но каким образом мы опустимся на дно?

— «Наутилус» стоит сейчас на дне, на глубине десяти метров. Мы можем отправиться, профессор.

— Но как мы выйдем из судна?

— Сейчас увидите.

И капитан Немо надел на голову медный шлем. Консель и я последовали его примеру, причем на прощание Нед Ленд иронически пожелал нам удачной охоты. Ворот куртки был снабжен медным кольцом с винтовой нарезкой, на которую навинчивался шарообразный шлем. Сквозь толстые стекла трех окошек шлема, поворачивая голову, можно было глядеть вперед и в стороны.

Открыв кран аппарата Руквейроля, я прицепил к поясу лампу Румкорфа и взял в руки ружье. Тяжелый скафандр, а особенно подбитые свинцом башмаки буквально пригвождали меня к полу. Мне казалось, что я не смогу сделать ни шагу.

Но, очевидно, это было в порядке вещей. Меня выволокли в маленькую кабину рядом с гардеробной. Моих спутников вытолкали вслед за мной таким же образом.

Я услышал, как за нами закрылась дверь, и мы очутились в абсолютной темноте.

Через несколько минут до моих ушей донесся сильный свист. Я почувствовал, как что-то холодное поднимается от ног к груди. Очевидно, в машинном зале открыли кран, дающий доступ морской воде, и она заливала сейчас кабинку, в которой мы находились. Как только вода заполнила доверху всю кабинку, раскрылась вторая дверь в борту «Наутилуса», и мы увидели бледный полусвет. Через секунду мы уже шагали по дну моря.

Как мне теперь описать впечатления от этой прогулки по дну морскому? Как словами передать виденные мною чудеса, когда даже кисть художника не в состоянии изобразить поразительные эффекты водной стихии?

Капитан Немо шел впереди. Матрос замыкал шествие. Консель и я шли рядом — как будто можно было обмениваться впечатлениями через наши металлические шлемы! Я не чувствовал больше тяжести скафандра, свинцовых башмаков, резервуара со сжатым воздухом и металлического шлема, в котором голова болталась, как орех в скорлупе. Все эти предметы, погруженные в воду, теряли в весе ровно столько, сколько весила вытесненная ими вода. Я готов был благословлять этот физический закон, открытый еще Архимедом, так как он вернул мне подвижность.

Меня удивил яркий свет, заливавший дно, несмотря на тридцатифутовый слой воды. Солнечные лучи свободно пронизывали эту водную толщу и обесцвечивали ее. Я отчетливо видел мельчайшие предметы в сотне метров расстояния. Дальше контуры начинали тускнеть, краски сгущались, темнели, и в конце концов все исчезало в неопределенной синеве. Среда, окружавшая меня, казалась тем же воздухом, только более плотным, чем зем-

ная атмосфера, но не менее прозрачным. Над собой я видел спокойную поверхность моря.

Мы шагали по мелкому, плотно слежавшемуся и идеально гладкому песку, не имевшему тех складок, которые волны оставляют на прибрежных песках. Этот ослепительный ковер служил настоящим рефлектором для солнечных лучей. Вот почему так ярко была освещена водная толща, каждая частица которой буквально пронизывалась светом. Поверят ли мне, если я скажу, что на этой глубине в тридцать футов было так же светло, как на поверхности воды в светлый день?

В продолжение четверти часа мы ступали по песчаному ковру, посыпанному неосязаемой пылью миллиардов мельчайших ракушек. Корпус «Наутилуса» понемногу таял в отдалении; ночью его прожектор должен был своими яркими, видными издалека лучами облегчить нам возвращение на борт.

Мы всё шли и шли, а обширная песчаная равнина, казалось, не имела границ. Я раздвигал руками жидкие занавеси, но они тотчас же смыкались за моей спиной, и давление воды мгновенно уничтожало следы моих шагов на песке.

Наконец в отдалении смутно стали вырисовываться какие-то контуры. Подойдя ближе, я разглядел подводные скалы, густо поросшие зоофитами. Тут я был ослеплен световым эффектом, присущим только жидкой среде.

Было около десяти часов утра. Солнечные лучи, падая под острым углом, преломлялись в воде, словно в призме, и окрашивали края скал, полипы, растения во все семь цветов солнечного спектра. Яркие краски — фиолетовая, синяя, голубая, зеленая, желтая, оранжевая и красная, — разбросанные в воде, словно на палитре темпераментного художника, были настоящим праздником для глаз.

Как досадно было, что я не мог поделиться сКонселем своими ощущениями, той радостью, которая волновала меня! Как жаль, что я не знал языка знаков, при помощи которых капитан Немо разговаривал с матросом! Не в силах молчать, я говорил сам с собой, выкрикивая какие-то слова, расточительно и бесцельно расходуя драгоценный запас воздуха.

Консель, так же как и я, остановился, ошеломленный этим изумительным зрелищем.

Мне показалось, правда, что достойный малый, увидев зоофитов и моллюсков, стал их немедленно классифицировать.

Дно было усеяно множеством полипов и иглокожих. Разнообразные кораллы — изиды, живущие в одиночестве кожистые кораллы — корнулярии, группы глазастых кораллов, которых раньше называли «белыми кораллами», кораллы фунгии, имеющие форму шампиньонов, актинии с венцом щупальцев вокруг рта — образовали настоящий цветник. Но лучшими украшениями этого морского сада были порпиты с кружевными воротничками из лазоревых щупальцев, морские звезды, образовывавшие целые созвездия на песке, офиуры — астрофитоны, с разветвленными и курчавыми лучами.

Я испытывал искреннее огорчение, когда мне приходилось давить под башмаками моллюсков, тысячами устилавших дно: молотков, донаций, совершавших прыжки гребешков, трохусов, стромбусов, морских зайцев — аплизий — и много других обитателей неистощимого в своем богатстве океана.

Но надо было итти вперед, и мы шли.

Над нашими головами неторопливо плыли отряды физалий с развевающимися небесно-голубыми щупальцами и медуз с нежнорозовыми или опаловыми шляпками, окаймленными лазоревой полоской по краям. Мы встретили также медузу пелагию, которая освещала бы

нам путь своим фосфорическим блеском, если бы мы шли ночью.

Все эти чудеса я наблюдал мимоходом на протяжении едва четверти мили. Нужно было не отставать от капитана Немо, который быстро, не останавливаясь, шел вперед.

Вскоре характер грунта изменился. Песчаный ковер сменился слоем вязкого ила, который состоял преимущественно из кремнистых или известковых ракушек. Затем мы прошли по поросшей водорослями поляне. Подводные лужайки, покрытые густой растительностью, стлались под ногами, как пушистый ковер, вытканный искуснейшим мастером.

Растения простирались не только под ногами у нас, но и над нашими головами. Мы шли словно по крытой аллее с потолком из водорослей. Тут были длинные ленты фукусов, шарообразные или трубчатые лауренции, кладостефы с тонкими листьями, широколистные родомении, похожие на веера кактусов.

Я заметил, что зеленые водоросли держались ближе к поверхности моря, красные — на средней глубине, а коричневые и черные образовывали цветники и сады в более глубоких слоях океана.

Водоросли — настоящее чудо природы. К этому семейству, насчитывающему около двух тысяч членов, принадлежат одновременно и самые маленькие и самые крупные растения в мире. Так, наряду с микроскопическими водорослями, сорок тысяч штук которых умещаются на площади в пять квадратных миллиметров, известны и водоросли, имеющие свыше пятисот метров в длину.

Прошло уже часа полтора с тех пор, как мы покинули «Наутилус». Приближался полдень. Я заметил это по тому, что солнечные лучи стали падать отвесно, не преломляясь в воде. Фантастическое богатство красок

мало-помалу тускнело, и сапфировые и изумрудные тона исчезли с нашего «небосвода». Мы мерно шагали вперед, и стук наших шагов отдавался с необычайной отчетливостью. Малейшие шумы распространялись с быстротой, к которой ухо не привыкло на земле. В самом деле, вода лучше проводит звук, чем воздух, и он распространяется в ней в четыре раза быстрее.

Тем временем дно стало заметно покатым. Мы находились теперь на глубине ста метров и испытывали давление в десять атмосфер. Но, повидимому, мой скафандр был приспособлен к этим условиям, так как я нисколько не страдал от повышенного давления.

Я ощущал только какое-то неуловимое стеснение в суставах пальцев, но и это несколько неприятное чувство скоро исчезло. Никакой усталости от двухчасовой ходьбы в снаряжении, к которому у меня, естественно, не было привычки, я не испытывал. Поддерживаемый водой, я двигался в ней с необычайной легкостью [1].

На этой глубине в триста футов я еще наблюдал отблески солнечного света, но уже еле заметные. Яркий свет дня уступил место красноватым сумеркам — состоянию, среднему между днем и ночью. Однако мы достаточно хорошо видели дорогу, и еще не пришла пора пускать в ход лампы Румкорфа.

Вдруг капитан Немо остановился. Он подождал, пока я к нему подойду, и, вытянув палец вперед, указал мне на какую-то темную массу, явственно вырисовывавшуюся в полутьме невдалеке от нас.

«Это лес острова Креспо», подумал я — и не ошибся.

---

[1] Работа водолаза — очень тяжелый физический труд, требующий длительного обучения. Та легкость, с которой герои Ж. Верна путешествуют в своих водолазных костюмах под водой на любых глубинах, возможна только в романе.

Глава семнадцатая

ПОДВОДНЫЙ ЛЕС

Итак, мы наконец пришли к опушке леса, вероятно одного из красивейших мест в необозримых владениях капитана Немо. Он считал этот лес своей собственностью, присваивая себе те же права, какие были у первых людей в первые дни существования мира. Впрочем, кто мог оспаривать у него эти права на подводные поместья? Какой другой, более смелый пионер явится сюда с топором в руках вырубать дремучие леса?

Лес острова Креспо состоял из больших древовидных растений, и как только мы вошли под его просторные своды, я был поражен одной особенностью в расположении ветвей. Ничего подобного я до сих пор еще не видывал!

Травинки, ковром устилавшие дно, и ветви, росшие на деревьях, не гнулись, не изгибались и не лежали в горизонтальной плоскости — все они перпендикулярно поднимались к поверхности океана. Самые тонкие стебельки вытягивались стрункой кверху, как железные прутья. Фукусы и другие водоросли вследствие плотности окружающей среды росли вверх по строго перпендикулярной к поверхности моря прямой. Эти растения, если мне приходилось отодвигать их в сторону, тотчас же принимали прежнее положение, как только я убирал руку.

Вскоре я привык к этому странному царству вертикальности, так же как и к окружавшей нас относительной темноте. «Почва» леса была усеяна острыми камнями. Подводная флора показалась мне очень обильной.

Мне не сразу удалось отличить растительное царство от животного: я принимал животно-растения, зоофиты, за водяные растения — гидрофиты, и наоборот. Да и кто

не ошибся бы на моем месте? Фауна и флора ведь так тесно переплетаются в этом подводном мире! [1]

Я заметил, что все растения искусственным образом прилеплялись к грунту, а не росли из него. В этом нет ничего удивительного: лишенные корней, они требуют от почвы не жизненных соков, а только точки опоры. Поэтому они одинаково охотно селятся и на камнях, и на песке, и на гальке, и на ракушках. Эти растения живут, дышат и питаются водой, которая их окружает. Большинство из них вместо листьев выпускает маленькие пластинки самой причудливой формы. Расцветка этих пластинок ограничена гаммой следующих цветов: розовый, карминно-красный, зеленый, оливковый, бурый и коричневый. Я снова увидел здесь, но уже не засушенными, как в коллекциях «Наутилуса», а полными жизни, падин-павлины, похожие на раскрытые веера, яркокрасные церамии, ламинарии, вытягивающие молодые побеги, нитевидные нереоцистеи, расцветающие на высоте пятнадцати метров, букеты ацетабулярий, чьи стебли утолщаются кверху, и множество других морских растений, которые все не имели цветов. «Какой странный мир, — сказал один натуралист о подводном царстве: — здесь животные цветут, а растения не дают цветов!»

Под сенью различных растений, не уступающих по величине деревьям умеренного пояса, виднелись, словно настоящие заросли живых цветов, целые изгороди из зоофитов, над которыми пышным цветом цвели меандрины с извилистыми бороздками, желтоватые звездчатые кораллы — кариофиллии — с прозрачными щупальцами, и — в довершение аналогии с надземным садом — рыбы-мухи перелетали с цветка на цветок, как рой колибри, а из-под ног у нас поднимались, как стаи бекасов, желтые леписаканты, летучие петухи и моноцентры.

---

[1] Ошибочное представление, существовавшее среди ученых в конце XVIII и начале XIX века.

Около часа дня капитан Немо дал сигнал к отдыху. Мы растянулись на дне под сенью аларий, длинные стебли которых вздымались кверху, как шпили готического собора.

Этот отдых был чрезвычайно приятен. Нехватало только возможности поболтать. Но ни говорить, ни слушать нельзя было. Я довольствовался тем, что приблизил свою большую медную голову к такой же голове Конселя, и увидел, что глаза моего славного товарища блестят от восторга. В знак своего полного удовлетворения он комично завертел головой внутри металлического шлема.

Меня очень удивило, что после четырехчасовой прогулки я не испытывал голода. Почему желудок проявлял такую умеренность, я не знал. Но зато мне нестерпимо хотелось спать, как это бывает с водолазами. Веки мои смежились под толстым стеклом, и я отдался дремоте, которую до тех пор преодолевала только ходьба. Капитан Немо и великан-матрос первые подали пример и быстро уснули на песчаном ложе.

Не могу определить, сколько времени я проспал. Когда я очнулся, капитан Немо уже был на ногах. Я только начал потягиваться, как вдруг заметил в нескольких шагах от себя огромного морского краба, ростом в целый метр; пяля свои раскосые глаза, он, повидимому, хотел напасть на меня. Хотя мой скафандр был достаточно плотным, чтобы защитить меня от укусов, я всетаки не смог сдержать дрожь ужаса. В эту минуту проснулись Консель и матрос с «Наутилуса».

Капитан Немо указал на отвратительное животное, и матрос тотчас же убил краба ударом приклада.

Встреча с огромным членистоногим навела меня на мысль, что в этих темных глубинах могли обитать и другие животные, более страшные, против которых мой скафандр не явится достаточной защитой.

Я решил быть настороже.

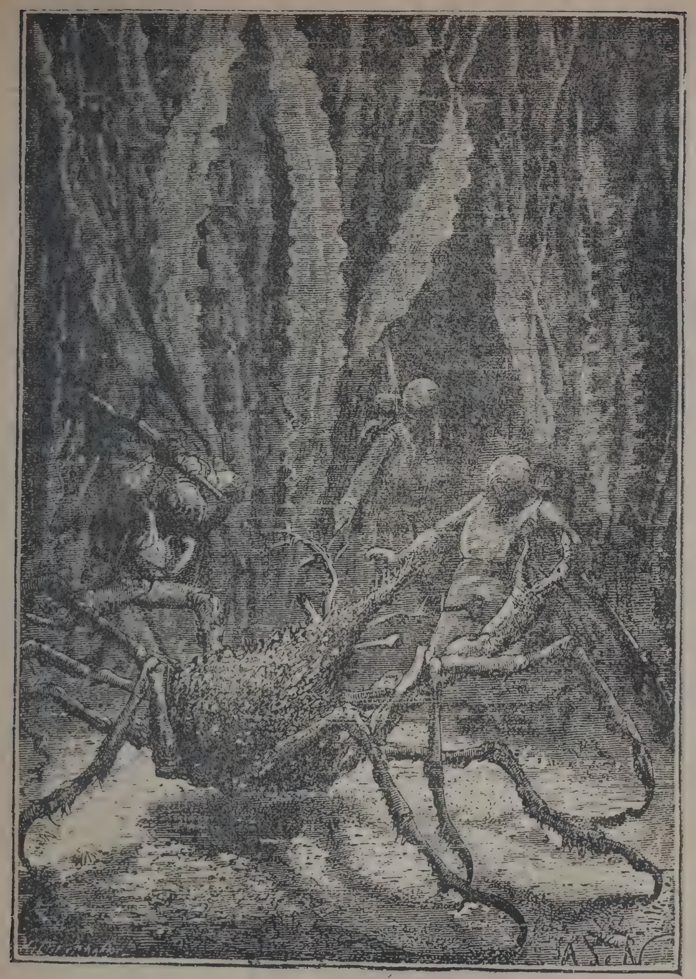
Я думал, что этот отдых означает конец прогулки, но оказалось, что я ошибся: вместо того чтобы повернуть к «Наутилусу», капитан Немо снова пошел вперед.

Дно постепенно все больше понижалось, и, идя по его покатости, мы уходили все дальше в глубь моря. Было, вероятно, около трех часов пополудни, когда мы достигли узкой ложбины, расположенной между двумя отвесными скалами на глубине ста пятидесяти метров. Благодаря совершенству наших водолазных костюмов мы опустились уже на девяносто метров ниже того предела, который природа, казалось, установила для подводных экскурсий человека.

Я определил глубину нашего погружения в сто пятьдесят метров, хотя, конечно, никаких инструментов для измерения расстояния от поверхности воды у меня не было. Но я знал, что даже в самых прозрачных водах солнечные лучи не могут проникать глубже. Между тем на той глубине, на какой мы находились, царил полный мрак. Но вдруг впереди вспыхнул довольно яркий свет. Это капитан Немо зажег свой электрический фонарик. Его спутник последовал этому примеру. Тогда Консель и я также зажгли свои фонари: мы повернули выключатель — и змеевидная трубка, наполненная газом, засветилась от действия электрического тока.

Свет наших четырех фонарей осветил море в радиусе двадцати пяти метров.

Капитан Немо продолжал углубляться в темный лес. Деревья становились все реже. Я заметил, что растительная жизнь исчезала быстрее, чем животная. Мы уже почти не встречали морских растений, тогда как зоофиты, членистоногие, моллюски и рыбы продолжали еще кишеть вокруг нас.

Я заметил около себя огромного морского краба.

Мне пришла в голову мысль, что электрические фонари должны были привлечь к нам внимание морских обитателей. Но если они и приближались к нам, то все-таки оставались на почтительном расстоянии, недостаточном для успешной охоты.

Несколько раз я видел, как капитан Немо останавливался и вскидывал ружье к плечу. Но, прицелившись, он опускал ружье не стреляя.

Наконец, около четырех часов пополудни, мы дошли до цели нашей чудесной прогулки. Перед нами вдруг выросла огромная гранитная стена, величественное нагромождение скал, изрытых темными пещерами; стена эта была почти отвесной. Это было подножие острова Креспо. Это была земля.

Капитан Немо остановился. Жестом он предложил нам последовать его примеру, и как мне ни хотелось одолеть эту стену, но пришлось остановиться. Здесь кончались владения капитана Немо. Он не хотел перешагнуть их границы.

За этой чертой начинался другой мир, в который он не хотел вступать!

Мы тронулись в обратный путь. Капитан Немо снова стал во главе нашего маленького отряда и повел нас вперед не колеблясь. Мне показалось, что мы возвращались к «Наутилусу» другой дорогой.

Эта новая дорога, очень крутая, а следовательно, и очень утомительная, быстро приблизила нас к поверхности моря. Однако возвращение в верхние слои воды было не настолько быстрым, чтобы грозить нам неприятными последствиями: как известно, мгновенное изменение давления вызывает в человеческом организме выделение из крови азота — вскипание крови.

Эта опасность угрожает всем неосторожным водолазам, быстро поднимающимся на поверхность из больших глубин.

Вскоре мы снова вошли в освещенные слои воды. Так как солнце уже стояло низко над горизонтом, его лучи, преломляясь, опять зажгли радужный ореол по краям растений.

Мы шли на глубине десяти метров, окруженные стаями самых разнообразных рыбешек; но до сих пор ни одно водяное животное, достойное ружейного выстрела, не попалось нам на глаза.

Вдруг я увидел, что капитан Немо снова вскинул ружье к плечу и стал прицеливаться в какое-то движущееся в подводном кустарнике существо. Он спустил курок. Послышался слабый свист, и в пяти шагах от нас свалилось какое-то животное.

Это была морская выдра[1] — единственное морское четвероногое. Мех этого животного, имеющего полтора метра в длину, темнобурый на спине и серебристо-белый на брюхе, очень высоко ценится на русском и китайском рынках. Я с интересом рассматривал этого зверька с длинным плоским телом, на коротких ногах, с плоской головой, тупой мордой, маленькими круглыми ушами, сильно развитой перепонкой между пальцами и длинным сплющенным хвостом. Это драгоценное хищное животное, за которым усиленно охотятся рыбаки, стало за последнее время очень редкой добычей. Оно встречается теперь только в северных частях Тихого океана, и, вероятно, недалеко то время, когда оно совершенно выведется.

Матрос поднял убитую выдру, взвалил ее на плечо, и мы снова тронулись в путь.

В течение часа мы шагали по песчаной равнине. Местами она поднималась к поверхности моря, не доходя до нее метров двух. Тогда я видел нас самих в отчетливом зеркальном отражении — казалось, что над

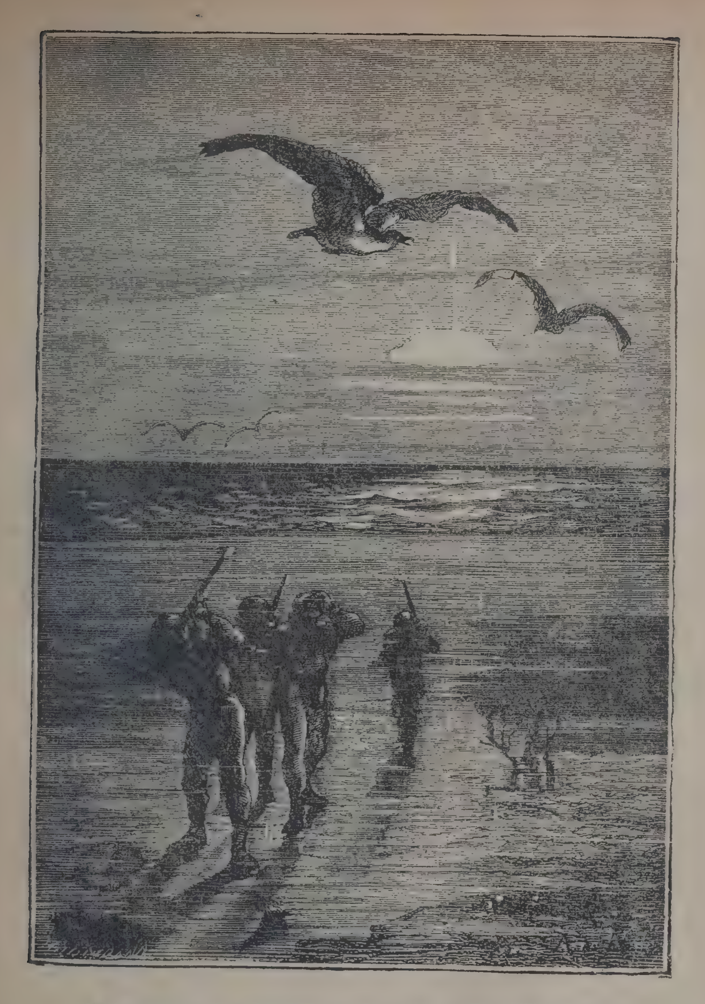
[1] Морская выдра обитает в прибрежной зоне Командорских островов.

нами шла группа людей, повторяющая все наши движения и жесты, но идущая... головой вниз.

Еще одно заслуживающее внимания явление: над нами беспрерывно проносились и таяли клочья облаков, на мгновение застилавшие свет. Поразмыслив над причинами этого странного явления, я понял, что эффект этих «облаков» был не чем иным, как следствием волнения, вызывавшего изменение толщины водяного слоя над нами. Приглядевшись, я заметил пенистые «барашки» на гребнях волн. Прозрачность воды была такова, что я отчетливо видел даже тени больших морских птиц, быстро мелькавшие над водой.

Тут-то я и стал свидетелем самого замечательного выстрела, который когда-либо доводилось видеть охотнику. К воде приближалась, паря на широко распростертых крыльях, какая-то большая птица. Она была отчетливо видна. Матрос вскинул к плечу ружье и выстрелил в нее, когда она летела в расстоянии нескольких метров от поверхности моря. Птица камнем упала в воду, и сила падения была так велика, что, преодолевая сопротивление воды, она спустилась почти в самые руки меткого стрелка. Это был крупный альбатрос, замечательный представитель группы морских птиц.

В продолжение двух часов мы шли то по песчаной равнине, то по поросшим водорослями лугам, через которые было трудно пробиваться. Должен признаться, что я выбивался из последних сил, когда заметил в полумиле от нас какой-то слабый свет. Это был прожектор «Наутилуса». Не позже как через двадцать минут мы должны были вернуться на борт корабля. Там я надеялся снова вздохнуть полной грудью: мне казалось, что сжатый воздух, поступающий под шлем из резервуара, содержит теперь недостаточно кислорода. Но я не предвидел одной встречи, которая несколько задержала наше возвращение. Я шел шагах в двадцати позади капитана Немо.

К воде приближалась какая-то большая птица.

Вдруг он повернулся и быстро направился ко мне. Железной рукой он пригнул меня к земле. Матрос поступил так же с Конселем.

Сначала я не знал, что подумать об этом внезапном нападении, но успокоился, увидев, что сам капитан опустился рядом со мной и лежит неподвижно.

Я лежал под кустом водорослей, не понимая, что происходит, как вдруг, подняв глаза, увидел, что над нами проносятся какие-то огромные фосфоресцирующие туши. Кровь застыла у меня в жилах. Я узнал в этих громадинах пару акул. У этих страшных животных — огромный хвост, железные челюсти, могущие одним взмахом перерубить человека пополам, и тусклые стеклянные глаза.

Не знаю, занимался ли Консель классифицированием, но что касается меня, то я глядел на их серебристое брюхо и пасть, усеянную огромными острыми зубами, скорее как жертва, чем как ученый-естествоиспытатель.

К нашему великому счастью, у этих страшных хищников скверное зрение. Они проплыли над самыми нашими головами, ничего не заметив. Мы счастливо избавились от опасности, более страшной, чем встреча с тигром в глухом лесу.

Через полчаса мы добрались до «Наутилуса», яркий прожектор которого указывал нам путь. Наружная дверь оставалась открытой. Капитан Немо захлопнул ее, как только мы вошли в кабину. Затем он нажал кнопку. Я услышал шум насосов внутри корабля и почувствовал, как спадает уровень воды вокруг меня. В несколько минут кабина совсем освободилась от воды. Тогда раскрылась внутренняя дверь, и мы перешли в гардеробную.

С меня сняли скафандр, и, усталый до полусмерти, почти падая от истощения и сонливости, но бесконечно довольный этой чудесной подводной экскурсией, я вернулся к себе в комнату.

Глава восемнадцатая

16 000 КИЛОМЕТРОВ ПОД ТИХИМ ОКЕАНОМ

На следующий день, 18 ноября, я проснулся бодрым и отдохнувшим. Я поднялся на палубу «Наутилуса» как раз в ту минуту, когда помощник капитана произносил свою обычную фразу. Мне пришла вдруг в голову мысль, что эта фраза означает: «Ничего нет в виду».

И в самом деле, океан был совершенно пустынен. Ни одного паруса на горизонте. Горы острова Креспо исчезли из виду, повидимому, еще ночью. Море, поглощающее все цвета спектра, кроме синего, отражало этот цвет.

Я все еще любовался великолепным зрелищем океанского утра, когда на палубу вышел капитан Немо. Как будто не замечая меня, он занялся астрономическими наблюдениями. Закончив их, он отошел к штурвальной рубке и, облокотившись о нее, стал смотреть в океан.

Тем временем на палубу поднялись человек двадцать матросов. Они начали выбирать сети, закинутые накануне ночью. Это были здоровые и крепкие люди разных национальностей. Я узнал среди них несколько ирландцев, французов, славян, одного грека, одного уроженца острова Крит. Все они был скупы на слова и объяснялись между собой на каком-то непонятном языке, происхождения которого я не мог угадать.

Матросы вытащили сети на палубу. Эти сети напоминали нормандские и представляли собой большой мешок, отверстие которого при помощи палки и цепи, продетой сквозь нижние петли, остается полуоткрытым в воде. Мешок этот, прикрепленный к корме стальными тросами, скребет дно океана и вбирает в себя все, что попадается на пути судна.

В этот день в сети попали любопытные образчики океанской фауны — рыбы-рыболовы, прозванные «мор-

скими чертями» из-за своего уродства, необычайной прожорливости и странного способа передвижения: они держатся на дне и перепрыгивают с места на место при помощи своих рукоперых плавников. В сетях бились также пятнистые иглобрюхи; в спокойном состоянии у этой рыбы живот втянут, но стоит ей заметить приближение опасности, как она надувается, расправляет складки кожи, превращается в шар и подставляет врагу свой живот, усеянный грозными колючками. Далее из сетей высыпали на палубу «Наутилуса» несколько желтоватых миног; двух серебристо-серых волосохвостов, длинное тело которых вместо хвостового плавника заканчивается тонкой нитью; несколько чешуйчатых прямоперов, нижняя сторона тела которых обрамлена длинным прямым плавником; желтовато-серую с бурыми пятнами треску; множество разновидностей бычков и, наконец, несколько крупных великолепных тунцов, которых не спасла от сетей даже огромная скорость их движения в воде.

Сети дали не менее тысячи фунтов рыбы. Это был удачный, но не исключительный улов.

В самом деле, ведь сети тащились за судном много часов, вбирая в себя все, что попадалось на пути.

Всю пойманную рыбу матросы снесли в камбуз; часть ее должна была быть съедена в свежем виде, а остальная заготовлена впрок.

Рыбная ловля окончилась. Подумав, что корабль сейчас снова нырнет в воду, я собирался уже возвратиться в свою комнату. Но вдруг капитан Немо подошел ко мне и заговорил:

— Взгляните на океан, профессор! Разве вам не кажется, что это живое существо, порой гневное, а порой и нежное? Вчера вечером он заснул, так же как и мы, а сегодня проснулся в хорошем расположении духа после спокойной ночи.

«Ни здравствуйте, ни прощайте! — подумал я. — Со

стороны может показаться, что этот человек продолжает давно начатый со мной разговор».

— Глядите, — продолжал капитан Немо, — вот он просыпается от ласки солнца, начинает жить своей дневной жизнью. Как интересно следить за проявлениями жизнедеятельности его организма! У него есть сердце, есть артерии... Я совершенно согласен с ученым Мори, утверждающим, что он подметил в океане движение, в точности подобное кровообращению животных.

Было совершенно ясно, что капитан Немо не ждал от меня ответа. Поэтому я избавил себя от труда вставлять в его речь бессодержательные «совершенно верно», «вы правы» и «да, конечно».

Капитан просто говорил сам с собой, делая большие паузы между фразами. Это были мысли вслух.

— Да, — говорил он, — в океане происходит постоянный круговорот, обусловленный температурными изменениями, наличием солей и микроорганизмов. Температурные изменения создают различную плотность воды и — как следствие этого — течения и противотечения. Испарение воды — ничтожное в полярных областях и очень значительное в экваториальных зонах — рождает постоянный обмен между тропическими и полярными водами. Кроме того, я обнаружил постоянное движение воды от поверхности ко дну и от дна к поверхности, которое представляет собой подлинное дыхание океана. Вы увидите у полюса результаты этого явления и поймете, почему вода может превращаться в лед только на поверхности.

Пока капитан Немо заканчивал свою фразу, я успел подумать: «У полюса? Неужели этот храбрец хочет повести нас туда?»

Между тем капитан умолк; взор его был устремлен на океан, который он так тщательно, любовно и непрестанно изучал.

Помолчав немного, он снова заговорил:

— Море содержит в себе значительное количество солей. Если бы собрать всю соль, растворенную в морской воде, то она заняла бы объем в четыре с половиной миллиона кубических миль. Если бы, профессор, вы пожелали рассыпать эту соль ровным слоем по всему земному шару, то получилась бы насыпь толщиной свыше десяти метров. Но только не думайте, пожалуйста, что наличие солей в воде обуславливается каким-нибудь капризом природы. Нет! Соль уменьшает испарение морской воды, не дает ветрам уносить слишком много водяных паров и тем защищает от дождей умеренные зоны нашей планеты. Это огромная и почетная роль — уравновешивать работу стихий на земном шаре!

Капитан Немо снова умолк, сделал несколько шагов по палубе и продолжал:

— Что касается бактерий, этих мельчайших живых организмов, миллионы которых помещаются в одной капле и восемьсот тысяч штук которых весят один миллиграмм, — их роль не менее значительна. Они поглощают морские соли, вбирают в себя растворенные в воде твердые вещества. Там, в глубине, зоофиты образуют колонии кораллов и полипов и строят целые материки. Но вода в океане не остается в покое. Она все время перемешивается как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении и снабжает организмы пищей. Эти постоянные токи воды — вверх и вниз, — постоянное движение создают в море неугасающую жизнь. Жизнь более напряженную, чем на материках, более плодовитую, бесконечную, непрекращающуюся и цветущую во всех частях океана, этой мертвой для большинства людей, но животворной для мириадов животных — и для меня — среды!

Произнося эти слова, капитан Немо весь преобразился. Они произвели на меня огромное впечатление.

— И настоящая жизнь, — добавил он, — здесь, и только здесь! Я верю в возможность создания подводных городов, скопления подводных домов, которые, как «Наутилус», каждое утро будут подниматься на поверхность океана, чтобы подышать свежим воздухом, — свободных, ни от кого не зависящих городов!.. И, кто знает, если какой-нибудь деспот осмелится...

Капитан Немо не кончил фразы и угрожающе взмахнул рукой.

Потом, обращаясь непосредственно ко мне, как будто желая отвлечься от печальных мыслей, он спросил:

— Господин профессор, знаете ли вы, какова глубина океана?

— Я знаю только те цифры, капитан, которые были получены при последних промерах...

— Можете ли вы сообщить мне эти цифры?

— Пожалуйста, я сообщу вам все, что припомню. Если я не ошибаюсь, исследования установили, что средняя глубина в северной части Атлантического океана достигает трех тысяч девятисот метров, а в Средиземном море — тысячи двухсот. Самые замечательные промеры глубины были сделаны в южной части Атлантического океана, примерно на тридцать пятом градусе широты. Их результаты таковы: двенадцать тысяч метров, четырнадцать тысяч девяносто один метр и пятнадцать тысяч сто сорок девять метров[1]. Ученые считают, что если бы дно морское было нивелировано, глубина его по всему земному шару равнялась бы примерно трем тысячам восьмистам метрам.

— Отлично, профессор, — сказал капитан Немо. — Я надеюсь, что сумею показать вам нечто лучшее. Если же вас интересует глубина этой части Тихого океана, то

---

[1] По современным научным данным, наибольшие океанские глубины едва превышают десять километров.

я могу сообщить вам, что она не превышает четырех тысяч метров.

Сказав это, капитан Немо направился к люку и спустился по железной лесенке вниз. Я последовал за ним и зашел в салон. Винт почти в ту же минуту пришел во вращение, и лаг показал скорость в двадцать миль.

В продолжение следующих дней и даже недель капитан Немо очень редко оказывал мне честь своими посещениями. Я встречался с ним только через большие промежутки времени.

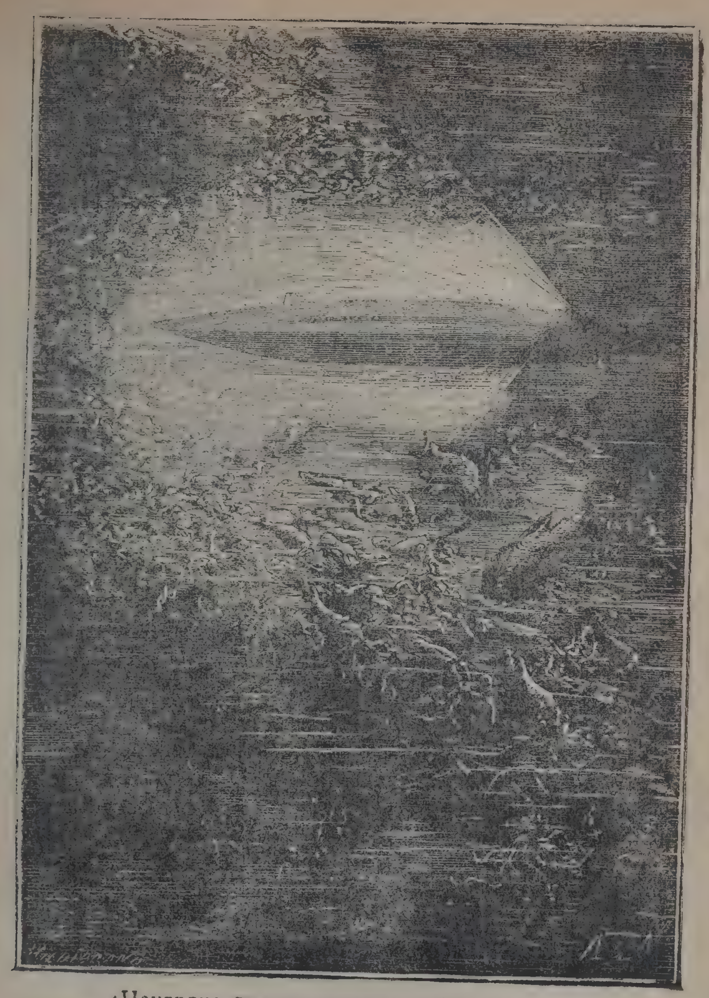
Помощник капитана каждое утро аккуратнейшим образом делал наблюдения и наносил полученные результаты на карту.

Консель и Нед Ленд проводили ежедневно помногу часов со мной. Консель рассказал своему приятелю о чудесах нашей подводной прогулки, и гарпунщик теперь искренне сожалел, что не принял в ней участия. Но я утешил его надеждой, что, вероятно, еще представится случай снова посетить океанские леса.

Почти ежедневно железные ставни на окнах салона раздвигались, и мы в течение нескольких часов не уставали восторгаться чудесами подводного мира.

«Наутилус» шел теперь на юго-восток, держась на глубине между ста и ста пятьюдесятью метрами. Но однажды, в силу какой-то прихоти капитана, увлекаемый наклоном своих рулей глубины, он спустился на две тысячи метров в глубь моря. Стоградусный термометр показывал четыре с четвертью градуса выше нуля — температуру, свойственную этим глубинам как будто под всеми широтами.

26 ноября, в три часа утра, «Наутилус» пересек тропик Рака под 172° долготы. 27-го мы миновали Сандвичевы острова, где 14 февраля 1779 года погиб знаменитый капитан Кук.

«Наутилус» плыл окруженный кальмарами.

Мы прошли уже четыре тысячи восемьсот шестьдесят лье[1] с начала нашего кругосветного путешествия.

Утром 29-го, выйдя на палубу, я увидел в двух милях под ветром Гаваи — самый большой из семи островов, образующих Гавайский архипелаг. Я ясно различал возделанные поля, предгорья и горные кряжи, тянущиеся параллельно побережью, и вулканы, над которыми господствует вершина Муна-Реа высотой в пять тысяч метров над уровнем моря.

«Наутилус» продолжал держать курс на юго-восток. Он пересек экватор 1 декабря под 142° долготы, а 4 декабря, после быстрого перехода, не отмеченного ничем примечательным, мы подошли к группе Маркизских островов.

Я увидел пик Мартин на Нукагиве, крупнейшем из Маркизских островов, расположенном под 8°57′ южной широты и 139°32′ западной долготы. Но, кроме густых лесов, покрывавших гору, ничего рассмотреть не удалось, так как капитан Немо не любил приближаться к земле.

Сети, заброшенные в эти воды, принесли несколько золотистых с синим отливом макрелей, мясо которых необычайно нежно на вкус, и голубовато-зеленых с серебристым отливом сарганов. Эти рыбы заслуживали почетного места на обеденном столе.

Попрощавшись с этими прекрасными островами, над которыми развевается флаг Франции, с 4 по 11 декабря «Наутилус» прошел еще около двух тысяч миль. Переход ознаменовался только встречей с огромной стаей кальмаров — очень любопытных моллюсков, принадлежащих к классу головоногих, к подклассу двужаберных, к которому относятся также сепия и аргонавт. Эти моллюски почему-то привлекали особое внимание древних

---

[1] Лье — французская мера длины; километрическое лье равно четырем километрам.

натуралистов и, занимая почетное место в метафорах древних ораторов, пользовались не меньшим уважением за столом у богатых граждан. Так, по крайней мере, утверждает Атеней, древнегреческий врач, предшественник знаменитого Галена.

Армию кальмаров «Наутилус» встретил в ночь с 9 на 10 декабря. Многие миллионы этих моллюсков переселялись из умеренных зон в более теплые, следуя теми же путями, что сельдь и сардины.

Мы смотрели на них сквозь толстое хрустальное окно; кальмары плыли задом наперед, безостановочно размахивая десятью ногами, которые природа поместила у них на голове.

Несмотря на быстроту своего хода, «Наутилус» в течение долгих часов плыл, окруженный кальмарами. Закинув сети, мы собрали огромное количество этих моллюсков.

Море не давало нам скучать. Оно развертывало перед нами зрелище за зрелищем, спектакль за спектаклем, бесконечно разнообразя их, каждочасно меняя декорации и постановку. Оно не только развлекало нас, но и позволяло проникать в самые сокровенные свои тайны.

Днем 11 декабря я сидел в салоне, читая книгу из библиотеки капитана Немо. Нед Ленд и Консель сквозь хрустальное окно любовались ярко освещенной водой. «Наутилус» стоял неподвижно. Наполнив резервуары, он держался на глубине тысячи метров в малонаселенном слое океана, в который только изредка забредают самые крупные рыбы.

Я читал в это время замечательную книгу Жака Масэ «Слуги желудка», восхищаясь неподражаемым блеском и остроумием автора, когда Консель вдруг окликнул меня.

— Не угодно ли будет хозяину подойти на минуту к окну? — сказал он каким-то странным голосом.

— Что случилось, Консель?

— Пусть хозяин посмотрит!

Я отложил книгу и, прижавшись к окну, стал всматриваться.

В жидком пространстве, ярко освещенном электрическим прожектором, виднелась какая-то огромная неподвижная черная масса. Я пристально всматривался в нее, стараясь рассмотреть это гигантское животное. Вдруг догадка молнией пронзила мой мозг.

— Это корабль! — вскричал я.

— Да, — сказал Нед, — это затонувший корабль...

Нед Ленд не ошибался. Перед нами был затонувший корабль. Корпус его был еще в хорошем состоянии, и казалось, что крушение произошло не больше как несколько часов тому назад. Три обрубка, возвышавшиеся над палубой едва на два фута, говорили о том, что кораблю в борьбе за жизнь пришлось пожертвовать мачтами. Но это не помогло...

Какую грусть навевал вид этого затонувшего судна!

Но еще более грустное зрелище являла его палуба, где лежало несколько трупов. Я насчитал шесть трупов: четырех мужчин — один из них стоял у руля — и женщину, наполовину высунувшуюся из люка и держащую в руках ребенка.

Женщина была молода. При ярком свете прожектора я смог даже различить черты ее лица, еще не тронутого разложением. Последним усилием она подняла над головой ребенка; бедная крошка так и умерла, обняв ручонкой шею матери...

Трупы трех матросов застыли в неестественных позах — смерть застигла их, видимо, когда они пытались развязать веревки, которыми привязали себя к палубе тонущего судна. Четвертый — рулевой — стоял выпрямившись, со спокойным и строгим лицом. Его руки застыли на руле.

Это был затонувший корабль.

Казалось, старый рулевой продолжал управлять затонувшим трехмачтовиком в его последнем пути по глубинам океана...

Какое страшное зрелище! Мы не могли оторвать глаз от этой картины крушения.

«Наутилус» обошел вокруг затонувшего корабля, и я успел прочитать надпись на его корме:

«ФЛОРИДА»
ЗУНДЕРЛАНД

Глава девятнадцатая

ВАНИКОРО

Эта трагическая встреча была первой из целого ряда подобных же встреч. Впоследствии мы часто из окон «Наутилуса» наблюдали затонувшие суда, догнивавшие в воде. В более глубоких слоях на дне мы видели пушки, ядра, якори, цепи и тысячи других железных предметов, изъеденных ржавчиной.

11 декабря мы приблизились к архипелагу Паумоту, которому Бугенвиль в свое время дал название «Опасной группы островов». Острова этого архипелага разбросаны на протяжении более двух тысяч километров с востока-юго-востока на запад-северо-запад, между 13°3′—20°50′ южной широты и 125°30′—151°30′ западной долготы. Крайний восточный остров группы называется островом Дюси, крайний западный — островом Лазарева.

Этот архипелаг занимает площадь в триста семьдесят квадратных лье и состоит из шестидесяти групп островков, в числе которых находится и группа Гамбье, принадлежащая Франции. Острова эти — коралловые. Медленная, но неустанная работа полипов поднимает их из воды и рано или поздно соединит между собой.

Затем этот новый остров соединится с соседними архипелагами, и между Новой Зеландией и Новой Каледонией, с одной стороны, и Маркизскими островами — с другой, возникнет новый материк.

В тот день, когда я развил эту теорию перед капитаном Немо, он холодно ответил мне:

— Земля нуждается не в новых материках, а в новых людях!

Случайно курс «Наутилуса» был проложен мимо острова Клермон-Тоннер, одного из любопытнейших во всем архипелаге. Эта случайность позволила мне изучить удивительные колонии мадрепоровых кораллов, которым обязаны жизнью острова этой части Тихого океана.

Мадрепоровые кораллы представляют собой живую ткань, покрытую известковым скелетом. Различия в структуре их скелета дали Мильн-Эдвардсу, моему знаменитому учителю, основание разделить их на пять групп. Миллиарды этих микроскопических живых существ, чьи выделения образуют полипняки, составляют одну колонию. Из отлагаемой ими извести вырастают скалы, утесы, островки и острова. Здесь они образуют известковое кольцо, окружающее лагуну, или маленькое озеро, соединяющееся с морем через подводные трещины; там они воздвигают барьеры из утесов, подобные тем, какие обрамляют берега Новой Каледонии, или целые острова, как, например, архипелаг Паумоту. В других местах, например на островах Маврикия, они возводят зубчатые утесы, высокие отвесные стены, у подножия которых глубина океана весьма значительна.

Мы плыли на расстоянии нескольких кабельтовых от подножия острова Клермон-Тоннер, и я не уставал восхищаться грандиозной работой, проделанной крошечными строителями.

Консель задал мне вопрос, сколько времени требует возведение такой стены, и был крайне удивлен, когда я

сообщил ему, что, по вычислениям ученых, за сто лет высота стены вырастает на одну восьмую долю дюйма[1].

— Следовательно, для того чтобы возвести эту стену высотой в триста метров...

— Потребовалось сто девяносто две тысячи лет, друг мой Консель! Выходит, что библия слишком омолодила Землю. Впрочем, библейские утверждения становятся еще менее достоверными, если вспомнить, какие громадные сроки понадобились для того, чтобы допотопные леса превратились в каменный уголь!

Когда «Наутилус» всплыл на поверхность океана, я смог рассмотреть во всех подробностях остров Клермон-Тоннер, едва выступающий из воды и поросший густым лесом. Его известковая почва была, вероятно, оплодотворена ураганами и бурями. В один прекрасный день какое-нибудь зернышко, подхваченное ураганом на соседней земле, упало на его почву, удобренную разложившимися остатками морских рыб и водорослей. Вслед за тем волны выбросили на берег кокосовый орех, выросший на пальме за тысячи миль отсюда. Зерна дали ростки, выросли деревья. Деревья стали задерживать испарения. Возникли ручейки. Растительность стала распространяться. Какие-нибудь насекомые, черви, заброшенные сюда деревьями, унесенными бурей с ближайшей земли, были первыми обитателями острова. Затем черепахи стали закапывать в береговой песок свои яйца. Птицы свили гнезда на молодых деревцах. Постепенно развилось здесь животное царство. Наконец, привлеченный свежей зеленью и обилием животных, сюда переселился человек.

Так возникла жизнь на этих островках, созданных трудом микроскопических животных.

---

[1] Профессор Аронакс ошибается: коралловые рифы могут расти гораздо быстрее — до нескольких десятков сантиметров в течение одного года.

К вечеру Клермон-Тоннер исчез в отдалении, и «Наутилус» резко изменил курс. Дойдя до тропика Козерога под 135° долготы, подводный корабль направился на запад-северо-запад, оставаясь внутри тропической зоны. Хотя лучи тропического солнца были нестерпимо горячи, мы нисколько не страдали от жары: на глубине тридцати-сорока метров температура воды не превышала десяти-двенадцати градусов.

15 декабря мы прошли западнее прелестного острова Таити, жемчужины Тихого океана. Утром в нескольких милях под ветром я увидел высокие горные вершины этого острова.

В его водах мы поймали несколько великолепных рыб — макрелей, тунцов — и разновидность морской змеи — двухцветную пеламиду.

«Наутилус» прошел восемь тысяч сто миль. В день, когда мы проплыли мимо архипелага Тонга-Табу, где погибли экипажи «Арго» и «Дюк-оф-Портленд», лаг «Наутилуса» отметил девять тысяч семьсот двадцатую пройденную милю.

Затем мы обошли острова Фиджи, где дикари убили команду корабля «Юнион» и капитана Бюро, командира «Любезной Жозефины». Этот архипелаг раскинулся на четыреста километров с севера на юг и триста шестьдесят с востока на запад между 6° и 2° южной широты и 174°—179° западной долготы.

Он состоит из ряда островов, островков и скал, крупнейшие из которых — Вити-Леву, Вануа-Леву и Кандубон.

Эти острова были открыты Тасманом в 1643 году — в том же году, когда Торричелли изобрел барометр. Во второй половине XVIII века их посетил Кук, а затем д'Антркасто, и, наконец, в 1827 году Дюмон-Дюрвиль распутал весь этот географический клубок.

«Наутилус» приблизился к бухте Ваилеа, памятной

по ужасным приключениям капитана Дильона, который первый осветил тайну гибели кораблей Лаперуза.

Мы несколько раз закидывали намётку на дно этой бухты и извлекли множество устриц. Мы пожирали их с жадностью, открывая их тут же, за столом. Устричная отмель бухты Ваилеа была очень большой по размерам.

Каждая устрица несет до двух миллионов яиц, и устричные грядки, конечно, быстро заполнили бы бухты, если бы не тысячи врагов устриц, не дающих им размножаться.

Если Неду Ленду не пришлось раскаиваться в своем обжорстве, то он обязан был этим только тому, что устрицы — единственное кушанье, не вызывающее несварения желудка. В самом деле, нужно съесть не менее шестнадцати дюжин этих безголовых моллюсков, чтобы поглотить те триста пятнадцать граммов азотистых веществ, из которых должен состоять дневной пищевой рацион взрослого человека.

25 декабря «Наутилус» плыл среди островов Ново-Гебридского архипелага, открытого Квиросом в 1606 году, исследованного Бугенвилем в 1768 году и которому Кук дал его нынешнее название в 1773 году. Мы прошли довольно близко от острова Арру. Во время полуденных наблюдений я вышел на палубу и увидел этот остров. Он был покрыт сплошным лесным массивом и увенчан очень высоким горным пиком.

Я не видел капитана Немо уже дней восемь. Утром 27 декабря он вышел в салон и кивнул головой с видом человека, расставшегося с вами не больше пяти минут назад. В это время я искал на карте путь «Наутилуса».

Капитан подошел к столу и, ткнув пальцем в карту, произнес только одно слово:

— Ваникоро.

Оно прозвучало, как выстрел. Это было название островка, у которого погибли корабли Лаперуза.

Я вскочил на ноги.

— «Наутилус» держит курс на Ваникоро?

— Да, профессор, — ответил капитан.

— Я увижу этот знаменитый остров, где разбились «Буссоль» и «Астролябия»! Когда же мы придем в Ваникоро?

— Мы уже пришли, профессор.

В сопровождении капитана Немо я поднялся на палубу и стал жадно всматриваться в горизонт. На северо-востоке виднелись два острова, несомненно вулканического происхождения, окруженные коралловым барьером длиной приблизительно в сорок миль.

«Наутилус», войдя через узкий пролив внутрь кораллового барьера, очутился за линией прибоя, в гавани глубиной в пятьдесят-шестьдесят метров. Под сенью высоких пальм я увидел нескольких дикарей, с величайшим удивлением следивших за нашим приближением. Вероятно, они принимали черный веретенообразный корпус «Наутилуса» за огромного кита.

Капитан Немо спросил меня, что́ мне известно о гибели Лаперуза.

— То, что известно всем, — ответил я.

— Отлично. Но не можете ли вы посвятить меня в то, что известно всем? — не без иронии спросил капитан Немо.

— Очень охотно, — ответил я.

И я рассказал ему содержание сообщений Дюмон-Дюрвиля.

Вот краткое изложение этих фактов.

Лаперуз и его помощник капитан де-Лангль в 1785 году были отправлены Людовиком XVI в кругосветное плавание на двух корветах — «Буссоль» и «Астролябия».

В 1791 году французское правительство, встревоженное долгим отсутствием кораблей Лаперуза, снарядило

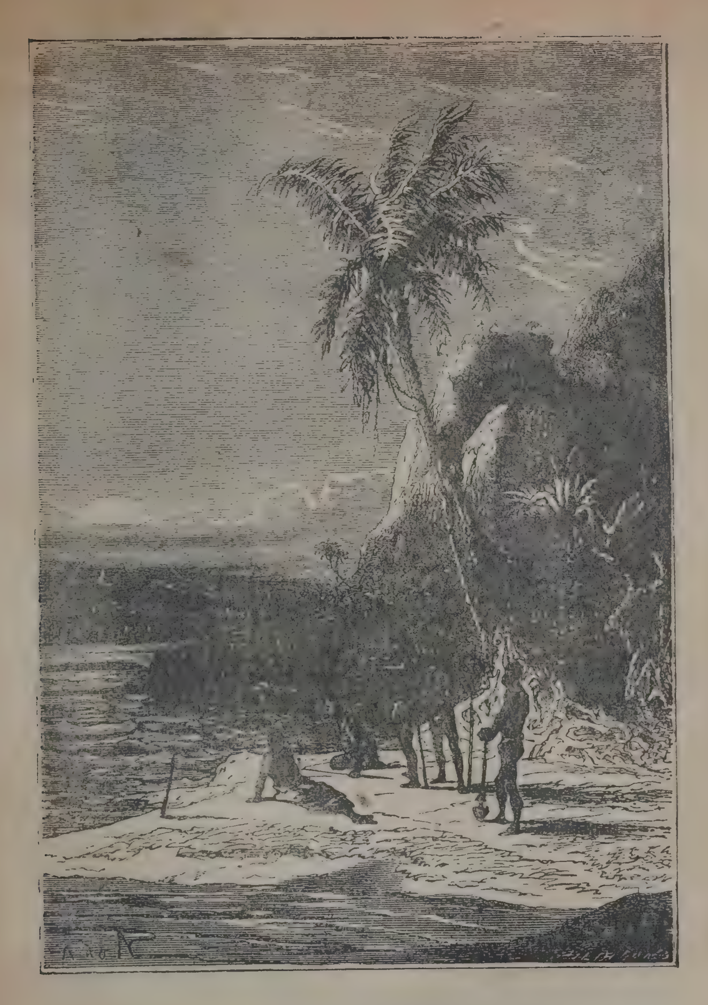
спасательную экспедицию под командой Бруни д'Антркасто, в составе двух фрегатов — «Розыск» и «Надежда», которые вышли в плавание из Бреста 28 сентября. Через два месяца правительство узнало из показаний некоего Боуэна, капитана корабля «Эльбермель», что какие-то обломки крушения были замечены у берегов Южной Георгии. Но д'Антркасто, не зная про это сообщение, кстати сказать достаточно неопределенное, продолжал свой путь к островам Адмиралтейства, которые в рапорте капитана Гунтера указывались как место крушения корветов Лаперуза.

Поиски д'Антркасто оказались безуспешными. «Розыск» и «Надежда» прошли мимо Ваникоро не останавливаясь. Плавание было очень несчастливым, так как стоило жизни самому д'Антркасто, двум его помощникам и многим матросам из состава экспедиции.

Первым на бесспорные следы крушения кораблей Лаперуза натолкнулся старый морской волк, капитан Дильон. 15 мая 1824 года его корабль «Святой Патрик» остановился у острова Тикопиа, принадлежащего к Ново-Гебридской группе. Там один туземец продал ему серебряный эфес шпаги, на котором еще виднелись следы какой-то вырезанной надписи. Тот же туземец сообщил Дильону, что шесть лет назад он видел на Ваникоро двух европейцев, которые служили раньше матросами на судах, разбившихся о рифы вблизи этого острова.

Дильон догадался, что речь идет о кораблях Лаперуза, исчезновение которых волновало весь свет. Он решил отправиться на Ваникоро, где, по словам туземца, сохранились многочисленные следы крушения. Но ветры и течения не позволили ему осуществить это желание.

Дильон возвратился в Калькутту. Там он сумел заинтересовать своим открытием Азиатское общество и Ост-Индскую компанию, и в его распоряжение был

Остров Ваникоро.

предоставлен корабль, также получивший название «Розыск». 23 января 1827 года, сопровождаемый французским представителем, Дильон отплыл из Калькутты.

После ряда остановок в различных точках Тихого океана 7 июня 1827 года «Розыск» бросил наконец якорь в той самой гавани Вану, где сейчас находился «Наутилус».

Здесь Дильон нашел многочисленные остатки крушения: якори, инструменты, блоки, камнемет, восемнадцатифунтовое ядро, сломанные астрономические приборы и, наконец, бронзовый колокол с надписью *«Меня отлил Базен»*, с клеймом литейной Брестского арсенала и датой *«1785»*. Теперь сомнениям не оставалось места.

Дильон, чтобы собрать больше доказательств, пробыл на Ваникоро до октября 1827 года. Затем он поднял якорь и через Новую Зеландию отправился в Калькутту. Отсюда Дильон выехал во Францию, где его встретили очень ласково.

В это время Дюмон-Дюрвиль, командир судна, названного «Астролябией» в честь исчезнувшего корабля Лаперуза, ничего не зная об открытии Дильона, продолжал поиски следов катастрофы в совершенно другом направлении: со слов одного китобоя ему стало известно, что у дикарей Новой Каледонии и Лузиады видели медаль и орден св. Людовика.

Через два месяца после того, как Дильон покинул Ваникоро, Дюмон-Дюрвиль бросил якорь у Гобарт-Тоуна. Только здесь он узнал об удаче Дильона. Тут же он ознакомился с показанием некоего Джемса Гоббса, помощника капитана корабля «Юнион» из Калькутты. Этот последний утверждал, что, пристав к острову, расположенному под 8°18′ южной широты и 159°30′ восточной долготы, он заметил у туземцев железные полосы и куски красной ткани.

Дюмон-Дюрвиль, смущенный этими противоречивыми

известиями и не зная, можно ли им верить, решился все-таки отправиться по следам капитана Дильона.

10 февраля 1828 года «Астролябия» подошла к острову Тикопиа, забрала на борт в качестве лоцмана обосновавшегося здесь белого матроса и взяла курс на Ваникоро. Подойдя к острову 12 февраля, «Астролябия» оставалась за пределами его кораллового кольца девять дней и только 20 февраля вошла в гавань Вану.

Двадцать третьего матросы «Астролябии», вернувшись из обхода острова, принесли несколько малоценных обломков крушения. Туземцы отказались указать им место несчастья и на все расспросы отговаривались непониманием или незнанием. Поведение туземцев было подозрительным и наводило на мысль, что они плохо обращались с потерпевшими крушение. Действительно, туземцы, повидимому, боялись, что Дюмон-Дюрвиль явился, чтобы отомстить за гибель Лаперуза и его несчастных спутников.

Но 26 февраля, соблазненные обещаниями подарков и убедившись, что им не грозит месть, туземцы указали помощнику капитана, Жакино, место крушения.

Там на глубине четырех-пяти метров, между утесами Паку и Вану, лежали якори, пушки, железные и свинцовые чушки балласта, покрывшиеся уже известковыми отложениями. Шлюпки «Астролябии» направились к этому месту и с большим трудом подняли со дна якорь, весящий тысячу восемьсот фунтов, пушку, стрелявшую восьмифунтовыми ядрами, одну свинцовую чушку и два медных камнемета.

Дюмон-Дюрвиль, опросив туземцев, узнал, что Лаперуз, потеряв оба свои корабля у берегов острова, построил из обломков их третий, маленький корабль и отправился в открытое море... Куда? Этого никто не знал.

Командир «Астролябии» велел тогда воздвигнуть под сенью мангифер памятник отважному мореплавателю и

его товарищам. Это была простая четырехгранная каменная пирамида на коралловом пьедестале. Ни кусочка железа не пошло на этот памятник, чтобы у туземцев не было соблазна разобрать его.

После этого Дюмон-Дюрвиль хотел сейчас же сняться с якоря.

Но команда «Астролябии» была изнурена лихорадкой, свирепствовавшей в этих местах, да и сам он был болен. Вследствие этого он смог отправиться в обратный путь только 17 марта.

Между тем французское правительство, боясь, что Дюмон-Дюрвиль ничего не знает об открытии Дильона, послало на Ваникоро корвет «Байонезка» под начальством Легоарна де-Тромелена.

«Байонезка» бросила якорь у берегов Ваникоро через несколько месяцев после отплытия «Астролябии», не нашла никаких новых документов, но убедилась, что дикари пощадили памятник Лаперузу.

Вот все, что я мог сообщить капитану Немо.

— Итак, — сказал он мне, — по сей день никому не известно, где погиб этот третий корабль, построенный потерпевшими крушение на Ваникоро?

— Этого никто не знает.

Капитан Немо ничего не ответил мне, но знаком предложил последовать за ним в салон. «Наутилус» погрузился на несколько метров в глубину, и железные ставни раздвинулись.

Я прильнул лбом к окну и под коралловыми отложениями и зарослями зоофитов и водорослей, среди множества снующих во все стороны рыб заметил обломки крушения, не извлеченные экспедицией Дюмон-Дюрвиля: якори, пушки, мачту, цепи, ядра. Все это поросло теперь зоофитами.

И в то время как я разглядывал эти трагические обломки, капитан Немо с грустью в голосе сказал:

Я увидел свитки пожелтевших документов.

— Экспедиция капитана Лаперуза отплыла от берегов Франции седьмого декабря тысяча семьсот восемьдесят пятого года на корветах «Буссоль» и «Астролябия». Она зашла сначала в Ботани-Бей, на Новую Каледонию, затем направилась к Санта-Круцу и остановилась на Намука — острове, принадлежащем к Гавайской группе. Наконец корабли Лаперуза подошли к неизвестным утесам Ваникоро. Корвет «Буссоль», шедший впереди, наткнулся на рифы около южного берега. «Астролябия» поспешила к нему на помощь и, в свою очередь, также налетела на риф. Первый корвет погиб почти мгновенно. Второй, севший на мель под ветром, держался еще несколько дней. Туземцы оказали довольно хороший прием потерпевшим крушение. Лаперуз обосновался на острове и начал строить маленькое суденышко из обломков двух больших корветов. Несколько матросов добровольно остались на Ваникоро. Остальные, изнуренные болезнями, ослабленные, отплыли с Лаперузом в направлении Соломоновых островов и погибли все до одного у главного острова группы, между мысами Разочарования и Удовлетворения.

— Но откуда вы это знаете? — вскричал я.

— Вот что я нашел на месте их крушения.

И капитан Немо показал мне жестяную шкатулку, на крышке которой был выбит герб Франции. Шкатулка вся проржавела в соленой воде. Он раскрыл ее, и я увидел свитки пожелтевших документов.

Это была инструкция морского министра капитану Лаперузу с собственноручными пометками Людовика XVI на полях.

— Вот это смерть, достойная моряка! — сказал капитан Немо. — Он покоится в спокойной коралловой могиле, и я был бы рад, если бы у моих товарищей и у меня была такая же могила...

Глава двадцатая

ТОРРЕСОВ ПРОЛИВ

В ночь с 27 на 28 декабря «Наутилус» покинул Ваникоро и с огромной скоростью помчался на юго-запад. В три дня он прошел расстояние, отделяющее Ваникоро от юго-восточной части Новой Гвинеи, то-есть свыше трех тысяч километров.

1 января 1868 года рано утром Консель встретил меня на палубе «Наутилуса».

— Не разрешит ли хозяин пожелать ему счастливого нового года? — спросил он.

— Как же, как же, Консель, с таким же удовольствием принимаю твое пожелание, как если бы мы были в Париже, в моем кабинете, в Ботаническом саду. Благодарю за поздравление и, в свою очередь, поздравляю тебя. Только позволь спросить, как понимать твое пожелание счастья в новом году? Видишь ли ты это счастье в окончании нашего плена или в продолжении чудесного путешествия?

— Право, — сказал Консель, — я не знаю, что ответить хозяину. Несомненно, мы наблюдаем любопытные вещи, и за те два месяца, что мы здесь, нам некогда было скучать. Последнее по времени зрелище на «Наутилусе» всегда самое поразительное, и если эта прогрессия сохранится, то трудно представить себе, до чего мы дойдем! Думаю, что никогда больше мы не встретим такого случая...

— Никогда!.. Ты прав, Консель.

— Кроме того, капитан Немо вполне оправдывает свое латинское имя *Никто:* он так же мало стесняет нас, как если бы его и не было на свете.

— Верно, Консель.

— Поэтому позволю себе сказать хозяину, что я бу-

ду считать счастливым тот год, который даст нам возможность увидеть все!

— Увидеть все, Консель? Это, может быть, слишком много. Кстати, что об этом думает Нед?

— Нед Ленд думает как раз обратное, — ответил Консель. — Это человек с прозаическим складом ума и властным желудком. Ему наскучило все время глядеть на рыб и есть рыбное. Отсутствие хлеба, мяса, вина мучительно для этого англо-сакса, привыкшего к кровавым бифштексам и к ежедневной дозе виски, джина или бренди [1].

— А меня это всего меньше смущает, — сказал я. — Я отлично приспособился к режиму «Наутилуса».

— И я также, — ответил Консель. — Поэтому я так же охотно готов остаться здесь, как охотно Нед Ленд бежал бы отсюда. Итак, если начинающийся год будет несчастлив для меня, он будет счастливым для него, и наоборот. Таким образом, кто-нибудь из нас обязательно будет удовлетворен. Хозяину же я позволю себе пожелать то, что он сам себе желает.

— Спасибо, Консель. Прошу тебя только отложить на время решение вопроса о новогодних подарках и довольствоваться крепким рукопожатием. Ничего больше я не могу тебе сейчас предложить.

— Хозяин никогда не был более щедрым, — ответил Консель.

2 января лаг показывал, что мы прошли одиннадцать тысяч триста сорок миль со времени нашего отправления из Японского моря.

Впереди «Наутилуса» находились опасные зоны Кораллового моря, омывающего северо-восточные берега Австралии.

Наш корабль плыл на расстоянии нескольких миль от предательского барьера из рифов, который чуть не

[1] Спиртные напитки.

погубил 10 июня 1770 года корабли капитана Кука. Судно, на котором находился сам Кук, наткнулось на скалу и не затонуло только благодаря тому, что кусок коралла, отломившийся при столкновении, закрыл собой пробоину.

Мне очень хотелось осмотреть этот барьер в триста шестьдесят лье, о который всегда бурное море разбивается с грохотом, напоминающим раскаты грома.

Но в это время «Наутилус» наклоном рулей глубины был увлечен в нижние слои воды, и мне так и не удалось увидеть эти коралловые стены. Пришлось довольствоваться знакомством с фауной этих мест путем осмотра рыб, попавших в сети.

Я заметил в числе прочих разновидностей скумбрию размером с доброго тунца, с серебристо-синим телом, исчерченным поперечными полосками, исчезающими после смерти. Эти скумбрии провожали нас целыми стаями и служили нам на редкость вкусными деликатесами. В сети попадались также в большом количестве спары, длиной не больше пяти сантиметров, но очень вкусные, и триглы, настоящие морские ласточки. Среди моллюсков и зоофитов в петлях сети я нашел также различных представителей альционарий, лужанок живородящих, байдарок, молотков.

Через два дня после того, как мы пересекли Коралловое море, 4 января, мы очутились в виду берегов Новой Гвинеи. Капитан Немо сказал мне при встрече, что он собирается пройти в Индийский океан через Торресов пролив. Больше он ничего не добавил, но Неду Ленду и этого было достаточно: он с удовлетворением отметил, что мы приближаемся к европейским морям.

Торресов пролив пользуется скверной репутацией как из-за его опасных рифов, так и из-за дикости племен, населяющих его берега. Он отделяет Австралию от Новой Гвинеи.

В полдень, когда помощник капитана определял при помощи секстанта высоту солнца, я увидел вершины гор Арфалькса, поднимающиеся уступами и увенчанные острыми пиками.

«Наутилус» подошел ко входу в этот опаснейший в мире пролив, перед которым в раздумье останавливались даже самые смелые мореплаватели. Этот пролив был открыт Луи Пац де-Торресом на обратном пути из южных морей в Меланезию; здесь в 1840 году едва не погибла на мели экспедиция Дюмон-Дюрвиля. Даже «Наутилус», которому не страшны были ни мели, ни скалы, должен был опасаться его коралловых рифов.

Торресов пролив имеет примерно сто тридцать пять — сто сорок километров в ширину, но он загроможден неисчислимым количеством островов, островков, утесов и подводных скал, делающих почти невозможным проход через него.

Капитан Немо, учитывая это, принял все необходимые меры предосторожности: «Наутилус» плыл в полупогруженном состоянии, с очень малой скоростью. Лопасти его винта, как хвост усталого кита, медленно били воду.

Воспользовавшись этим обстоятельством, я и оба моих товарища вышли на вечно пустующую палубу и стали за штурвальную рубку. Капитан Немо находился в рубке, лично управляя «Наутилусом».

У меня перед глазами лежала превосходная карта Торресова пролива, составленная инженером-гидрографом Винцендоном Дюмуленом и мичманом экспедиции — впоследствии адмиралом — Купван-Дюбуа, принимавшим участие в последней кругосветной экспедиции Дюмон-Дюрвиля. Эта карта, а также карта, составленная капитаном Кингом, — лучшие карты Торресова пролива, распутывающие этот непроходимый лабиринт. Я разглядывал их с величайшим вниманием.

Вокруг «Наутилуса» море яростно клокотало. Сильное течение, катящее свои воды с юго-востока на северо-запад со скоростью двух с половиной миль в час, разбивалось о рифы, выступавшие из воды чуть не на каждом шагу.

— Опасное место! — сказал мне Нед Ленд.

— Действительно, хуже не придумать, — ответил я, — даже для такого вездехода, как «Наутилус».

— Надо полагать, что этот проклятый капитан хорошо знает свой путь, ибо я вижу дальше такую коралловую кашу, при одном соприкосновении с которой «Наутилус» рассыплется на куски.

И в самом деле, положение было очень серьезным. Но «Наутилус», словно по волшебству, благополучно проскальзывал мимо самых грозных утесов. Он не придерживался проложенного «Астролябией» и «Усердным» пути, на котором едва не погибли эти корабли Дюмон-Дюрвиля. Подводный корабль держал курс много севернее и, только обогнув остров Мёррея, возвратился на юго-запад, к проходу Кумберленда. Я подумал было, что теперь капитан Немо поведет «Наутилус» прямо по этому проходу, но, неожиданно повернув на северо-запад, подводный корабль поплыл, лавируя среди бесчисленных островов и островков, к острову Таунда и Опасному каналу.

Я с удивлением спрашивал себя: неужели капитан Немо будет так неосторожен, что войдет в этот канал, где сели на мель оба корабля Дюмон-Дюрвиля? Но в это время, снова переменив направление, «Наутилус» пошел прямо на запад, к острову Гвебороар.

Было уже около трех часов пополудни. Прилив почти достиг своей высшей точки, и волнение утихало. «Наутилус» подошел к Гвебороару. Мы были всего в двух милях расстояния от живописного берега, поросшего пальмами.

Вдруг сильный толчок опрокинул меня на палубу. «Наутилус» наткнулся на риф и остановился, слегка накренившись вправо.

Поднявшись на ноги, я увидел, что на палубу уже вышли капитан Немо и его помощник. Они осматривали судно, обмениваясь короткими фразами на неизвестном мне языке.

Вот каково было положение. За штирбортом виднелся остров Гвебороар, вытянувшийся с севера на юг, как гигантская рука. На востоке из воды уже начали показываться обнажаемые отливом верхушки рифов.

Мы прочно сели на мель, вдобавок в таком месте, где приливы не бывают высокими. Однако корабль нисколько не пострадал от столкновения с рифом, настолько прочным был его корпус. Но если «Наутилусу» не удастся сняться с мели, он рискует остаться навсегда прикованным к этим скалам, и тогда — конец кораблю капитана Немо.

Так я думал, когда ко мне приблизился капитан Немо, по обыкновению невозмутимый и спокойный. На его лице нельзя было прочитать ни раздражения, ни волнения.

— Катастрофа? — спросил я его.

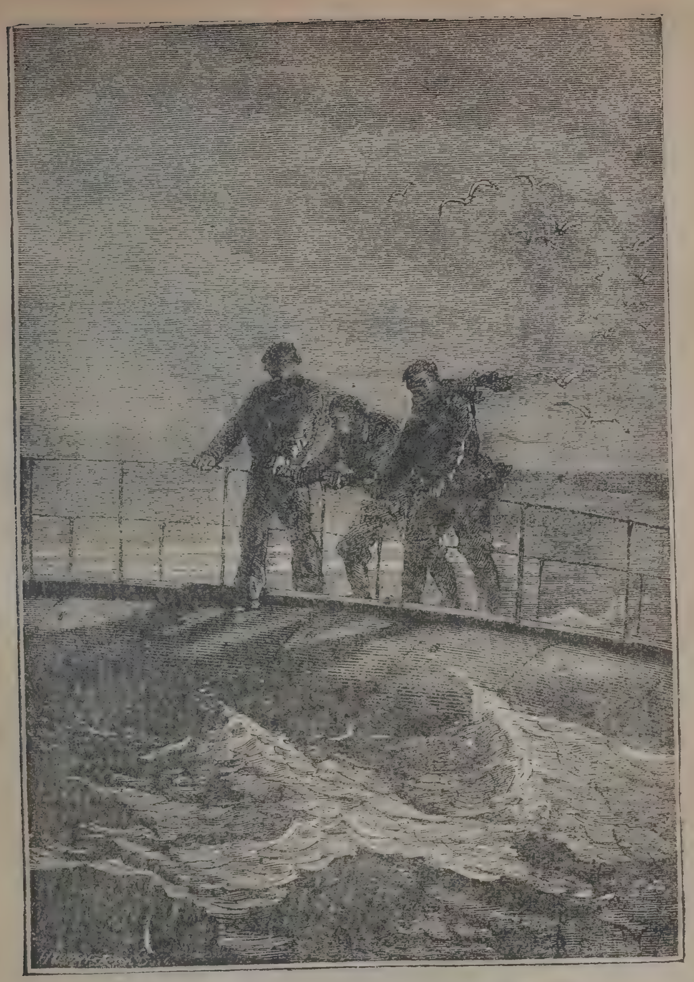
— Нет, небольшая заминка, — ответил он.

— Но все-таки это происшествие может заставить вас снова стать обитателем той самой земли, от которой вы бежите?

Капитан Немо как-то странно взглянул на меня и отрицательно покачал головой. Он хотел, видимо, дать мне понять, что ничто никогда не заставит его вернуться на землю.

Затем он сказал:

— Что вы, профессор! Положение «Наутилуса» совсем не такое безнадежное. Он еще будет знакомить вас с чудесами океана. Наше путешествие только началось,

«Наутилус» сел на мель.

и я не хочу так скоро лишиться чести быть вашим спутником!

— Однако, капитан, — возразил я, делая вид, что не заметил иронии, звучавшей в его словах, — «Наутилус» сел на мель в разгаре прилива. Заметьте, что тихоокеанские приливы вообще невысокие. Если только вы не найдете способа как-нибудь облегчить «Наутилус», я не вижу, каким образом вы заставите свой корабль снова всплыть на воду.

— Вы правы, профессор, — ответил капитан Немо, — тихоокеанские приливы невысокие, но все-таки в Торресовом проливе уровень высокой и низкой воды разнится на полтора метра. Сегодня у нас четвертое января, и через пять дней наступит полнолуние. Я буду очень удивлен, если луна, этот верный спутник Земли, не поднимет морскую воду достаточно высоко, чтобы оказать мне эту пустячную для нее услугу.

С этими словами капитан Немо, сопровождаемый своим помощником, удалился внутрь «Наутилуса».

Подводный корабль стоял неподвижно, как приросший к месту, точно коралловые полипы уже успели вмуровать его в скалу своим неразрушимым цементом.

— Ну что, господин профессор? — спросил Нед Ленд, подошедший ко мне тотчас же после ухода капитана.

— Вот что, друг Нед: мы спокойно дождемся прилива девятого января. Выходит так, что луна любезно снимет нас с мели.

— Только всего?

— Только всего!

— И капитан не намерен, чтобы сняться с мели, завести якоря и пустить полным ходом машину?

— Зачем все это, раз нас снимет с мели прилив? — просто ответил Консель.

Канадец недовольно посмотрел на Конселя и пожал плечами.

— Помяните мое слово, господин профессор, — обратился он ко мне, — никогда больше эта железная лоханка не будет плавать ни по воде, ни под водой! Она годна теперь только для продажи на слом. Я думаю поэтому, что настало время лишить капитана Немо нашего общества!

— Видите ли, дружище Нед, — ответил я, — не все так мрачно смотрят на будущее этого замечательного корабля, как вы. Потерпите четыре дня — мы узнаем точно, какова сила приливов Тихого океана. Кстати сказать, совет бежать был бы уместен в виду берегов Англии или Прованса, но вблизи берегов Новой Гвинеи с этим не стоит спешить — ведь никогда не поздно будет прибегнуть к этой крайности, если «Наутилус» не снимется с мели.

— Но нельзя ли хоть сойти на землю? — огорченно спросил Нед Ленд. — Вот остров. На этом острове растут деревья. Под ними бродят земные животные — живые котлеты, ростбифы и бифштексы... С каким удовольствием я съел бы кусок мяса!

— Вот в этом Нед прав, — сказал Консель. — Я всецело присоединяюсь к его мнению. Не может ли хозяин добиться у своего друга, капитана Немо, разрешения сойти на этот берег хотя бы для того, чтобы мы не потеряли привычки ходить по твердой земле?

— Я могу попросить у него разрешения, но уверен, что он откажет.

— Пусть хозяин все-таки попробует, — сказал Консель, — по крайней мере, мы будем знать предел любезности капитана Немо.

К моему искреннему изумлению, капитан Немо дал мне просимое разрешение немедленно и с большой охотой. Он даже не потребовал от меня обещания вернуться на борт. Впрочем, путешествие по островам Новой Гвинеи было настолько опасным предприятием, что я не

посоветовал бы Неду Ленду пускаться в него. Лучше было оставаться пленником на «Наутилусе», чем попасть в руки туземцев — папуасов.

Я не решился спросить, предполагает ли капитан Немо сопровождать нас. Впрочем, я был уверен, что никто из матросов не будет отпущен с нами и Неду Ленду самому придется управлять шлюпкой. Но земля находилась едва в двух милях от нас, и, будучи отличным моряком, канадец без труда проведет легкую лодчонку среди гряды скал, гибельных для больших судов.

Назавтра, 5 января, шлюпку вынули из гнезда и спустили на воду.

Это легко сделали два матроса. Весла были сложены на дне, и нам оставалось только занять места на скамьях.

В восемь часов утра, вооруженные ружьями и топорами, мы отчалили от борта «Наутилуса».

Море было довольно спокойно. Легкий бриз дул с берега. Консель и я сидели на веслах. Мы энергично гребли, а Нед направлял шлюпку в узкие проходы между рифами.

Шлюпка великолепно слушалась руля и летела, как стрела.

Нед Ленд не скрывал своего восторга. Он чувствовал себя узником, вырвавшимся на свободу, и не думал о том, что скоро придется возвратиться в тюрьму.

— Мы сейчас будем есть мясо! — почти пел он. — И какое мясо! Настоящую, неподдельную дичь! Правда, без хлеба... Я не говорю, что рыба — невкусная пища, но, согласитесь сами, нельзя же все время есть только рыбу да рыбу! Кусок свежего мяса, зажаренный на угольках, может только внести приятное разнообразие в наскучивший стол.

— Вот обжора! — сказал Консель. — У меня от одних разговоров уже слюнки потекли.

— Остается только узнать, — заметил я, — есть ли дичь в этих лесах, и если есть, то не достигает ли она таких размеров, при которых охотник сам легко может стать дичью?

— Чепуха, господин профессор! — возразил Нед Ленд, обнажая зубы, острые, как лезвие топора. — Я готов съесть даже тигра, хороший кусочек жареного тигра, если на этом острове нет других животных.

— Нед просто пугает меня, — сказал Консель.

— И к какой бы породе ни принадлежало первое встреченное нами животное — будь то неоперенное четвероногое или пернатое двуногое, — я готов приветствовать его метким выстрелом из ружья.

— Ага! — воскликнул я. — Ленд опять начинает безумствовать!

— Не беспокойтесь, профессор, — возразил канадец, — гребите смело! Не пройдет и получаса, как я предложу вам блюдо, изготовленное по наилучшему рецепту.

В половине девятого шлюпка «Наутилуса» причалила к песчаному пляжу, благополучно миновав коралловое кольцо, окружающее остров Гвебороар.

Глава двадцать первая

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НА СУШЕ

Я помню, что первое соприкосновение с твердой землей произвело на меня довольно сильное впечатление. Нед Ленд пробовал землю ногой, точно испытывал ее прочность. Между тем не прошло еще и двух месяцев с тех пор, как мы стали пассажирами «Наутилуса», по выражению капитана Немо, или, точнее говоря, пленниками капитана.

Через несколько минут мы были уже на расстоянии

ружейного выстрела от берега моря. Почва здесь состояла почти исключительно из кораллового известняка, но, судя по руслам высохших рек, усеянным гранитными глыбами, можно было предположить, что происхождение острова было вулканическое.

Весь горизонт был закрыт чащей великолепного леса. Огромные деревья — некоторые из них достигали двухсот футов в высоту — соединялись друг с другом густой сетью ползучих лиан — настоящими естественными гамаками, покачивающимися от каждого дуновения ветерка.

Тут были мимозы, фикусы, гибисковые деревья и пальмы, пальмы без конца. У подножья деревьев, под защитой их зеленеющих сводов, цвели гигантские орхидеи.

Но канадец, весь поглощенный мыслями о полезном, не обращал внимания на приятное — на эти изумительные образцы новогвинейской флоры. Найдя кокосовую пальму, он сшиб с нее камнем несколько кокосов, вскрыл их и предложил нам. Мы выпили кокосовое молоко и съели мякоть с наслаждением, которое нельзя было рассматривать иначе, как протест против обычного меню «Наутилуса».

— Замечательно! — заявил Нед Ленд.

— Вкусно! — поддержал его Консель.

— Как вы думаете, неужели капитан Немо запретит нам принести на борт «Наутилуса» некоторый запас этих кокосов? — спросил меня канадец.

— Не думаю, — ответил я, — но уверен, что сам он не прикоснется к ним.

— Тем хуже для него! — заметил Консель.

— И тем лучше для нас! — подхватил Нед Ленд. — Нам больше останется.

— Минутку, друг Нед, — сказал я канадцу, намеревавшемуся атаковать вторую пальму. — Кокосовые оре-

хи — замечательная вещь, но прежде чем наполнять ими доотказа шлюпку, следует, мне кажется, выяснить, нет ли на острове других продуктов, не менее полезных. Я полагаю, что свежие овощи очень нам пригодятся на «Наутилусе».

— Хозяин прав, — сказал Консель. — Я предлагаю поделить шлюпку на три части: первую оставить для плодов, вторую — для овощей, а третью — для дичи, которой, кстати сказать, пока мы совершенно не видим.

— Консель, не надо отчаиваться, — возразил канадец.

— Итак, предлагаю продолжить нашу экскурсию, но только все время быть начеку. Хотя остров и кажется необитаемым, но все-таки тут могут оказаться жители, менее разборчивые в выборе пищи, чем мы...

— Эге-ге! — вскричал Нед Ленд, ляская челюстями при этом намеке.

— Эй, Нед, что с вами? — воскликнул Консель.

— Честное слово, — сказал канадец, — я начинаю понимать прелести людоедства.

— Нед! Нед! Что вы сказали? — воскликнул Консель. — Оказывается, вы людоед? Значит, находясь с вами в каюте, я все время был в опасности? Значит, мне грозит в одно прекрасное утро проснуться полусъеденным?

— Друг Консель, я вас люблю, но не настолько, чтобы съесть вас без особой надобности.

— Не верю вам, — ответил Консель. — Давайте охотиться! Надо поскорее подсунуть какую-нибудь дичь этому каннибалу, не то в один из ближайших дней хозяин найдет только кусочки своего бывшего слуги.

В то время как Нед и Консель перебрасывались этими шутками, мы дошли до опушки леса. Проникнув под густые своды, мы в продолжение двух часов обошли его из конца в конец.

Случай благоприятствовал нам: мы наткнулись на одно из самых полезных растений тропического пояса; оно снабдило нас пищей, по которой мы стосковались на борту «Наутилуса».

Я говорю о хлебном дереве, обильно произрастающем на острове Гвебороар; мы очень скоро нашли его бессемянную разновидность, получившую у малайцев название «рима».

Хлебное дерево отличалось от окружающих совершенно прямым стволом высотою в сорок футов. Его грациозно закругленная верхушка, образованная большими многодольчатыми листьями, сразу бросается в глаза натуралисту. Среди массы листьев свешивались большие шаровидные плоды, величиною в один дециметр, покрытые шероховатыми шестиугольниками. Это полезное дерево без всякого ухода и забот дает плоды в течение восьми месяцев в году.

Нед Ленд хорошо знал эти плоды. Ему случалось уже есть их во время своих многочисленных путешествий, и он знал, как их надо приготовлять.

— Господин профессор, — сказал он, — я умру от нетерпения, если не попробую тотчас же мякоти этого дерева!

— Попробуйте, Нед, попробуйте. Ведь мы для того и забрались сюда, чтобы делать опыты. Не стесняйтесь!

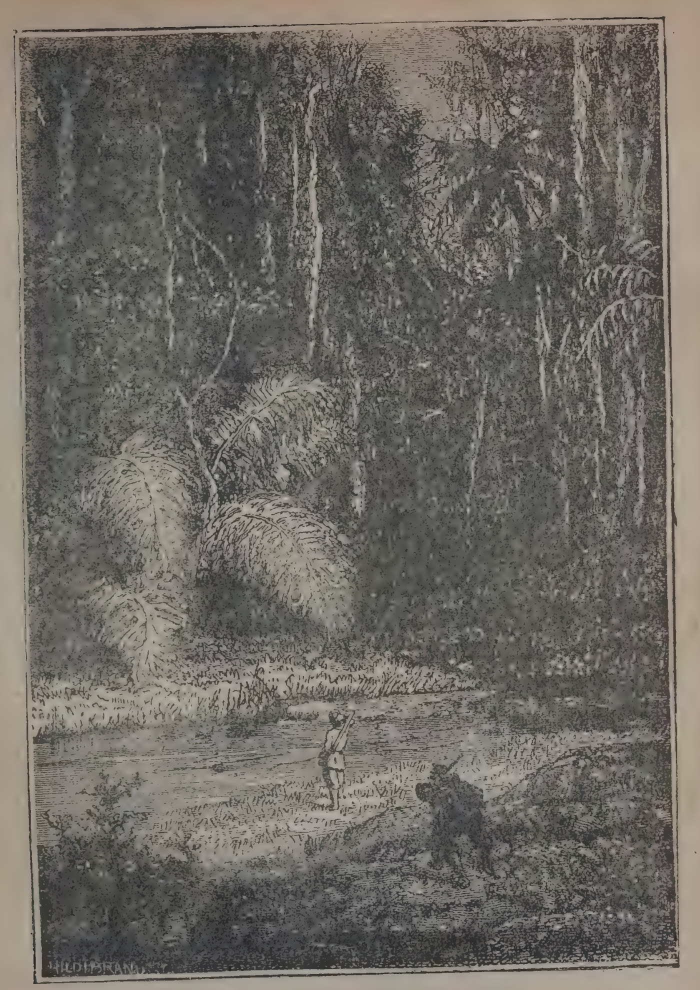
— Это не отнимет много времени, — сказал он.

Вооружившись зажигательным стеклом, канадец быстро развел костер из валежника.

Огонь весело затрещал.

Тем временем Консель и я выбирали подходящее хлебное дерево.

Плоды некоторых из них еще не созрели, и их толстая кожура покрывала белую мякоть. Зато другие — таких было множество, — студенистые и желтоватые, казалось, только ждали того, чтобы их сорвали.

Мы подошли к опушке леса.

Консель принес Неду штук десять таких плодов.

Канадец разрезал их на ломтики — плоды хлебного дерева не содержат никаких семян — и положил на раскаленные уголья. При этом он все время приговаривал:

— Вы увидите, господин профессор, какой это вкусный хлеб!

— Особенно после того, как люди два месяца вовсе не видели хлеба, — добавил Консель.

— Это даже не хлеб, — продолжал канадец. — Это вкуснейшее пирожное. Вам никогда не доводилось пробовать его, господин профессор?

— Никогда, Нед.

— В таком случае, готовьтесь к неземному наслаждению. Если вы не попросите второй порции, я недостоин звания короля гарпунщиков!

Через несколько минут та сторона ломтей, которая была обращена к огню, совершенно обуглилась. В середине каждого ломтя образовалась белая мякоть, запахом напоминающая артишок.

Надо признаться, что хлеб оказался действительно вкусным, и я ел его с большим удовольствием.

— К сожалению, — сказал я, — вряд ли эта мякоть сохраняется в свежем виде. Поэтому, мне кажется, не стоит брать запас ее на борт.

— Что вы, господин профессор! — возмущенно воскликнул Нед Ленд. — Вы говорите как теоретик-натуралист, я же поступаю как практик-пекарь. Консель, сделайте запас этих плодов, мы на обратном пути заберем их с собой на борт.

— А как вы заготовите их впрок?

— Сделаю из мякоти тесто. После того как оно перебродит, оно может сохраняться бесконечно долго не портясь. Перед употреблением его надо будет сварить на кухне «Наутилуса», и, несмотря на кисловатый привкус, вы пальчики оближете, когда вам его подадут.

— Я вижу, Нед, что ваш хлеб — совершенство, и нам нечего больше желать...

— Напротив, господин профессор, — возразил канадец, — можно пожелать еще овощей и фруктов для полноты удовольствия.

— Что ж, давайте искать фрукты и овощи.

Закончив сбор плодов хлебного дерева, мы снова пустились на поиски новых блюд для нашего «земного» обеда.

Поиски не остались безуспешными, и к полудню мы собрали достаточный запас бананов. Эти удивительно нежные тропические фрукты зреют в течение круглого года. Их едят в сыром виде. Кроме бананов, мы нашли вкусные плоды манго и несколько крупных ананасов. Хотя эти сборы и отняли у нас много времени, мы не жалели об этом.

Консель не спускал глаз с Неда Ленда. Гарпунщик шел впереди и, проходя мимо кустов или деревьев, уверенной рукой срывал лучшие плоды для пополнения запасов.

— Ну, — сказал наконец Консель, — надеюсь, теперь вы удовлетворены, дружище Нед? Вы получили все, что хотели?

— Гм... — промычал канадец.

— Как, вы еще недовольны?

— Все эти травки — только приправа к обеду, десерт, сладкое. А где суп? Где жаркое?

— Да, да, Нед, — сказал я, — не забывайте, пожалуйста, своего обещания накормить нас котлетами! Что-то я не вижу этих котлет...

— Господин профессор, — ответил канадец, — охота не только не кончилась, но даже еще не начиналась. Терпение! Рано или поздно мы встретим какую-нибудь крылатую или четвероногую дичь, не здесь, так где-нибудь в другом месте.

— И если не сегодня, то в какой-нибудь другой день, — в тон канадцу подхватил Консель. — Однако забираться в глубь леса не стоит. Я советую возвратиться к шлюпке.

— Как! Уже? — вскричал Нед.

— Мы должны вернуться на борт до наступления темноты, — сказал я.

— Но который теперь час? — огорченно спросил канадец.

— Не меньше двух часов пополудни, — ответил Консель.

— Как быстро бежит время на твердой земле! — с глубоким вздохом сказал Нед Ленд.

Мы пошли обратно лесом. Попутно мы пополнили наши запасы листьями капустной пальмы, за которыми пришлось лезть на самую верхушку дерева, зелеными бобами, которые малайцы называют «абру», и превосходного качества ямсом.

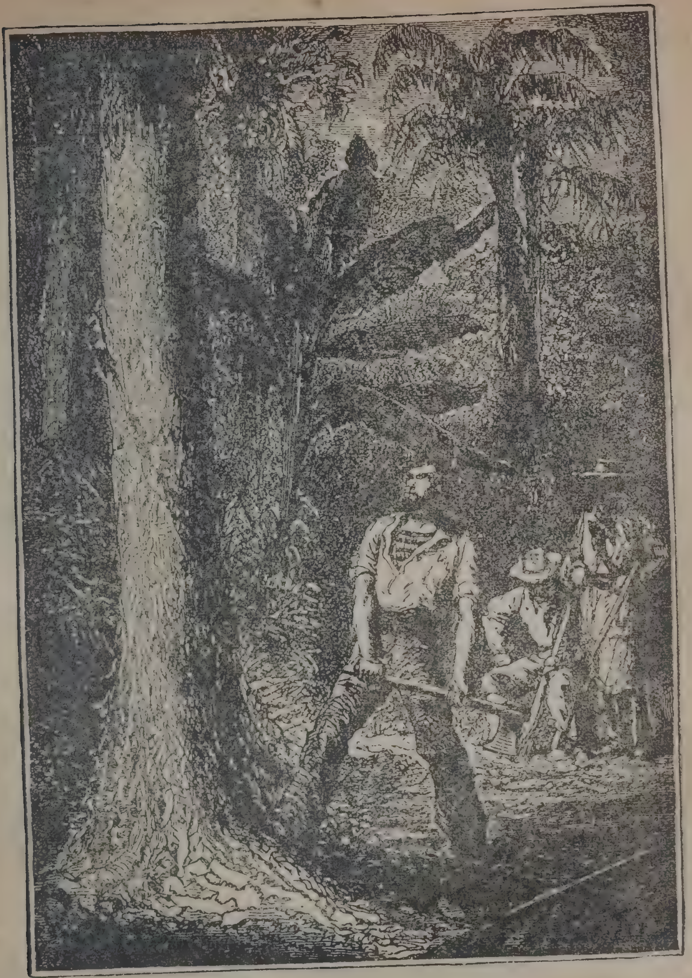
Мы изнывали от усталости, когда подходили к лодке. Однако Нед Ленд считал, что мы еще мало собрали провизии. Но судьба была благосклонна к нему. Уже усевшись в лодку, он вдруг заметил несколько саговых деревьев высотой в двадцать пять — тридцать футов.

Эти деревья столь же полезны, как и хлебные, и по справедливости считаются одним из драгоценнейших продуктов Меланезии.

Нед Ленд знал, как нужно обращаться с ними.

Взявшись за топор, он в несколько минут срубил два-три дерева.

Я следил за канадцем скорее как натуралист, чем как проголодавшийся человек. Он начал с того, что от каждого ствола отодрал по куску коры толщиной с большой палец; при этом обнажилась сеть волокон, переплетающихся в путаные узлы, между которыми виднелась клейкая мука. Эта мука и была тем

Нед Ленд взял топор.

веществом, которое служит главной пищей меланезийского населения.

Наконец в пять часов пополудни, нагруженные запасами, мы покинули берег острова и полчаса спустя пристали к «Наутилусу».

Нас никто не встретил. Огромный железный цилиндр казался необитаемым.

Освободившись от ноши, я спустился в свою комнату. Там ждал меня ужин. Я поел и лег спать.

На другой день не произошло ничего нового. Никакого шума внутри судна, ни малейшего признака жизни. Шлюпка болталась у борта, на том самом месте, где мы ее оставили. Мы решили возвратиться на остров Гвебороар.

Нед Ленд надеялся, что на этот раз охота будет удачнее, чем накануне. Кроме того, мы хотели посетить другую часть леса.

С восходом солнца мы тронулись в путь. Лодка, подхваченная бегущей к берегу волной, быстро подплыла к острову.

Мы высадились и, доверившись инстинкту Неда Ленда, последовали за ним, следя только за тем, чтобы длинноногий канадец не слишком удалялся от нас.

Нед Ленд повел нас в глубь западной части острова. Перейдя вброд несколько ручейков, мы вышли на равнину, окаймленную с одной стороны великолепным лесом. Несколько зимородков порхали на берегу ручья, но ни один не позволил приблизиться к себе на ружейный выстрел.

Поведение птичек навело меня на мысль, что они не в первый раз сталкивались с двуногими существами и знают, чего можно ожидать от человека. Из этого я сделал вывод, что если остров и необитаем в данное время, то, во всяком случае, еще недавно его посещали люди.

Пройдя всю обширную равнину, мы подошли к ма-

ленькому лесочку, откуда доносилось пение множества птиц.

— Пока что это только птицы, — сказал Консель.

— Но среди них есть и съедобные, — ответил гарпунщик.

— Навряд ли, дружище, — возразил Консель. — По-моему, это попугаи.

— Друг мой Консель, — важно заявил канадец, — попугай сойдет за фазана у людей, которым нечего есть!

— Со своей стороны, могу подтвердить, — сказал я, — что хорошо приготовленный попугай — довольно вкусное блюдо.

И в самом деле, под густой листвой деревьев роился целый мирок попугаев, готовых заговорить на человеческом языке, если бы кто-нибудь занялся их воспитанием.

В ожидании же этого они болтали со своими разноцветными самками, перепрыгивая с ветки на ветку и порхая с дерева на дерево. Тут были представлены все разновидности отряда попугаев: и медлительные и важные какаду, как будто занятые решением какой-то философской проблемы, и ярко окрашенные арары, во время полета кажущиеся кусками разноцветной ткани, уносимой ветром, и умные попугаи-жако, лучше всех других усваивающие человеческую речь, и множество других разновидностей этих очаровательных, но в большинстве своем несъедобных птиц.

Однако в этой коллекции недоставало одного экспоната: я говорю о птице, водящейся исключительно в этих краях и никогда не появляющейся вне пределов островов Арру и Новой Гвинеи. Но судьба оказалась милостивой ко мне и дала мне случай полюбоваться этой птицей.

Пройдя сквозь редкий лесок, мы вышли на лужайку, поросшую кустарником. Наши шаги вспугнули пару каких-то птиц; я заметил, что их оперение расположено

так, что они могут летать только против ветра. Их волнистый полет, грация, с которой они описывали в воздухе круги, непередаваемая игра красок в их оперении — все это привлекало и услаждало взор. Я без труда узнал их.

— Это райские птицы! — вскричал я.

— Отдел килегрудых, отряд воробьинообразных, семейство райских птиц, — тотчас же сказал Консель.

— Может быть, семейство куропаток? — спросил Нед Ленд.

— Нет, друг Нед, — сказал я. — Но хоть это и не куропатки, я буду вам очень обязан, если вы со свойственной вам ловкостью поможете мне поймать одну из этих очаровательных тропических птиц.

— Попробую, господин профессор, хотя, по правде сказать, я больше привык к гарпуну, чем к ружью.

Малайцы, торгующие райскими птицами, применяют разнообразные способы их ловли, к которым, к сожалению, мы не могли прибегнуть: то они расставляют силки на макушках высоких деревьев, где охотнее всего гнездятся райские птицы; то они ловят их при помощи специального, очень вязкого клея; то, наконец, они отравляют водоемы, из которых эти птицы привыкли пить воду.

Что же касается нас, то нам оставалось только стрелять их в лёт, с малыми шансами на успех. И в самом деле, мы истратили значительную часть зарядов, но не убили ни одной из этих птиц.

К одиннадцати часам утра мы миновали уже первую цепь холмов в центре острова, не встретив ни одного зверька. Голод подстегивал нас. Понадеявшись на успешную охоту, мы не захватили с собой провизии и теперь горько раскаивались в этом.

Но тут, к нашей радости и к великому изумлению самого Конселя, ему посчастливилось двумя выстрелами подряд сбить белого голубя и вяхиря. Мы быстро

Консель поймал райскую птицу.

ощипали их и, насадив на импровизированный вертел, стали жарить на костре из сухого валежника.

В то время как дичь жарилась под наблюдением Конселя, Нед Ленд приготовлял плоды хлебного дерева.

Как и следовало ожидать, вяхирь и голубь были съедены до последней косточки. Мускатные орехи, которыми они питаются, придали особый аромат их мясу, и жаркое получилось действительно восхитительное.

— Они так же вкусны, как пулярки, вскормленные на трюфелях! — сказал Консель.

— Ну-с, Нед, — спросил я, — чего вам теперь еще нехватает?

— Четвероногой дичи, господин профессор, — ответил канадец. — Эти птички — только закуска, а не настоящая пища. Поэтому я не успокоюсь до тех пор, пока не убью какое-нибудь настоящее четвероногое животное, из которого можно сделать отбивную котлету.

— А я, Нед, не успокоюсь до тех пор, пока не поймаю райскую птицу.

— Итак, будем продолжать охоту, — сказал Консель. — Только вернемся назад, поближе к морю. Мы забрались уже к самым отрогам гор, и я думаю, что благоразумней все-таки было бы не забираться в глубь леса.

Консель был прав, и мы последовали его совету. После часа ходьбы мы пришли в лес, состоящий почти исключительно из саговых деревьев. Из-под наших ног несколько раз выскальзывали змеи, но неядовитые. Райские птицы улетали, как только мы приближались к ним на расстояние выстрела, и я потерял уже надежду поближе познакомиться с ними, когда Консель, шедший впереди, вдруг нагнулся и, восторженно вскрикнув, позвал меня: он держал в руке великолепный экземпляр райской птицы.

— Браво, Консель! — воскликнул я.

— Хозяин очень любезен, — ответил он.

— Нет, нет, друг мой, ты совершил чудо. Поймать райскую птицу живой, да еще голыми руками — это неподражаемо!

— Если хозяин соблаговолит взглянуть на нее поближе, он поймет, что моя заслуга не так велика.

— Почему, Консель?

— Потому, что эта птица мертвецки пьяна!

— Пьяна?..

— Да. Пьяна от мускатных орехов, которые она пожирала под мускатным деревом, и мне ничего не стоило взять ее. Глядите же внимательно, Нед: вот наглядное доказательство того, как вредна невоздержность!

— Ну, знаете, Консель, грешно вам попрекать меня количеством выпитой за последние два месяца водки! — ответил канадец.

Тем временем я рассматривал птицу. Консель не обманывал меня: райская птица действительно опьянела от одурманивающего сока мускатных орехов и была совершенно беспомощна. Она не только не могла летать, но и ходила с трудом.

Пойманный Конселем экземпляр принадлежал к красивейшей из восьми разновидностей райских птиц, которые водятся на Новой Гвинее и соседних с нею землях. Эта разновидность получила название «изумрудной» и была самой редкой. Величина птицы — тридцать сантиметров. Головка у нее маленькая; глаза, помещающиеся непосредственно рядом с клювом, также очень малы.

Расцветка ее представляла собой очаровательную гамму цветов: желтый клюв, темнокоричневые лапы и когти, светлокоричневые с пурпурной каемкой крылья, бледножелтый хохолок, изумрудно-зеленая шея и каштановые грудь и брюшко. Два пышных и пушистых изогнутых дугой пера необычайной нежности и красоты украшали ее хвост. В общем, птица была поразительно красива и

вполне заслужила свое туземное название «солнечной птицы».

Мне страстно захотелось привезти живым в Париж этот редкий экземпляр и подарить его зоологическому саду, в котором еще не было ни одной живой райской птицы.

— Это в самом деле редкая птица? — спросил Нед Ленд тоном охотника, для которого несъедобная дичь не имеет никакой цены.

— В самом деле, Нед, и к тому же райскую птицу очень трудно поймать живьем. Но, даже и мертвые, эти птицы очень высоко ценятся. Поэтому туземцы стали подделывать их, так же как в Европе подделывают жемчуг и бриллианты.

— Как! — воскликнул Консель. — Они подделывают райских птиц?

— Да, Консель.

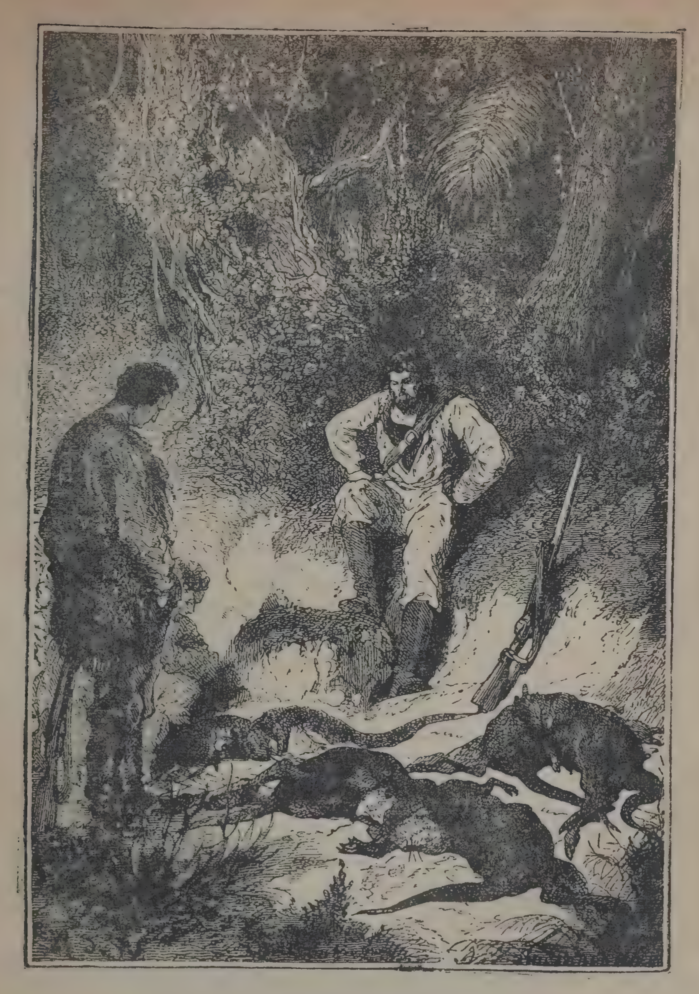
— И хозяин знает, как это делают?

— Знаю, Консель. Райские птицы во время летних муссонов теряют свое замечательное хвостовое оперение. Птичьи «фальшивомонетчики» собирают эти перья и ловко вклеивают или вшивают их в хвост какого-нибудь несчастного попугая, предварительно ощипав его. Потом они закрашивают шов, «лакируют» птичку и... посылают в Европу — музеям или любителям — продукт этого своеобразного искусства.

— Что ж, — заметил Нед Ленд, — тем не на что жаловаться. Они ведь получают перья, а ведь это самое главное, если птица не предназначена для еды.

Моя мечта — завладеть райской птицей, — таким образом, осуществилась, но мечта Неда Ленда о котлете пока что была еще далека от воплощения.

Все же к двум часам дня канадцу посчастливилось подстрелить лесного кабана из породы тех, которых туземцы называют «бари-утанг».

Нед Ленд убил дюжину кенгуру.

Выстрел Неда, доставивший нам настоящее жаркое, был встречен всеобщим восторгом.

Нед Ленд был горд своей удачей. Кабан упал на месте мертвым, как только его коснулась электрическая пуля. Канадец быстро освежевал его и вырезал отличный кусок мяса на ужин. После этого охота возобновилась, и во время ее Неду Ленду и Конселю предстояло еще отличиться.

В самом деле, пробираясь сквозь кустарник, друзья неожиданно для себя вспугнули стадо кенгуру, которые бросились бежать, высоко подпрыгивая на своих эластичных конечностях.

Они бежали очень быстро, но электрические пули оказались быстрей.

— Ах, господин профессор, — вскричал Нед Ленд, опьяненный удачной охотой, — какая чудная дичь, особенно в тушеном виде! Какой запас провизии для «Наутилуса»! Два, три, четыре кенгуру. И подумать только, что мы одни съедим всю эту гору мяса, а те ослы даже и не понюхают его!

Я думаю, что если бы в порыве радости канадец не разболтался, он перебил бы все стадо. Но теперь ему пришлось довольствоваться дюжиной этих интересных млекопитающих, принадлежащих к семейству кенгуровых, разделу двуутробных, как сообщил Консель.

Убитые кенгуру были малорослыми. Они принадлежали к виду зайцеобразных кенгуру. Это ночные животные, днем они крепко спят. Помимо большой быстроты бега, этот вид кенгуру отличается удивительной увертливостью. Несмотря на небольшую величину этого зверька, шкурки его ценятся высоко.

Мы были очень довольны результатами своей охоты. Восторженный Нед предполагал на следующий день вернуться на этот очаровательный остров и перебить всех

водящихся на нем съедобных четвероногих. Но он не предвидел, что события обернутся иначе.

Около шести часов вечера мы вышли к берегу моря. Шлюпка стояла на том месте, где мы ее оставили. «Наутилус», издали казавшийся длинным рифом, выступал из воды в двух милях от нас.

Нед Ленд, не откладывая, занялся приготовлениями к обеду. Он был мастером в поваренном искусстве. Поджариваемые им «отбивные котлеты из бари-утанга» вскоре распространили в воздухе приятнейший аромат...

Но я ловлю себя на том, что становлюсь похожим на канадца и прихожу в восторг от куска жареного мяса. Да простит мне это читатель, как я простил канадцу...

Обед удался наславу. Два вяхиря дополнили меню. Саговое тесто, плоды хлебного дерева, несколько плодов мангового дерева, полдюжины ананасов и перебродивший сок кокосового ореха привели нас в благодушное настроение. Мои достойные товарищи, да и я сам, отяжелели от сытного обеда.

— А что, если мы не вернемся сегодня на «Наутилус»? — предложил Консель.

— Ни сегодня, ни завтра и никогда? — добавил Нед Ленд.

В эту секунду у наших ног упал камень.

Глава двадцать вторая

МОЛНИЯ КАПИТАНА НЕМО

Не вставая, мы оглянулись в сторону леса. Моя рука замерла на полпути ко рту.

— Камни обычно не падают с неба, — сказал Консель. — Когда же это случается, они называются аэролитами.

Второй камень, брошенный более удачно, выбил из рук Конселя аппетитную ножку вяхиря, подкрепляя вескость его замечания.

Вскочив на ноги и вскинув ружья к плечу, мы все трое готовы были встретить любое нападение.

— Неужели это обезьяны? — воскликнул Нед Ленд.

— Почти, — ответил Консель. — Это дикари.

— К шлюпке! — скомандовал я и направился к морю.

И в самом деле, пора было отступать, так как едва ли не в сотне шагов, на опушке рощи, заслонявшей горизонт, показалось человек двадцать дикарей, вооруженных большими луками и пращами.

Шлюпка находилась на расстоянии двадцати метров от нас.

Дикари приближались не спеша, но с явно враждебными намерениями. Камни и стрелы сыпались дождем.

Нед Ленд не пожелал бросить собранную провизию и, несмотря на угрожавшую опасность, потащил к шлюпке туши убитых кабана и кенгуру.

В две минуты мы перенесли в шлюпку продовольствие и оружие, столкнули ее на воду, укрепили весла в уключинах и сели грести. Не успели мы отъехать на два кабельтовых, как сотня воющих и рычащих дикарей вошла в море по пояс. Я думал, что их крики привлекут внимание команды «Наутилуса». Но нет: палуба подводного корабля оставалась совершенно пустынной.

Через двадцать минут мы причалили к «Наутилусу».

Люк был открыт. Привязав шлюпку к борту, мы спустились внутрь судна.

Я вошел в салон, откуда доносились звуки органа. Капитан Немо играл с таким увлечением, что не заметил даже моего прихода.

— Капитан! — сказал я.

Он не слышал.

— Капитан! — повторил я, прикоснувшись рукой к его плечу.

Он вздрогнул и быстро повернулся.

— Ах, это вы, господин профессор, — сказал он. — Ну, как вы поохотились? Какие растения нашли?

— Отлично, капитан, спасибо. Но, не скрою, мы привели за собой стадо двуногих, соседство которых мне кажется небезопасным...

— Двуногих?

— Дикарей.

— Дикарей? — насмешливо протянул капитан Немо. — Вас, верно, удивило, профессор, что, ступив ногой на одну из земель нашей планеты, вы натолкнулись на дикарей? Где только нет дикарей!.. Да и чем они хуже других, эти люди, которых вы называете дикарями?

— Но, капитан...

— Что до меня, то я дикарей встречал повсюду.

— Все-таки, — ответил я, — если вы не хотите допустить нашествия этой орды на «Наутилус», советую вам принять меры предосторожности.

— Успокойтесь, не стоит об этом тревожиться.

— Но этих дикарей очень много!

— Сколько?

— Не меньше сотни!

— Господин Аронакс, — сказал капитан, снова опуская пальцы на клавиши органа, — если бы все туземное население Новой Гвинеи собралось на этом пляже, то и в этом случае «Наутилусу» ничто бы не грозило.

Пальцы капитана забегали по клавишам инструмента. Я обратил внимание на то, что он ударял только по черным косточкам, что придавало его музыке минорный оттенок. Вскоре он забыл о моем присутствии и весь отдался музыке. Я не осмелился больше отвлекать его и тихо вышел.

Я поднялся на палубу. Ночь уже вступила в свои права — в этих низких широтах день уступает место ночи сразу, без сумерек. Остров Гвебороар чуть виднелся в темноте. Но многочисленные огни костров, разведенных на берегу, свидетельствовали о том, что дикари и не думали покидать его.

Я оставался в одиночестве на палубе в продолжение долгих часов, то вспоминая про туземцев (но уже без всякого беспокойства, так как капитан Немо заразил меня своей уверенностью), то просто отдавшись очарованию этой тропической ночи.

Мои мечты обращались к Франции при взгляде на звезды, сверкавшие на северном склоне неба, которые через несколько часов должны были увидеть мою родину.

Луна стала подниматься, гася созвездия. Я подумал, что этот преданный спутник Земли через два дня проделает тот же путь на небе, чтобы поднять морскую воду и снять «Наутилус» с его кораллового ложа.

Около полуночи, убедившись, что потемневшая поверхность воды так же спокойна, как и спящий под сенью деревьев берег, я вернулся в свою каюту и спокойно заснул.

Ночь прошла без происшествий. Дикари, очевидно, испугались одного вида чудовища, лежавшего на воде, сквозь открытый люк которого они имели возможность свободно проникнуть внутрь «Наутилуса».

В шесть часов утра 8 января я снова поднялся на палубу. Рассвет только разгонял ночные тени.

Вскоре сквозь разорванные клочья тумана показался остров: сначала пляж, а потом и верхушки деревьев.

Туземцы все еще были на берегу, только их стало значительно больше — человек пятьсот-шестьсот. Некоторые из них, воспользовавшись отливом, по обнажившимся верхушкам рифов приблизились к «Наутилусу» и оста-

новились на расстоянии не больше двух кабельтовых от него.

Я хорошо видел их невооруженным глазом. Это были папуасы гигантского роста, отлично сложенные, с высоким крутым лбом, с большим, но не приплюснутым носом и с ослепительно белыми зубами; их курчавые волосы, выкрашенные в красный цвет, резко выделялись на лоснящемся черном теле. В мочках их ушей, разрезанных на две части и оттянутых книзу, висели костяные бусинки.

Большинство мужчин были совершенно голыми. Несколько женщин, находившихся тут же, были одеты в сплетенную из трав юбку, ниспадающую от бедер к коленям и поддерживаемую поясом из лиан. У некоторых, очевидно вождей, шея была украшена полукольцом или ожерельями из цветных — белых и красных — стекляшек.

Все дикари были вооружены луками, стрелами, щитами. У многих за спиной болтались сетки с круглыми камнями для пращи, которой они владели с величайшим искусством.

Один из вождей подошел ближе других к «Наутилусу» и рассматривал его с пристальным вниманием. Очевидно, это была важная персона, так как он был закутан в покрывало из листьев банана.

Мне нетрудно было подстрелить этого дикаря, стоявшего очень близко; но я решил, что лучше подождать, пока он сам не проявит враждебных намерений.

Все время, пока продолжался отлив, дикари бродили вокруг «Наутилуса». Но они ничем не проявляли своей враждебности.

Я слышал, как они часто повторяли слово «ассе», и по их жестам понял, что они приглашают меня сойти на берег. Однако я предпочел отклонить это приглашение.

В этот день шлюпка, конечно, не покидала борта

«Наутилуса», к величайшему огорчению Неда Ленда, которому очень хотелось пополнить свои запасы провизии.

Чтобы как-нибудь скоротать время, канадец — мастер на все руки — занялся приготовлением консервов из привезенных с острова Гвебороар мяса и «хлеба».

Около одиннадцати часов утра, как только волны прилива стали заливать верхушки скал, дикари возвратились на берег.

Толпа на берегу все прибывала; надо полагать, весть о прибытии «Наутилуса» облетела все ближайшие острова, и туземцы со всех сторон стекались на Гвебороар. Впрочем, ни одной пироги не было видно.

Время в виду близкой, но недоступной земли тянулось нестерпимо медленно, и чтобы развлечься, я решил поскрести дно драгой. Сквозь прозрачную воду я явственно видел там множество раковин, зоофитов и морских растений. Кстати, не следовало откладывать знакомство с фауной и флорой этих мест, так как этот день, если капитан Немо не ошибся в расчетах, должен был быть предпоследним днем нашей стоянки у берегов Новой Гвинеи.

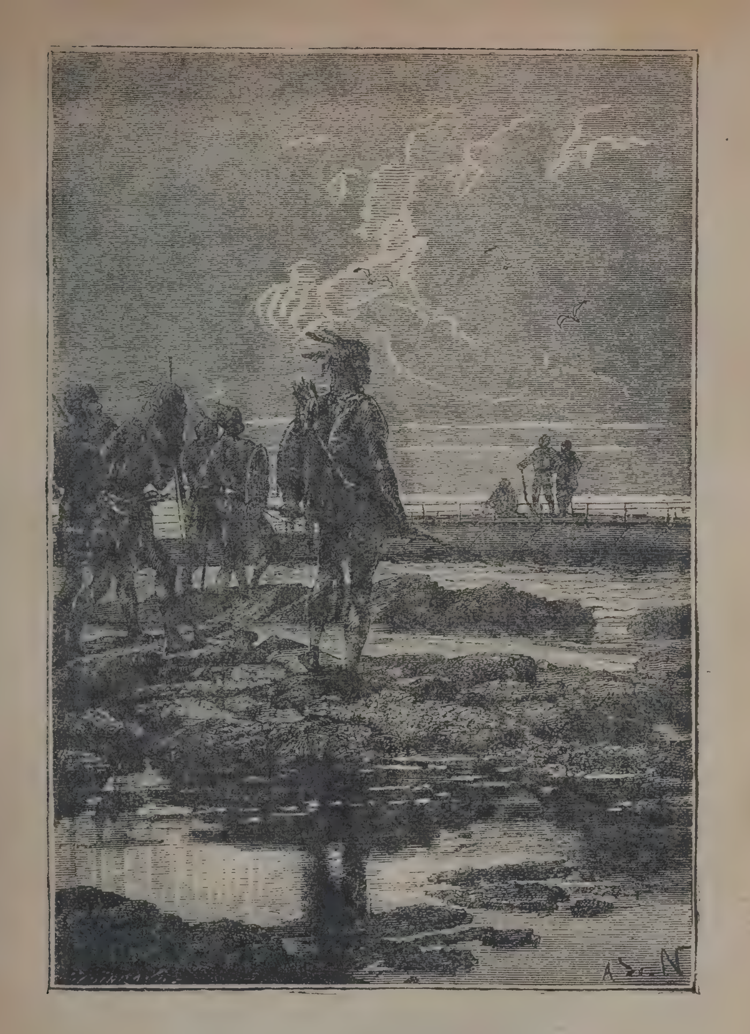
Консель принес мне легкую драгу, похожую на те, какими ловят устриц.

— Как ведут себя дикари? — спросил Консель. — С позволения хозяина, скажу, что на меня они производят впечатление не злых людей.

— И тем не менее это людоеды, друг мой!

— Разве людоед непременно должен быть негодяем? — возразил Консель. — Ведь можно быть лакомкой, оставаясь в то же время порядочным человеком. Одно не исключает другого.

— Ладно, Консель, я уступаю тебе — это честные людоеды, и они поедают своих пленных с соблюдением всех правил приличия. Однако мне не хочется быть

Туземцы окружили «Наутилус».

съеденным даже честными людьми, и я буду начеку, ибо капитан «Наутилуса» не принимает никаких мер предосторожности. А теперь — за дело!

В течение двух часов мы усердно закидывали драгу, но ничего интересного не выловили: драгу наполняли ракушки, которых называют «уши Мидаса», арфы, молотки, пожалуй самые красивые экземпляры, которые когда-либо встречались мне. Мы поймали также несколько голотурий, жемчужных раковин и дюжину маленьких черепах, которых мы решили передать на кухню. И вот в ту минуту, когда я меньше всего этого ожидал, я увидел чудо. Собственно, следовало бы сказать — необычайно редко встречающееся уродство. Консель, закинувший только что драгу, вытащил ее, наполненную ракушками. Он был крайне удивлен, увидев, как я внезапно рванул драгу, вытащил из нее одну раковину и испустил крик конхиолога, то-есть самый пронзительный, какой когда-либо вырывался из человеческой глотки.

— Что случилось с хозяином? — удивленно спросил Консель. — Хозяина укусил кто-нибудь?

— Нет, мой друг, но я охотно отдал бы палец за эту находку!

— Какую находку?

— За эту раковину! — торжествующе сказал я.

— Но ведь это самая обыкновенная пурпурная олива из рода олив, отряда гребенчатожаберных, класса брюхоногих, типа моллюсков...

— Совершенно верно, Консель, но вместо того чтобы закручиваться справа налево, эта раковина закручивается слева направо!

— Неужели?! — вскричал Консель.

— Да, мой милый. Это раковина-левша!

— Раковина-левша? — повторил Консель с дрожью в голосе.

— Погляди на ее завиток.

— Хозяин может мне поверить, — сказал Консель, благоговейно беря в руки раковину, — что я никогда еще так не волновался.

И в самом деле, было от чего притти в волнение. Всем известно, что в природе движение чаще всего идет справа налево. Звезды и их спутники вращаются справа налево. У человека правая рука развитее левой, и поэтому все его инструменты, приборы, аппараты, замки приспособлены к пользованию ими справа налево. Природа соблюдает этот же закон, если это только можно назвать законом, и в закручивании моллюсков; все они закручены справа налево, и в тех крайне редких случаях, когда попадаются раковины-левши, любители готовы платить за них любые суммы.

Консель и я были поглощены рассматриванием нашего сокровища. Я уже мечтал о том, как я подарю его Музею естественной истории в Париже, как вдруг камень, брошенный дикарем, разбил эту драгоценность в руках Конселя.

Я отчаянно вскрикнул. Консель бросился к моему ружью и прицелился в дикаря, размахивавшего пращой в десяти метрах от нас. Я хотел удержать Конселя, но не успел. Он выстрелил, и пуля разбила браслет из амулетов, охватывавший запястье дикаря.

— Консель! — укоризненно вскричал я. — Консель!

— Что? Разве хозяин не видит, что этот людоед первым напал на нас?

— Никакая раковина не стоит человеческой жизни, Консель!

— Ах, негодный!.. Я предпочел бы, чтобы он сломал мне плечо! — воскликнул Консель.

Консель говорил это совершенно искренне, но не убедил меня в своей правоте.

Между тем за последние минуты, пока мы были поглощены созерцанием раковины-левши, положение

изменилось. Около двадцати туземных пирог окружили «Наутилус». Эти пиро́ги, выдолбленные из ствола дерева, узкие, длинные, приспособленные для быстрого хода, уравновешиваются на воде при помощи двойного бамбукового поплавка, укрепленного рядом с бортом.

Было очевидно, что папуасы уже встречались с европейцами и видели раньше их суда. Но что они должны были подумать об этой железной сигаре, без мачт, без труб, еле выступающей из воды? Очевидно, ничего хорошего, так как они долго держались на почтительном от нее расстоянии. Однако, убедившись, что мы не проявляем никакой агрессивности, они постепенно свыклись с видом «Наутилуса», осмелели и теперь решили поближе познакомиться с ним. Но как раз этому-то знакомству и следовало помешать.

Наши ружья, стреляющие бесшумно, не могли произвести впечатления на дикарей, уважающих только могучие громы орудий. Так и молния, не сопровождайся она громом, не пугала бы людей, хотя общеизвестно, что опасна именно молния, а не гром.

В эту минуту несколько пирог сомкнулось вокруг «Наутилуса», и туча стрел посыпалась на палубу.

— Чорт возьми! — воскликнул Консель. — Идет град! Да еще, может быть, отравленный...

— Нужно предупредить капитана Немо, — сказал я, направляясь к люку.

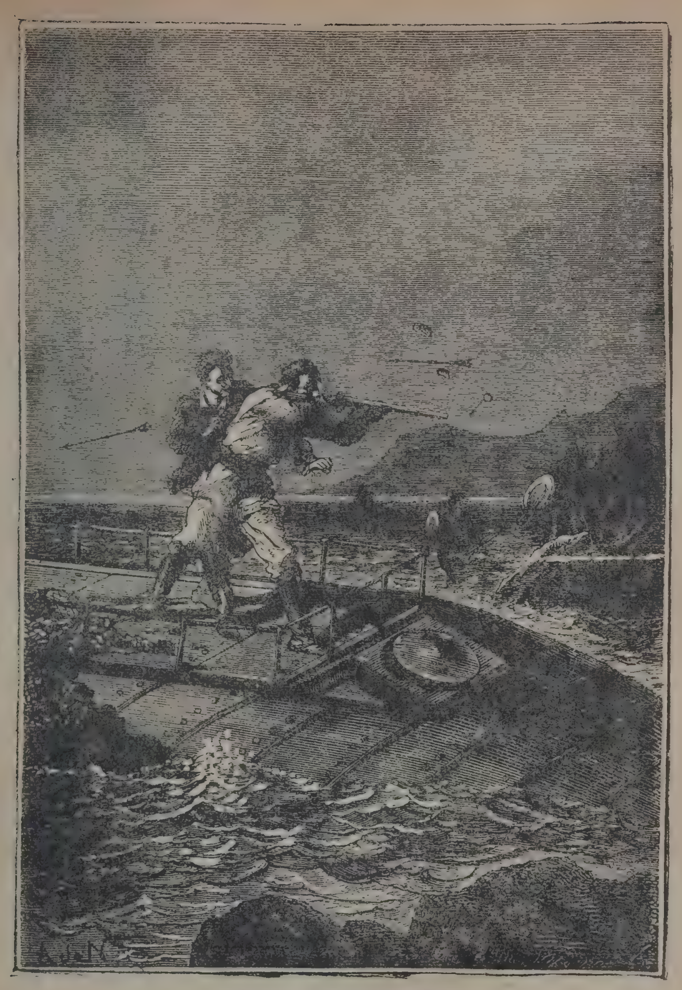
Я зашел в салон, но там никого не было.

Тогда я попробовал постучать в дверь комнаты капитана Немо.

— Войдите, — ответили мне из-за двери.

Я застал капитана Немо погруженным в какие-то сложные вычисления; ворох бумаг, лежавший перед ним, был испещрен математическими знаками.

— Я потревожил вас? — из вежливости спросил я.

Консель выстрелил.

— Да, господин профессор, — ответил мне капитан, — но я полагаю, что у вас есть для этого серьезные основания?

— Очень серьезные. Нас окружили пироги туземцев, и, вероятно, не позже как через несколько минут много сотен дикарей нападут на нас.

— Ага, — сказал совершенно спокойно капитан, — они явились на пирогах?

— Да, капитан.

— В таком случае, достаточно закрыть люк.

— Как раз это я и хотел вам посоветовать.

— Ничего не может быть проще, — ответил капитан Немо.

И, нажав кнопку электрического звонка, он передал соответствующее приказание в каюту команды.

— Вот и все, — сказал он мне после минутного молчания. — Шлюпка водворена на место, и люк закрыт. Надеюсь, вы не боитесь, что дикари взломают борты, против которых были бессильны ядра «Авраама Линкольна»?

— Нет, не боюсь. Но есть еще одна опасность, капитан.

— Какая, профессор?

— Завтра в это же время придется открыть люк, чтобы возобновить запас воздуха.

— Совершенно верно, профессор, ибо мой корабль дышит так же, как киты.

— Но если в это время папуасы будут еще на палубе, я не вижу, как вы сможете помешать им ворваться внутрь корабля...

— Следовательно, вы уверены, профессор, что они поднимутся на борт «Наутилуса»?

— Совершенно уверен.

— Что ж, пусть... Не вижу никаких оснований мешать им в этом. Ведь это только бедные, темные дикари. И я ни за что не хочу, чтобы посещение острова Гвебо-

роар «Наутилусом» стоило жизни хоть одному из этих несчастных.

Я хотел откланяться и уйти, но капитан Немо удержал меня и пригласил сесть рядом с собой. Он с интересом расспрашивал меня о наших экскурсиях на остров, об охоте и сделал вид, что не понимает, почему канадец так соскучился по мясу.

Затем разговор перешел к другим темам. Не став общительнее, капитан Немо все-таки проявил больше любезности.

Разговор, между прочим, коснулся и положения «Наутилуса», севшего на мель как раз в том проливе, где едва не погибли корабли Дюмон-Дюрвиля.

По этому поводу капитан Немо сказал:

— Дюрвиль был одним из величайших моряков и одним из просвещеннейших людей Франции. Это французский капитан Кук. Бедный ученый! Бороться со льдами Южного полюса, с кораллами Океании, с людоедами тихоокеанских островов и в конце концов погибнуть при крушении поезда пригородной железной дороги! Если обстоятельства дали время на размышления этому мужественному человеку в последние минуты его жизни, представляете ли вы себе, что он должен был пережить!

Говоря это, капитан Немо казался взволнованным. Это волнение делало ему честь.

Мы проследили по карте все плавания великого французского моряка, все его кругосветные путешествия, его двукратную попытку открыть Южный полюс, которая окончилась неудачей, но зато привела к открытию земель Адели и Луи-Филиппа.

Наконец мы вспомнили о произведенных им гидрографических исследованиях вокруг важнейших островов Тихого океана.

— То, что Дюрвиль сделал на поверхности океана, я повторяю в его глубинах; но мои исследования полней

и точней и стоят мне меньше трудов и усилий. «Астролябию» и «Усердного» — корабли Дюмон-Дюрвиля, которых все время трепали бури и ураганы, — конечно, нельзя сравнить с «Наутилусом» — настоящим подводным домом, в спокойных кабинетах которого ничто не мешает работе.

— Однако, капитан, в одном отношении судьба «Наутилуса» сходна с судьбой «Астролябии» и «Усердного», — сказал я.

— В каком, господин профессор?

— В том, что «Наутилус» сел на мель так же, как и они, и в том же самом месте.

— «Наутилус» не садился на мель, — холодно ответил капитан Немо. — «Наутилус» просто отдыхает, лежа на морском дне, и мне не придется делать тех мучительных усилий, каких стоил Дюмон-Дюрвилю спуск на воду его судов. «Астролябия» и «Усердный» едва не погибли, между тем как мой «Наутилус» не подвергается никакой опасности. Завтра, в назначенный мной день, в назначенный мной час, прилив плавно подымет его, и он возобновит свое плавание.

— Капитан, — начал я, — не сомневаюсь, что...

— Завтра, — прервал меня капитан Немо, вставая со стула, — в два часа сорок минут пополудни «Наутилус» снимется с мели и без всякого повреждения выйдет из Торресова пролива!

Проговорив эти слова отрывистым голосом, капитан Немо слегка поклонился. Это означало, что он считает беседу оконченной. Мне оставалось только уйти, что я и сделал.

Вернувшись в свою комнату, я застал там Конселя, которого интересовал результат моих переговоров с капитаном.

— Друг мой, — сказал я ему, — капитан посмеялся надо мной, когда я сказал, что «Наутилусу» угрожают

туземцы. А капитану Немо можно довериться. Можешь спокойно спать!

— Хозяин не нуждается сейчас в моих услугах?

— Нет, спасибо, мой друг. Что делает Нед Ленд?

— С позволения хозяина, скажу, что Нед Ленд в настоящее время готовит такой паштет из кенгуру, от которого пальчики оближешь!

Оставшись один в комнате, я лег в постель, но спал очень плохо.

Над моей головой все время раздавался топот ног дикарей по железной обшивке палубы и их громкие крики.

Ночь прошла спокойно. Команды «Наутилуса», как всегда, не было ни видно, ни слышно. Казалось, ее столько же беспокоило присутствие дикарей на палубе, как солдат какого-нибудь блиндированного форта муравьи, бегающие по его крыше.

В шесть часов утра я встал. Люк еще не открывался. Следовательно, воздух не обновлялся со вчерашнего дня. Впрочем, это не чувствовалось, так как резервуары своевременно подбавили в обедневшую атмосферу подводного корабля несколько кубических метров кислорода.

Я работал в своей каюте до полудня, не повидав даже мельком капитана Немо. На борту судна не было заметно никаких приготовлений к отплытию.

Я выждал еще несколько времени, а потом прошел в салон. Часы показывали половину третьего. Через десять минут прилив должен был достигнуть своей высшей точки, и если капитан Немо не ошибался в расчетах, «Наутилус» должен был всплыть на поверхность моря. Если же этого не случится, пройдет еще много месяцев, пока он будет в состоянии покинуть свое коралловое ложе.

Вскоре корпус судна стал вздрагивать. Я услышал,

как скрипела обшивка, задевая за шероховатое коралловое дно.

В 2 часа 35 минут капитан Немо вошел в салон.

— Сейчас мы отправимся, — сказал он.

— Ага, — буркнул я.

— Я приказал открыть люк.

— А папуасы?

— Папуасы? — Капитан Немо пожал плечами.

— Ведь они заберутся внутрь «Наутилуса».

— Каким образом?

— Через люк, который вы приказали открыть.

— Господин Аронакс, — спокойно ответил капитан Немо, — через люк «Наутилуса» не всегда можно пройти даже тогда, когда он открыт.

Я посмотрел на капитана.

— Вы не понимаете? — спросил он.

— Нет.

— В таком случае, следуйте за мной. Вы увидите.

Мы подошли к лестнице, ведущей к люку. Там уже находились Нед Ленд и Консель, с величайшим любопытством смотревшие на работу нескольких матросов, открывавших люк под аккомпанемент яростных криков и воплей, доносившихся с палубы.

Крышка люка откинулась в сторону. Сразу же в отверстии показались двадцать разъяренных физиономий.

Но первый же из дикарей, положивший руку на перила трапа, был отброшен неизвестно какой силой и убежал, подпрыгивая и испуская отчаянные вопли.

Десять его товарищей последовали его примеру с таким же успехом.

Консель пришел в восторг.

Нед Ленд, увлекаемый своим воинственным темпераментом, хотел преследовать отступающего врага, но не успел он схватиться рукой за перила, как, в свою очередь, был отброшен назад.

— Тысяча чертей! — заревел он. — Меня ударила молния!

Эти слова объяснили мне все.

Перила трапа были превращены в проводники тока высокого напряжения. Всякий, кто прикасался к ним, получал страшный толчок. Этот толчок был бы смертельным, если бы капитан Немо пожелал направить в перила ток от всех своих батарей. Но он ограничился тем, что создал не смертельный, но непроходимый барьер между нападающими и внутренностью своего корабля.

Между тем перепуганные насмерть папуасы поспешно отступали. Мы, скрывая улыбки, успокаивали и утешали Неда Ленда, который ругался, как одержимый.

В эту минуту «Наутилус», поднятый волной прилива, снялся с мели. Было ровно 2 часа 40 минут — момент, назначенный капитаном Немо.

Винт корабля стал бить воду с величественной медлительностью. Но постепенно скорость вращения увеличивалась, и, плывя по поверхности, целый и невредимый, «Наутилус» вышел из опасных вод Торресова пролива.

Глава двадцать третья

СНОВА В ТЮРЬМЕ

На следующий день, 10 января, «Наутилус» снова плыл в открытом океане. Но на этот раз скорость его была чрезвычайно значительна — не менее тридцати пяти миль в час. Винт вращался с такой быстротой, что уследить за ним и подсчитать количество оборотов в минуту я не мог.

Когда я вспоминал, что эта чудесная сила — электричество — не только приводила «Наутилус» в движение, но и освещала, и обогревала его, и защищала от нападения извне, создавая преграду, за которую не мог ступить никто без риска погибнуть на месте от удара мол-

ными, — когда я вспоминал все это, моему восхищению не было границ. Еще большее восхищение вызывал во мне тот человек, который все это создал.

Мы держали курс прямо на запад. 11 января мы обогнули мыс Вессель, расположенный под 135° долготы и 10° северной широты и стерегущий вход в залив Карпентарии. Здесь было немало подводных скал, но они были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и с большой точностью обозначены на карте.

«Наутилус» легко прошел между рифами Моне слева и скалами Виктории справа, расположенными под 130° долготы на той же десятой параллели, вдоль которой лежал наш путь.

13 января мы вошли в воды моря Тимор у острова того же названия, лежащего под 122° долготы. Этот остров, площадью в тысячу шестьсот двадцать пять квадратных лье, управляется несколькими раджами. Властители острова именуют себя сыновьями крокодилов, то-есть считают себя наиболее благороднорожденными существами, какие только могут жить на свете. Хищные «предки» раджей в изобилии водятся в реках острова и в силу своего родства с монархами окружены благоговейным поклонением населения. За ними ухаживают, им льстят, им предлагают в пищу молодых девушек, и горе тому чужеземцу, который осмелится поднять руку на священное пресмыкающееся!

Но «Наутилусу» не было никакого дела до этих отвратительных гадов. Мы видели остров Тимор всего несколько минут, в полдень, когда помощник капитана делал очередное наблюдение.

Отсюда «Наутилус» круто повернул на юго-запад, по направлению к Индийскому океану.

Куда нас занесет каприз капитана Немо? Может быть, к берегам Азии? А может быть, к Европейскому материку?

Эти предположения трудно было согласовать с всегдашней ненавистью капитана Немо к обитаемым землям.

Значит, мы спустимся еще южней? Может быть, «Наутилус» обогнет мыс Доброй Надежды и мыс Горн и доплывет до Южного полюса? Каким путем мы вернемся в воды Тихого океана, где подводный корабль имел больше всего простора?

Только будущее могло дать ответ на эти вопросы.

Пройдя вдоль подводных рифов Картье, Гиберни, Серингапатама и Скотта, последних форпостов твердой земли, выдвинутых далеко во владения враждебной стихии, 14 января мы очутились в открытом море, далеко от суши. Скорость движения «Наутилуса» стала умеренной. Капризный и непостоянный корабль то все время шел на большой глубине, то подолгу не покидал поверхности океана.

Во время этого плавания капитан Немо сделал любопытные наблюдения относительно температуры морской воды на разных глубинах. В обычных условиях эти наблюдения осуществляются при помощи довольно сложных приборов: термометрических зондов или аппаратов, действие которых основано на неодинаковой электропроводности различных металлов. Но показания этих приборов не всегда заслуживают доверия, особенно показания термометрических зондов, стекла которых часто не выдерживают высокого давления в глубинных слоях воды. К тому же полученные данные трудно проверить, так как повторение опыта представляет значительные трудности.

Напротив, капитан Немо сам погружался на любую глубину, и термометр, опущенный в различные слои воды, давал немедленно же совершенно точное и бесспорное показание.

Таким образом, погружаясь то при помощи напол-

ненных водой резервуаров, то при посредстве наклоненных рулей глубины, капитан Немо последовательно достигал уровня в три, четыре, пять, семь, девять и десять тысяч метров под поверхностью океана и пришел к окончательному выводу, что под всеми широтами температура воды на глубине ниже тысячи метров равняется всегда четырем с половиной градусам Цельсия.

Я следил за этими исследованиями с величайшим интересом. Часто я спрашивал себя: к чему капитану Немо эти научные исследования? Неужели он думает о пользе человечества?

Это было маловероятно — ведь все его работы должны были вместе с ним найти последнее прибежище на дне какого-нибудь отдаленного моря.

Впрочем, может быть, он решил через мое посредство подарить миру свои научные труды? Значит, рано или поздно он позволит мне покинуть подводный корабль и вернуться на сушу, к людям?

К сожалению, пока не было никаких оснований надеяться на это...

И тем не менее капитан Немо однажды поделился со мной результатами сделанного им исследования плотностей воды в важнейших морях земного шара. Из его сообщения, представлявшего, кстати сказать, огромный научный интерес, я попутно сделал одно заключение, никак и ничем не связанное с наукой, но весьма важное лично для меня.

Это произошло утром 15 января. Я прохаживался с капитаном Немо по палубе «Наутилуса», когда он неожиданно спросил меня, знаю ли я, что морская вода в разных местах обладает неодинаковой плотностью. Я ответил, что нет, и добавил, что наука не имеет проверенных сведений по этому вопросу.

— Я сам проделал это исследование, — сказал мне капитан Немо, — и ручаюсь за его точность.

— Отлично, — ответил я, — но «Наутилус» — это обособленный мирок, и открытия его ученых никогда не дойдут до жителей земного шара.

— Вы правы, профессор, — промолвил капитан Немо после недолгого размышления. — «Наутилус» — действительно обособленный мирок. Он так же далек от Земли, как планеты, вращающиеся вместе с ней вокруг Солнца. И так же, как на Земле не узнают никогда о работах ученых Сатурна или Юпитера, так же точно останутся неизвестными работы ученых «Наутилуса». Но вам, судьба которого случайно оказалась связанной с судьбой «Наутилуса», я могу сообщить результаты своих наблюдений.

— Я слушаю вас со вниманием, капитан.

— Вам, конечно, известно, господин профессор, что морская вода обладает большей плотностью, чем пресная? Но эта плотность не везде одинакова. В самом деле, если принять за единицу плотность пресной воды, то плотность вод Атлантического океана будет равняться одной целой и двадцати восьми тысячным, Тихого океана — одной целой и двадцати шести тысячным; эта плотность равняется для вод Средиземного моря...

«Ага, — подумал я, — значит, он бывает и в Средиземном море!»

— ...одной целой и тридцати одной тысячной, для вод Ионического моря — одной целой и восемнадцати тысячным и для вод Адриатического моря — одной целой и двадцати девяти тысячным.

Ясно было, что «Наутилус» не избегал самых оживленных морей земного шара. Отсюда я сделал вывод, что когда-нибудь — а может быть, и скоро — он приблизится к более цивилизованным странам.

Эта новость должна была обрадовать Неда Ленда.

В течение следующих дней мы совместно провели ряд исследований: определение насыщенности воды солями

на различных глубинах, определение электропроводности, окраски, прозрачности воды и т. п. Все это время меня поражала удивительная изобретательность капитана Немо, с которой могла соперничать только его предупредительность по отношению ко мне. Но по окончании этих опытов он снова скрылся, и я попрежнему оказался одиноким на борту подводного корабля.

16 января «Наутилус» как будто заснул в нескольких метрах ниже поверхности моря. Электрические машины остановились, и неподвижный винт предоставил течению нести подводное судно в любом направлении. Мне кажется, что машины были остановлены для мелкого текущего ремонта, необходимость которого обуславливалась только что совершенным большим пробегом при значительных скоростях.

В этот день мои товарищи и я стали очевидцами любопытного явления. Ставни на окнах салона раздвинулись, и так как прожектор «Наутилуса» бездействовал, а покрытое густыми грозовыми облаками небо пропускало мало света в нижние слои воды, в окружающей нас среде царил полумрак.

Я любовался странным видом моря, как вдруг неожиданно «Наутилус» попал в полосу яркого света. Сначала я подумал, что заработал электрический прожектор и осветил водные толщи. Но это было ошибочное предположение, и, вглядевшись внимательней, я в этом убедился.

«Наутилус» был снесен течением в фосфоресцирующий слой воды, свечение которого, по контрасту с окружающей темнотой, казалось ослепительно ярким. Это свечение вызывалось мириадами микроскопических светящихся животных, излучение которых усиливалось от соприкосновения с металлической поверхностью подводного корабля. Я замечал неожиданные вспышки света среди этого сверкающего моря, похожие на потоки

расплавленного свинца в раскаленной печи; благодаря этим вспышкам некоторые участки фосфоресцирующего слоя, по контрасту, производили впечатление темных. Нет, этот свет нисколько не был похож на спокойное излучение нашего прожектора. В нем чувствовались сила и движение. Сразу можно было заметить, что этот свет живет.

В течение многих часов «Наутилус» плыл в этих сверкающих водах. Наше восхищение еще более возросло, когда мы увидели больших морских животных, резвящихся в этом огне, как саламандры. В этом холодном свете купались неутомимые акробаты — дельфины и меченосцы длиной в три метра, огромные мечи которых несколько раз задевали окна салона. Потом появились более мелкие рыбы — спинороги, макрель и сотни других.

В этом зрелище было какое-то странное очарование. Возможно, что атмосферные условия увеличивали интенсивность этого свечения. Быть может, над поверхностью моря разыгралась гроза? Но на глубине нескольких метров, где плыл «Наутилус», непогода была бессильна, и мы плавно покачивались в спокойных водах.

Так мы чуть заметно подвигались среди все новых и новых чудес. Консель глядел во все глаза и классифицировал без конца зоофитов, членистоногих, моллюсков и рыб.

Дни протекали быстро, и я перестал их считать. Нед Ленд, следуя установившейся привычке, старался разнообразить наш стол.

Мы, как улитки, не покидали своей раковины. И я на опыте убедился, что быть улиткой совсем нетрудно.

Мы привыкли к этому образу жизни, находили его легким и приятным и совершенно забыли про то, что на поверхности земного шара жизнь идет совершенно поиному.

Но неожиданно одно происшествие вернуло нас к сознанию действительности.

18 января «Наутилус» находился под 105° долготы и 15° южной широты. Погода стояла грозовая, по морю гуляли высокие волны. Ветер дул с востока с ураганной силой. Барометр, вот уже несколько дней беспрерывно падавший, предвещал близкую бурю.

Я поднялся на палубу в ту минуту, когда помощник капитана делал наблюдения. Я ожидал, что он, по обыкновению, произнесет ту же фразу. Но в этот день он произнес другие, непохожие, но в такой же мере непонятные слова. Тотчас же вслед за этим на палубу вышел капитан Немо и, приставив к глазам бинокль, стал всматриваться в горизонт.

В продолжение нескольких минут капитан стоял неподвижно, не отводя бинокля от какой-то точки на горизонте. Затем, быстро оторвав бинокль от глаз, он обменялся с помощником несколькими словами на непонятном языке.

Этот последний, казалось, был чем-то возбужден и с трудом скрывал волнение. Капитан Немо лучше владел собой и сохранял хладнокровие. Мне показалось, что он сделал замечание помощнику, на которое тот ответил горячим уверением или обещанием.

По крайней мере, такое впечатление осталось у меня от интонаций их голосов.

Я внимательнейшим образом всматривался в то место на горизонте, куда только что наводили бинокли капитан Немо и его помощник, но ничего не увидел. Вода и небо сливались в отдалении в одну линию, идеальная прямизна которой ничем не нарушалась.

Тем временем капитан Немо прохаживался по палубе из конца в конец, повидимому совершенно не замечая меня. Его шаги были такими же неспешными, но, может быть, чуть-чуть менее размеренными, чем обычно.

Изредка он останавливался и, скрестив руки на груди, оглядывал море.

Что он высматривал в огромной водной пустыне? «Наутилус» находился в нескольких десятках миль от ближайшей земли.

Помощник капитана снова поднес бинокль к глазам. Затем он стал метаться по палубе, вперед и назад, внезапно останавливался, топал ногой и снова начинал бегать. Теперь он уже и не старался скрыть свое волнение.

Тайна, очевидно, должна была скоро разъясниться, так как по приказу капитана Немо машины заработали полным ходом.

В эту минуту помощник снова окликнул своего начальника. Тот прекратил ходьбу по палубе и направил бинокль в указанную точку. Он долго не отнимал бинокля от глаз. Заинтересованный странным поведением этих обычно невозмутимых людей, я спустился в салон и взял там великолепную подзорную трубу, которой постоянно пользовался. Затем, вернувшись на палубу, я поднес трубу к глазу, чтобы осмотреть горизонт. Но не успел я направить трубу, как ее вдруг вырвали у меня из рук.

Я живо обернулся. Передо мной стоял капитан Немо, но я не узнал его. Лицо его преобразилось: глаза сверкали мрачным огнем, рот полуоткрылся, обнажая зубы. Его напряженное тело, стиснутые кулаки, втянутая в плечи голова говорили о том, что все его существо было объято великой ненавистью и гневом.

Он не шевелился. Труба, вырванная им из моих рук, валялась на палубе.

Неужели этот взрыв гнева вызван мной? Может быть, этот непонятный человек вообразил, что я раскрыл какую-то тайну, которую не следовало знать пленнику «Наутилуса»?

Но нет, не я был предметом его ненависти. Он даже

не смотрел на меня. Взор его вперился в ту же невидимую точку на горизонте.

Но капитан Немо уже снова овладел своими чувствами. Его искаженное лицо приобрело обычное выражение холодного спокойствия. Он бросил несколько слов на непонятном языке помощнику и затем обернулся ко мне.

— Господин Аронакс, — сказал он властно, — я должен потребовать от вас выполнения одного из условий моего с вами договора.

— Какого именно, капитан?

— Вам и вашим спутникам придется просидеть взаперти до тех пор, пока я не сочту возможным вернуть вам свободу.

— Я вынужден подчиниться вашему приказанию, — ответил я, пристально глядя на него, — но разрешите задать вам один вопрос.

— Нет, не разрешаю!

Спорить было бесполезно, так как сопротивляться ему у меня не было сил.

Пришлось подчиниться.

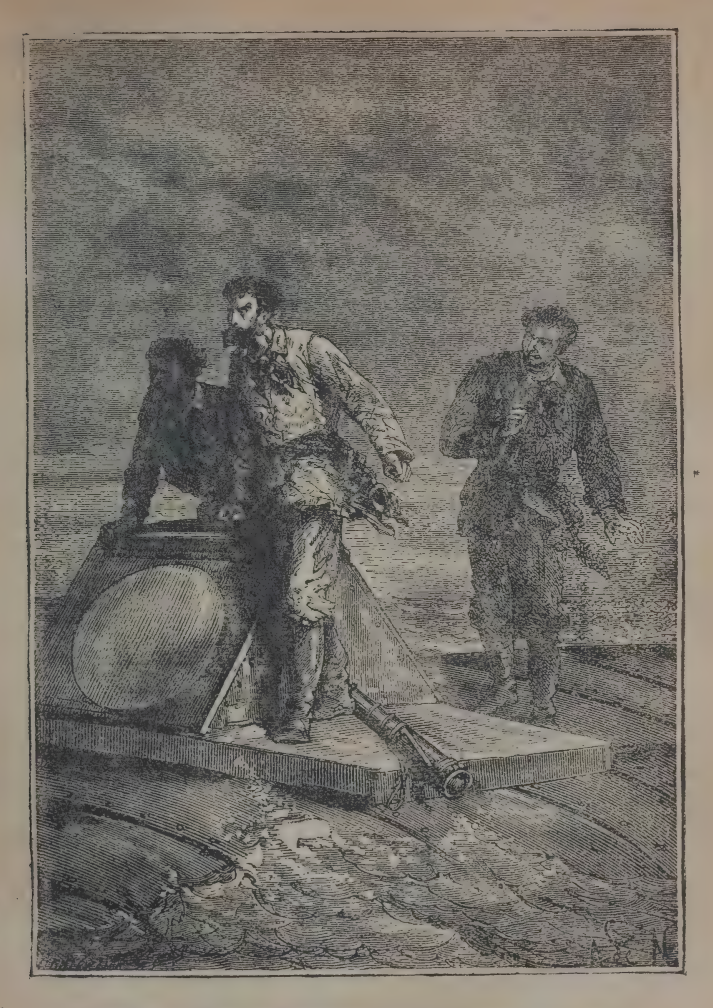
Я спустился в каюту, занимаемую Недом Лендом и Конселем, и сообщил им приказание капитана.

Предоставляю читателю догадаться, какое впечатление произвело мое сообщение на канадца. Впрочем, на долгие разговоры у нас не оставалось времени. Четыре матроса уже ждали нас у двери и отвели в ту самую каюту, в которой мы были заключены в первый день нашего пребывания на «Наутилусе».

Нед Ленд хотел было протестовать, но дверь захлопнулась перед самым его носом.

— Не скажет ли нам хозяин, что это означает? — спросил Консель.

Я рассказал своим товарищам все, что произошло на палубе. Они так же удивились, как и я, но от этого окружающая нас тайна не стала яснее.

Капитан Немо напряженно всматривался в даль.

Я погрузился в тяжелые размышления. Странное выражение лица капитана Немо не выходило у меня из головы. Я дошел до такого состояния, что не мог уже связать двух мыслей, теряясь в самых бессмысленных догадках и предположениях, когда вдруг меня вывел из раздумья возглас Неда Ленда:

— Смотрите, завтрак на столе!

Действительно, стол был уставлен блюдами. Очевидно, капитан Немо отдал распоряжение об этом одновременно с приказом ускорить ход «Наутилуса».

— Позволит ли хозяин дать ему совет? — спросил меня Консель.

— Конечно, друг мой, — ответил я.

— Так вот, я советую хозяину позавтракать. Этого требует и осторожность: ведь неизвестно, что произойдет.

— Ты прав, Консель.

— Увы, — вздохнул Нед Ленд, — нам подали только рыбные блюда и ничего из наших запасов...

— Подумайте, Нед, что бы вы сказали, если бы нам не подали никакого завтрака!

Этот довод сразу укротил канадца.

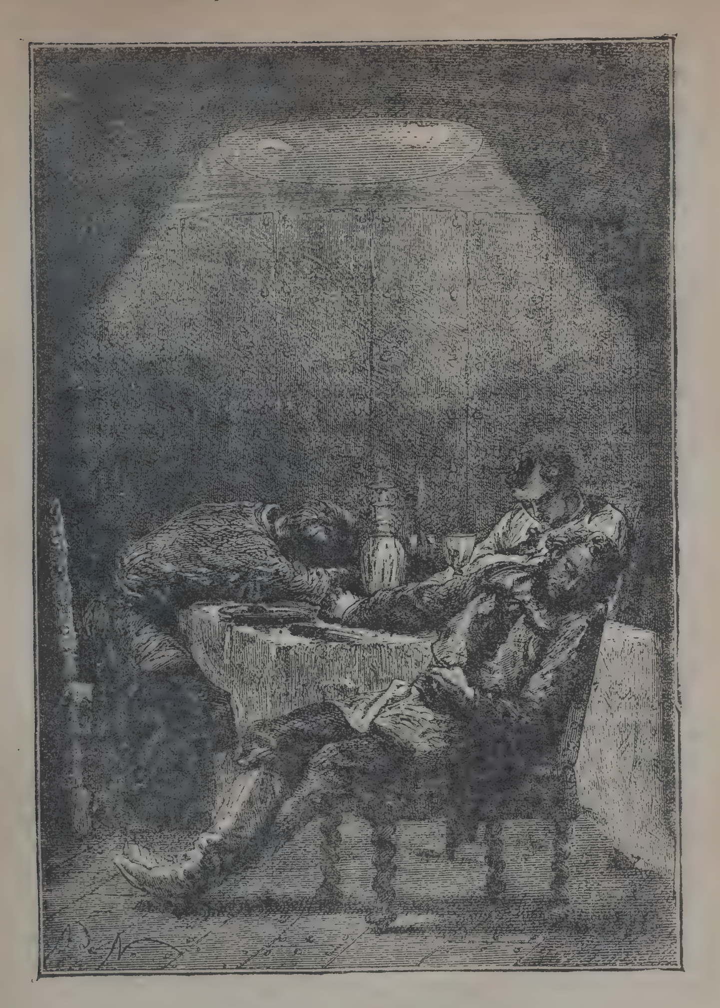
Мы сели за стол. Завтрак прошел в молчании.

Я ел мало. Консель заставлял себя есть побольше, все из той же осторожности, а Нед Ленд, несмотря на свое недовольство, не дал пропасть ни одному кусочку пищи.

После завтрака каждый из нас уселся в свой угол.

В эту минуту матовое полушарие, освещавшее нашу камеру, погасло, и мы остались в полнейшей темноте. Нед Ленд не замедлил захрапеть. Меня удивило, что и Консель вскоре последовал его примеру. Я спрашивал себя, что могло вызвать у моих друзей внезапную сонливость, когда почувствовал, что и меня тоже неодолимо клонит ко сну.

Я старался держать глаза раскрытыми, но веки

Тяжелый сон овладел нами.

мои так отяжелели, что закрылись вопреки моей воле. Я впал в состояние мучительного полусна. Очевидно, в поданные нам кушанья были подмешаны снотворные вещества.

Значит, капитану Немо мало было запрятать нас в темницу, чтобы скрыть свои действия, — ему нужно было еще, чтобы мы спали?..

Сквозь полусон я услышал стук закрывающегося люка. Легкая качка, вызванная волнением на поверхности, прекратилась. «Наутилус», очевидно, погрузился в вечно спокойные глубины океана.

Я все еще пытался бороться со сном. Но это было невозможно. Дыхание мое ослабевало, я почувствовал, как смертельный холод подбирается от конечностей к моему сердцу. Налившиеся свинцом веки невозможно было поднять. Тяжелый сон, полный кошмаров, овладел мною. Потом видения исчезли, и я потерял сознание.

Глава двадцать четвертая

ЦАРСТВО КОРАЛЛОВ

Назавтра я проснулся со страшной пустотой в голове. К моему глубокому удивлению, я увидел, что нахожусь в своей каюте. Очевидно, и моих товарищей также перенесли в их каюту во время сна. Следсвательно, они не больше моего могли знать о событиях предшествующей ночи, и мне оставалось надеяться только на то, что будущее как-нибудь поднимет завесу этой тайны.

Мне захотелось выйти из каюты. Но свободен ли я или попрежнему в плену? Оказалось, что я совершенно свободен. Я раскрыл дверь и коридором прошел к трапу, ведущему на палубу. Закрытый накануне люк был настежь открыт.

Я вышел на палубу.

Там меня уже ждали Нед Ленд и Консель. Я стал расспрашивать их. Они ничего не знали. Заснув вчера тяжелым сном, они очнулись только сегодня в своей каюте.

«Наутилус» был по-обычному спокоен и по-обычному таинствен. Он плыл с умеренной скоростью по поверхности моря. Казалось, ничто на нем не изменилось.

Нед Ленд осмотрел горизонт. Море было пустынным — даже зоркие глаза канадца не увидели вдали ни паруса, ни трубы парохода, ни земли. Сильный ветер, дувший с запада, развел на море большую волну.

«Наутилус» изрядно покачивало.

Возобновив запас воздуха, «Наутилус» погрузился метров на пятнадцать в воду, с таким, очевидно, расчетом, чтобы можно было всплыть немедленно, как только это понадобится. Против обыкновения, этот маневр несколько раз повторялся в течение дня 19 января. Всякий раз помощник капитана поднимался на палубу и оттуда бросал привычную фразу в люк.

Капитан Немо не показывался. Из команды в этот день я видел только невозмутимого стюарда, прислуживавшего мне за едой с обычной аккуратностью.

Около двух часов пополудни в салон, где я приводил в порядок свои записи, вошел капитан Немо. Я поклонился ему. Он ответил мне чуть заметным кивком и не произнес ни слова. Я снова принялся за свою работу, надеясь, что он что-нибудь расскажет о событиях вчерашнего дня, но он этого не сделал.

Я украдкой посмотрел на него. Он производил впечатление усталого человека; глаза его покраснели, словно от бессонницы; лицо выражало глубокую печаль, даже горе.

Он шагал по комнате, садился на диван, опять вставал, брал первую попавшуюся книгу и тотчас же бросал ее, подходил к приборам и смотрел на них, но не делал,

как обычно, записей. Казалось, он не мог ни секунды усидеть на месте.

Наконец он подошел ко мне и спросил:

— Не врач ли вы, господин Аронакс?

Я так мало был подготовлен к этому вопросу, что несколько времени смотрел на него не отвечая.

— Я спрашиваю, не врач ли вы? Ведь многие из ваших коллег — натуралистов получили медицинское образование...

— Да, я был врачом и ординатором клиники и много лет занимался медицинской практикой до поступления в музей, — ответил я.

— Отлично! — сказал капитан.

Мой ответ, видимо, обрадовал его. Но я еще не знал, чего он от меня хочет, и ждал новых вопросов, решившись отвечать на них в зависимости от их характера.

— Господин профессор, — продолжал капитан, — не согласитесь ли вы оказать медицинскую помощь одному из моих матросов?

— На борту есть больной?

— Да.

— Я готов следовать за вами.

— Идемте.

Признаюсь, сердце мое учащенно билось. Не знаю почему, но мне сразу пришло в голову, что между болезнью этого матроса и событиями вчерашней ночи есть какая-то связь, и эта тайна занимала меня больше, чем сам больной.

Капитан Немо повел меня на корму «Наутилуса» и открыл дверь маленькой каюты, расположенной рядом с матросским кубриком. В каюте лежал человек лет сорока, с мужественным, волевым лицом.

Я склонился над ним. Это был не больной, а раненый. Его голова, повязанная окровавленными бинтами, лежала на подушках.

Я снял бинты. Раненый пристально глядел на меня широко раскрытыми глазами, но не мешал разбинтовывать себя и даже ни разу не застонал.

Рана была ужасная. Черепная коробка, пробитая каким-то тупым орудием, обнажала мозг. Видно было, что мозговые ткани серьезно задеты. Кровяные подтеки, видневшиеся на сероватой массе мозга, были похожи на винные пятна на скатерти. Итак, у раненого было одновременно и сотрясение мозга и местные кровоизлияния.

Несчастный тяжело дышал. Временами его лицо подергивалось судорогой. Передо мной был типичный случай воспаления мозга с параличом двигательных центров.

Пульс у раненого был перемежающийся. Конечности уже начали холодеть. Я видел, что смерть приближается и что ее ничем нельзя отвратить.

Я снова перевязал рану и повернулся к капитану Немо.

— Как был ранен этот человек?— спросил я.

— Разве это существенно? — уклончиво сказал он. — «Наутилус» испытал толчок, от которого рычаг машины сломался и ударил этого человека. Но скажите, что вы думаете о его состоянии?

Я замялся.

— Можете говорить, — сказал капитан Немо, — он не знает французского языка.

Я еще раз посмотрел на раненого и сказал:

— Этот человек проживет не больше двух часов.

— Ничто не может его спасти?

— Ничто.

Капитан Немо судорожно сжал кулаки. Слезы покатились из его глаз.

В продолжение нескольких минут я не спускал глаз с умирающего. Жизнь заметно оставляла его. Холодный

электрический свет еще более подчеркивал его бледность.

Я глядел на его умное лицо, изборожденное преждевременными морщинами — неизбежным следствием нищеты и несчастной жизни.

Я хотел прочесть тайну этой жизни в последних словах, которые скажут холодеющие губы.

Но капитан Немо сказал мне:

— Я не задерживаю вас, господин профессор.

Пришлось уйти.

Я оставил капитана у постели умирающего и, потрясенный всем виденным, вернулся в свою каюту.

В течение всего дня меня угнетали тяжелые предчувствия. Ночью я плохо спал. Сквозь сон мне слышались отдаленный плач и как будто траурные мелодии.

На следующее утро, на заре, я поднялся на палубу. Капитан Немо опередил меня в этот день — он уже был там. Он подошел ко мне.

— Господин профессор, — сказал он, — хотите сегодня принять участие в подводной прогулке?

— И мои товарищи также могут участвовать в ней?

— Если они пожелают.

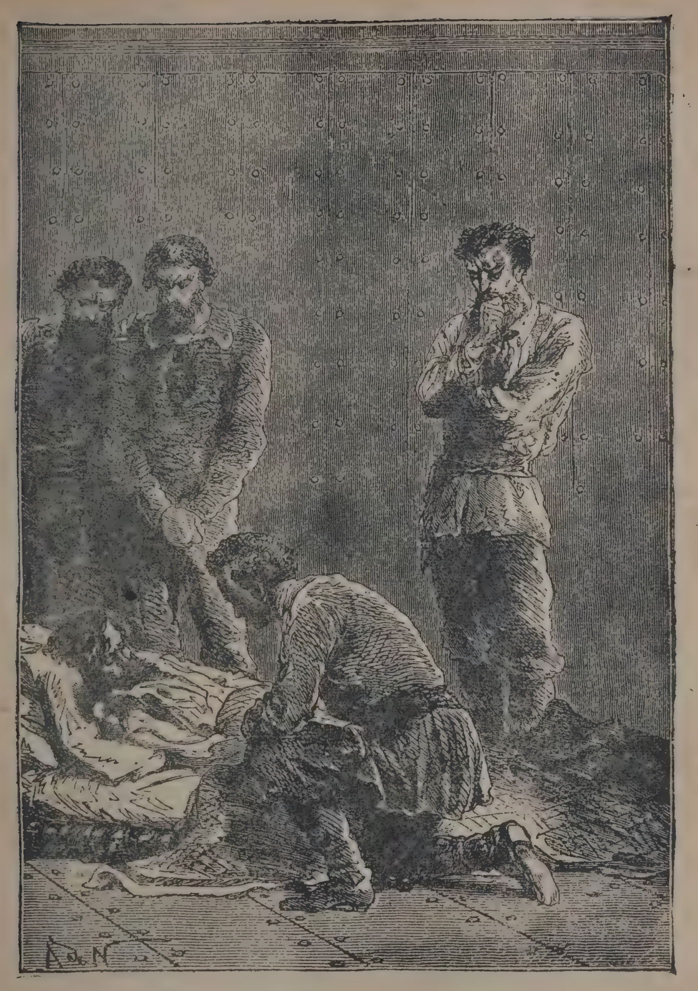
— С благодарностью принимаю ваше предложение.

— В таком случае, наденьте скафандр.

Об умирающем или мертвом — ни слова. Я зашел к Неду Ленду и Конселю и передал им приглашение капитана Немо. Консель с радостью согласился, да и канадец на сей раз не отказался.

Не было еще восьми часов утра. В половине девятого мы уже облачились в скафандры и вооружились резервуарами Руквейроля и электрическими фонарями.

Обе двери раскрылись поочередно, и в сопровождении капитана Немо и дюжины матросов мы ступили на глубине десяти метров на каменистое дно, на котором отдыхал «Наутилус».

Это был не больной, а раненый.

Легкий вначале уклон почвы привел нас к крутому откосу, сбегавшему метров на тридцать вниз. Мы спустились в котловину, резко отличавшуюся своим видом от дна, по которому мы ходили во время первой экскурсии в Тихом океане. Здесь не было ни мягкого песка, ни подводных лужаек, ни морских лесов. Мне сразу бросились в глаза особенности местности, по которой нас вел капитан Немо. Это было коралловое царство.

В отделе зоофитов, в подклассе альционарий, имеется отряд горгоний, к которому принадлежат благородные кораллы, любопытные создания природы, по очереди относившиеся учеными ко всем трем царствам природы — минеральному, растительному и животному. Это лекарство древних и драгоценное украшение наших современниц было окончательно отнесено к животному царству только в 1744 году.

Кораллы — это колония мельчайших животных, образующих каменистый, хрупкий полипняк. Эти полипы имеют одного родоначальника, породившего их почкованием. Живя общей жизнью, каждый из членов колонии в то же время имеет свою частную жизнь.

Я читал последние работы об этих любопытных зоофитах, и мне было чрезвычайно интересно посетить лес из окаменелых коралловых деревьев, который природа насадила в глубине океана.

Мы засветили фонари и пошли вдоль только еще воздвигаемой кораллами стены, которая с течением времени отгородит эту часть Тихого океана от Индийского. Дорогой мы все время должны были обходить чащи коралловых деревцев. Только, в отличие от земных деревьев, эти древоподобные растения росли сверху вниз, прилепившись основанием к скалам.

Свет наших фонарей рождал поразительные эффекты, падая на ярко окрашенные ветви. Мне порой казалось, что эти окаменелости покачиваются от движения воды;

мне хотелось сорвать с них свежие венчики с нежными тонкими щупальцами, только что распустившиеся пышным цветом или еще едва начинающие распускаться. Легкие, неуловимо быстрые рыбки стрелой проносились, чуть задевая их, как стайки птиц. Но стоило мне протянуть руку к этим живым цветам, как вся колония приходила в беспокойство. Белые венчики быстро прятались в свои красные футляры, цветы увядали на глазах, и цветущий куст превращался в засохшую окаменелость.

Случай привел меня к зарослям самых редких зоофитов. Эта коралловая роща не уступала по красоте кораллам, которые добываются в Средиземном море у французских, итальянских и африканских берегов.

Окраска благородных кораллов оправдывает поэтические названия, которые ювелиры дают лучшим экземплярам: «кровавый цветок» и «кровавая пена».

Вскоре кустарник стал чаще, а деревца — выше. Длинные коридоры фантастической архитектуры открывались перед нами.

Капитан Немо углубился в темную, слегка наклонную галлерею, которая постепенно привела нас на глубину ста метров.

Среди коралловых деревцев я заметил другие, не менее любопытные виды полипов с суставчатыми разветвлениями, затем несколько кустов зеленых и красных кораллов, настоящих водорослей по внешнему виду, несмотря на полную окаменелость их обизвествленных тканей. Но, как сказал один мыслитель, «кораллы — это, может быть, и есть та грань, где жизнь начинает просыпаться от своей каменной спячки, но еще не приобрела подвижности».

Наконец, после двух часов ходьбы, мы достигли глубины примерно в триста метров, то-есть того предела, где кончаются коралловые образования. Здесь росли не

отдельные группы коралловых деревьев, а целый дремучий лес из гигантских каменных деревьев, связанных между собой изящными гирляндами плюмарий, этих морских лиан, окрашенных во всевозможные цвета. Мы проходили, не сгибаясь, под их сводами, терявшимися в темноте водных толщ, а под ногами у нас цвел роскошный ковер из тубипор, астрей, меандрин, фунгий и кариофиллий.

Какое поразительное зрелище! Как жаль, что мы не могли делиться впечатлениями! Как обидно было в такие незабываемые минуты чувствовать, что твоя голова в плену в этом шлеме из стекла и металла! Почему мы не можем жить в воде, как эти рыбы, стрелой проносящиеся мимо нас, или, еще лучше, как амфибии, которые долгие часы могут находиться в воде и на суше, одинаково хорошо себя чувствуя в обеих стихиях — воздушной и водной?

Между тем капитан Немо остановился. Мои товарищи и я последовали его примеру.

Я увидел, что матросы «Наутилуса» выстроились полукругом за своим начальником.

Присмотревшись, я заметил, что четверо из них несли на плечах какой-то продолговатый предмет.

Мы находились в центре просторной лужайки, обрамленной со всех сторон высоким коралловым лесом. Наши фонари бросали на дно неверный, блеклый полусвет, от которого гигантски вырастали тени.

По краям лужайки царил густой мрак, и только кое-где вспыхивали и тотчас же угасали кровавые огоньки — это луч фонаря отражался на мгновение в кораллах.

Нед Ленд и Консель стояли рядом со мной. Всем нам только теперь пришла в голову мысль, что наша подводная прогулка совершалась с какой-то целью.

Осмотрев дно, я заметил, что оно во многих местах горбилось холмиками, расположенными рядами; правиль-

ность расположения этих рядов говорила о том, что они созданы руками человека.

По знаку капитана Немо, один из матросов вышел вперед, отвязал кирку от пояса и стал вырубать яму в дне.

Тут я все понял.

Эта лужайка была кладбищем; яма, которую рыл матрос, — могилой; продолговатый предмет на плечах у матросов — телом умершего ночью человека.

Капитан Немо и его матросы пришли сюда, чтобы предать тело своего товарища погребению на этом братском кладбище в глубине океана.

Никогда я не был так взволнован. Никогда ни одно зрелище не потрясало меня до такой степени.

Я не хотел видеть того, что делалось передо мной, и не мог оторвать глаз от этого зрелища ни на секунду.

Тем временем яма медленно углублялась в коралловое дно океана. Вспугнутые ударами кирки рыбы метнулись во все стороны.

Я слышал глухой стук, когда железо кирки ударяло по куску кремня, затерянному в глубине вод.

Яма вытягивалась в длину и росла в ширину и наконец стала достаточно просторной, чтобы вместить человека.

Тогда приблизились носильщики. Тело, окутанное белой тканью, скользнуло в заполненную водой могилу.

Капитан Немо и матросы стали вокруг со скрещенными на груди руками. Я и мои товарищи, глубоко потрясенные этой сценой, отступили на шаг назад, чтобы не мешать их горю.

Могилу засыпали кусками кораллов и придали насыпи правильные очертания.

Когда это было сделано, капитан Немо и все его спутники опустились на одно колено и подняли кверху руки в знак последнего прощания...

Затем траурный кортеж тронулся в обратный путь к «Наутилусу».

Мы снова прошли под сводами кораллового леса и вышли к подножью коралловой стены. Отсюда начался крутой подъем. После часа утомительной ходьбы наконец вдали показались огни «Наутилуса». Мы пошли прямо на них и к двум часам пополудни вернулись на борт.

Переменив одежду, я поспешил выйти на палубу, весь во власти грустных мыслей, навеянных только что виденной тяжелой церемонией.

Капитан Немо вскоре присоединился ко мне. Я спросил его:

— Значит, как я и предвидел, этот человек ночью умер?

— Да, господин Аронакс, — ответил капитан.

— И теперь он спит последним сном, рядом со многими своими товарищами, на подводном коралловом кладбище?

— Да, он спит там, забытый всеми, но не нами...

И, закрыв лицо руками, капитан Немо безуспешно пытался подавить рыдания.

После долгого молчания он сказал:

— Там, глубоко под водой, расположено наше тихое кладбище.

— И там ваши мертвецы спят спокойно, недосягаемые для акул?

— Да, — глухим голосом ответил капитан Немо, — недосягаемые для акул и для людей.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Здесь начинается отчет о втором этапе нашего подводного путешествия. Первый закончился трогательной сценой на коралловом кладбище, которая произвела на меня такое сильное впечатление.

Так в беспредельных просторах океана протекала жизнь капитана Немо, и даже могилу себе он приготовил в самых сокровенных тайниках этого океана.

Там, глубоко под водой, ни одно морское чудовище не посмеет нарушить покой последнего сна обитателей «Наутилуса», друзей и товарищей загадочного капитана, так же крепко связанных друг с другом в смерти, как и в жизни... Там спят они, недосягаемые для морских чудовищ «и для людей», как сказал капитан Немо.

Вечно то же неизменное, упорное недоверие к человеческому обществу!

Меня уже не удовлетворяли гипотезы, которыми довольствовался Консель.

Этот славный человек утверждал, что капитан Немо — не добившийся признания ученый, который платит миру ненавистью за проявленное к нему безразличие. Иногда Консель говорил, что командир «Наутилуса» — гений, осмеянный учеными, и что, устав бороться с тупостью и равнодушием общества, он удалился в эту недоступную людям среду, чтобы жить свободным. Но,

по-моему, и это предположение мало что объясняло в капитане Немо.

В самом деле, тайна этой ночи, когда нас заперли в темницу и к тому же еще усыпили, поспешность, с которой капитан Немо вырвал из моих рук подзорную трубу, прежде чем я успел осмотреть горизонт, смертельное ранение одного из матросов, явившееся следствием столкновения «Наутилуса», — все эти обстоятельства опровергали догадки Конселя. Нет, капитан Немо не ограничивался тем, что бежал от людей! Его гениальное изобретение — подводный корабль — служило ему не только убежищем, где ничто не стесняло его свободы, но, быть может, и орудием страшной мести.

Однако пока что я не располагал никакими доказательствами правильности этого предположения. В окружающем меня густом мраке неведения эта догадка могла служить только путеводным огоньком. Буду продолжать поэтому вести записи, если можно так выразиться, непосредственно под диктовку событий...

Впрочем, ведь нас ничто не связывает с капитаном Немо. Он знает, что бежать с «Наутилуса» невозможно. Поэтому он не взял с нас даже слова оставаться на корабле. Никакие обязательства не стесняют нас. Мы не что иное, как обыкновенные пленники, которых только вежливости ради именуют гостями.

Нед Ленд не отказался от надежды вырваться на свободу. Он уверен, что сумеет воспользоваться первым же удобным случаем. Очевидно, и я последую его примеру. И тем не менее я не без огорчения расстанусь с подводными чудесами, знакомство с которыми сделалось возможным для меня лишь благодаря великодушию капитана Немо.

Мне и сейчас неясно, должен ли я преклоняться перед этим человеком или ненавидеть его, жертва он или палач. Признаюсь, что прежде чем навеки расстаться с

«Наутилусом», я все-таки хотел бы завершить до конца это подводное кругосветное путешествие, начало которого было таким блистательным. Я хотел бы повидать все таящиеся в морях чудеса. Я хотел бы повидать все то, чего не видел до меня еще ни один человек, даже если бы эта ненасытная жажда знания стоила мне жизни. Что я узнал до сих пор? Ничего или почти ничего, ибо мы прошли всего лишь шесть тысяч лье по Тихому океану.

А между тем «Наутилус» приближается к обитаемым землям, и я отлично знаю, что если нам представится хоть какая-нибудь возможность бежать, с моей стороны было бы непростительной жестокостью предать интересы своих товарищей ради удовлетворения своей жажды знания. Я должен буду последовать за ними, а может быть, и повести их. Но представится ли когда-нибудь случай бежать? Человек, насильственно лишенный свободы, мечтал о нем, но ученый боялся, что этот случай наконец представится.

В этот день, 21 января, в полдень, помощник капитана, по обыкновению, вышел на палубу, чтобы сделать наблюдения. Я тоже поднялся на палубу и, закурив сигару, стал следить за ним. Я не сомневался в том, что этот человек не говорит по-французски, так как часто нарочно вслух делал замечания, которые должны были бы, если бы он понимал меня, вызвать у него какой-нибудь непроизвольный знак внимания. Но он всегда оставался невозмутимым и молчаливым.

В то время как он, приставив секстант к глазам, определял высоту склонения солнца над горизонтом, на палубу вышел один из матросов «Наутилуса», тот самый гигант, который сопровождал нас на охоту в леса острова Креспо. Он занялся чисткой стекла прожектора.

Я с любопытством рассматривал этот прибор, сила света которого повышалась во сто раз благодаря коль-

цевому расположению чечевицеобразных стекол, собирающих в пучок лучи источника света. Этот источник был устроен так, что его светоносная сила была доведена до максимума. Электрическая дуга светилась в искусственно созданном безвоздушном пространстве, что обеспечивало постоянство накала и в то же время сберегало графитовые острия, между которыми возникала дуга.

Последнее обстоятельство было особенно важным для капитана Немо, которому, вероятно, нелегко было возобновлять запасы графита. Но в безвоздушном пространстве эти острия сгорали чрезвычайно медленно.

Когда «Наутилус» стал готовиться к погружению, я вернулся в салон. Люк закрылся. Опустившись метров на сто, мы поплыли прямо на запад.

Теперь мы бороздили Индийский океан, обширную водную равнину, занимающую площадь в пятьсот пятьдесят миллионов гектаров. Воды этого океана до такой степени прозрачны, что при взгляде на них с палубы корабля у слабых людей кружится голова.

«Наутилус» плыл обычно на глубине от ста до двухсот метров. Так продолжалось несколько дней. Всякий другой на моем месте, наверное, жаловался бы на скуку и однообразие этого путешествия. Но каждодневные утренние прогулки по палубе, овеваемой пахнущим солью свежим ветерком, наблюдение чудес океана через окна салона, чтение книг из библиотеки капитана Немо, ведение записей в дневнике — все это занимало без остатка мои дни, не оставляя скуке или усталости ни одной минуты.

И Нед Ленд, и Консель, и сам я были совершенно здоровы. Пищевой режим «Наутилуса» в общем вполне удовлетворял нас, и если бы не боязнь огорчить канадца, я охотно отказался бы от тех «земных» дополнений к общему столу, которые он ухитрялся как-то добывать. При том постоянстве температуры, какая всегда окружа-

ла нас, невозможно было заболеть даже насморком, а если бы это и случилось, то в аптечке «Наутилуса» имелся достаточный запас порошка из древовидных кораллов дендрофиллий, известных в Провансе под названием «морского укропа» и представляющих прекрасное лекарство от кашля и насморка.

В течение нескольких дней, поднимаясь по утрам на палубу, я поражался обилию водяных птиц, особенно чаек и поморников. Матросы «Наутилуса» охотились на них, и, соответствующим образом приготовленная, эта «водяная дичь» оказалась очень вкусным блюдом. Среди крупных птиц, залетающих далеко от берегов и отдыхающих на волнах от усталости, обращали на себя внимание красивые альбатросы, принадлежащие к отряду трубконосов. Семейство веслоногих было представлено здесь быстрокрылыми фрегатами, которые ловили рыб, плавающих близко от поверхности моря, и многочисленными фаэтонами величиной с голубя, белый плюмаж которых, чуть окрашенный в розовое у краев, еще более подчеркивает жгучую черноту крыльев.

В сети «Наутилуса» попадались каждый день новые разновидности морских черепах; в частности, отмечу интересную черепаху — каретту, или биссу, с полукруглым вздутым панцырем, который очень высоко ценится в продаже. Эти черепахи обладают способностью долго находиться под водой, закрыв мясистый клапан у выходного отверстия их носового канала. Некоторые из каретт были пойманы, когда они спали, спрятавшись в свой панцырь, служащий им для защиты от морских животных. Мясо этих черепах невкусно, но яйца их считаются изысканным блюдом.

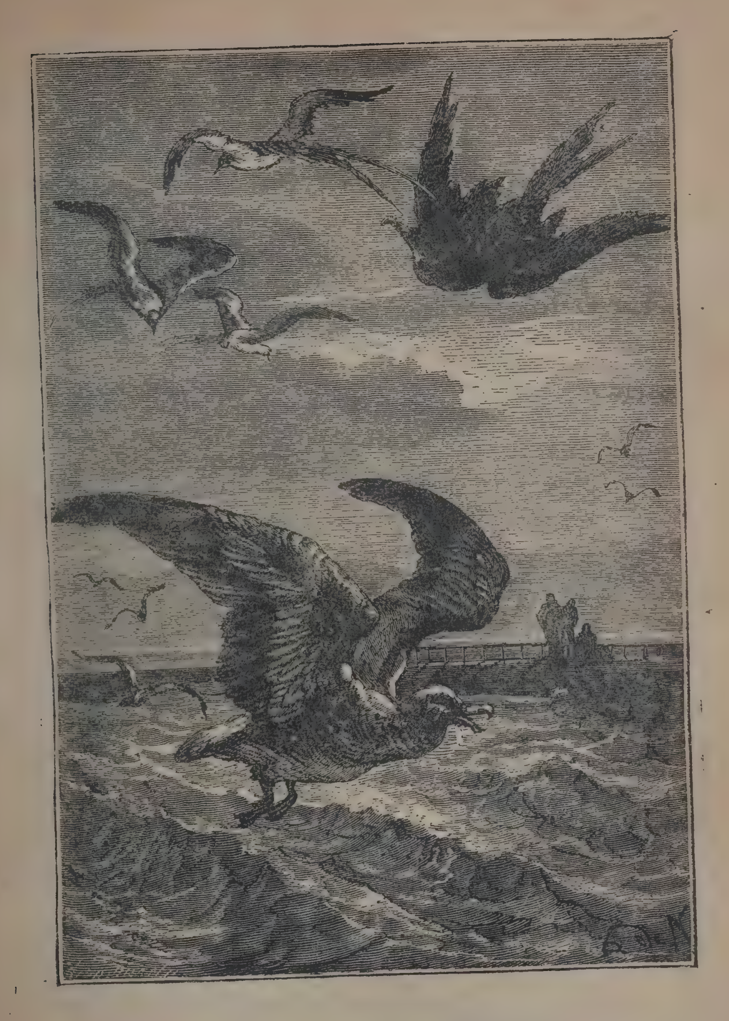
Что касается рыб, то наблюдение за ними через открытые окна салона всегда приводило нас в восхищение. Я обнаружил тут ряд видов, которых до этого времени мне никогда не приходилось видеть.

Прежде всего назову кузовков — рыб, живущих исключительно в теплых морях, особенно в Красном море, Индийском океане и у берегов Центральной Америки. Эти рыбы, так же как и черепахи, ракообразные и морские ежи, защищены панцырем, но не кремнистым или известковым, а крепким, костяным, состоящим из соединенных друг с другом пластинок. Тело кузовков в таком панцыре имеет вид трехгранной, четырехгранной или пятигранной коробки с твердыми стенками и совершенно негибкой. Нам попадались треугольные кузовки, мясо которых очень нежно, и рогатые кузовки с четырехгранным панцырем, называемые рогатыми за торчащие над их большими круглыми глазами длинные шипы, похожие на рога.

Назову еще шиповатых скатов, обладающих очень длинным, похожим на кнут хвостом, снабженным острыми шипами. Хвост этот может наносить страшные удары, опасные даже для человека.

В записях, которые вел Консель, отмечены еще некоторые разновидности рыб: иглобрюхи, которых мы уже встречали в Тихом океане; скаты долгоносые; скаты электрические — круглые голые рыбы, лишенные чешуи и шипов; мраморные электрические скаты длиной в полтора метра и шириной в один метр, окрашенные в буроватый цвет, с более светлыми мраморными пятнами на спине, и т. п.

Из представителей других видов отмечу яйцевидных рыб, лишенных хвоста; темнокоричневых, почти черных, с белыми прожилками двузубых, похожих на дикобразов, могущих надуваться и превращаться в шар, со всех сторон окруженный колючками; морских коньков, таких же, как и в других океанах; пегасовых рыб с далеко выдающимся вперед рыльцем и широкими, горизонтально стоящими грудными плавниками, похожими на крылья и придающими этим маленьким рыбкам фантастический

Альбатросы, фрегаты, фаэтоны...

вид; лир-рыб, окрашенных в желтый цвет и покрытых сапфирово-голубыми полосами и пятнами. Мясо их — белое и вкусное.

Мы встречали также темносиних парусников, могущих распускать свой огромный плавник и пользоваться им, как парусом; волосохвостов обыкновенных с очень длинным и тонким лентообразным телом, окрашенным у самцов в серебристо-белый цвет; наконец, океанских мухоловок, вооруженных ружьем, которое не снилось даже Ремингтону и другим фабрикантам оружия, но метко убивающим насекомых зарядом, состоящим из... капли воды.

С 21 по 23 января «Наутилус» делал в сутки по пятьсот сорок миль. Иными словами, мы шли со скоростью двадцати двух с половиной миль в час. Нам удалось рассмотреть на таком быстром ходу только тех рыб, которые, привлеченные ярким светом прожектора, стремились не отстать от нас. Но большинство из них почти тотчас отставало, и только очень немногие ухитрялись более или менее продолжительное время плыть вровень с нами.

Двадцать четвертого утром мы увидели остров Киллинга, расположенный под 12°5′ южной широты и 94°33′ долготы. Это коралловый остров, поросший великолепными кокосовыми пальмами. В свое время его посетили Чарлз Дарвин[1] и капитан Фиц-Рой. «Наутилус» прошел на близком расстоянии от берегов этого необитаемого острова. Драги выловили из воды множество самых разнообразных полипов, в том числе несколько любопытных экземпляров дельфинчиков, занявших место в коллекции капитана Немо.

---

[1] Чарлз Дарвин (1809—1882) — знаменитый английский ученый, автор книги «Происхождение видов путем естественного отбора» и других научных работ по естествознанию.

Вскоре остров Киллинга скрылся из виду, и «Наутилус» поплыл на северо-запад, по направлению к крайней южной оконечности Индийского полуострова.

— Мы приближаемся к цивилизованным странам, — сказал мне в этот день Нед Ленд. — Это будет получше, чем Новая Гвинея, где дикарей больше, чем косуль. В Индии, господин профессор, есть шоссейные и железные дороги и города — английские, французские, индусские. Там на каждом шагу можно встретить соотечественника. Как, по-вашему, не пришла ли уже пора распрощаться с капитаном Немо?

— Нет, нет! — решительно ответил я канадцу. — «Наутилус» приближается теперь к обитаемым землям. Он держит курс на Европу. Пусть он нас доставит туда. Вот когда мы подплывем к европейским берегам, тогда настанет время думать о побеге. Кстати сказать, я не верю в то, что капитан Немо так же охотно разрешит нам отправиться на охоту на малабарский или коромандельский берег, как на остров Гвебороар.

— Что ж, господин профессор, в таком случае нам придется обойтись без его разрешения.

Я не ответил канадцу. Спорить с ним мне не хотелось.

Но в глубине души я твердо решил исчерпать до конца возможности, предоставленные случаем, забросившим меня на подводный корабль.

Пройдя остров Киллинга, «Наутилус» сильно замедлил ход. Мы часто погружались теперь на большие глубины. Мы спускались на два, иногда на три километра ниже поверхности моря, но ни разу не исследовали предельной глубины вод Индийского океана, где опущенный на тринадцать километров зонд не достигает дна.

Температура нижних слоев воды и здесь была такой же, как в Тихом океане, — четыре градуса выше нуля.

Я обратил внимание только на одно обстоятельство: в неглубоких местах температура поверхностных слоев воды всегда ниже, чем в глубоких.

25 января океан был совершенно пустынен, и «Наутилус» весь день плыл по поверхности его, рассекая волны своим мощным винтом и поднимая фонтаны брызг на большую высоту. Неудивительно, что корабли, видевшие «Наутилус» только издали, принимали его за гигантского кита.

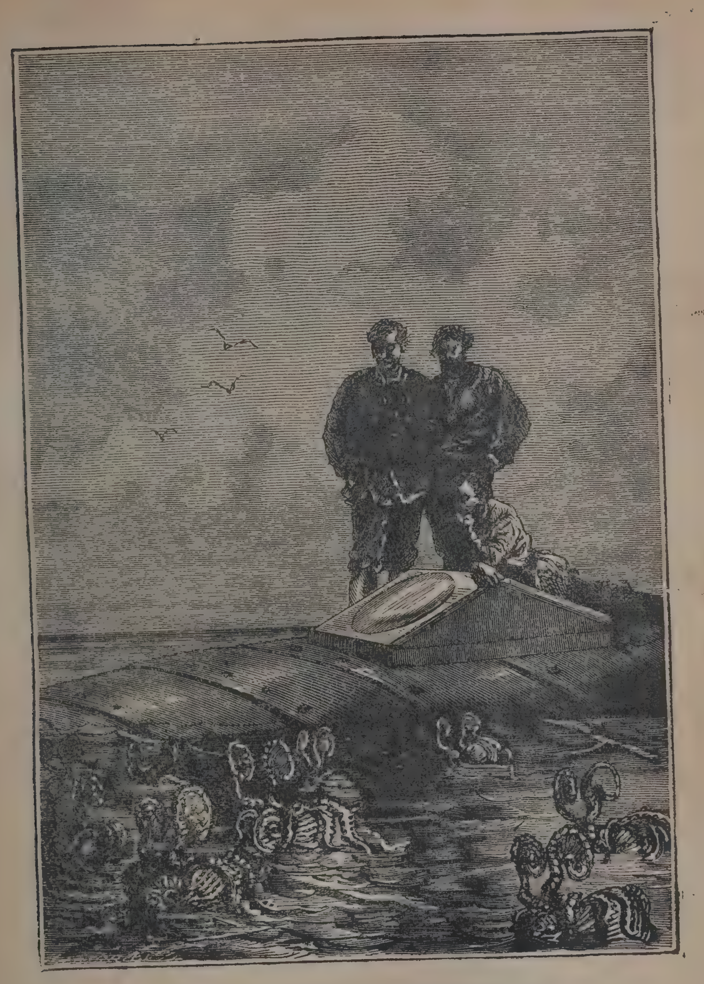
Я провел весь этот день на палубе, глядя на море. Горизонт все время был пустынным. Только около четырех часов пополудни вдали показался пароход, шедший на запад. Его мачты отчетливо вырисовывались на горизонте в продолжение нескольких минут, но с парохода невозможно было заметить «Наутилус», едва выступающий из воды.

Я подумал, что этот пароход принадлежит Полуостровному и Восточному пароходному обществу, обслуживающему линию Цейлон—Сидней, с заходом в Мельбурн и на мыс короля Георга.

В пять часов пополудни, незадолго до коротких тропических сумерек, Консель и я стали свидетелями восхитившего нас зрелища.

Существует один прелестный моллюск, встреча с которым, по мнению древних, предвещает счастье. Аристотель, Атеней и Плиний изучали его повадки и вкусы и не пожалели для его описания всего поэтического арсенала древней Греции и Рима. Они называли его «наутилус» или «помпилиус». Современной науке этот моллюск известен под именем аргонавта.

Мы повстречались с целой стаей аргонавтов, плававших на поверхности океана. Их было много сотен. Эти грациозные моллюски подвигались задом наперед при помощи своих воронок, через которые они выталкивают втянутую при дыхании воду. Из их восьми щупальцев

Сотни аргонавтов сопровождали нас.

шесть, тонкие и длинные, плавали на поверхности воды, тогда как два последних, так называемые гектокотили, более плотные и изгибающиеся дугой, подставлены были ветру, как паруса.

Я отчетливо видел в воде спиралевидные раковины, которые Кювье справедливо сравнивает с изящным яликом. И в самом деле, они очень напоминают лодку. Эта лодка, «построенная» самим аргонавтом из отложений известковых солей, носит его на себе постоянно, хоть моллюск и не срастается с ней.

— Аргонавт всегда может покинуть свою лодку, но никогда не делает этого, — сказал я Конселю.

— Так же, как и капитан Немо,— ответил Консель.— Поэтому лучше было бы ему назвать свой корабль «Аргонавтом».

В течение почти часа «Наутилус» плыл в сопровождении стаи этих моллюсков. Но вдруг, не знаю почему, их обуял страх. Словно по команде, все паруса одновременно были спущены, выставленные вперед щупальцы втянулись, тела съежились, лодки переместили свои центры тяжести, и вся флотилия мгновенно исчезла под водой.

Никогда еще ни одна эскадра не осуществляла такого сложного маневра с такой согласованностью и точностью.

В эту минуту солнце закатилось, и почти тотчас же настала ночь. Зыбь, поднятая легким ветерком, тихо колыхала плывущий «Наутилус».

На следующий день, 26 января, мы пересекли экватор под восемьдесят вторым меридианом и вошли в воды Северного полушария.

В этот день нас сопровождала огромная стая акул. Это были акулы с бурой спиной и белым брюхом, вооруженные одиннадцатью рядами зубов; гладкие акулы с большим черным пятном на шее, окруженным белой кай-

мой и похожим на глаз; акулы колючеперые, с закругленной и усеянной черными точками мордой.

Несколько раз эти огромные хищники со страшной яростью бросались на окна салона. В такие минуты Нед Ленд выходил из себя. Ему хотелось быть на поверхности вод и охотиться на этих чудовищ, в особенности на тигровых акул, огромных, длиной в пять метров, бросавшихся на стекла салона особенно настойчиво.

Но тут «Наутилус» прибавил ходу и сразу оставил далеко позади даже самых быстрых акул.

Около семи часов вечера «Наутилус» поднялся на поверхность и поплыл по молочно-белым волнам. Сколько видел глаз, океан казался молочным.

Было ли это эффектом лунного света? Нет, так как молодой месяц, насчитывавший всего два дня, еще не всходил, и небо, освещенное отблеском лучей только что зашедшего солнца, казалось черным по контрасту с белым цветом воды.

Консель не верил своим глазам, глядя на это поразительное явление.

Он обратился ко мне за разъяснениями. К счастью, я мог удовлетворить его любопытство.

— Это так называемое молочное море, — сказал я.— Такие огромные пятна молочно-белого цвета — нередкое явление у берегов Индии.

— Но не скажет ли мне хозяин, почему море стало таким белым? — спросил Консель.— Не превратилась же в самом деле морская вода в молоко?

— Конечно нет, друг мой. Эта поражающая тебя окраска воды вызвана мириадами простейших животных, бесцветных светящихся комочков слизи толщиной в волос и длиной примерно в одну пятую часть миллиметра. Эти животные прилегают друг к другу и образуют сплошные поля, тянущиеся иногда на много километров.

— На много километров! — воскликнул Консель.

— Да, друг мой. И не пытайся подсчитать их количество. Тебе все равно это не удастся, так как, если я не ошибаюсь, некоторые моряки сообщали, что им доводилось встречать молочные моря, тянущиеся на сорок и больше миль!

Несмотря на мой совет, Консель мысленно занялся вычислением, какое количество простейших поместится на площади в сорок квадратных миль, если каждое из них не толще волоса и не длиннее пятой части миллиметра.

В течение нескольких часов «Наутилус» рассекал своим острым носом белесоватые воды молочного моря, и я обратил внимание на то, что он движется совершенно бесшумно, словно проходя через сгустки мыльной пены.

Около полуночи море неожиданно приобрело обычный цвет впереди нас, но за кормой, сколько видел глаз, небо, отражая белизну вод, казалось озаренным отблеском северного сияния.

Глава вторая

НОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАПИТАНА НЕМО

28 января, поднявшись в полдень на поверхность моря под 9°4′ северной широты, «Наутилус» оказался в виду какой-то земли, лежавшей в восьми милях к западу. Мне бросилось в глаза прежде всего нагромождение довольно высоких гор с прихотливыми и капризными очертаниями; некоторые из гор достигали высоты в две с лишним тысячи футов. После того как наблюдения были сделаны, я спустился в салон и увидел по отметке на карте, что мы находимся у берегов острова Цейлон — этой жемчужины Индии.

Я отправился в библиотеку, чтобы поискать книги об этом плодороднейшем на земле острове, и нашел труд Х. К. Сирра, озаглавленный «Цейлон и сингалезцы».

В это время в салон вошли капитан Немо и его помощник.

Капитан посмотрел на карту. Потом, обернувшись ко мне, сказал:

— Остров Цейлон славится ловлей жемчуга. Не хотите ли, господин Аронакс, побывать на месте этой ловли?

— С удовольствием, капитан.

— Отлично. Это очень легко сделать. Правда, мы увидим только место ловли, а не самих ловцов, ибо сезон ловли еще не начался. Но это не важно. Я прикажу сейчас взять курс на Манаарский залив. Мы прибудем туда ночью.

Капитан сказал несколько слов на неизвестном языке своему помощнику, и тот поспешно вышел из салона. Тотчас же «Наутилус» погрузился в воду, судя по указаниям манометра, на глубину тридцати футов.

Взяв карту, я принялся разыскивать Манаарский залив и нашел его вблизи маленького островка того же названия, под 9° северной широты, на северо-западном берегу Цейлона.

Для того чтобы достигнуть его, нам нужно было пройти вдоль всего западного побережья острова.

Капитан Немо снова заговорил.

— Господин Аронакс, — начал он, — ловля жемчуга производится в Бенгальском заливе, в Индийском море, в Китайском и Японском морях, в морях, омывающих юг Америки, в Панамском заливе, в Калифорнийском заливе. Но на Цейлоне эта ловля дает наилучшие результаты. К сожалению, мы слишком рано пришли сюда. Ловцы жемчуга приезжают в Манаарский залив не раньше середины марта — к этому времени здесь соби-

рается до трехсот судов, которые в течение тридцати дней занимаются этим доходнейшим промыслом. Каждое судно имеет команду в десять гребцов и десять ныряльщиков. Последние разбиваются на две смены, поочередно ныряющие в воду. Они опускаются на глубину двенадцати метров при помощи тяжелого камня, который они зажимают между ногами и отпускают, когда достигнут нужной глубины. Затем камень этот, привязанный веревкой к судну, вытаскивается гребцами обратно на борт.

— Значит, эти варварские приемы все еще в ходу?

— Да, здесь ничто не переменилось, — ответил капитан Немо, — хотя эти жемчужные россыпи принадлежат самой индустриальной в мире стране — Англии, получившей их в собственность по Амьенскому трактату тысяча восемьсот второго года.

— Мне кажется все-таки, что скафандр такого типа, как ваши, мог бы оказать существенную пользу в этом промысле.

— Конечно, потому что время пребывания под водой этих бедных ныряльщиков, естественно, очень ограничено. Англичанин Персиваль в описании своего путешествия на Цейлон упоминает об одном кафре, который мог целых пять минут оставаться под водой, но мне это утверждение всегда казалось сомнительным. Я знаю, что есть пловцы, которые держатся под водой почти минуту — пятьдесят семь секунд, а некоторые, самые сильные, даже восемьдесят семь — почти полторы минуты! Но таких очень немного, да и у этих несчастных по возвращении на борт из ушей и носа выходит окрашенная кровью вода. Мне кажется, что средняя продолжительность пребывания ныряльщика под водой не превышает тридцати секунд, и за это короткое время он должен найти, сорвать и бросить в сетку жемчужные раковины. Профессиональные ныряльщики редко доживают до

средних лет; большинство из них умирают молодыми; зрение их быстро слабеет, глаза начинают гноиться, все тело покрывается отвратительными язвами. Часто они внезапно умирают под водой — от разрыва сердца.

— Да, — сказал я, — это тяжелая профессия... И подумать только, что столько жизней и сил приносится в жертву женским капризам!.. Но скажите, капитан, сколько раковин в день может выловить одно такое судно?

— От сорока до пятидесяти тысяч в рабочий день. Говорят, что в тысяча восемьсот четырнадцатом году английское правительство организовало ловлю жемчуга для государства и ловцы набрали за двадцать дней семьдесят шесть миллионов раковин.

— По крайней мере, труд ловца хорошо оплачивается?

— Напротив, чрезвычайно скудно. В Панаме они зарабатывают не больше доллара в неделю. Чаще всего они получают по медной монете стоимостью в одно су[1] за каждую раковину, содержащую жемчужину. Но сколько раковин, собранных ими, не содержит жемчужин!

— По одному су за жемчужину, которая обогащает предпринимателя? Это возмутительно! — сказал я.

— Итак, господин профессор, — сказал капитан Немо, — вам и вашим спутникам удастся осмотреть жемчужное дно Манаарского залива. Если случайно в это время там будет какой-нибудь ловец, вы познакомитесь и с техникой этого промысла.

— Это будет очень любопытно.

— Кстати, профессор, вы не боитесь акул?

— Акул?! — вскричал я.

Этот вопрос показался мне, мягко говоря, праздным.

---

[1] Су — две копейки.

— Так как же? — настаивал капитан Немо.

— Должен откровенно признаться, капитан, — сказал я после небольшой паузы, — что я еще недостаточно привык к этим рыбкам...

— А мы к ним привыкли настолько, что уже не замечаем их. Скоро и вы будете так же относиться к ним, — ответил мне капитан. — Мы будем хорошо вооружены и, если удастся, поохотимся за какой-нибудь акулой. Это интересная охота. Итак, профессор, до завтра. Мы отправимся рано утром.

Проговорив это самым беззаботным тоном, капитан Немо вышел из салона.

Если бы вам предложили охотиться на медведей в горах Швейцарии, вы, вероятно, ответили бы: «Отлично, завтра пойдем на охоту за медведями». Если бы вас спросили: «Не хотите ли поохотиться на львов в равнинах Атласа или на тигров в джунглях Индии?», вы, возможно, подумали бы: «Что ж, поохотимся на тигров или на львов, это интересно». Но когда вас приглашают охотиться на акул не с палубы корабля, а в их собственной, родной среде, вы, наверное, серьезно задумаетесь, прежде чем принять такое приглашение.

Признаюсь, что когда капитан Немо вышел из салона, я должен был стереть со лба выступивший холодный пот.

«Подумай хорошенько, — сказал я себе, — спешить некуда. Одно дело — охота на выдр в подводных лесах острова Креспо: это только приятное времяпровождение. Но другое дело — бродить по дну моря, когда твердо уверен, что непременно встретишь акулу. Я знаю, что в некоторых местах, в частности на Андаманских островах, негры не боятся нападать на акул с кинжалом в одной руке и петлей — в другой. Но я знаю также, что многие из смельчаков, вступающих в единоборство с этими огромными хищниками, не возвращаются живыми».

Перед моим умственным взором проносились стаи акул; я видел огромные пасти, вооруженные несколькими рядами зубов, способных перекусить пополам человека; я чувствовал, как эти зубы впиваются в мои бока...

Кроме того, я не мог понять той беззаботности, с которой капитан сделал мне это предложение. Можно было подумать, что он звал меня в лес на охоту за какой-нибудь безобидной лисичкой.

«Консель, вероятно, откажется, — подумал я. — Это даст и мне возможность отклонить приглашение капитана Немо».

Что касается Неда Ленда, то, признаюсь, я меньше верил в его благоразумие. Опасность, как бы велика она ни была, всегда оказывала притягательное действие на эту воинственную натуру.

Я вернулся к книге Сирра, но перелистывал ее совершенно машинально: со страниц ее на меня глядели чудовищные разверстые пасти акул.

В салон вошли в эту минуту Нед Ленд и Консель. Оба были хорошо настроены и даже веселы. Они не знали, что их ожидает.

— Честное слово, — начал Ленд, обращаясь ко мне, — ваш капитан Немо — чорт бы побрал его! — только что сделал нам довольно любезное предложение.

— А, — сказал я, — вы уже знаете?..

— С позволения хозяина, — ответил Консель, — скажу, что командир «Наутилуса» пригласил нас посетить замечательные жемчужные промысла в Манаарском заливе. Он был изысканно любезен с нами и вел себя, как настоящий джентльмен.

— Он больше ничего не сказал вам?

— Ничего, — ответил канадец, — если не считать того, что капитан сообщил нам, что он и вас пригласил принять участие в этой маленькой подводной прогулке.

— Действительно, — сказал я. — Но он не сообщил вам никаких подробностей о...

— Никаких, господин профессор. Вы, конечно, пойдете с нами, не правда ли?

— Я?.. Конечно. Я вижу, что вы входите во вкус подводных прогулок, мистер Ленд?

— Да, это любопытно... Очень любопытно.

— Но, может быть, и опасно, — сказал я как бы невзначай.

— Что же может быть опасного в простой прогулке на жемчужную отмель? — возразил Нед Ленд.

Ясно было, что капитан Немо не счел нужным пугать моих товарищей мыслью об акулах. Я взволнованно смотрел на них, словно они уже лишились какой-нибудь конечности.

Следовало ли мне предупредить товарищей о грозящей опасности? Конечно. Но я не знал, как взяться за это.

— Не согласится ли хозяин, — сказал Консель, — рассказать нам что-нибудь о ловле жемчуга?

— О самой ловле или о связанных с ней опасностях? — спросил я, увидев в этом возможность дать разговору нужное направление.

— О ловле, — ответил канадец. — Нужно всегда знать все о дороге, по которой собираешься итти.

— В таком случае, садитесь поближе, друзья мои, и я расскажу вам о жемчужном промысле все, что сам узнал из книги Сирра.

Нед и Консель сели на диван рядом со мной.

Канадец прежде всего задал мне вопрос:

— Господин профессор, что такое жемчужина?

— Для поэта, друг мой Нед, жемчужина — это слеза моря, — начал я, — для восточных народов — это отвердевшая роса; для дам — это драгоценный овальный камень с матовым блеском, который можно носить как

украшение на пальцах, на шее или в ушах; для химика — это соединение фосфорнокислых солей с углекислым кальцием; наконец, для натуралиста — это просто болезненный нарост у некоторых двустворчатых ракушек...

— ...принадлежащих к типу моллюсков, классу пластинчатожаберных... — подхватил Консель.

— Совершенно верно, мой ученый друг. Все те моллюски, которые выделяют перламутр, то-есть голубое, голубоватое, фиолетовое или белое вещество, устилающее внутреннюю поверхность створок их раковин, — все они могут производить жемчуг.

— И съедобные ракушки также? — спросил канадец.

— Да, и съедобные ракушки некоторых водоемов Шотландии, Уэльса, Ирландии, Саксонии, Богемии и Франции.

— Так, — сказал канадец, — примем это к сведению. Пригодится когда-нибудь!

— Но главным поставщиком жемчуга является раковина-жемчужница. Жемчуг — не что иное, как перламутровый нарост, принявший сферическую форму. Жемчужина либо прилипает к створкам раковины, либо гнездится в складках тела моллюска. Независимо от того, где образовалась жемчужина — на створках или на теле моллюска, — она всегда имеет ядро, вокруг которого тонкими концентрическими слоями из года в год нарастают перламутровые отложения. Ядром может служить мертвое яичко или просто случайно попавшая под створки песчинка.

— Может ли быть несколько жемчужин в одной раковине? — спросил Консель.

— Это бывает. Некоторые раковины растят целые жемчужные ожерелья. Бывают раковины, которые содержат — правда, я мало в это верю — не меньше ста пятидесяти акул.

— Сто пятьдесят акул?! — вскричал Нед Ленд.

— Разве я сказал «акул»? — смущенно спросил я. — Я хотел сказать — жемчужин. Акулы — это бессмыслица!

— Конечно, — сказал Консель. — Но не скажет ли хозяин, каким образом извлекают жемчужины из раковин?

— Есть различные способы. Иногда, когда жемчужина прилипает к створкам, ее просто извлекают щипчиками. Но чаще всего собранные раковины раскладывают на цыновках тут же на берегу; через десять дней, когда моллюски начинают разлагаться, их ссыпают в обширные бассейны с морской водой, а затем вскрывают створки раковин и моют их. Тут начинается работа сортировщиков: собрав сначала жемчужины, прилипшие к створкам, они отделяют от раковин перламутровые пластинки, поступающие в отдельную продажу, и, наконец, подвергают кипячению части тела моллюсков до полного растворения и отцеживают из жидкости все, вплоть до мельчайших жемчужин.

— Ценность жемчуга зависит только от его величины? — спросил Консель.

— Нет, не только от величины, — ответил я, — но и от формы, «воды», то-есть цвета, блеска, тех переливов света, которые делают жемчуг таким приятным для глаз. Самые крупные жемчужины образуются в складках тела моллюска. Они белого цвета, большей частью непрозрачны, но иногда опалово-прозрачны. Они бывают преимущественно сферическими или грушевидными по форме. Сферические жемчужины идут на браслеты, грушевидные — на серьги и подвески. Те и другие продаются поштучно. Жемчужины, прилипшие к створкам, имеют менее правильную форму и потому ценятся дешевле, чем первые, и продаются на вес. Наконец, третий сорт — это мелкие жемчужины. Они продаются мерками и служат

главным образом для различных вышивок, особенно церковных облачений.

— Очевидно, сортировка жемчуга — это длительная и довольно трудная работа? — спросил канадец.

— Нет, мой друг, это очень несложное дело. Эта работа выполняется при помощи одиннадцати сит или решет. Жемчуг, не просеявшийся через решета с количеством дыр от двадцати до восьмидесяти, относится к первому сорту; не просеявшийся сквозь отверстия решет с количеством дыр от ста до восьмисот — это второй сорт; жемчуг, для которого нужно решето с восемьюстами-тысячью дыр, относится к третьему сорту.

— Это остроумно, — сказал Консель. — Я вижу, что работа сортировщиков механизирована... Не может ли сказать хозяин, какой доход приносит эксплоатация жемчужных промыслов?

— Если верить сведениям, сообщаемым Сирром, — ответил я, — то цейлонские жемчужные отмели сдаются на откуп за годовую плату в три миллиона акул.

— Франков! — поправил меня Консель.

— Конечно, франков! Три миллиона франков, — повторил я. — Но мне кажется, что теперь эти отмели не дают уже такого дохода, как раньше. То же самое с американскими отмелями. При Карле Пятом они давали ежегодно жемчугов на четыре миллиона франков, а теперь эта добыча снизилась на две трети. В целом все жемчужные прииски мира дают в год жемчуга примерно на девять миллионов франков.

— Но я слышал, что есть отдельные жемчужины, которые продаются за огромные суммы, — сказал Консель.

— Да, мой друг. История говорит, что Юлий Цезарь подарил Сервилии жемчужину стоимостью в сто двадцать тысяч франков на наши деньги.

— А я слышал, — сказал канадец, — что какая-то древняя дама растворяла жемчуг в уксусе и пила его.

— Это Клеопатра! — воскликнул Консель.

— Должно быть, это было невкусно, — заметил Нед Ленд.

— Это было отвратительно, Нед, — ответил Консель, — но подумайте, что такой стаканчик уксусу стоит полтораста тысяч франков!

— Жалко, что эта дама не была моей женой, — сказал канадец, поглядывая на свои увесистые кулаки.

— Нед Ленд — супруг Клеопатры! — расхохотался Консель.

— Я собирался жениться, Консель, — невозмутимо ответил канадец, — и не моя вина, если дело не выгорело. Я даже купил жемчужное ожерелье Кэт Тендер, своей невесте, но она почему-то вышла замуж за другого. Но это ожерелье стоило мне всего полтора доллара, хотя — поверьте мне на слово, господин профессор — ни один из камней этого ожерелья не прошел бы через отверстия даже двадцатидырного сита.

— Милый мой Нед! — рассмеялся я. — Это было ожерелье из искусственного жемчуга — обыкновенных стеклянных шариков, наполненных жемчужной эссенцией.

— Все-таки, — возразил канадец, — эта эссенция должна стоить недешево.

— Она ничего не стоит. Это чешуя мелкой рыбешки — уклейки, растворенная в азотной кислоте. Эссенция эта стоит сущие пустяки.

— Теперь я понимаю, почему Кэт Тендер вышла замуж за другого, — с философским спокойствием сказал Нед Ленд.

— Но возвратимся к разговору о ценных жемчужинах, — сказал я. — Я убежден, что ни у одного из земных монархов не найдется жемчужины ценней той, которая принадлежит капитану Немо.

— Вот этой? — спросил Консель, указывая на драго-

ценность, лежавшую на черном бархате под стеклом витрины.

— Этой самой. Думаю, что не ошибусь, определив ее стоимость в два миллиона...

— ...франков! — поспешно подсказал мне Консель.

— Совершенно верно, в два миллиона франков. И для того чтобы добыть ее, капитану Немо стоило только нагнуться...

— Вот видите! — вскричал Нед Ленд. — Почем знать, может быть во время завтрашней прогулки мы найдем такую же?

— Гм! — буркнул Консель.

— А почему бы нет?

— К чему нам на «Наутилусе» миллионы?

— На борту они, конечно, ни к чему, но... в других местах...

— В других местах!.. — Консель покачал головой.

— Нед Ленд прав, — сказал я. — Если бы мы привезли в Европу или Америку жемчужину ценою в несколько миллионов франков, это придало бы бóльшую ценность рассказам о наших подводных приключениях, внушило бы к ним большее доверие.

— Несомненно! — согласился канадец.

— Но скажите, — снова начал Консель, которого интересовала больше научная сторона вопроса, чем материальная, — представляет ли какую-нибудь опасность ловля жемчуга?

— Нет, — ответил я живо, — особенно если принимать некоторые меры предосторожности.

— А какие же опасности может представлять такое ремесло? — спросил Нед Ленд. — Разве что проглотишь лишний глоток воды.

— Ну, дело не только в этом, Нед. Кстати, — добавил я, стараясь говорить так же беззаботно, как капитан Немо, — вы не боитесь акул, Нед?

— Это я-то?! — воскликнул Нед. — Мне, профессиональному гарпунщику, и вдруг бояться акул!

— Речь идет не о том, чтобы поймать акулу на крюк, втянуть на палубу корабля, отрубить ей топором хвост, вспороть брюхо, вырвать сердце и выбросить его в море...

— Значит, вы спрашивали о...

— Вот именно!

— В воде?

— В воде!

— Если захватить с собой хороший гарпун... Знаете, господин профессор, в общем это довольно неуклюжие животные. Для того чтобы слопать вас, они обязательно должны перевернуться на спину, а за это время вы всегда успеете всадить им гарпун в сердце.

У Неда Ленда была способность произносить слово «слопать» с таким выражением, от которого у меня мороз пробегал по коже.

— А ты, Консель, какого мнения об акулах? — спросил я.

— Я буду совершенно откровенным с хозяином... — начал Консель.

«В добрый час!» подумал я.

— ...если хозяин не боится акул, почему же мне, его верному слуге, их бояться!

Глава третья

ЖЕМЧУЖИНА СТОИМОСТЬЮ В ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ФРАНКОВ

Настала ночь. Я улегся в постель, но спал плохо. Акулы все время снились мне, и не раз я просыпался, обливаясь холодным потом.

На следующее утро, в четыре часа, меня разбудил

стюард, приставленный ко мне для услуг капитаном Немо. Я быстро встал, оделся и вышел в салон.

Капитан Немо уже ждал меня там.

— Вы готовы, господин Аронакс? — спросил он.

— Вполне готов, капитан.

— В таком случае, прошу следовать за мной.

— А мои спутники, капитан?

— Их уже предупредили, и они ждут нас.

— Мы наденем скафандры?

— Пока что нет. «Наутилус» не может подойти близко к берегу, и я остановил его довольно далеко от жемчужных отмелей Манаарского залива. Поэтому я велел снарядить шлюпку, которая доставит нас непосредственно к самой отмели и тем избавит от лишней усталости. Скафандры сложены в шлюпку, и мы наденем их перед самым погружением в воду.

Мы поднялись на палубу. Нед Ленд и Консель уже ждали нас там.

В шлюпке, спущенной на воду и привязанной к борту «Наутилуса», на веслах сидели пять матросов.

Еще не рассветало, и ночь была непроглядно темной. Редкие звезды мерцали в просветах между обложившими небо густыми облаками.

Я посмотрел в сторону земли, но увидел только неопределенное сгущение мрака, закрывавшее три четверти горизонта.

«Наутилус», прошедший за ночь вдоль западного побережья острова Цейлон, находился теперь у входа в залив, или, вернее, в бухту, образуемую берегами Цейлона и острова Манаар. Под темной поверхностью вод покоилась одна из крупнейших в мире жемчужных отмелей, неисчерпаемая сокровищница, тянущаяся почти на двадцать миль.

Капитан Немо, Нед Ленд, Консель и я заняли места на корме шлюпки. Один из матросов стал к рулю,

остальные взялись за весла, и как только был отдан конец, мы тронулись в путь.

Шлюпка направлялась на юг. Гребцы не торопились. Я заметил, что они опускали весла в воду с интервалами в десять секунд, как это практикуется в военно-морских флотах. В то время, когда шлюпка шла по инерции, слышен был легкий шум капелек воды, падавших с поднятых весел на поверхность волн. Слабая зыбь, идущая от берега, чуть покачивала шлюпку, и гребешки волн с плеском разбивались о ее нос.

Мы молчали. О чем думал капитан Немо? Быть может, об этой земле, о том, что мы слишком приблизились к ней?

Нед Ленд, вероятно, тоже думал о земле, но, по его мнению, мы все-таки были слишком далеко от нее.

Что же касается Конселя, то он, кажется, ни о чем не думал, а только с нетерпением ждал обещанного удовольствия.

В половине шестого первые лучи зари обозначили более четко линию гор на горизонте. Низменный на востоке, остров был гористым на юге. Мы находились теперь в пяти милях от него.

Между островом и нашей шлюпкой море было пустынно. Не видно было ни одного суденышка, ни одного ныряльщика.

Капитан Немо оказался прав: мы прибыли сюда слишком рано.

День наступил в шесть часов утра, с той внезапностью, которая свойственна тропическим странам, не знающим ни рассвета, ни предвечерних сумерек. Солнечные лучи прорвались сквозь облачную завесу, заслонявшую горизонт, и дневное светило быстро поднялось на небосвод.

Теперь я отчетливо видел землю и даже отдельные деревья, растущие на берегу.

Шлюпка повернула к острову Манаар, береговая полоса которого закруглялась на юге. Капитан Немо поднялся со скамейки и посмотрел на море.

По его знаку шлюпка стала, и якорь был брошен в воду. Но пришлось вытравить не больше одного метра якорной цепи — так мелка была в этом месте жемчужная отмель.

Отлив тотчас же подхватил шлюпку и потащил назад в открытое море, сколько позволила якорная цепь.

— Вот мы и приехали, профессор, — сказал капитан Немо. — Видите эту замкнутую бухту? В ней через месяц соберутся сотни промысловых судов, и тысячи смелых ныряльщиков погрузятся в эти воды. Эта бухта очень удобна для ловли жемчуга: она защищена горами от ветров, и в ней никогда не бывает сильного волнения — два обстоятельства, чрезвычайно важных для работы ныряльщиков. Теперь мы наденем скафандры и начнем свою прогулку.

Я ничего не ответил и, не отрывая глаз от этих опасных вод, стал при помощи одного из матросов облачаться в тяжелый скафандр. Капитан Немо и оба мои товарища также стали надевать скафандры. Оказалось, что никто из матросов «Наутилуса» не будет сопровождать нас в прогулке по дну залива.

Вскоре мы были заключены по самую шею в каучуковую одежду, и на спину нам повесили резервуары со сжатым воздухом. Аппаратов Румкорфа и электрических фонарей в шлюпке не оказалось. Перед тем как надеть шлем на голову, я указал на это капитану Немо.

— Фонари нам не понадобятся, — ответил он. — Мы не будем забираться в глубину, а мелководье совершенно достаточно освещается солнцем. Кроме того, было бы непростительной неосторожностью зажигать электрические фонари в этих водах: их свет мог бы привлечь к нам внимание опасных хищников.

В то время как капитан Немо говорил это, я посмотрел на Неда Ленда и Конселя. Но неразлучные друзья уже напялили на головы металлические шлемы и ничего не могли слышать.

Мне осталось только предложить капитану Немо последний вопрос.

— А где же ружья? — спросил я. — Неужели мы пойдем невооруженными?

— Ружья? К чему они нам? — возразил капитан Немо. — Разве горцы ходят когда-нибудь на медведя с ружьем? Кинжал в руке вернее всякой пули. Вот отличное лезвие. Суньте его за пояс, и идем.

Я посмотрел на наших спутников. Они были вооружены так же, как и мы, и, кроме того, у Неда Ленда в руках был большой гарпун, который он захватил с собой с «Наутилуса».

Мне ничего не оставалось делать, как продеть голову в тяжелый медный шлем, позволить завинтить его и открыть кран резервуара со сжатым воздухом.

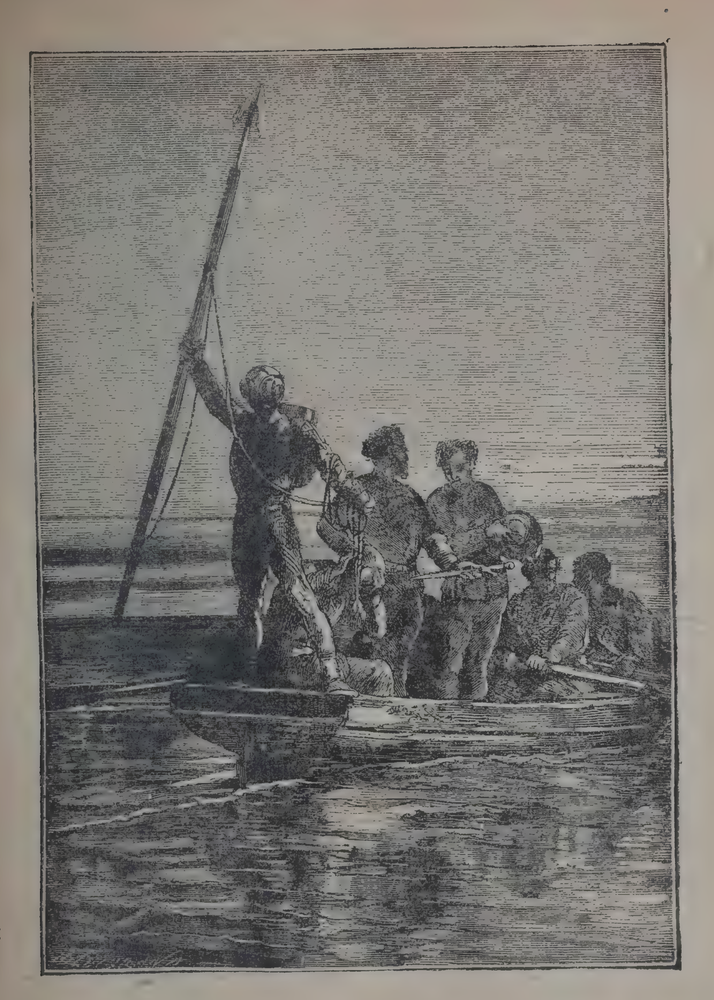
Через минуту матросы спустили нас одного за другим в воду, и на глубине не более полутора метров мы нащупали ногами слой слежавшегося песка.

Капитан Немо сделал нам знак рукой, мы последовали за ним и по отлогому спуску углубились под воду.

Угнетавшие меня предчувствия внезапно рассеялись. Я обрел глубокое спокойствие и весь отдался чудесному зрелищу подводной жизни.

Солнце достаточно ярко освещало дно. Даже мельчайшие предметы были отчетливо видны. После десяти минут ходьбы мы опустились на глубину пяти метров, и дно стало плоским и ровным.

Мы вспугнули несколько стаек рыбок из отряда однюперых, не имеющих другого плавника, кроме хвостового. Я заметил полосатых змееголовов длиной почти в метр, с желтовато-серой спиной и таким же брюхом,

Нед Ленд вооружился гарпуном.

отличающихся от змееголовов китайских бо́льшим размером и более светлой окраской. Далее нам встретилась окрашенная в яркие цвета рыбка-парус, спинной плавник которой напоминает воротничок. Это съедобная рыбка; высушенная и замаринованная, она считается деликатесом у местного населения. Я зна́ком обратил внимание Конселя на принадлежащую к семейству каранговых рыб ставриду, тело которой покрыто очень мелкой чешуей; сверху ставрида голубовато-серого цвета, снизу — серебристого; длина ее не превышает тридцати сантиметров.

Между тем восходившее солнце все ярче и ярче освещало воду.

Характер дна мало-помалу изменялся.

Мелкий, плотно слежавшийся песок уступил место некоторому подобию шоссейной дороги, словно замощенной круглыми обломками скал, поросших ковром из зоофитов и моллюсков.

Я увидел здесь плацен с неровными тонкими створками раковины, принадлежащих к семейству устричных и водящихся только в Красном море и Индийском океане; оранжевых люцин с круглой раковиной; несколько персидских пурпурниц, снабжавших «Наутилус» прекрасной краской; анатин — съедобных раковин, продающихся на индостанских базарах, и, наконец, окулин, очаровательные веера которых представляют, пожалуй, самое красивое зрелище океанской фауны.

По дну сновали легионы членистоногих, в частности многоколенчатые, с кругловатым телом, заканчивающимся с одной стороны хоботком, а с другой — брюшком с семью парами конечностей; палеостраки — почти вымершая группа, лишенная предротовых конечностей; гигантские крабы, которых наблюдал и Чарлз Дарвин; природа наделила их огромной силой: они взбираются на прибрежные деревья, срывают с них кокосы, разбивающиеся

при падении, и потом раскрывают их своими мощными клешнями. Здесь, в этих ярко освещенных водах, крабы передвигались с удивительной быстротой, в противоположность малабарским крабам, едва-едва ползущим между скалами.

Около семи часов утра мы наконец добрались до жемчужной отмели, где разбросаны миллионы раковин. Эти драгоценные моллюски прилепляются при помощи выделяемой ими слизистой жидкости к скалам и больше уже не двигаются, в отличие от съедобных ракушек, которые не теряют способности передвигаться.

Жемчужница, в которой образуется жемчуг, представляет собой закругленную раковину с почти одинаковыми, очень толстыми створками, шероховатыми снаружи.

Некоторые из ракушек были изборождены зеленоватыми полосами, лучами разбегавшимися во все стороны. Это были молодые ракушки. Другие, старые, возрастом в десять и более лет, были темные, почти черные, и доходили до пятнадцати сантиметров в ширину.

Капитан Немо указал мне рукой на бесчисленное скопление раковин, и я понял, что эта россыпь действительно неистощима.

Нед Ленд, верный своей практичности, поспешил наполнить сетку, висевшую у него на боку, лучшими моллюсками.

Но нам нельзя было останавливаться. Нужно было не отставать от капитана, уверенно шедшего вперед по известным ему дорожкам. Мы несколько раз попадали в такие места, где, поднимая руку над головой, я доставал ею до поверхности моря. Но тут же дно опять опускалось.

Часто нам приходилось огибать высокие пирамидальные скалы. В их трещинах и расселинах гнездились крупные ракообразные. Покачиваясь на своих высоких

ножках, похожие на какие-то фантастические военные машины, они пристально смотрели на нас.

Наконец мы очутились у входа в грот, который был вырыт в живописной, с капризными контурами скале, густо поросшей красивейшими представителями морской флоры. Сначала мне показалось, что в гроте царит непроницаемый мрак и что солнечные лучи угасают у его входа; однако оказалось, что вода, заполняющая грот, светится; то был прозрачный и неопределенный свет поглощенных солнечных лучей.

Капитан Немо вошел в грот. Мы последовали за ним.

Вскоре мои глаза привыкли к сумеркам, царившим в пещере. Я стал различать своды, поддерживаемые местами естественными пилястрами с широкими гранитными основаниями, похожими на тяжелые колонны тосканской архитектуры.

Зачем нашему странному проводнику понадобилось привести нас в глубь этой подводной пещеры?

Скоро я узнал это.

Спустившись по довольно крутому откосу, мы очутились на дне круглой впадины. Там капитан Немо остановился и указал нам на предмет, который мы вначале не заметили.

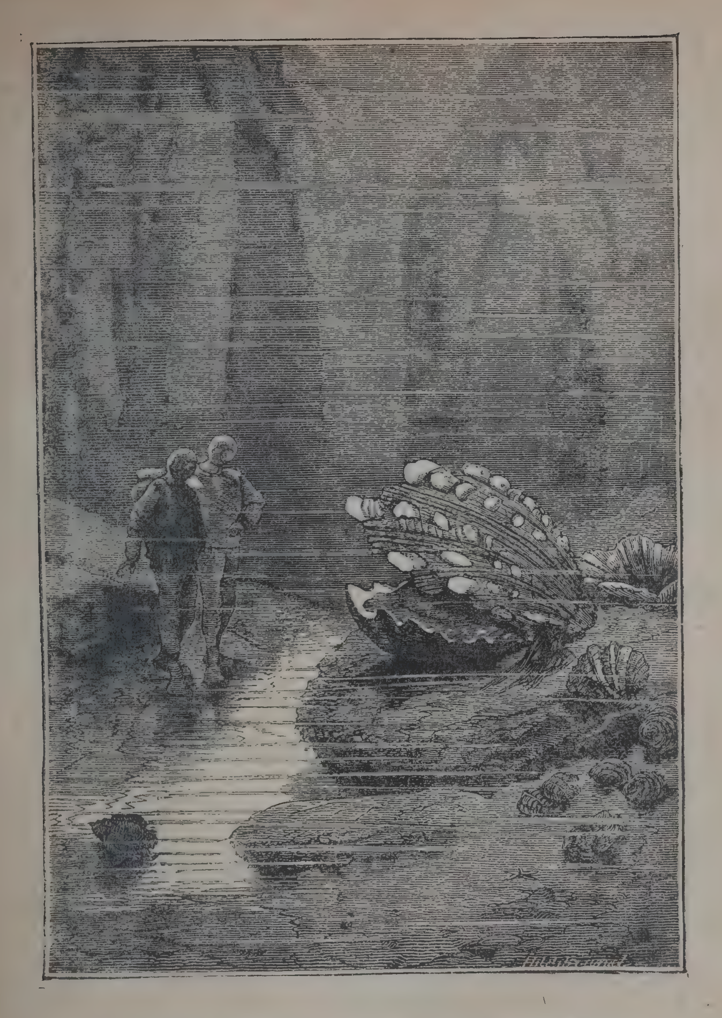
Это была тридакна гигантских размеров — диаметром в два метра, то-есть даже больше той, которая находилась в салоне «Наутилуса».

Я подошел поближе к этому изумительному моллюску.

Он прилепился к гранитной площадке и рос в одиночестве в спокойных водах этого грота.

Я определил вес этой тридакны в триста килограммов. Такая «устрица» должна содержать не менее пятнадцати килограммов мяса.

Капитан Немо, очевидно, знал раньше о существовании этой тридакны. Он уже не в первый раз навещал ее,

Гигантские створки раковины были полуоткрыты.

и я подумал, что он привел нас в это место только затем, чтобы показать это чудо природы.

Но я ошибся. Капитану Немо самому необходимо было ознакомиться с состоянием раковины.

Гигантские створки раковины были полуоткрыты. Капитан вложил между ними кинжал, чтобы не дать им сомкнуться. Потом он рукой приподнял зубчатый край мантии моллюска.

Там, между складками тела моллюска, я увидел свободно растущую жемчужину величиной с кокосовый орех. Ее правильная сферическая форма, поразительная чистота и непередаваемо красивые переливы делали из нее драгоценность, которой буквально не было цены.

Охваченный любопытством, я протянул руку, чтобы потрогать ее, взвесить, полюбоваться ею вблизи. Но капитан Немо остановил мою руку и быстрым движением вытащил кинжал из створок, которые тотчас же захлопнулись.

Я понял намерение капитана: оставляя эту жемчужину под мантией моллюска, он давал ей возможность незаметно расти. Каждый год выделения моллюска прибавляли к ней новый слой. Один только капитан Немо знал грот, где созревает этот чудесный плод. Он растил его, чтобы в один прекрасный день перенести в свой музей. Быть может, он сам и вызвал образование этой жемчужины, подсунув под мантию моллюска бусинку или металлический шарик, который мало-помалу должен был обрасти перламутровым покровом.

Так или иначе, но, сравнивая эту жемчужину с теми, о существовании которых я слышал, и с теми, которые хранились в витринах музея «Наутилуса», я оценил ее минимально в десять миллионов франков. Это была даже не драгоценность, а скорее небывалая редкость, ибо не было на свете женщины, ухо которой выдержало бы тяжесть такой серьги.

Осмотр чудесной тридакны кончился. Капитан Немо вышел из грота, и мы снова взобрались по откосу на жемчужную отмель.

Мы шли вразброд, как будто гуляли по полю. Каждый из нас останавливался, где ему хотелось, далеко отставая от остальных.

Надо сказать, что я совершенно перестал думать об опасностях этой подводной прогулки, так угнетавших меня накануне.

Дно все время поднималось, и наконец на мелком месте, где глубина не превышала метра, моя голова высунулась над поверхностью океана. Консель догнал меня и, приставив стекла своего шлема к стеклам моего, передал мне глазами дружеский привет. Но это мелкое место тянулось всего на несколько десятков метров, а затем мы снова погрузились в свою стихию. Мне кажется, я вправе был теперь так называть океан.

Так прошло еще минут десять. Вдруг капитан Немо остановился. Мне показалось, что он сбился с пути. Но нет: он сделал нам знак приблизиться и, когда мы подошли, вытянул руку, указывая на какую-то точку.

Я стал внимательно всматриваться.

В пяти метрах от меня мелькнула тень. Тревожная мысль об акулах пронеслась в моем уме. Но я напрасно взволновался: на этот раз речь шла о другом.

Это был человек, живой человек, индус-рыбак, который, вероятно, нырял за жемчужными раковинами. Я увидел дно его лодки, стоящей невдалеке, над его головой. Он нырял и тотчас же возвращался на поверхность. Опускаясь в воду, он держал между ногами большой булыжник, привязанный веревкой к корме лодки: это помогало ему быстрее достигать дна. На глубине примерно пяти метров он выпускал камень, бросался на колени и поспешно заполнял сетку первыми попавшимися под руку раковинами. Затем он всплывал на

поверхность, высыпал в лодку содержимое сетки, вытаскивал камень и снова повторял свою операцию. Под водой он держался каждый раз не больше тридцати секунд.

Водолаз не замечал нашего присутствия. Тень скалы скрывала нас от него.

Да и как могло притти в голову бедному индусу, что люди, существа, подобные ему, находились рядом с ним под водой и следили за каждым его движением?

Много раз он нырял и снова поднимался на поверхность. Всякий раз он успевал набрать не больше чем по десять раковин, так как их приходилось отрывать от дна, к которому они крепко прилепились. А сколько этих раковин, из-за которых он рисковал жизнью, оказывалось пустыми!

Я следил за водолазом с большим вниманием. Он нырял и поднимался на поверхность через правильные промежутки времени. В течение получаса ничто не мешало его работе.

Я очень увлекся зрелищем этого интересного промысла и совершенно позабыл об угрожающей ловцу опасности, как вдруг увидел, что он неожиданно в ужасе вскочил на ноги и поспешно оттолкнулся от дна, чтобы всплыть.

Я понял причину его испуга. Над несчастным водолазом мелькнула гигантская тень. Это была огромная акула, плывшая навстречу ему с открытой пастью и горящими глазами.

Я окаменел от страха, не будучи в силах сделать ни малейшего движения.

Прожорливый хищник бросился прямо на несчастного индуса. Тот отскочил в сторону и избежал раскрытой пасти, но не сумел уклониться от страшного удара хвостом по груди, который мгновенно свалил его с ног.

Капитан всадил кинжал в брюхо акулы.

Вся эта сцена разыгралась в течение нескольких секунд. Акула, повернувшись на спину, готовилась перерезать индуса пополам, как вдруг я увидел, что капитан Немо, стоявший рядом со мной, решительно шагнул навстречу чудовищу, держа в руке кинжал.

Он хотел вступить в единоборство со страшным хищником!

Акула уже собиралась проглотить бедного водолаза, как вдруг увидела нового врага. Мгновенно повернувшись на живот, она устремилась к капитану Немо.

Я и сейчас отчетливо помню все подробности этой страшной борьбы. Остановившись как вкопанный, капитан Немо с поразительным хладнокровием ждал приближения огромной акулы. Когда та бросилась на него, он с необычайной ловкостью отскочил в сторону, избежал толчка и по самую рукоятку всадил ей в брюхо кинжал.

Но это еще не был конец. Только тут-то и началась борьба.

Акула, фигурально говоря, взревела. Кровь потоком лилась из ее раны. Вода вокруг нас так густо окрасилась в непрозрачный красный цвет, что я перестал видеть дальнейшее.

Только через несколько мгновений, когда вода посветлела, я увидел, что смелый капитан, вцепившись в плавник акулы, отчаянно борется с ней, ударяя ее наотмашь кинжалом в брюхо, но не имея возможности нанести последний, решительный удар — в сердце. Акула отчаянно извивалась, взбаламучивая воду с такой силой, что я едва удерживался на ногах.

Я хотел броситься на помощь к капитану, но, пригвожденный страхом к месту, не мог сделать ни шагу.

С тоской и болью я видел, что положение борющихся меняется. Капитан упал на дно, придавленный огромной тушей, обрушившейся на него. Пасть акулы раскрылась, огромная и страшная, и через секунду капитан уже

покончил бы все счеты с жизнью, если бы не вмешательство Неда Ленда.

Быстрый, как мысль, канадец кинулся на акулу и нанес ей страшный удар острием своего гарпуна.

Вода снова помутнела от новых потоков крови и заходила ходуном от отчаянных ударов хвоста акулы. Но Нед Ленд не промахнулся. Его гарпун поразил хищника в самое сердце. Это была агония. Волнение, поднятое судорожными движениями чудовища, было так велико, что свалило меня и Конселя с ног.

Тем временем Нед Ленд помог капитану подняться. Не получив ни одной царапины в борьбе, тот, встав на ноги, стремительно направился к индусу, недвижно лежавшему невдалеке, обхватил рукой его бесчувственное тело и, оттолкнувшись от дна, всплыл на поверхность океана.

Мы втроем последовали за ним и через несколько секунд уже влезали в лодку водолаза.

Первой заботой капитана Немо было привести несчастного в чувство. Индус не слишком долго пробыл под водой — борьба с акулой продолжалась всего несколько секунд, так что можно было полагать, что помощь не опоздала. Но, с другой стороны, его мог убить страшный удар хвоста акулы.

К счастью, этого не случилось, и от энергичных растираний Конселя и капитана Немо сознание постепенно стало возвращаться к утопленнику. Он открыл глаза.

Каково должно было быть его удивление и даже ужас, когда он увидел четыре огромные медные головы, склонившиеся над ним!

Капитан Немо отвязал от пояса свою сетку с жемчугом и протянул ее спасенному. Этот великолепный подарок водяного человека был с трепетом, дрожащей рукой принят бедным цейлонским индусом. Испуг и

удивление, отражавшиеся на его лице, яснее слов говорили, что он не знает, каким необыкновенным существам он обязан одновременно жизнью и внезапно свалившимся богатством.

По знаку капитана Немо, мы вышли из лодки, вернулись на дно жемчужной отмели и после получаса ходьбы подошли к якорю, на котором стояла шлюпка «Наутилуса».

Поднявшись на борт ее, мы при помощи матросов освободились от тяжелых металлических шлемов.

Первое слово капитана Немо было обращено к Неду Ленду.

— Благодарю вас, мистер Ленд! — сказал он.

— Не за что, капитан, — ответил канадец. — Я только вернул вам долг.

Бледная улыбка скользнула по лицу капитана, и этим все кончилось.

— К «Наутилусу»! — скомандовал он.

Шлюпка стрелой понеслась по волнам. Через несколько минут мы остановились у всплывшего трупа акулы. По острой морде и длинным серпообразным грудным плавникам, доходившим почти до спинного плавника, наконец по шиферному цвету спины и белому — брюха я узнал в ней голубую акулу — одну из самых опасных разновидностей семейства настоящих акул.

Консель смотрел на убитого хищника с чисто научным интересом, и я уверен, что про себя он в эту минуту относил его к подклассу хрящевых рыб, семейству настоящих акул, виду голубых акул. И он был совершенно прав.

В то время как я разглядывал эту неподвижную тушу, штук шесть прожорливых ее сородичей вдруг показались возле лодки. Не обращая на нас никакого внимания, они накинулись на труп голубой акулы и стали вырывать друг у друга куски ее тела.

В половине девятого мы вернулись на «Наутилус».

Очутившись у себя в каюте, я восстановил в памяти события сегодняшнего утра. Из них можно было вывести два заключения: первое — что по смелости у капитана Немо не было соперников, и второе — что, несмотря на свою ненависть к человечеству, от которого он бежал на дно морское, он готов был рисковать своей жизнью, чтобы спасти жизнь первого встречного бедняка.

Что бы ни говорил о себе этот странный человек, видно, ему не удалось до конца подавить в себе гуманные чувства.

Когда я сказал ему об этом, он ответил мне с заметным волнением:

— Это был индус, профессор, житель угнетенной страны. До последнего вздоха я буду на стороне всех угнетенных, и каждый угнетенный был, есть и будет мне братом.

Глава четвертая

КРАСНОЕ МОРЕ

29 января днем остров Цейлон скрылся за горизонтом, и «Наутилус» с большой скоростью устремился в лабиринт проливов, отделяющих Мальдивские острова от Лаккадивских. Мы прошли вблизи Киттана, кораллового острова, открытого Васко да-Гама в 1499 году, — одного из девятнадцати крупнейших островов Лаккадивского архипелага, расположенного под 10°0′ и 14°30′ северной широты и 69°0′ и 50°72′ восточной долготы.

К этому времени подводный корабль уже прошел шестнадцать тысяч двести двадцать миль с момента отплытия из Японского моря.

На следующий день, 30 января, когда «Наутилус» всплыл на поверхность, земли уже не было видно.

Судно держало теперь курс на северо-северо-запад,

по направлению к заливу Оман, лежащему между Аравией и Индийским полуостровом и служащему входом в Персидский залив.

Куда нас вел капитан Немо? Я не мог ответить на этот вопрос ни себе, ни тем более Неду Ленду, который меня об этом спрашивал.

— Мы идем туда, друг мой Нед, куда глядят глаза капитана Немо, — ответил я ему.

— Боюсь, что это не доведет нас до добра, — сказал канадец. — У Персидского залива только один вход, он же служит и выходом, и если мы войдем в него, неминуемо нам придется поворачивать вспять.

— Что ж, и повернем, Нед. Если же после Персидского залива капитан Немо захочет посетить Красное море, Баб-эль-Мандебский пролив всегда готов пропустить его корабль.

— Господин профессор, вы не хуже меня знаете, что Красное море такое же закрытое море, как и Персидский залив, — возразил Нед Ленд, — ибо Суэцкий канал еще не прорыт, и даже такое судно, как «Наутилус», не сможет пробраться через котлованы будущих его шлюзов. Таким образом, Красное море никак не может приблизить нас к Европе.

— Но я и не говорил вам, что мы приближаемся к Европе.

— Что же вы предполагаете?

— Я полагаю, что, посетив воды, омывающие берега Аравии и Египта, «Наутилус» снова вернется в Индийский океан — либо через Мозамбикский пролив, либо мимо Маскаренских островов — и достигнет мыса Доброй Надежды.

— Допустим, что так оно и будет, — продолжал с несвойственной ему настойчивостью Нед Ленд. — Ну-с, а после того как мы доберемся до мыса Доброй Надежды?..

— «Наутилус» обогнет его и очутится в том самом Атлантическом океане, где мы еще не были. Скажите правду, друг Нед, неужели вас утомило это нескончаемое разнообразие подводных пейзажей? Что касается меня, то, признаюсь, я буду искренне огорчен, когда придет к концу это изумительное путешествие, о котором не может и мечтать ни один человек.

— Неужели вы забыли, господин профессор, — возразил канадец, — что вот уже три месяца, как мы находимся в плену на этом подводном корабле?

— Я этого не помню, Нед, и не хочу помнить! Я не считаю ни часов, ни дней пребывания на «Наутилусе».

— Чем же это кончится?

— Конец придет в свое время! Вдобавок, мы ничем не можем ускорить его наступление и только понапрасну спорим. Если бы вы, мой храбрый Нед, пришли и сказали мне: «Представился случай бежать!» — я бы с удовольствием обсудил вместе с вами наши шансы на спасение. Но такого случая пока еще нет, и, откровенно говоря, я мало верю в то, что капитан Немо осмелится когда-либо войти в европейские моря.

Из этого короткого диалога видно, что я стал фанатическим поклонником «Наутилуса» и его загадочного капитана.

Что касается Неда Ленда, то он закончил разговор следующим изречением:

— Все это правильно, но, по-моему, где есть принуждение, там не может быть удовольствия!

В течение следующих четырех дней, до 3 февраля, «Наутилус» странствовал по заливу Оман с разными скоростями и на разных глубинах.

Казалось, он плыл наудачу, как будто не выбрав еще окончательного пути; но ни разу за эти дни мы не пересекли тропика Рака.

Перед тем как расстаться с этим морем, мы в про-

должение нескольких минут наблюдали Маскат, главный город Омана. Я был очарован его живописным видом: белые дома и укрепления на черном фоне скал действительно были на редкость эффектны.

Я любовался круглыми куполами мечетей, острыми шпилями минаретов, свежей зеленью террас.

Но это видение длилось недолго, и «Наутилус» снова погрузился в глубины темных вод.

Затем наше судно поплыло на расстоянии шести миль от суши вдоль берегов Аравии, мимо Гадрамаута, мимо волнистой линии невысоких гор, кое-где усеянных старинными развалинами.

5 февраля мы наконец вошли в Аденский залив, настоящую воронку, вставленную в горлышко Баб-эль-Мандебского пролива, через которую воды Индийского океана переливаются в Красное море.

6 февраля «Наутилус» всплыл на поверхность моря в виду города Адена, раскинувшегося на мысе того же названия, соединенном с материком узеньким перешейком.

Аден, по природным условиям представляющий собой настоящий аравийский Гибралтар, захвачен англичанами в 1839 году и теперь превратился в совершенно неприступную крепость. Я видел вдали восьмигранные минареты этого города, который, по словам историка Эдриди, некогда был самым оживленным и богатым торговым пунктом на всем побережье.

Я был уверен, что от Адена капитан Немо повернет «Наутилус» обратно. Но оказалось, что я ошибся.

На следующий день, 7 февраля, мы вошли в Баб-эль-Мандебский пролив. Название пролива по-арабски значит «Дверь слез». Длина пролива — всего пятьдесят два километра, и «Наутилус», мчавшийся со всей своей скоростью, прошел его меньше чем в час. Но мне не удалось ничего увидеть, даже берегов острова Перим, захваченного англичанами для того, чтобы укрепить

господство Адена над морем. Слишком много английских и французских кораблей, связывающих Суэцкий перешеек с Бомбеем, Калькуттой, Мельбурном и островом св. Маврикия, бороздило воду пролива, чтобы «Наутилус» мог плыть по его поверхности. Поэтому мы все время плыли в погруженном состоянии.

Наконец, в полдень, мы вошли в воды Красного моря.

Красное море! Никогда тучи не проливаются дождем над его поверхностью! Никогда небосвод над ним не хмурится облаками! Ни одна значительная река не струит в него своих вод! Раскаленное солнце вызывает огромное испарение его вод и уносит каждый год полтора метра воды с его поверхности.

Если бы этот странный залив был отрезан от океана и превратился в озеро, вероятно он уже давно бы высох.

Красное море тянется на две тысячи шестьсот километров в длину, при средней ширине в двести сорок километров. Во времена фараонов Птолемеев и Римской империи это была величайшая торговая артерия в мире.

Открытие Суэцкого канала вернет этому морю его былое значение.

Я не пытался даже понять, какой каприз привел капитана Немо в этот залив. Но я был бесконечно рад, что «Наутилус» очутился здесь.

Мы шли теперь с умеренной скоростью, то всплывая на поверхность, то погружаясь в воду, чтобы разминуться со встречным кораблем, и таким образом я получил возможность познакомиться с этим любопытным водоемом.

8 февраля с первыми лучами солнца мы увидели Мокка, город развалин, обветшавшие стены которого падают от одного грохота пушечных выстрелов. Между

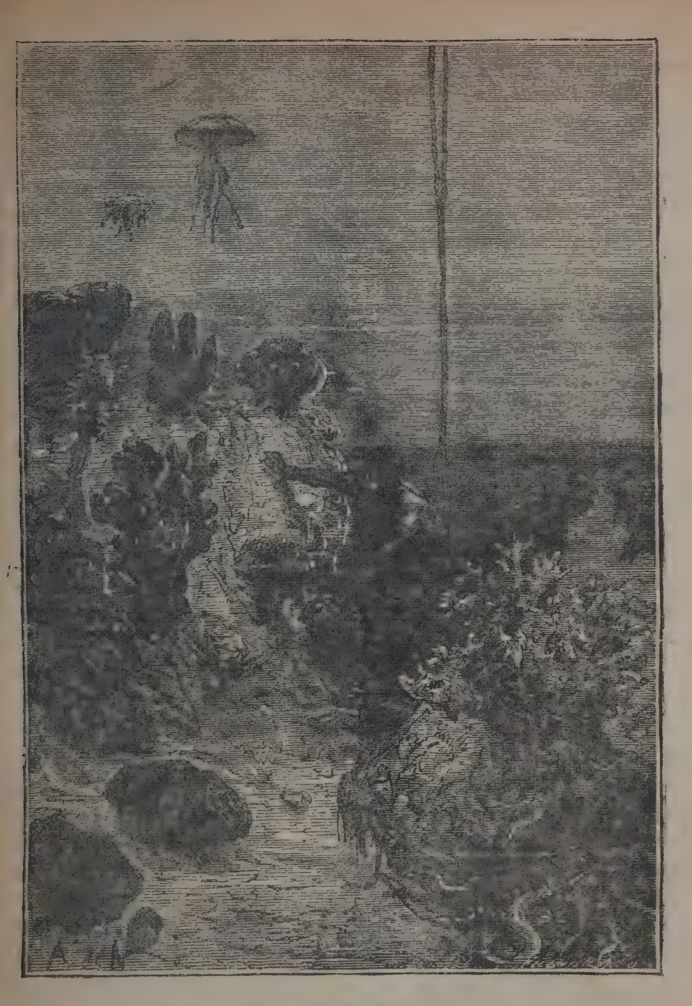
развалинами пустили корни и приятно зеленели финиковые пальмы. Мокка некогда был крупным торговым центром с шестью рынками, двадцатью шестью мечетями и четырнадцатью фортами, опоясывавшими город кольцом в три километра.

«Наутилус» приблизился к берегам Африки, где море было более глубоководным. Погружаясь там в воду, мы любовались очаровательными кустарниками яркокрасных кораллов и густым зеленым ковром водорослей и фукусов, устилавших подводные скалы. Какое яркое зрелище представляли собой эти подводные рифы и островки, примыкающие к Ливийскому побережью! Но особенной красоты и разнообразия подводные пейзажи достигали у восточных берегов, к которым «Наутилус» вскоре приблизился. Возле Тихама зоофиты росли не только под водой, но и поднимали свои живописные сплетения на несколько метров над поверхностью моря. Правда, надводные зоофиты были более тускло окрашены, чем подводные.

Сколько незабываемых часов провел я, сидя у окна салона! Сколько новых образцов подводной флоры и фауны увидел я при свете электрического прожектора: аппендикулярии, сальпы, аспидного цвета актинии, бесчисленные ракушки, растущие колониями, наконец тысячи разновидностей класса, которого я еще до сих пор нигде не встречал, — губки.

Губка — не растение, как еще до сих пор думают иные натуралисты, а животное низшего порядка, стоящее на более низкой ступени развития, чем даже кораллы.

Принадлежность губок к животному царству не внушает никаких сомнений, и, конечно уж, не может быть и речи о том, чтобы, по примеру древних, относить губки к какому-то промежуточному царству между животными и растениями.

Ловля губок.

Я должен оговориться, что натуралисты до сих пор не пришли к согласию по вопросу о строении губки.

По мнению некоторых, это целая колония мелки животных, но другие, и в том числе Мильн-Эдвардс, счи тают, что каждая губка — отдельное животное.

Класс губок насчитывает несколько тысяч разновид ностей. Губки водятся во всех морях, а также в некото рых реках и озерах. Но чаще всего они встречаются Средиземном море, в морях Греческого архипелага, берегов Сирии и в Красном море. Здесь главным образо и водятся те тончайшие мягкие губки — светлая сирий ская и триполитанская, — которые продаются по полто раста франков штука.

Не имея надежды еще раз встретиться с губкам в странах Ближнего Востока, от которых нас отделя ла непроходимая стена Суэцкого перешейка, я с те бóльшим усердием занялся изучением губок Красног моря.

Я позвал Конселя, и мы вместе глядели в окно, в т время как «Наутилус» медленно плыл вдоль скалисты восточных берегов на глубине восьми-девяти метров по водой.

Тут росли губки всех видов: стеблевидные, листовид ные, шаровидные, лапчатые. Внешний вид их вполн оправдывал названия корзинок, бокалов, прялок, льви ных лап, павлиньих хвостов, перчаток Нептуна, данны им более склонными к поэзии, чем к науке, ловцами Полужидкое студенистое вещество, пропитывающее во локнистую ткань губок, беспрестанно питает кажду отдельную клетку тонкими струйками, несущими жизн Получив пищу, клетка сокращается и выталкивает и себя лишнюю воду. Это студенистое вещество исчезае после смерти полипа; разлагаясь, оно выделяет аммиа и от животного остается только волокнистая ткан рыжеющая на воздухе и применяющаяся для разных це

лей в зависимости от степени своей эластичности, водопроницаемости и прочности.

Губки пристают к скалам, к раковинам моллюсков и даже к стеблям зоофитов.

Они заполняют малейшие расселины, каждую выемку в скалах, то расстилаясь вширь, то разрастаясь вверх, то свисая вниз, как коралловые полипы.

Я рассказал Конселю, что губок ловят драгой или вручную, причем последний способ считается лучшим, так как ныряльщики срывают их осторожней, без повреждений ткани, совершенно неизбежных при ловле драгой.

Из других зоофитов, кишевших вокруг губок, больше всего было медуз, отличавшихся очень красивыми формами. Из моллюсков здесь были кальмары, а из пресмыкающихся — морские черепахи и, в частности, так называемая суповая, или зеленая, черепаха, мясо которой мы с удовольствием ели в тот же день.

Рыбы водились здесь в изобилии. Вот обычный улов сетей «Наутилуса» в эти дни: скаты, в том числе орлиный скат, или морской орел, имеющий в ширину до полутора метров и весящий около двенадцати килограммов; рогатые кузовки с четырехгранным панцырем из костей и с длинными роговидными шипами над глазами; мурены — хищные рыбы из семейства угрей, с оригинально раскрашенным телом, передняя часть которого яркожелтая, задняя — буроватая, а поверх всего тела идет темный мраморный рисунок; занки рогатый из семейства каранговых рыб, окрашенный в желтый цвет и перепоясанный черной и коричневой полосами; присоски из семейства колбнещуковых рыб, окрашенные в яркий карминно-красный цвет, с темными полосами, — эти рыбки снабжены присасывательным аппаратом, образованным из хрящевого нароста, и присасываются очень крепко к камням или раковинам, выходя из неподвижного

состояния только для того, чтобы наброситься на добычу или спастись от врага. Кроме того, в сети попадалось множество иных рыб, которых мы уже видели в других морях.

9 февраля «Наутилус» плыл по самой широкой части Красного моря, между Суакином на западе и Иеменом на востоке.

В полдень, после того как помощник сделал наблюдения, капитан Немо присоединился ко мне на палубе.

Я решил не отпускать его, пока не выпытаю, куда он ведет «Наутилус».

Капитан Немо сам подошел, как только увидел меня, предложил сигару и сказал:

— Понравилось ли вам Красное море, профессор? Налюбовались ли вы уже его рыбами, губками и коралловыми лесами? Видели ли вы города, расположенные на его берегах?

— Благодарю вас, капитан, «Наутилус» дал мне эту возможность. Какое умное судно!

— Да, профессор, умное, смелое и неуязвимое! Оно не боится ни страшных бурь Красного моря, ни его течений, ни его рифов!

— В самом деле, — сказал я, — это море считается одним из самых опасных; если не ошибаюсь, у него была дурная слава еще во времена древних.

— Действительно, у него с давних пор отвратительная репутация. Греческие историки, да и римские тоже, отзываются о нем очень плохо. Страбон говорит, что оно негостеприимно в период дождей и северных ветров. Арабский историк Эдриди, называющий его Кользумским заливом, рассказывает, что корабли во множестве гибнут на его песчаных отмелях и что по ночам никто не осмеливается плавать по нему. По его словам, это море славится страшными ураганами, усеяно негостеприимными островами и «не имеет ничего привлекательного ни

на поверхности, ни в глубине». Это мнение разделяют также Арриан, Агатархид и Артемидор...[1]

— Видно, что этим историкам не довелось плавать на борту «Наутилуса», — вставил я.

— Совершенно верно,— улыбнулся капитан Немо. — Впрочем, в этом отношении положение современных историков не лучше, чем древних. Понадобилось много веков, чтобы обнаружить механическую силу, заключающуюся в паре. Кто знает, увидит ли мир и через сто лет второй «Наутилус»! Прогресс, господин профессор, не торопится!

— Правда, — сказал я, — ваш корабль на целый век, если не на целые века, опередил свою эпоху. Какое несчастье, что тайна его умрет вместе с его изобретателем!

Капитан Немо не ответил мне.

После нескольких минут молчания он снова заговорил:

— Мы говорили, кажется, о мнении древних историков насчет опасности плавания по Красному морю?

— Да, — сказал я. — Вы считаете, что их опасения были преувеличены?

— И да и нет, господин профессор, — ответил мне капитан Немо, который, повидимому, основательно изучил Красное море. — То, что не представляет никакой опасности для современного корабля, прочно построенного, хорошо оснащенного, свободно выбирающего свой путь благодаря послушному его воле пару, — то было исполнено всяческих неожиданностей для кораблей древних мореплавателей. Надо представить себе эти дощатые суденышки, сшитые пальмовыми веревками, проконопаченные смолой и дельфиньим жиром! У них не было никаких навигационных приборов, и они плыли наугад

---

[1] Историки и географы древней Греции.

среди неизвестных течений. В этих условиях крушения были — не могли не быть — рядовым явлением. Но в наши дни пароходам, совершающим рейсы между Суэцким перешейком и морями Южного полушария, нечего бояться бурь Красного моря и встречных муссонов. Капитанам, команде и пассажирам этих кораблей не надо приносить перед отплытием искупительных жертв, и по возвращении они не должны итти в ближайший храм благодарить богов за милость.

— Да, пар убил благодарность в сердцах моряков, — шутливо сказал я. — Кстати, капитан, вы так основательно изучили историю этого моря, что, вероятно, можете объяснить мне, почему его называют Красным?

— Древние дали ему это название из-за странной окраски воды в некоторых его частях, — ответил капитан Немо.

— Однако до сих пор мы видели только совершенно прозрачную и никак не окрашенную воду.

— Верно, но когда мы подойдем к концу залива, вы убедитесь, что там вода имеет красноватый оттенок. Я вспоминаю, что однажды видел в бухте Тор совершенно красную воду, как будто целое озеро крови.

— Чем объясняется эта окраска? Какими-нибудь микроскопическими водорослями?

— Да. Это слизистые выделения микроскопических растеньиц триходесмий, сорок тысяч которых умещаются на площади одного квадратного миллиметра. Возможно, что вам также удастся наблюдать этот феномен, когда мы посетим бухту Тор.

— Значит, вы не в первый раз посещаете Красное море на «Наутилусе», капитан?

— Не в первый. Я был здесь, когда тут только начинались работы по прорытию Суэцкого канала.

— Этот канал совершенно бесполезен для такого судна, как «Наутилус», — сказал я.

— Но зато он полезен всему свету, — ответил капитан Немо. — Древние отлично понимали, какую огромную выгоду для торговли представило бы прямое сообщение Средиземного моря с Красным. Но они не подумали о том, что можно просто прорыть канал от моря до моря и избрали более длинный путь: соединили течение Нила с Красным морем. Постройка этого Нильского канала, судя по некоторым сообщениям, была начата при фараоне Сезострисе[1]. Во всяком случае, достоверно то, что уже в шестьсот пятнадцатом году до нашей эры фараон Нехо предпринял работу по проведению канала, питаемого нильской водой, через ту часть египетской низменности, которая обращена к Аравии. Путь по этому каналу от Нила до Красного моря должен был отнять у судов четыре дня, а ширина его должна была позволить двум триремам плыть рядом. Строительство канала продолжалось при Дарии, сыне Гистаспа[2], и закончилось, повидимому, только при Птолемее Втором. Страбон видел его уже в действии; но недостаточная глубина канала позволяла совершать плавание по нему только в продолжение весенних месяцев, когда вода высоко стояла в Ниле. Канал нес свою службу до века Антонинов[3]; после этого он пришел в упадок, обмелел и стал несудоходным. По повелению халифа Омара он был восстановлен, но в семьсот шестьдесят первом или семьсот шестьдесят втором году нашей эры окончательно был засыпан халифом Аль-Манзором, который хотел та-

---

[1] Сезострис — египетский фараон. Точные даты его жизни неизвестны. Некоторые из древних историков отождествляют его с фараоном Рамзесом II, жившим приблизительно за 1300 лет до нашей эры.

[2] Дарий, сын Гистаспа (550—486 гг. до н. э.) — персидский царь.

[3] Так называется период царствования семи римских императоров (Нерона, Траяна, Адриана, Антонина, Марка Аврелия, Веруса, Коммода) — с 96 года до н. э. по 92 год н. э.

ким способом прервать доставку продовольствия для войск восставшего против него Мохаммеда-бея Абдуллаха. Во время египетского похода генерал Бонапарт разыскал следы этого канала в пустыне возле Суэца и, захваченный врасплох приливом, едва не погиб в нем.

— Ну что ж, капитан, то, что не удалось древним — соединение двух морей, которое сократит на девять тысяч километров путь из Кадикса в Индию, — то сделает Лессепс[1]. В самом близком будущем он превратит Африканский материк в огромный остров, отрезав его Суэцким каналом от Азии.

— Жалко, конечно, что я не могу показать вам Суэцкий канал, — продолжал капитан Немо, — но вы увидите длинные набережные Порт-Саида послезавтра, когда мы выйдем в Средиземное море.

— В Средиземное море?! — вскричал я.

— Да, господин профессор. Почему вы так удивились?

— Меня поразили ваши слова, что мы будем там послезавтра.

— В самом деле?

— Да, капитан, хотя пребывание на борту «Наутилуса» должно, казалось бы, научить меня ничему не удивляться.

— Но все-таки, почему вас так удивило это сообщение?

— Огромная скорость, которую должен будет развить «Наутилус», чтобы доставить нас к послезавтрашнему дню в Средиземное море! Ведь ему придется обойти вокруг берегов всей Африки, мимо мыса Доброй Надежды!

— Но кто вам сказал, что «Наутилус» обогнет всю

---

[1] Лессепс — организатор работ по сооружению Суэцкого и Панамского каналов.

Африку? Кто сказал, что он пройдет мимо мыса Доброй Надежды?

— Однако... если только «Наутилус» не поплывет по суше или не перенесется по воздуху над Суэцким перешейком...

— А почему бы не пройти под ним, господин профессор?

— Под перешейком?!

— Конечно, — спокойно ответил капитан Немо. — Природа давно уже проделала под этой узкой полоской земли то, что люди с таким трудом делают на ее поверхности.

— Как! Там существует проход?

— Да, подводный проход, названный мною Аравийским тоннелем. Он начинается под Суэцем и оканчивается у Порт-Саида.

— Но ведь Суэцкий перешеек состоит из зыбучего песка?

— Только до известного предела. Но на глубине пятидесяти метров уже начинается непоколебимая гранитная стена.

— Значит, вы случайно обнаружили этот тоннель? — спросил я.

— Случайно и в то же время сознательно, причем сознательности в этом открытии было больше, чем случайности.

— Я слушаю вас, капитан, с напряженным вниманием, но мой ум отказывается верить ушам.

— Ах, господин профессор, иметь уши и не слышать — это свойственно всем временам! Этот проход не только реально существует, но я уже пользовался им не раз. Если бы его не было, я не стал бы забираться в этот тупик — Красное море!

— Не будет ли нескромностью, если я спрошу вас, каким образом вы открыли этот тоннель?

— Какие секреты могут быть у людей, которым суждено никогда не расставаться! — ответил капитан Немо.

Я сделал вид, что не понял намека, заключающегося в этой фразе, и приготовился слушать объяснения капитана Немо.

— На мысль о существовании тоннеля меня натолкнули простое логическое рассуждение и пытливость натуралиста. Я обратил внимание на то, что в Красном и Средиземном морях водится некоторое количество совершенно одинаковых рыб — летучих рыб, окуней, полосатых щетинозубов и других. Я задал себе вопрос: не свидетельствует ли это о том, что два моря сообщаются? Если такое сообщение действительно существует, то подземное течение должно обязательно иметь направление от Красного моря к Средиземному, в силу того, что уровень воды в первом выше, чем в последнем. Для выяснения этого вопроса я наловил некоторое количество рыб в окрестностях Суэца, надел каждой из них по медному кольцу на хвост и снова бросил в воду. Через много месяцев у берегов Сирии сети принесли мне несколько рыбок с моими опознавательными кольцами. Таким образом, для меня стало несомненным существование подземного сообщения между двумя морями. Я стал искать этот проход, нашел его и рискнул войти... И вот через день-два, господин профессор, и вы тоже познакомитесь с моим Аравийским тоннелем.

Глава пятая

АРАВИЙСКИЙ ТОННЕЛЬ

В тот же день я передал Конселю и Неду Ленду ту часть своего разговора с капитаном Немо, которая их непосредственно интересовала.

Когда я сказал им, что через два дня мы будем бо-

роздить воды Средиземного моря, Консель захлопал в ладоши, а Нед Ленд пожал плечами.

— Подводный тоннель? — воскликнул он. — Сообщение между двумя морями? Про это никто никогда не слыхал!

— Дружище Нед, — ответил ему Консель, — слышали ли вы когда-нибудь о «Наутилусе»? Нет. И тем не менее он существует. Итак, не пожимайте плечами и не отрицайте фактов под тем предлогом, что вы ничего о них не слышали!

— Посмотрим, кто окажется прав, — сказал Нед Ленд, покачав головой. — Я буду рад поверить в существование этого тоннеля хотя бы потому, чтобы поскорее очутиться в Средиземном море!

В этот же вечер «Наутилус», плывший по поверхности моря, приблизился под 21°30′ северной широты к аравийскому берегу. Я увидел Джедду, важный портовый город, ведущий оживленную торговлю с Египтом, Сирией, Турцией и Индией. С того расстояния, на котором мы находились, я довольно отчетливо различал городские постройки, корабли, пришвартованные к набережным и отстаивавшиеся на рейде, так как низкая осадка не позволяла им причалить к берегу.

Склоняющееся к закату солнце заливало светом белые городские здания, и они ослепительно сверкали. В стороне от города расположились деревянные и тростниковые хижины оседлых бедуинов.

Но вскоре Джедда скрылась в ночном мраке, и «Наутилус» погрузился в слегка фосфоресцирующую воду.

Назавтра, 10 февраля, всплыв на поверхность, мы увидели невдалеке от нас много кораблей, и «Наутилус» поспешил снова погрузиться в воду. Но в полдень, в момент производства обычных наблюдений, море оказалось пустынным, и наше судно вновь могло подняться на его поверхность.

Я вышел на палубу в сопровождении Неда Ленда и Конселя.

На востоке в туманном мареве чуть виднелся контур низменного берега.

Облокотившись о дно шлюпки, мы болтали о всякой всячине, как вдруг Нед Ленд вытянул руку и, указывая на какую-то точку моря, спросил меня:

— Вы ничего там не видите, господин профессор?

— Нет, — ответил я. — Вы ведь знаете, что я не такой дальнозоркий, как вы!

— Глядите внимательно, — настаивал Нед, — там, по штирборту, впереди, неужели вы не видите какой-то движущийся предмет?

— В самом деле, — сказал я, присмотревшись внимательнее, — я вижу какое-то длинное черноватое тело на поверхности моря.

— Еще один «Наутилус»? — спросил Консель.

— Нет, — ответил канадец. — Но я вряд ли ошибусь, если скажу, что это какое-то морское животное.

— Разве в Красном море водятся киты? — спросил Консель.

— Изредка встречаются, — ответил я.

И в самом деле, продолговатое черное тело находилось не больше чем в миле от нас. Оно производило издали впечатление выступающей из моря большой скалы. Но что это было в действительности, я пока не мог определить.

— Нет, это не кит, — заметил Нед Ленд, не спускавший ни на секунду глаз с животного. — Киты — мои старые знакомые, и я хорошо знаю все их повадки.

— Подождем, — предложил Консель. — «Наутилус» направляется в ту сторону, и через несколько минут мы узнаем, что это такое.

— Ага! Оно движется... Оно ныряет! — воскликнул Нед Ленд. — Тысяча чертей! Что бы это могло быть?

У него нет раздвоенного хвоста, как у китов или кашалотов, а его плавники похожи на обрубки конечностей.

— Но... — начал я.

— Глядите, — прервал меня канадец, — оно поворачивается на спину, грудью кверху.

— Да это какая-то сирена-обольстительница! — рассмеялся Консель.

Слова Конселя сразу натолкнули меня на правильный путь. Я понял, что мы видели перед собой представителя отряда сирен, о которых сложилась легенда, что они полуженщины, полурыбы.

— Нет, — сказал я Конселю, — это не сирена, а другое редкое животное из того же отряда. Это — дюгонь.

Тем временем Нед Ленд продолжал разглядывать животное. Его глаза блестели от жадности. Можно было подумать, что он ждет только случая броситься в море, чтобы напасть на дюгоня.

— Ах, господин профессор, — воскликнул он дрожащим от волнения голосом, — мне никогда еще не приходилось охотиться за такой штукой!

В этих словах сказался весь характер Неда Ленда.

На палубу вышел капитан Немо. Он увидел дюгоня и, бросив взгляд на канадца, понял сжигавшее его нетерпение.

Он обратился к Неду Ленду:

— Если бы у вас сейчас был гарпун, мистер Ленд, он, наверное, жег бы вам руку?

— Совершенно верно, капитан.

— И вы не отказались бы на денек вернуться к своей профессии гарпунщика и увеличить еще одной победой список своих охотничьих успехов?

— С удовольствием сделал бы это!

— Что ж, действуйте!

— Спасибо, капитан, — сказал Нед Ленд. Глаза у него разгорелись.

— Только одно условие: бить без промаха! Предупреждаю, что это в ваших же интересах.

— Разве дюгонь такое опасное животное? — спросил я.

Канадец пренебрежительно пожал плечами.

— Да, — ответил капитан. — Бывает, что это животное бросается на охотников и опрокидывает их лодку. Но для мистера Ленда эта опасность не страшна. У него меткий глаз и верная рука. Я рекомендовал ему не промахнуться не столько из-за опасности, сколько потому, что мясо дюгоня — лакомое блюдо, а мистер Ленд, сколько мне известно, непрочь полакомиться.

— Вот как! — воскликнул канадец. — Это животное, кроме всего прочего, еще и вкусное?

— Да, мистер Ленд. Его мясо по вкусу ничем не отличается от говядины, и в Меланезии оно украшает собой царские столы. За дюгонем в последнее время так яростно охотятся, что, так же как его родич — ламантин, он, вероятно, быстро исчезнет.

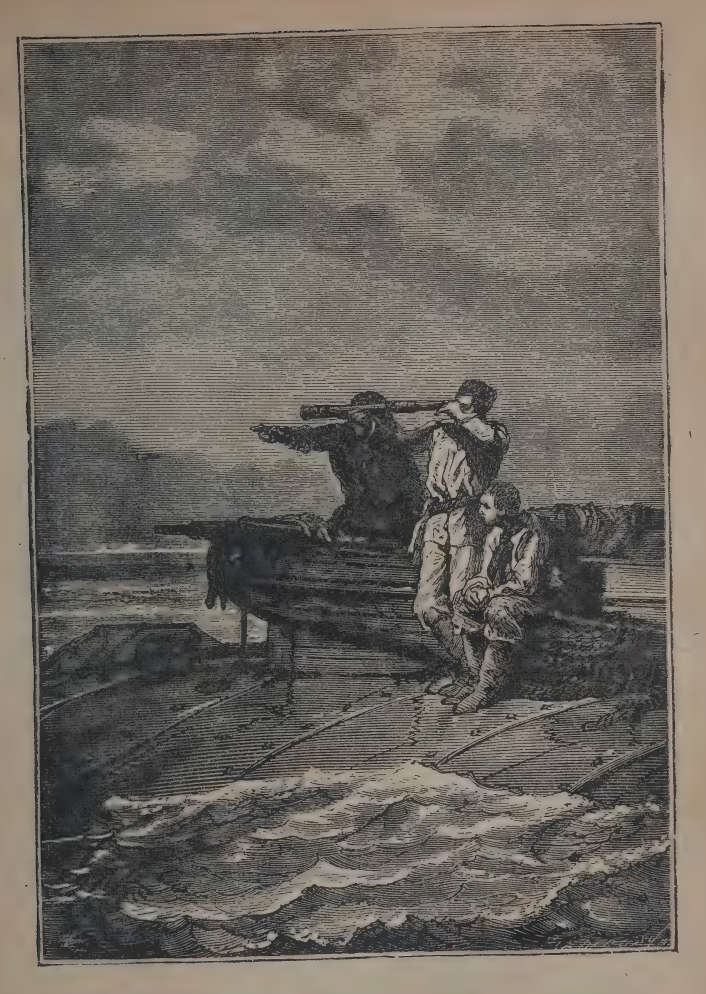
— В таком случае, капитан, — серьезно сказал Консель, — может быть, не следует охотиться за этим дюгонем? Что, если это последний экземпляр? Тогда его нужно сохранить в интересах науки.

— Возможно, что это и так, — возразил канадец, — но в интересах кулинарии необходимо поохотиться за ним!

— Действуйте, мистер Ленд, — повторил капитан Немо.

Семь человек из команды «Наутилуса» поднялись в эту минуту на палубу. Они были, по обыкновению, молчаливы и невозмутимы. Один из них нес гарпун с веревкой, какие употребляются на китобойных судах.

Шлюпку спустили на воду, шесть гребцов заняли в

— Вы ничего там не видите, господин профессор?

ней места, рулевой стал за руль. Нед Ленд, Консель и я уселись на корме шлюпки.

— Разве вы не поедете с нами, капитан? — спросил я.

— Нет, профессор. Желаю вам успеха.

Шлюпка отчалила от борта и, увлекаемая вперед шестью гребцами, быстро поплыла к дюгоню, видневшемуся в двух милях от «Наутилуса».

Приблизившись к нему на несколько кабельтовых, гребцы замедлили движения и совершенно бесшумно опускали теперь весла в воду.

Вооружившись гарпуном, Нед Ленд стал на носу.

Китобойный гарпун обычно привязан к очень длинной и прочной веревке, которая легко разматывается, как только раненое животное натягивает ее. Но на этот раз веревка была совсем короткой — едва в двадцать метров длиной, — и второй конец ее был привязан к пустому бочонку, который должен был указывать, в каком направлении плывет под водой раненое животное.

Встав со своего места, я рассматривал противника канадца. Дюгонь был очень похож на ламантина. Его продолговатое тело оканчивалось длинным хвостом, а боковые плавники — настоящими пальцами. Отличие дюгоня от ламантина заключается в том, что его верхняя челюсть вооружена двумя клыками, длинными и острыми, настоящими бивнями.

Дюгонь, за которым охотился Нед Ленд, был колоссальным животным. Он не шевелился и, казалось, заснул на поверхности воды. Это обстоятельство благоприятствовало канадцу и делало его задачу более легкой.

Шлюпка осторожно приблизилась к животному на расстояние пяти-шести метров. Матросы подняли весла.

Нед Ленд откинулся назад и, занеся руку, бросил гарпун.

Послышался свист, и дюгонь исчез. Очевидно, брошенный с силой гарпун задел только воду.

— Тысяча чертей! — взревел взбешенный канадец. — Я промахнулся?

— Нет, — ответил я. — Животное ранено. Вот следы крови. Но гарпун упал в воду.

— Мой гарпун! — воскликнул Нед Ленд. — Мой гарпун!

Матросы снова опустили весла в воду, и рулевой направил шлюпку к всплывшему на поверхность бочонку.

Выловив гарпун, шлюпка кинулась преследовать раненое животное. Оно время от времени всплывало на поверхность, чтобы подышать. Рана, видно, не ослабила его, так как оно плыло с большой скоростью. Шлюпка, приводимая в движение двенадцатью мускулистыми руками, не шла, а летела за ним. Много раз она почти настигала дюгоня, и канадец уже готовился нанести второй удар, но животное всякий раз быстро ныряло в воду и уходило от опасности.

Можно себе представить гнев и нетерпение Неда Ленда. Он проклинал несчастное животное всеми известными ему английскими проклятьями. Даже мне было обидно, что дюгонь разрушает все наши хитрые планы.

Так мы преследовали дюгоня в течение почти часа, и я начинал уже отчаиваться в удаче, как вдруг животное вознамерилось отомстить нам за преследование и направилось к лодке, чтобы, в свою очередь, напасть на нее.

Этот маневр не ускользнул от канадца.

— Внимание! — крикнул он.

Рулевой сказал несколько слов на своем странном языке. Очевидно, он предлагал команде быть настороже.

Дюгонь, приблизившись на двадцать футов к шлюпке, вдруг остановился, втянул через ноздри, расположен-

ные не в нижней, а в верхней части рыла, большой запас воздуха и ринулся на нас.

Нам не удалось избежать толчка. Но благодаря искусству рулевого, сумевшего увильнуть от лобового удара, шлюпка только покачнулась и набрала тонну или две воды, которую потом пришлось вычерпывать.

Нед Ленд, стоя на носу, осыпал ударами гарпуна гигантское животное, которое впилось зубами в борт шлюпки и пыталось поднять ее из воды, как африканский лев поднимает косулю.

Мы все попа́дали друг на друга, и неизвестно, чем бы кончилось это приключение, если бы взбешенный гарпунщик не изловчился и не нанес удар прямо в сердце животному.

Послышался скрежет зубов о борт шлюпки, и дюгонь пошел ко дну, увлекая за собой гарпун.

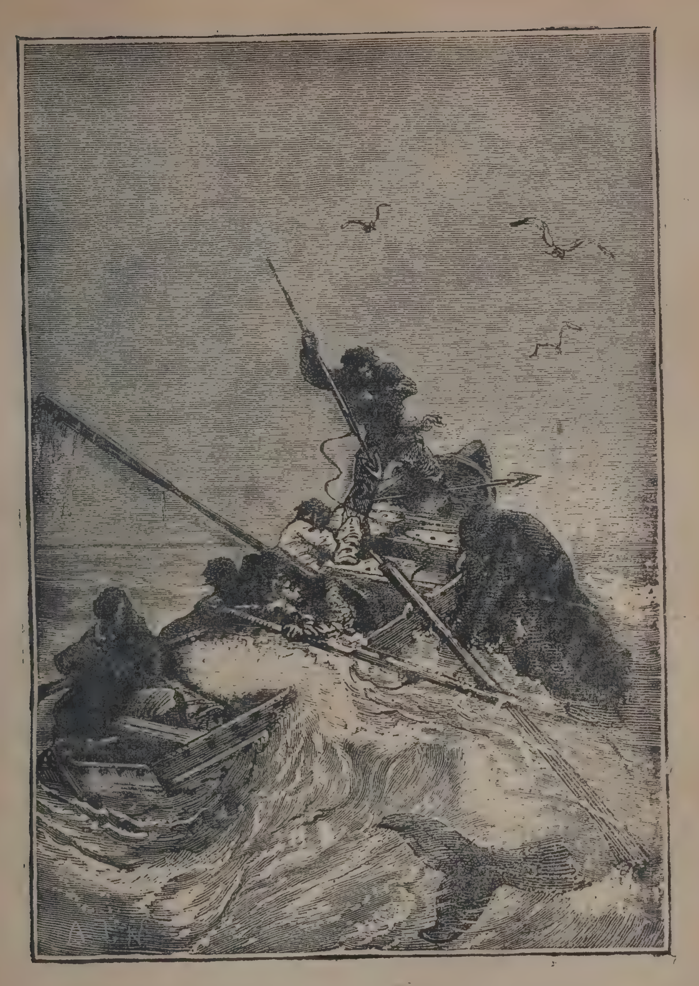
Но вскоре бочонок снова всплыл на поверхность и вслед за ним — труп дюгоня, опрокинутый на спину. Шлюпка взяла его на буксир и потащила к «Наутилусу».

Тушу дюгоня с большим трудом, при помощи талей, удалось втащить на палубу «Наутилуса»: она весила свыше пяти тысяч килограммов.

Разделка туши производилась под непосредственным руководством Неда Ленда, который никому не пожелал передоверить это дело.

В тот же вечер стюард подал мне на обед блюдо из мяса дюгоня, великолепно приготовленное судовым поваром. Мне оно понравилось больше, чем говядина.

На следующий день, 11 февраля, кладовая «Наутилуса» пополнилась новым запасом дичи. Стайка ласточек села на палубу подводного корабля. Это были нильские ласточки — разновидность, встречающаяся только в Египте, с черным клювом, остроконечной серой головой, глазами, окруженными белыми крапинками, серой спиной, крыльями и хвостом, белой грудью и брюшком и

Дюгонь напал на шлюпку.

красными лапками. Мы поймали также несколько дюжин нильских уток — диких птиц с белой головой и шеей, усеянной черными пятнами. Дичь эта также оказалась очень приятной на вкус.

«Наутилус» шел в этот день с умеренной скоростью; казалось, ему некуда было спешить. Я заметил, что вода Красного моря становилась все менее соленой, по мере того как мы приближались к Суэцу.

Около пяти часов пополудни мы увидели на севере мыс Рас-Мохаммед, являющийся оконечностью каменистой Аравии, лежащей между Суэцким заливом и заливом Акабы.

«Наутилус» вошел в Суэцкий залив. Я ясно различил высокую гору над мысом Рас-Мохаммед. Это была гора Ореб.

В шесть часов вечера «Наутилус», то погружавшийся в воду, то плывший по ее поверхности, прошел в виду Тора, расположенного в глубине бухты. Вода этой бухты, как мне говорил уже капитан Немо, действительно имела красноватый оттенок.

Ночь настала внезапно, среди тяжелого молчания, нарушаемого только криками пеликанов, шумом прибоя, разбивающегося о рифы, да отдаленными гудками пароходов.

Между восемью и девятью часами вечера «Наутилус» опустился на несколько метров под воду. По моим расчетам, мы находились недалеко от Суэца.

Сквозь окно салона я видел основания береговых скал, ярко освещенные прожектором. У меня создавалось впечатление, что пролив все больше суживается.

В 9 часов 15 минут корабль снова всплыл на поверхность.

Мне не терпелось поскорее увидеть Аравийский тоннель капитана Немо. Не находя себе места, я поднялся на палубу подышать свежим воздухом.

Вскоре я увидел вдали, на расстоянии примерно полутора миль от нас, ослабленный вечерним туманом свет.

— Это пловучий маяк, — произнес голос возле меня.

Я вздрогнул от неожиданности и, обернувшись, узнал капитана Немо.

— Это суэцкий пловучий маяк, — повторил он. — Мы скоро подойдем к отверстию тоннеля.

— Надо полагать, что вход в него не так-то прост? — спросил я.

— Да, это довольно опасное место. Поэтому я взял за правило при входе в тоннель находиться в рулевой рубке и лично управлять судном. А теперь, господин профессор, вам придется спуститься вниз: «Наутилус» погрузится в воду и снова выйдет на поверхность уже в Средиземном море, миновав Аравийский тоннель.

Я последовал за капитаном Немо. Люк закрылся, резервуары заполнились водой, и судно погрузилось снова на глубину десяти метров.

В ту минуту, когда я собирался итти в свою каюту, капитан Немо остановил меня.

— Господин профессор, — сказал он, — не хотите ли подежурить вместе со мной в штурвальной рубке?

— Я не решался просить вас об этом, капитан, — ответил я.

— В таком случае, идемте. Оттуда вы увидите все, что можно видеть во время этого подземного и вместе с тем подводного плавания.

Мы поднялись по трапу, ведущему на палубу, до середины его. Здесь капитан Немо отворил дверь, и мы очутились в узком и невысоком коридоре, в конце которого была расположена штурвальная рубка, возвышавшаяся, как известно, на носу корабля.

Это была каюта площадью шесть на шесть футов, то-есть такого же примерно размера, как на пароходах,

плавающих по Миссисипи и Гудзону. Посредине ее помещался штурвал, соединенный штуртросами с рулем направления на корме. Четыре иллюминатора в четырех стенах каюты, застекленные чечевицеобразными стеклами, позволяли рулевому глядеть во все стороны.

В рубке было темно; но скоро мои глаза привыкли к этой темноте, и я увидел рулевого, державшего обе руки на штурвале.

— Теперь, — сказал капитан Немо, — поищем вход в тоннель.

Электрические провода соединяли рулевую рубку с машинным отделением, и при посредстве ряда условных сигналов капитан мог, не отходя от штурвала, давать приказы — увеличивать или уменьшать скорость судна.

Капитан Немо нажал металлическую кнопку, и в ту же минуту винт сбавил число оборотов.

Я молча смотрел на крутую гранитную стену — непоколебимое подножие материка, — вдоль которой мы шли на расстоянии нескольких метров в течение почти часа.

Капитан Немо не спускал глаз с компаса, и по его указаниям рулевой поворачивал штурвал, все время меняя направление корабля.

В 10 часов 15 минут капитан Немо сам стал за штурвал.

Перед нами открывался вход в широкую и глубокую галлерею.

«Наутилус» смело вошел в нее.

Железная обшивка корабля непривычно загудела. То был шум вод Красного моря, низвергавшихся по уклону в Средиземное море. Поток увлекал судно вперед с быстротой стрелы, несмотря на то что для торможения движения машина сообщала винту обратное вращение с предельным числом оборотов.

На стенах тоннеля при этой головокружительной

Капитан Немо сам стал за штурвал.

скорости можно было различить только сверкающие полосы света, начерченные прожектором. Сердце мое бешено стучало, и я придерживал его рукой, чтобы умерить биение.

В 10 часов 35 минут капитан Немо передал штурвал рулевому и, повернувшись ко мне, сказал:

— Мы в Средиземном море.

Увлекаемый потоком, «Наутилус» меньше чем в двадцать минут пересек под землей Суэцкий перешеек...

Глава шестая

ГРЕЧЕСКИЙ АРХИПЕЛАГ

На следующий день, 12 февраля, на рассвете, «Наутилус» всплыл на поверхность. Я поспешил подняться на палубу.

В трех милях к югу от нас смутно вырисовывался в утреннем тумане контур древнего Пелузиума.

Стремительный поток мгновенно перенес нас из одного моря в другое. Но этот тоннель, по которому легко было спускаться, вероятно, был совершенно непроходим в обратном направлении — из Средиземного моря в Красное.

Около семи часов утра Нед Ленд и Консель присоединились ко мне. Эти неразлучные друзья преспокойно проспали всю ночь, нисколько не интересуясь подвигом «Наутилуса».

— Ну-с, господин профессор, — насмешливо спросил канадец, — а где же обещанное Средиземное море?

— Мы плывем по его поверхности, друг Нед, — ответил я.

— Как! — воскликнул Консель.— Значит, этой ночью...

— Совершенно верно, этой ночью в течение двадцати минут мы прошли сквозь непроходимый перешеек!

— Не верю, — сказал Нед Ленд.

— Напрасно, мистер Ленд, — ответил я. — Низменный берег, который вы видите на юге, — это берег Египта.

— Меня не проведешь, господин профессор, — возразил упрямый канадец.

— Раз хозяин утверждает, ему нужно верить! — сказал Консель.

— Кстати сказать, Нед, — продолжал я, — капитан Немо лично демонстрировал мне свой тоннель. Я стоял рядом с ним в рулевой рубке, в то время как он сам направлял «Наутилус» через узкий проход.

— Слышите, Нед? — спросил Консель.

— У вас прекрасное зрение, Нед, — добавил я, — и вы легко можете убедиться, что я вас не обманываю. Глядите, там должна быть видна гавань Порт-Саида.

Канадец устремил глаза в указанном направлении.

— Действительно, — сказал он, — вы оказались правы, господин профессор, и ваш капитан — мастер своего дела. Мы в Средиземном море. Хорошо. Давайте поболтаем о наших делишках, но только так, чтобы никто не мог нас подслушать.

Я отлично понял, куда метит канадец.

«Во всяком случае, — подумал я, — поговорить об этом необходимо, раз Нед Ленд настаивает».

И мы втроем пошли к выступу прожектора и уселись там.

— Теперь мы вас слушаем, Нед, — сказал я. — Чтó вы хотели сообщить нам?

— Мое сообщение будет очень кратким, — ответил канадец. — Мы подходим к Европе, и прежде чем капитану Немо взбредет в голову потащить нас на дно Полярного моря или в Океанию, я предлагаю расстаться с «Наутилусом».

Признаюсь, что мне неприятно было спорить с канад·

цем на эту тему. Мне ни в какой мере не хотелось стеснять свободу своих товарищей, но, с другой стороны, у меня не было желания так скоро расстаться с капитаном Немо. Благодаря ему, благодаря его изумительному кораблю я каждый день пополнял свои знания, заново писал свою книгу о жизни морского дна, находясь, так сказать, в самом центре развития этой жизни. Где еще я найду возможность так полно изучить чудеса океана? Конечно, нигде! Поэтому мне не хотелось покинуть подводный корабль, покамест не завершится наша кругосветная исследовательская экспедиция.

— Друг мой Нед, — сказал я, — ответьте мне не таясь: неужели вы скучаете на этом корабле? Неужели вы проклинаете судьбу, забросившую вас сюда?

Канадец ответил не сразу. Скрестив руки на груди, он сказал:

— По правде говоря, я не жалею, что совершил это подводное плавание. Когда-нибудь я буду с удовольствием вспоминать о нем. Но для того чтобы это произошло, нужно, чтобы наше плавание окончилось. Вот что думаю я по этому поводу!

— Это плавание кончится, Нед.

— Где? Когда?

— Где? Не знаю. Когда? Не могу вам сказать точно, но думаю, что тотчас же после того, как море раскроет нам свою последнюю тайну. На этом свете всякое начало рано или поздно должно иметь свой конец.

— Я совершенно согласен с хозяином, — вставил Консель. — По-моему, вполне возможно, что, объездив с нами все моря и океаны, капитан Немо просто-напросто вышвырнет нас.

— Вышвырнет? — обиделся канадец. — Вы сказали, что он нас вышвырнет?

— Не придирайтесь к словам, Нед Ленд, — вмешался я. — Нам нечего бояться капитана Немо, в этом я не-

согласен с Конселем. Но, с другой стороны, нельзя надеяться и на то, что он добровольно согласится отпустить нас. Мы знаем все секреты «Наутилуса», и вряд ли он позволит, чтобы они странствовали по белу свету вместе с нами.

— На что же вы, в таком случае, надеетесь? — спросил канадец.

— На обстоятельства, которые рано или поздно сложатся так, что мы сможем воспользоваться ими. Это может случиться через шесть месяцев с таким же успехом, как и сейчас.

— Гм, — буркнул Нед Ленд. — Скажите на милость, господин натуралист, можете ли вы предугадать, где мы будем через шесть месяцев?

— Может быть, снова здесь, а может быть, и в Китае. Вы знаете, что «Наутилус» — поразительно быстроходное судно. Он несется по океанам с такой же скоростью, как ласточка по воздуху или курьерский поезд по земле. Он не боится оживленных морей — мы в этом уже убедились. Кто может сказать, что через шесть месяцев он не вернется снова к берегам Франции или Англии и что условия для побега не будут еще более благоприятными, чем сегодня?

— Господин профессор, — сказал канадец, — ваши доводы несостоятельны. Вы говорите все в будущем времени: «Мы будем здесь. Мы будем там». А я говорю в настоящем времени: «Мы здесь — воспользуемся этим».

Мне нечего было возразить против логического рассуждения Неда Ленда, и я почувствовал себя побитым в этом споре. У меня не было больше аргументов в защиту своего предположения.

— Господин профессор, — продолжал Нед, — предположим на минуту невозможное — что капитан Немо сам предложит нам свободу. Примете ли вы ее?

— Не знаю.

— А если он добавит, что это предложение он не повторит никогда в жизни, — тогда вы как поступите?

Я промолчал.

— Что об этом думает друг Консель? — спросил канадец.

— Другу Конселю решительно нечего сказать по этому поводу, — спокойно ответил фламандец. — Он совершенно не заинтересован в том или ином решении этого вопроса. Так же как его хозяин, так же как его приятель Нед Ленд, — он холост. Ни жена, ни дети, ни родные не ждут его на родине. Он служит у своего хозяина и этой службы бросать не собирается. Он с прискорбием должен сообщить, что не собирается принимать участия в голосовании этого вопроса и создавать своим голосом перевес той или иной стороне. В дуэли участвуют только два человека: хозяин, с одной стороны, и Нед Ленд — с другой. Засим друг Консель умолкает и приступает к подсчету ударов.

Я не мог удержаться от улыбки, слушая речь Конселя. Вероятно, в глубине души канадец был доволен, что Консель не выступает против него.

— Раз Консель не участвует в споре, — сказал он мне, — нам остается решить его между собой. Я свое сказал. Вы меня выслушали. Что вы можете ответить мне?

Надо было притти к какому-нибудь решению. Увертки были мне противны.

— Вот мой ответ, друг Нед, — сказал я. — Вы победили меня в споре, и я не могу выставить серьезных возражений против ваших доводов. Надеяться на то, что капитан Немо нас сам отпустит, нечего. Самая элементарная предусмотрительность не позволит ему это сделать. Но та же предусмотрительность требует, чтобы мы использовали первый же удобный случай покинуть «Наутилус».

— Великолепно, господин профессор! Вот теперь вы рассуждаете разумно!

— Но у меня есть еще одно замечание, — сказал я. — Нужно, чтобы случай этот был действительно удобным. Надо, чтобы наша первая же попытка побега увенчалась полным успехом. Ибо, если она не удастся, нам уже никогда больше не представится подходящий случай, и капитан Немо никогда не простит нам побега.

— Это верно, — сказал Нед Ленд. — Но ваше замечание одинаково относится к попытке бежать сегодня, как и к тем попыткам, которые мы предпримем через два года. Из этого следует непререкаемый вывод: как только представится удобный случай к побегу, надо будет немедленно воспользоваться им.

— Согласен. А теперь скажите, Нед: что́ вы называете «удобным случаем»?

— Темную ночь, когда «Наутилус» будет вблизи какого-нибудь европейского берега.

— И вы думаете спасаться вплавь?

— Да, если «Наутилус» будет плыть по поверхности вблизи берега. Если же корабль окажется под водой и берег будет на далеком расстоянии, то...

— То в этом случае?..

— В этом случае нужно будет захватить шлюпку. Я знаю, как это сделать. Мы заберемся в нее и, отвинтив болты, всплывем на поверхность так, что даже рулевой, помещающийся в штурвальной рубке, не заметит нашего бегства.

— Ладно, Нед. Стерегите же подходящий случай. Только помните, что неудача погубит нас!

— Не забуду, господин профессор!

— А теперь, когда мы обо всем договорились, Нед Ленд, хотите знать, что я думаю о вашем проекте?

— Конечно, господин профессор.

— Я думаю — подчеркиваю: думаю, а не надеюсь, — что этот подходящий случай скоро не представится.

— Почему?

— Потому что капитан Немо, вероятно, хорошо понимает, что мы не отказались от мысли вернуть себе свободу, и поэтому он будет настороже во время нашего плавания вблизи европейских берегов.

— Я согласен с мнением хозяина, — сказал Консель.

— Поживем — увидим, — ответил Нед Ленд, упрямо покачав головой.

— Хорошо, — сказал я, — довольно! Не стоит больше разговаривать об этом. В тот день, когда вы решите бежать, вы нас предупредите, и мы последуем за вами, ни о чем не расспрашивая. Мы слепо верим вам, Нед!

Так окончился этот разговор, который должен был иметь очень важные последствия.

Скажу сразу, что, к великому огорчению канадца, события подтвердили правильность моих предположений. То ли капитан Немо не доверял нам в этих оживленных морях, то ли он хотел избежать встречи с многочисленными судами всех наций, бороздившими воды Средиземного моря, но мы почти все время шли под водой и на далеком расстоянии от берегов. «Наутилус» либо всплывал на поверхность так, что из воды выступала только рулевая рубка, либо он забирался на большие глубины. Кстати сказать, между Греческим архипелагом и Малой Азией мы не находили дна и на глубине двух тысяч метров.

О том, что мы прошли мимо острова Карпафос, который принадлежит к группе Додеканез, я узнал только от капитана Немо, указавшего мне его местонахождение на карте.

На следующий день, 14 февраля, я решил посвятить несколько часов изучению рыб Греческого архипелага.

Но по неизвестным мне причинам ставни на окнах салона весь день оставались закрытыми.

Проследив по карте путь «Наутилуса», я увидел, что он идет к острову Крит. В тот момент, когда я вступил на борт «Авраама Линкольна», этот остров восстал против турецкого ига. Я не знал, какая судьба постигла восставших критян, и, уж конечно, не капитан Немо, порвавший всякую связь с обитаемым миром, мог осведомить меня об этом.

Я не делал никаких намеков на это событие, когда вечером встретился с капитаном Немо в салоне. Надо сказать, что капитан показался мне мрачным и чем-то озабоченным. Вопреки обыкновению, он неожиданно распорядился открыть обе ставни в салоне и, переходя от одного окна к другому, пристально всматривался в воду. Что он надеялся увидеть? Я не мог разгадать этого и потому просто занялся рассматриванием рыб, проносившихся перед моими глазами.

Среди многих других рыб я заметил морских колбней, в просторечии называемых бычками; эти рыбы часто встречаются в соленой воде вблизи дельты Нила.

Далее я увидел фосфоресцирующих пагров — рыбок из семейства спаровых, или так называемых морских карасей. Египтяне считали этих рыб священными, и заход их в воды Нила, обычно предвещавший большой разлив реки, то-есть хороший урожай, отмечался пышными религиозными церемониями.

Мимо нас проплыла стайка хейлинов — костистых рыб длиной в тридцать сантиметров, с прозрачной чешуей синеватого цвета, местами усеянной красными пятнами. Эти рыбы питаются только морскими водорослями, что придает их мясу исключительно нежный вкус. Хейлины считались лакомством еще в древнем Риме и подавались на стол с приправой из молок мурены, павлиньих мозгов и ласточьих языков.

Еще один обитатель этих морей напомнил мне времена древнего Рима. Это был лоцман — рыбка, всегда сопровождающая акул; по верованиям древних, эта маленькая рыбка, вцепившись в киль корабля, могла остановить его.

Я заметил также очаровательных anthias — священных рыб древней Греции, обладавших, по поверью, способностью изгонять чудовищ из тех мест, где они водились. Название этих рыб — anthias — означает «цветок», и они вполне оправдывают это название переливами своей окраски, дающей всю гамму красного цвета — от бледнорозового до рубинового.

Я не мог оторвать глаз от этого морского чуда, как вдруг меня поразило неожиданное зрелище. Под водой показался человек, ныряльщик, с кожаной сумкой у пояса. Это был живой человек. Он несколько раз возвращался на поверхность и затем снова погружался в воду.

Я повернулся к капитану Немо и взволнованно воскликнул:

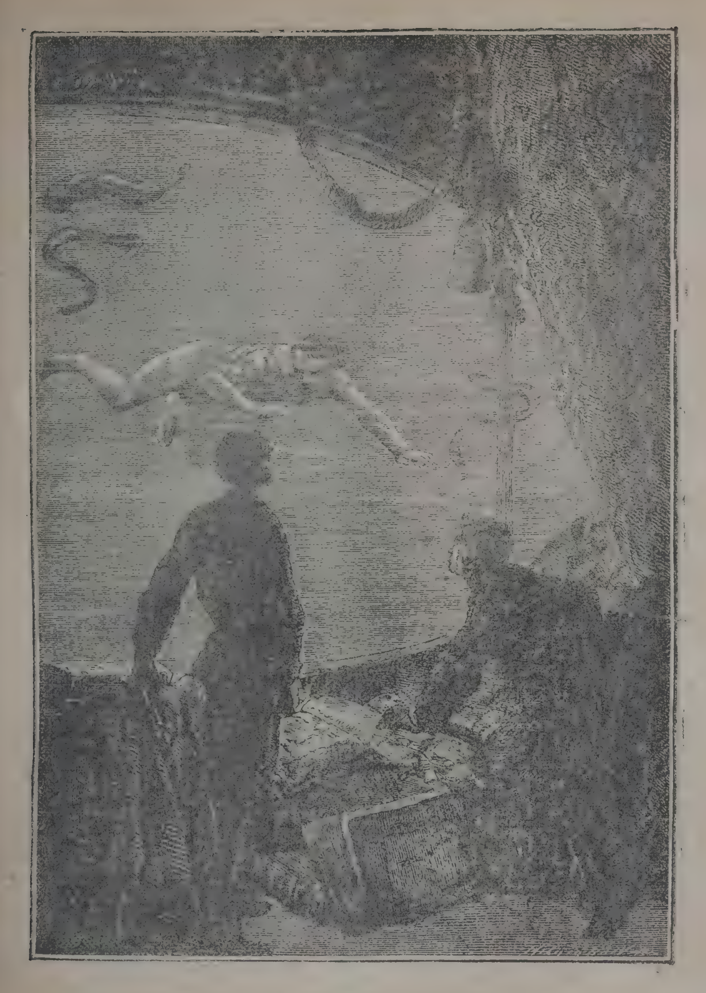
— Человек тонет! Его надо во что бы то ни стало спасти!

Капитан Немо, не ответив мне, поспешно подошел к окну.

Пловец снова нырнул и, прильнув глазами к стеклу, глядел на нас.

К моему глубокому удивлению, капитан Немо сделал ему какой-то знак. Ныряльщик кивнул в ответ головой, немедленно всплыл на поверхность моря и больше не появлялся.

— Не бойтесь за него, — сказал мне капитан Немо. — Это Николай с мыса Матапан, прозванный «Рыбой». Его знают на всех островах Греческого архипелага. Замечательный пловец! Вода — это его стихия, и он проводит в ней больше времени, чем на суше, беспрестанно

— Человек тонет! — крикнул я.

переплывая с одного острова на другой, а порой даже забираясь на Крит.

— Вы знаете его, капитан Немо?

— Почему бы мне его не знать, господин Аронакс?

Сказав это, капитан подошел к шкафу, вделанному в стену салона. Рядом с ним стоял окованный железом сундук с медной пластинкой на крышке, на которой были выгравированы девиз «Наутилуса» — «Подвижный в подвижном» — и начальная буква «Н».

Не обращая больше внимания на меня, капитан Немо открыл шкаф, в котором оказалось множество металлических слитков.

То были слитки золота.

Откуда на «Наутилусе» взялось такое огромное количество этого металла? Где добывал золото капитан Немо и что он собирался сейчас с ним делать?

Я смотрел, не проронив ни слова.

Капитан Немо вынимал золотые слитки из шкафа и по одному укладывал их в сундук, пока не заполнил его доверху.

Я подсчитал, что всего он сложил туда не менее тысячи килограммов золота, на сумму почти в пять миллионов франков.

Капитан закрыл крышку сундука и надписал на ней адрес, повидимому на новогреческом языке.

Закончив это, он нажал кнопку звонка, проведенного в помещение команды. Тотчас же пришли восемь матросов и с большим трудом выволокли сундук из салона.

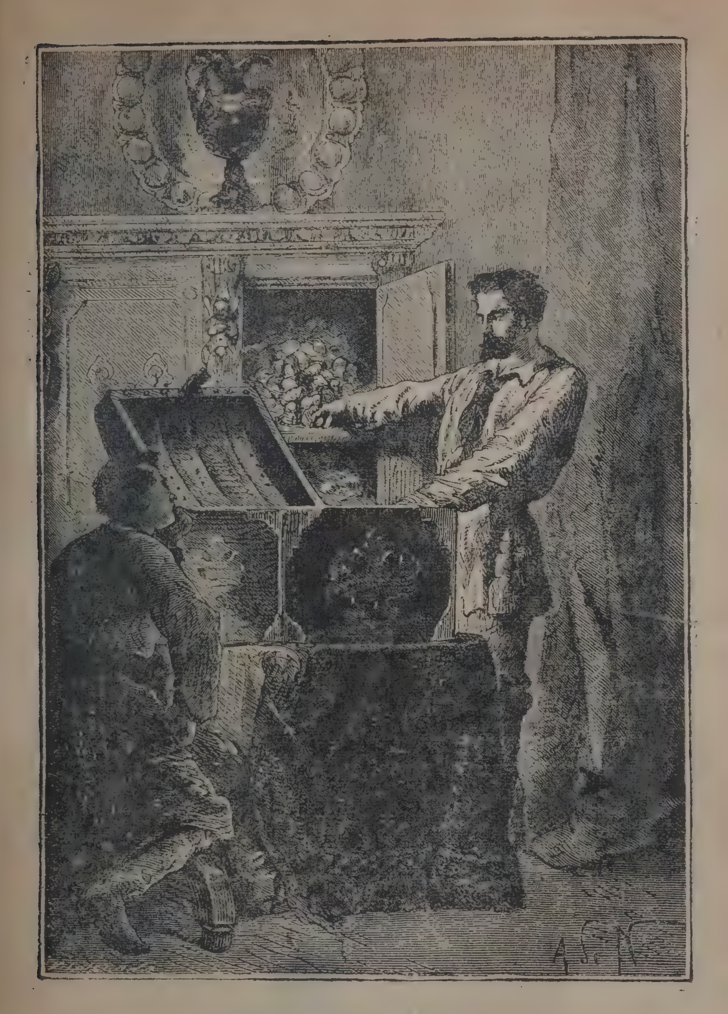
Я слышал, как они втаскивали его при помощи блока по трапу на палубу.

В эту минуту капитан Немо обернулся ко мне:

— Итак, что вы говорили, господин профессор?

— Я ничего не говорил, — ответил я.

— В таком случае, разрешите пожелать вам спокойной ночи.

Капитан Немо открыл шкаф.

И с этими словами он вышел из салона.

Я вернулся к себе в каюту чрезвычайно заинтригованный.

Напрасно я пытался заснуть. Меня мучило, что я никак не мог найти логической связи между появлением пловца и сундуком со слитками золота.

По начавшейся вскоре легкой качке я догадался, что «Наутилус» поднялся на поверхность.

Затем я слышал топот ног на палубе. Я понял, что это вынимают из гнезда шлюпку и спускают ее на воду. Она стукнулась о борт «Наутилуса», и затем шум прекратился.

Через два часа шум возобновился. Шлюпку вытаскивали из воды и укрепляли в гнезде. Затем «Наутилус» снова погрузился.

Следовательно, миллионы были доставлены по адресу. Но в какой пункт материка? Кто был корреспондентом капитана Немо?

На следующий день я рассказал Конселю и Неду Ленду о событиях минувшей ночи.

Мои товарищи были удивлены всем происшедшим не меньше, чем я сам.

— Но где он берет эти миллионы? — спросил Нед Ленд.

Я не мог дать ответа на этот вопрос.

После завтрака я прошел в салон и сел работать.

До пяти часов пополудни я писал не отрываясь свой дневник. Неожиданно мне стало жарко.

Я снял с себя куртку, но это мало помогло. Дышать становилось с каждой минутой трудней.

Это было необъяснимо: мы находились далеко от тропиков, да к тому же погруженный в воду «Наутилус» все равно не мог испытывать влияния температуры наружного воздуха. Я посмотрел на стрелку манометра: мы шли на глубине шестидесяти футов.

Я пытался продолжать работать, но жара все усиливалась и становилась невыносимой.

«Может быть, на корабле пожар?» подумал я.

Я хотел уже выйти из салона, как вдруг появился капитан Немо. Он направился прямо к термометру, посмотрел на столбик ртути и, повернувшись ко мне, сказал:

— Сорок два градуса!

— Я это чувствую, капитан, — ответил я. — Если температура поднимется еще выше, то нам будет плохо.

— О господин профессор, температура поднимется выше только в том случае, если мы того захотим.

— Вы можете, следовательно, увеличивать или умерять ее по своему желанию?

— Нет, но я могу удалиться или приблизиться к очагу, который ее повышает.

— Значит, этот очаг вне «Наутилуса»?

— Разумеется. Мы плывем в кипящей воде.

— Неужели это правда?! — воскликнул я.

— Судите сами.

Ставни раскрылись, и я увидел совершенно белую воду вокруг «Наутилуса». Сернистый пар стлался в воде, кипевшей, как в котле. Я прикоснулся пальцами к стеклу, но оно было так горячо, что я вынужден был тотчас же отдернуть руку.

— Где мы находимся? — спросил я.

— Возле острова Санторин, господин профессор, — ответил капитан. — Если хотите точнее — в проливе, отделяющем Неа-Каммени от Палеа-Каммени. Я хотел показать вам это редкое явление — извержение подводного вулкана.

— А я думал, — заметил я, — что образование новых островов давно прекратилось...

— В вулканических местностях ни один процесс нельзя считать завершенным, — ответил капитан Немо. — Ведь земной шар попрежнему полон внутреннего огня.

Если верить историкам Кассиодору и Плинию, в девятнадцатом году нашей эры на том самом месте, где недавно образовались эти островки, возник новый остров — Тейя. Затем он исчез под волнами, чтобы снова появиться на свет в шестьдесят девятом году и снова окончательно исчезнуть. С этого времени и до наших дней вулканическая деятельность здесь замерла. Но третьего февраля тысяча восемьсот шестьдесят шестого года возле Неа-Каммени среди облаков серного пара неожиданно поднялся из воды новый островок. Его назвали островком Георга. Шестого февраля он слился с Неа-Каммени. Через семь дней после этого, тринадцатого февраля, из воды появился еще один островок — Афроэса, отделенный от Неа-Каммени узким проливом в десять метров. Я случайно присутствовал в этих водах, когда произошло это редкое явление, и наблюдал все фазы его. Островок Афроэса, почти круглый по форме, имел триста футов в диаметре при тридцати футах в высоту. Он состоял из черной стекловидной лавы, в которую были вкраплены куски полевого шпата. Наконец, десятого марта из моря вынырнул возле Неа-Каммени третий островок, еще меньший, — Рэка — и все три островка слились.

— А что это за пролив, в котором мы сейчас находимся? — спросил я.

— Вот он, — ответил капитан Немо, показывая мне его на карте Греческого архипелага. — Видите, я нанес уже на карту новые островки.

— Дно этого пролива, вероятно, также поднимется когда-нибудь из воды?

— Вполне возможно, господин профессор, ибо с тысяча восемьсот шестьдесят шестого года против порта святого Николая на Палеа-Каммени возникло восемь новых островков. Отсюда ясно, что в недалеком будущем Неа- и Палеа-Каммени соединятся. В Тихом океа-

не сооружение новых островов — дело кораллов. В этих же водах новые острова обязаны своим появлением вулканической деятельности. Видите, господин профессор, как кипит, не замирая ни на миг, жизнь под водой!

Я снова подошел к окну. «Наутилус» не двигался. Жара стала невыносимой. Вода из белой сделалась красной, вследствие примеси какой-то соли железа.

Несмотря на то что стекла были герметически впаяны в обшивку, в салон проникал удушающий запах серы. В воде я заметил очаги красного света, настолько яркого, что при нем меркли лучи нашего прожектора.

Я истекал по́том и задыхался. Я чувствовал, что еще несколько минут — и я просто сварюсь!

— Немыслимо дольше оставаться в этой кипящей воде, — сказал я капитану.

— Да, это было бы неосторожно, — невозмутимо ответил он.

Он нажал какую-то кнопку. «Наутилус» снова тронулся в путь и быстро удалился от этого пекла, пребывание в котором грозило нам гибелью. Через четверть часа мы жадно вдыхали свежий воздух на поверхности моря.

Мне пришло в голову, что если бы Нед Ленд избрал это место для бегства, мы сварились бы заживо...

Назавтра, 16 февраля, «Наутилус», обогнув мыс Матапан, расстался с Греческим архипелагом.

Глава седьмая

В СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ ЧЕРЕЗ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Голубое Средиземное море, «Большое море» древних евреев, «Море» древних греков, «Наше море» древних римлян, окруженное высокими горами, окаймленное цветущими садами из апельсиновых деревьев, алоэ, какту-

сов, морских сосен, славящееся чистым воздухом, напоенным благоуханием мирт, — Средиземное море является ареной извечной борьбы между огнем и водой. Плутон и Нептун[1] борются здесь за власть над миром.

«На берегах Средиземного моря, — писал Мишле, — в этом лучшем в мире климате, человек обретает новые силы и здоровье». Но мне удалось только мельком увидеть этот знаменитый своей красотой водный бассейн, занимающий площадь в два миллиона сто тысяч квадратных километров.

Я не мог пополнить свои беглые впечатления, расспрашивая капитана Немо, так как этот загадочный человек больше ни разу не показался за все время перехода по Средиземному морю. Кстати сказать, шли мы с очень значительной скоростью, и «Наутилус» прошел под водой за двое суток две тысячи четыреста километров: выйдя 16 февраля из Греческого архипелага, на рассвете 18 февраля мы уже миновали Гибралтарский пролив.

Мне было ясно, что капитан Немо не любит этого моря, со всех сторон окруженного землей, от которой он бежал. Может быть, волны и ветры его приносили с собой горькие воспоминания или, еще хуже, будили сожаление о безвозвратно утерянном? А может быть, его раздражала здесь невозможность такого свободного и независимого плавания, как в океанах, и «Наутилусу» просто было тесно между сблизившимися берегами Европы и Африки?

Так или иначе, но мы шли со скоростью двенадцати лье, или сорока восьми километров, в час. Само собой разумеется, что Неду Ленду пришлось бросить всякую мысль о бегстве, как это ни было прискорбно для него. Он не мог воспользоваться шлюпкой при скорости в две-

[1] В греческой мифологии Плутон — бог подземного мира, Нептун — бог моря.

надцать-тринадцать метров в секунду. Это равносильно было прыжку из поезда, мчащегося с такой же скоростью, — прыжку, который сулит мало приятного смельчаку, рискнувшему его проделать. Притом же «Наутилус» поднимался теперь на поверхность вод, чтобы возобновить запас воздуха, только глубокой ночью, а все остальное время шел, руководствуясь лишь показаниями компаса и лага.

Поэтому я видел в Средиземном море то же, что пассажир курьерского поезда видит из окна своего купе, — отдаленные горизонты, а не ближайшие к полотну дороги места, мелькающие перед его глазами, как молния.

Однако Конселю и мне удалось рассмотреть несколько средиземноморских рыб, которые благодаря мощности своих плавников могли некоторое время состязаться в скорости с «Наутилусом».

Мы по целым часам стояли у окон салона, и сделанные тогда беглые заметки позволяют мне набросать теперь в общих чертах ихтиологическую[1] картину этих вод.

Из многочисленных рыб, населяющих Средиземное море, одних я наблюдал относительно долго, других видел мельком, а третьих — из-за быстроты нашего бега — не видел вовсе.

Да будет мне позволено описывать их в соответствии с этой фантастической классификацией — она вернее передаст мои мимолетные впечатления.

В ярко освещенных прожектором водных толщах извивались узкие, в метр длиной миноги, водящиеся почти во всех морях. Шиповатые скаты, достигающие пяти футов в ширину, с шероховатой кожей, усеянной у молодых особей тонкими и у старых крупными острыми шипами, полоскались в воде, словно большие платки, унесенные течением. Другие разновидности скатов мель-

[1] Ихтиология — наука о рыбах.

кали перед нашими глазами и исчезали с такой быстротой, что я не мог проверить, заслуживали они или нет данное им древними греками прозвище морских орлов или к ним более подходят презрительные клички крыс, жаб и летучих мышей, которыми их наделяют современные моряки.

Сельдевые акулы, принадлежащие к семейству дельфиновых акул, особенно опасных для рыбаков, состязались с нами в скорости. Мы видели также морских лисиц — рыб, принадлежащих к разделу акул, отряду селяхий, длиной в восемь и более футов; эти морские животные одарены исключительно тонким обонянием; спина и бока их темноголубые, нижняя часть тела — беловато-пятнистая.

Далее нам попадались дорады из семейства спаровых рыб; некоторые из них достигали ста тридцати сантиметров в длину; дорады блистали в своем серебристо-лазоревом одеянии, еще более выигрывающем от желтой окраски их плавников.

Великолепные осетры длиной в два-три метра заглядывали в окна салона и, не в силах соперничать с нами в скорости, отставали, показывая голубоватую спину с маленькими коричневыми пятнами. Осетры по форме тела похожи на акул, но уступают им в силе; бóльшую часть жизни они проводят в море, а весной заплывают в реки, борясь с течением Волги, Дуная, По, Рейна, Луары и Одера; они питаются сельдью, макрелью и другими небольшими рыбами.

Но из всех обитателей средиземноморских вод лучше всего я познакомился с тунцами, спина которых окрашена в черно-синий цвет, грудной панцырь — в голубой, а бока и брюхо — сероватые, с серебристо-белыми пятнами. О тунцах рассказывают, что они следуют рядом с кораблями, спасаясь в их тени от палящих лучей тропического солнца, и они не опровергли этого, сопровождая

«Наутилус», как некогда провожали корабли Лаперуза. В продолжение долгих часов они ни на сантиметр не отставали от «Наутилуса».

Я залюбовался этими рыбами, точно специально созданными природой для участия в скоростных состязаниях: у них маленькие узкие головы, веретенообразные тела длиной в три и даже четыре метра, сильные грудные и хвостовые плавники. Тунцы плыли, построившись правильным треугольником, как стаи некоторых перелетных птиц. Этот строй позволял древним утверждать, что тунцы знают геометрию и элементы стратегии.

Однако «ученость» не спасает тунцов от провансальских рыбаков, которые ценят их так же высоко, как и жители древней Пропонтиды и Испании: эти чудесные рыбы слепо и безумно сотнями тысяч попадают ежегодно в марсельские сети.

Если мне не удалось наблюдать ни спинорогов, ни морских коньков, ни рыбы-луны, ни кузовков, ни сельдей, ни бычков, ни морских ершей, ни губанов, ни меченосов, ни феринок, ни иглы-рыбы, ни анчоусов, ни сотни других видов рыб, свойственных Средиземному морю, то винить в этом следует не меня, а ту головокружительную скорость, с которой «Наутилус» мчался по этим местам.

Что касается морских млекопитающих, то мне показалось, что в то время как мы проходили мимо Адриатического моря, я заметил двух кашалотов, затем несколько дельфинов и, наконец, с полдюжины тюленей, прозванных монахами и действительно похожих на монахов-доминиканцев, только ростом в три метра.

Конселю удалось увидеть гигантскую черепаху — шириной шесть футов, — на поверхности щита которой он заметил семь продольных возвышенностей, или ребер. Я очень сожалел, что не видел сам этой черепахи, так как, судя по описанию, это, вероятно, была кожистая черепаха — довольно редкая разновидность черепах.

Из зоофитов мне в течение нескольких секунд удалось наблюдать прекрасный экземпляр галеолярии, прилипшей к стеклу окна салона. Это было разветвленное ажурное волоконце; его тончайшие ветви переплетались в поразительно тонком рисунке, который не могла бы сплести ни одна кружевница Фландрии. К несчастью, я не мог выловить этот изумительный экземпляр.

Возможно, что я так и не увидел бы в Средиземном море больше ни одного зоофита, если бы к вечеру этого дня, 16 февраля, «Наутилус» вдруг не замедлил хода.

Вот при каких обстоятельствах это случилось.

Мы проходили между Сицилией и Тунисом. В этом узком месте морское дно неожиданно круто поднимается. Здесь проходит вершина подводного хребта, слой воды над которой достигает едва семнадцати метров, тогда как с обеих сторон от этого места глубина равняется примерно семидесяти метрам. «Наутилусу» пришлось подвигаться с осторожностью, чтобы не налететь на этот подводный барьер.

Я показал Конселю на карте местоположение этой гряды подводных скал.

— С позволения хозяина, скажу, что этот хребет кажется мне перешейком, соединяющим Европу с Африкой, — заметил он.

— Ты прав, друг мой, — сказал я: — он перегородил весь Сицилийский пролив. Исследования Смита показали, что некогда между мысом Аддар и Марсалой эти материки соединялись полоской твердой земли.

— Охотно поверю этому, — сказал Консель.

— Я добавлю, что такой же барьер проходит между Гибралтаром и Сеутой. В древнюю геологическую эпоху этот барьер наглухо закрывал Средиземное море.

— Если, — начал Консель, — в один прекрасный день вулканический толчок снова поднимет из воды эти перешейки...

— Это маловероятно, — прервал я его.

— С позволения хозяина, я доскажу свою мысль: если это все-таки случится, то мне жалко будет бедного Лессепса, положившего столько труда, чтобы прорыть Суэцкий канал!

— Конечно, Консель, но ты можешь не волноваться — это не произойдет! Сила подземного огня постепенно уменьшается. Вулканы, столь многочисленные в первые времена существования Земли, один за другим угасают; подземный жар ослабевает; температура подпочвенных слоев Земли из века в век понижается, к несчастью для нашей планеты, для которой этот жар — источник жизни...

— Однако солнце...

— Одного солнца недостаточно, Консель. Может ли оно вернуть тепло трупу?

— Сколько мне известно, нет.

— Так вот, друг мой, в один злосчастный день Земля превратится в охладевший труп. Она станет необитаемой, такой же необитаемой, как Луна, давно уже потерявшая свою жизненную теплоту.

— Через сколько веков это произойдет? — спросил Консель.

— Через несколько сотен тысяч лет, — ответил я.

— В таком случае, мы еще успеем закончить свое подводное путешествие, если только этому не помешает Нед Ленд.

И, успокоившись насчет будущности Земли, Консель снова принялся наблюдать за жизнью под водой, пользуясь тем, что «Наутилус» шел теперь с умеренной скоростью.

Там, на скалах вулканического происхождения, видны были медузы Бугенвиля, губки голотурии, морские огурцы, переливающие всеми цветами радуги; странствующие коматулы шириной в метр, пурпурная окраска

которых бросала красный отблеск на окружающую их воду; гидроактинии с длинными стеблями; множество разновидностей съедобных мидий; зеленые актинии на серых ножках, с диском, закрытым густой шевелюрой оливковых щупальцев.

Консель занялся наблюдениями над моллюсками и насчитал многочисленных представителей гребешковидных пектункулюсов — спондилиев, громоздящихся один на другого; шалей с желтыми плавниками и прозрачными раковинами, оправдывающих свое прозвище морских бабочек; улиток; аплизий, известных под названием морских зайцев; мясистых съедобных сердцевидок, морских ушков, раковины которых устланы драгоценным перламутром; мидий, которые в Лангедоке считаются более лакомым блюдом, чем устрицы; треугольных донаций, морских фиников, золид, древоточцев, катушек, цинерарий и много других. Но Конселю не удалось закончить наблюдения, так как «Наутилус», перешагнув через барьер Сицилийского пролива, помчался с прежней скоростью.

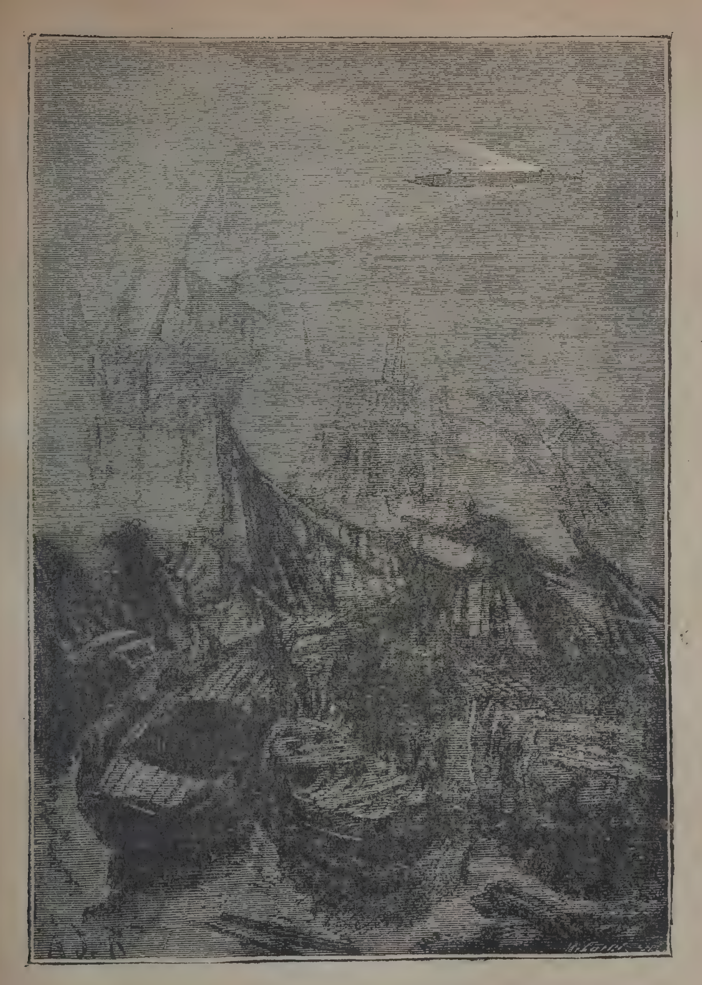
Прощайте, моллюски, зоофиты, членистоногие!

Сквозь окна салона теперь ничего нельзя было различить, кроме нескольких крупных рыб, которые проносились мимо нас, как тени.

В ночь с 16 на 17 февраля мы очутились над вторым бассейном Средиземного моря, наибольшая глубина которого не превышает трех тысяч метров. В этом месте «Наутилус» неожиданно нырнул на дно.

Но вместо чудес природы нас ожидало здесь зрелище столь же волнующее, как и печальное. Мы находились теперь в той части Средиземного моря, в которой произошло множество катастроф и кораблекрушений. Кто сосчитает, сколько кораблей погибло или без вести пропало между берегами Алжира и Прованса?

Средиземное море, по сравнению с необозримыми

Кладбище кораблей.

просторами Тихого океана, не больше как озеро. Но это озеро капризно и своевольно, воды его обманчивы и непостоянны: сегодня оно баюкает и ласкает хрупкое суденышко, плывущее по его ослепительно синим волнам, а завтра, вздыбленное и свирепое, короткими и частыми ударами своих валов оно разносит в щепы самый большой корабль.

Сколько погибших судов мелькнуло перед моими глазами во время этого быстрого плавания в глубоководных слоях! Одни, уже долго покоящиеся на дне, покрылись коралловыми отложениями; другие, недавно потерпевшие крушение, только проржавели.

На всем протяжении нашего пути дно было устлано якорями, пушками, гребными валами, частями машин, разбитыми цилиндрами, взорванными котлами, а местами и целыми корпусами судов — одни лежали килем книзу, другие перевернулись вверх дном.

Некоторые из этих судов погибли при столкновениях, другие — наткнувшись на скалы. Я видел и такие, которые опустились на дно отвесно, с неповрежденными мачтами, с сохранившейся оснасткой... Они как будто стояли на якоре на открытом рейде, ожидая приказа пуститься в плавание.

Когда «Наутилус» проходил мимо, заливая их светом своего прожектора, казалось, что вот-вот на кормовом флагштоке взовьется флаг, приветствующий встречное судно и желающий ему счастливого пути...

Но флаг не взвивался: смерть и молчание безраздельно царили на этом морском кладбище...

Я заметил, что по мере приближения «Наутилуса» к Гибралтарскому проливу все большее количество этих печальных остатков крушений устилало морское дно. Чем тесней сходятся берега Европы и Африки, тем чаще становятся столкновения судов. Я видел здесь множество железных корпусов, изуродованных остатков па-

роходов, стоящих торчком или лежащих на боку, похожих на фантастических животных.

Особенно тяжелое впечатление произвел один колесный пароход: борт его был словно вспорот, трубы погнулись, от колес остался только помятый железный каркас, руль оторвался от кормы и висел на железной цепи, корпус был весь изъеден ржавчиной... Сколько человек погибло на нем? Сколько уцелело, чтобы рассказать об этой страшной катастрофе? Или, быть может, волны ревниво хранили свою тайну?..

Мне пришла в голову мысль, что этот пароход — тот самый «Атлас», таинственное исчезновение которого лет двадцать тому назад взволновало весь мир.

Какую страшную книгу можно было бы написать о тайнах дна Средиземного моря, об этом огромном кладбище, где погребено столько богатств, где столько людей нашло себе последнее успокоение!

Между тем равнодушный ко всему «Наутилус» продолжал свой быстрый подводный бег. 18 февраля, около трех часов ночи, он очутился у входа в Гибралтарский пролив.

Там существуют два течения: верхнее, давно известное, несущее воды Атлантического океана в Средиземное море, и встречное, нижнее течение, существование которого было доказано логическим путем.

Действительно, уровень воды в Средиземном море, при постоянном притоке воды из Атлантического океана и из впадающих в это море рек, должен был бы из года в год повышаться, так как установлено, что одних испарений недостаточно, чтобы удержать его в равновесии. Между тем этот уровень не повышается, и, следовательно, неизбежно нужно было допустить существование второго течения, которое проходит над самым дном Гибралтарского пролива и уносит в Атлантический океан избыток средиземноморской воды.

Так оно и оказалось в действительности. «Наутилус» воспользовался этим попутным течением и быстро промчался через узкий пролив.

На секунду перед моими глазами мелькнули развалины замечательного храма Геркулеса, опустившегося на дно, по словам Плиния, вместе с островком, на котором он был построен, и через несколько минут мы всплыли на поверхность уже в Атлантическом океане.

Глава восьмая

БУХТА ВИГО

Атлантический океан! Огромная водная равнина, поверхность которой простирается на двадцать пять миллионов квадратных миль, равнина, тянущаяся в длину почти на девять тысяч миль при средней ширине в две тысячи семьсот миль!

Это огромное море почти не было известно в древности. Может быть, только карфагеняне, эти голландцы древности, в своих торговых плаваниях огибали западные берега Европы и Африки.

Извилистые берега этого океана раскинулись на огромном протяжении и изрезаны устьями величайших в мире рек: св. Лаврентия, Миссисипи, Амазонки, Ла-Платы, Ориноко, Нигера, Эльбы, Луары, Рейна; все эти реки вливают в него свои воды, орошающие самые культурные и самые дикие в мире страны. Величественная гладь воды, которую во всех направлениях бороздят суда всех стран и всех народов и которая оканчивается двумя мысами, внушающими мореплавателям страх, — мысом Горн и мысом Бурь.

«Наутилус» рассекал своим острым форштевнем воды Атлантического океана, после того как за три с половиной месяца прошел около десяти тысяч лье — расстояние,

Развалины храма Геркулеса.

почти равняющееся длине земного экватора. Куда он направляется теперь? Какие неожиданности готовит нам будущее?

По выходе из Гибралтарского пролива «Наутилус» взял курс в открытый океан. Он снова возвратился на поверхность вод, и мы опять получили возможность совершать ежедневно прогулки на свежем воздухе.

Как только мы всплыли в первый раз, я поспешил подняться на палубу в сопровождении Неда Ленда и Конселя.

В двадцати милях от нас чуть виднелся на горизонте мыс св. Винцента, замыкающий с юго-запада Испанский полуостров.

Довольно сильный южный ветер развел на неприветливом море большую волну. «Наутилус» сильно качало. Невозможно было долго оставаться на его палубе, на которую ежеминутно обрушивались потоки соленой воды.

Подышав немного свежим воздухом, мы поспешили спуститься внутрь корабля.

Я вернулся в свою каюту. Консель отправился к себе, но канадец, чем-то озабоченный, последовал за мной. Быстрый переход через Средиземное море не позволил ему привести в исполнение свой план, и он не пытался даже скрыть свое огорчение.

Когда я закрыл дверь каюты, он сел на стул и молча посмотрел на меня.

— Понимаю вас, дружище Нед, — сказал я ему. — Но успокойтесь, ва́м не в чем упрекнуть себя. В тех условиях, в каких прошло это плавание, думать о бегстве было бы безумием.

Нед Ленд не отвечал. Его нахмуренные брови и плотно сжатые губы свидетельствовали, что он весь во власти одной навязчивой идеи.

— Послушайте, — продолжал я, — будьте же благо-

разумны! Ничто не потеряно. Мы поднимемся сейчас к северу вдоль берегов Португалии. Мы пройдем мимо Франции и Англии, где так же легко найти убежище. Вот если бы «Наутилус» по выходе из Гибралтарского пролива направился на юг, в области, где почти нет суши, я бы и сам разделял вашу тревогу. Но теперь мы знаем, что капитан Немо не избегает оживленных морей; а при этих условиях я не сомневаюсь, что через несколько дней вы сможете подготовить совершенно безопасное бегство.

Нед Ленд еще пристальней посмотрел на меня и, разжав наконец губы, вымолвил:

— Мы бежим сегодня вечером!

Я вскочил, как ужаленный. Признаюсь, я не был подготовлен к этому известию.

Я хотел возразить канадцу, но не находил нужных слов.

— Мы условились ждать удобного случая, — продолжал Нед Ленд. — Этот случай представился. Сегодня вечером мы будем всего в нескольких милях от испанского берега. Ночи сейчас темные, безлунные. Ветер бушует во-всю. Вы дали мне слово, профессор, и я рассчитываю на вас.

Я молчал.

Канадец встал и подошел ко мне.

— Сегодня, в девять часов! — сказал он. — Я предупредил Конселя. В этот час капитан Немо, вероятно, запрется в своей комнате, а может быть, уже ляжет спать. Ни механик, ни матросы не могут увидеть нас. Консель и я спрячемся под трапом, ведущим на палубу. Вы, господин профессор, будете ждать моего сигнала в библиотеке. Весла, мачты, парус находятся в шлюпке. Мне удалось даже снести в нее немножко продовольствия. Я раздобыл также английский ключ, чтобы отвинтить гайки, которые удерживают шлюпку на палубе

«Наутилуса». Таким образом, все подготовлено. Прощайте, до вечера!

— Море очень бурное, — сказал я.

— Согласен с вами, — ответил канадец, — но придется пренебречь этим. Свобода стоит небольшого риска. Впрочем, шлюпка «Наутилуса» прочная, а пройти несколько миль при попутном ветре даже в такую погоду — это сущие пустяки. Кто знает, может быть, завтра мы будем уже в сотне миль от европейского берега? Если обстоятельства сложатся благоприятно для нас, то между десятью и одиннадцатью часами вечера мы уже выберемся на сушу в какой-нибудь точке испанского побережья. Если нет, то в это время мы будем мертвы. Итак, до вечера!

С этими словами канадец вышел из каюты, оставив меня в полном замешательстве. Я почему-то думал, что когда наступит время для побега, можно будет все детально обсудить и поспорить с Недом Лендом. Но упрямый канадец не позволил мне даже слова сказать. Впрочем, что я мог возразить ему? Нед Ленд был трижды прав. Это был относительно удобный случай, и он решил воспользоваться им.

Имел ли я право взять свое слово обратно и из-за личных интересов ставить на карту судьбу своих товарищей? Разве завтра капитан Немо не может снова увлечь нас в водную пустыню, отдаленную от всякой земли?

В это время послышался сильный свист. Я понял, что «Наутилус» наполняет свои резервуары водой и погружается в глубь океана.

Я остался в своей каюте, чтобы не встречаться с капитаном Немо, который мог бы прочитать на моем лице овладевшее мной волнение.

Какой томительный день провел я, колеблясь между желанием вновь вернуть себе свободу и сожалением о

необходимости расстаться с чудесным кораблем, не закончив подводного кругосветного путешествия!

Покинуть так внезапно этот океан, «мою Атлантику», как я говорил себе, не вырвав у него тайн, которые раскрыли передо мной Тихий и Индийский океаны! Прочесть только два тома этой увлекательнейшей в мире книги и добровольно отказаться от чтения остальных томов!

Какие грустные часы провел я в своей каюте!.. Я пытался утешиться, представляя себя свободным, как воздух, на суше, окруженным товарищами, но чаще, против воли, мечтал, чтобы какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешало исполнению планов Неда Ленда.

Два раза я выходил в салон, чтобы посмотреть на компас и выяснить, куда направляется «Наутилус» — к суше или от нее.

Но нет! «Наутилус» все время шел вблизи Португалии. Его курс лежал прямо на север вдоль ее берегов.

Ничего не оставалось делать, надо было готовиться к побегу!

Мой багаж мало весил — он заключался только в записках.

Я спрашивал себя: что подумает капитан Немо, если Неду Ленду удастся благополучно осуществить свое безумное предприятие? Как поступит загадочный капитан «Наутилуса», если наше бегство окончится неудачей?

Вне всякого сомнения, я не имел оснований жаловаться на него. Напротив! Трудно было себе представить гостеприимство более полное и более радушное. Но, с другой стороны, он не вправе был упрекать меня в неблагодарности за этот побег. Я не давал ему обещания не пытаться бежать. Мы не были пленниками, отпущенными на свободу под честное слово, — если нас не держали взаперти на корабле, то это объяснялось только уверенностью, что с «Наутилуса» нельзя бежать. И, кроме того, неоднократные заявления капитана, что мы ни-

когда в жизни не покинем его судна, оправдывали всякую нашу попытку.

Я не встречал капитана со времени нашего разговора вблизи берегов острова Санторин. Неужели случай столкнет нас накануне моего побега? Я одновременно и хотел и боялся этого.

Я прислушался, не шагает ли он по своей каюте, смежной с моей. Но ни малейший шум не доносился из-за переборки. Вероятно, в каюте никого не было.

Я стал себя спрашивать, действительно ли этот загадочный человек находится на борту «Наутилуса». С той памятной ночи, когда шлюпка покинула «Наутилус», исполняя какие-то таинственные поручения, я несколько изменил свой взгляд на капитана Немо. Я пришел к заключению, что, несмотря на все его утверждения, он все-таки сохранил какие-то связи с сушей. Точно ли он никогда не покидал «Наутилуса»? Ведь бывало, что я по целым неделям не встречал его. Что он делал в это время? Раньше я считал, что он подвержен периодическим приступам мизантропии[1]; теперь же мне приходило в голову, что в это время он выполнял на суше какую-то миссию, о характере которой я не имел ни малейшего представления.

Эти мысли и тысячи других осаждали меня, не давая покоя. В том странном положении, в каком мы находились, естественно было строить самые необоснованные предположения.

Я испытывал нестерпимые мучения. Это ожидание казалось мне бесконечным. Часы отбивали время с невероятной медлительностью.

Обед мне подали, как всегда, в каюту. Озабоченный грядущими событиями, я плохо ел. Я встал из-за стола в семь часов. Сто двадцать минут — а я считал каждую

---

[1] Мизантропия — нелюдимость, человеконенавистничество.

минуту! — отделяли меня от того времени, когда я должен буду присоединиться к Неду Ленду.

Мое волнение все возрастало. Я не мог усидеть на одном месте. Я ходил по комнате взад и вперед, надеясь ходьбой успокоить взволнованные нервы. Мысль о том, что мы можем погибнуть при этой дерзкой попытке, меньше всего беспокоила меня; но зато опасение, что наш план будет открыт раньше, чем мы покинем «Наутилус», боязнь, что нам придется предстать перед взбешенным или, того хуже, огорченным этой изменой капитаном Немо, угнетали меня и заставляли сердце отчаянно колотиться.

Мне захотелось в последний раз осмотреть салон. Узким коридором я прошел в этот замечательный музей, где провел столько приятных и полезных часов. Я разглядывал собранные в нем сокровища, как человек, присужденный к вечному изгнанию и знающий, что скоро он должен уйти, чтобы никогда не вернуться. Я и в самом деле должен был *навсегда* расстаться с этими дивными произведениями искусства, с этими чудесами природы, среди которых протекали последние месяцы моей жизни. Мне захотелось напоследок еще раз взглянуть через окно салона на воды Атлантического океана. Но ставни были наглухо закрыты, и железная обшивка корпуса скрывала от меня его тайны.

Прохаживаясь по салону, я приблизился к двери, ведущей в комнату капитана Немо. К моему глубокому удивлению, дверь эта была полуоткрыта. Я попятился назад: если капитан Немо был у себя, он мог увидеть меня. Однако, не слыша ни звука, я снова подошел к двери. В комнате никого не было.

Я распахнул дверь и вошел внутрь. В комнате ничто не изменилось. Обстановка была такая же строгая.

Мое внимание привлекли несколько офортов, развешанных по стенам. В прошлое свое посещение этой ком-

наты я не заметил их. На офортах были изображены исторические деятели, посвятившие свою жизнь какой-либо великой идее. То были портреты: борца за свободу Польши Костюшко, Боцариса — Леонида[1] современной Греции, о'Коннеля — борца за независимость Ирландии, Георга Вашингтона — основателя Североамериканского союза, Линкольна, павшего от пули фанатика-рабовладельца, и, наконец, мученика за дело освобождения негров от рабства — Джона Броуна, вздернутого на виселицу, — жуткая и странная карандашная зарисовка, сделанная рукой Виктора Гюго.

Почему капитан Немо повесил эти портреты в своей спальне? Какая связь существовала между ним и этими героями? Может быть, это собрание портретов поможет мне разрешить загадку его жизни? Может быть, он был вождем угнетенного народа, участвовал в каких-нибудь политических или социальных движениях последнего времени? Быть может, он был участником кровавой и навеки памятной гражданской войны между северными и южными штатами?

Вдруг часы пробили восемь ударов. Первый же удар молоточка по колоколу пробудил меня от грез.

Я вздрогнул, как будто бы невидимое око проникло в тайну моих дум, и поспешно выбежал из комнаты.

В салоне я первым долгом посмотрел на компас. Стрелка его указывала, что мы неизменно держим курс на север. Лаг показывал умеренную скорость, манометр — глубину примерно в шестьдесят метров.

Обстоятельства складывались, таким образом, как нельзя более благоприятно для осуществления плана Неда Ленда.

Я вернулся в свою каюту и тепло оделся: натянул

---

[1] Леонид — спартанский царь; во главе небольшого отряда защищал Фермопильский проход в Греции от несметных полчищ персов и пал вместе со своим отрядом.

морские высокие сапоги, надел меховую шапку, теплую куртку, подбитую тюленьей кожей. Теперь я был готов. Оставалось ждать.

Глубокую тишину, царившую на «Наутилусе», нарушал только шум вращения винта. Напрягая слух, я стоял у дверей, боясь услышать неожиданный взрыв человеческих голосов, свидетельствующий о том, что Неда Ленда застигли в момент осуществления его «преступного» плана. Безумная тревога овладела мной... Напрасно я старался вернуть себе спокойствие.

В девять часов без нескольких минут я приложил ухо к перегородке, отделяющей мою каюту от капитанской, и прислушался. Ни звука не доносилось оттуда. Я вышел из каюты и вошел в салон. Он был полуосвещен, но никого там не было.

Я открыл дверь, ведущую в библиотеку. Там царил тот же полусвет и та же пустота.

Я прошел к двери, ведущей к трапу, чтобы там дождаться сигнала Неда Ленда.

В эту минуту шум вращения винта значительно уменьшился, а затем и вовсе прекратился. Почему «Наутилус» остановился? Содействовала эта остановка осуществлению плана Неда Ленда или мешала ему? Этого я не знал.

Теперь тишина нарушалась только отчаянным биением моего сердца.

Внезапно раздался легкий толчок. Я понял, что «Наутилус» опустился на дно океана. Я еще больше взволновался. Канадец не подавал сигнала. Мне хотелось пойти к Неду Ленду и уговорить его отложить побег. Я чувствовал, что в этот вечер наше плавание проходит не в обычных условиях.

В это время на пороге библиотеки появился капитан Немо. Заметив меня, он не здороваясь, но очень любезным тоном сказал:

— А, господин профессор, я вас искал. Знаете ли вы испанскую историю?

Если бы он спросил меня, знаю ли я историю своей родины, и то в теперешнем своем состоянии крайнего смущения и тревоги я не смог бы ничего ответить ему.

— Вы слышали мой вопрос? — спросил капитан Немо. — Знаете ли вы испанскую историю?

— Очень плохо, — наконец нашел я в себе силы ответить.

— Ох, уж эти мне ученые! — сказал капитан. — Кроме своей специальности, они ничего не знают! Садитесь, — добавил он, — я расскажу вам один любопытный эпизод из этой истории.

Капитан удобно уселся на диван. Я последовал его примеру, выбрав уголок потемней.

— Господин профессор, — начал он, — слушайте меня внимательно. Мой рассказ заинтересует вас, так как он косвенно ответит на один вопрос, который вы, безусловно, задавали себе и не могли разрешить.

— Я слушаю вас, капитан, — ответил я, встревоженный этим предисловием.

Я не знал, к чему клонит свою речь капитан, и спрашивал себя, не связан ли его рассказ с нашей неудавшейся попыткой побега.

— Если разрешите, господин профессор, — продолжал капитан, — мы начнем с тысяча семьсот второго года. Быть может, вы помните, что в эту эпоху французский король Людовик Четырнадцатый, воображавший, что достаточно ему шевельнуть пальцем, чтобы Пиренеи провалились под землю, посадил на испанский престол своего внука, герцога Анжуйского.

Этому в достаточной степени бездарному принцу, царствовавшему под именем Филиппа Пятого, пришлось столкнуться с сильными внешними врагами.

В самом деле, годом раньше, в тысяча семьсот первом году, голландский, австрийский и английский короли заключили в Гааге союз, поставив себе целью сорвать испанскую корону с головы Филиппа Пятого и возложить ее на голову некоего эрцгерцога, которого они преждевременно называли Карлом Третьим.

Испания должна была бороться против этой коалиции. Но у нее не было ни солдат, ни матросов. Зато она в избытке располагала деньгами, при том, конечно, условии, если галионы, нагруженные американским золотом, будут иметь беспрепятственный доступ в ее гавани.

Как раз в конце тысяча семьсот второго года Испания ждала богатый транспорт из Америки, который конвоировала французская эскадра в составе двадцати трех судов под командой адмирала Шато-Рено. Этот конвой был необходим, так как объединенный флот врагов Испании рыскал в Атлантическом океане.

Транспорт направлялся в Кадикс, но адмирал, узнав, что в кадикских водах крейсирует английская эскадра, решил войти в какой-нибудь французский порт.

Однако испанские капитаны запротестовали против такого решения. Они требовали, чтобы их доставили в какой-либо из испанских портов, и, поскольку в Кадикс нельзя было пробраться, предлагали итти в бухту Виго, которая не была блокирована англичанами.

Адмирал Шато-Рено, человек слабовольный, согласился с этим требованием, и галионы вошли в бухту Виго.

К несчастью, эта бухта широко открыта со стороны моря, и преградить доступ в нее невозможно. Поэтому нужно было поспешить с разгрузкой галионов до появления флота враждебной коалиции; времени на это было вполне достаточно, и все обошлось бы благополучно, если бы внезапно не возникло глупейшее дело о наруше-

нии привилегий... Вы внимательно следите за моим рассказом? — вдруг прервал себя капитан Немо.

— Очень внимательно, — ответил я, теряясь в догадках, с какой целью он читает мне эту лекцию по истории.

— Итак, я продолжаю. Вот что произошло. У кадикских купцов была привилегия, в силу которой все грузы, прибывавшие из Вест-Индии, как тогда называли Америку, должны были разгружаться в Кадиксе. Таким образом, разгрузка в бухте Виго галионов, которые привезли золотые слитки, являлась нарушением их привилегии. Купцы пожаловались в Мадрид и добились у слабого Филиппа Пятого эдикта, что транспорт будет секвестрован[1] в бухте Виго до тех пор, пока флот коалиции не снимет блокады с Кадикса.

Но покамест это решение выносилось в Мадриде, двадцать второго октября тысяча семьсот второго года английские суда вошли в бухту Виго. Адмирал Шато-Рено, несмотря на явное превосходство сил противника, мужественно сражался. Но, увидев, что золотой транспорт неминуемо должен попасть в руки врагов, он поджег и потопил галионы, которые пошли ко дну вместе со своим грузом...

Капитан Немо умолк. Признаюсь, я все еще не понимал, чем меня должна была заинтересовать эта история.

— А дальше? — спросил я.

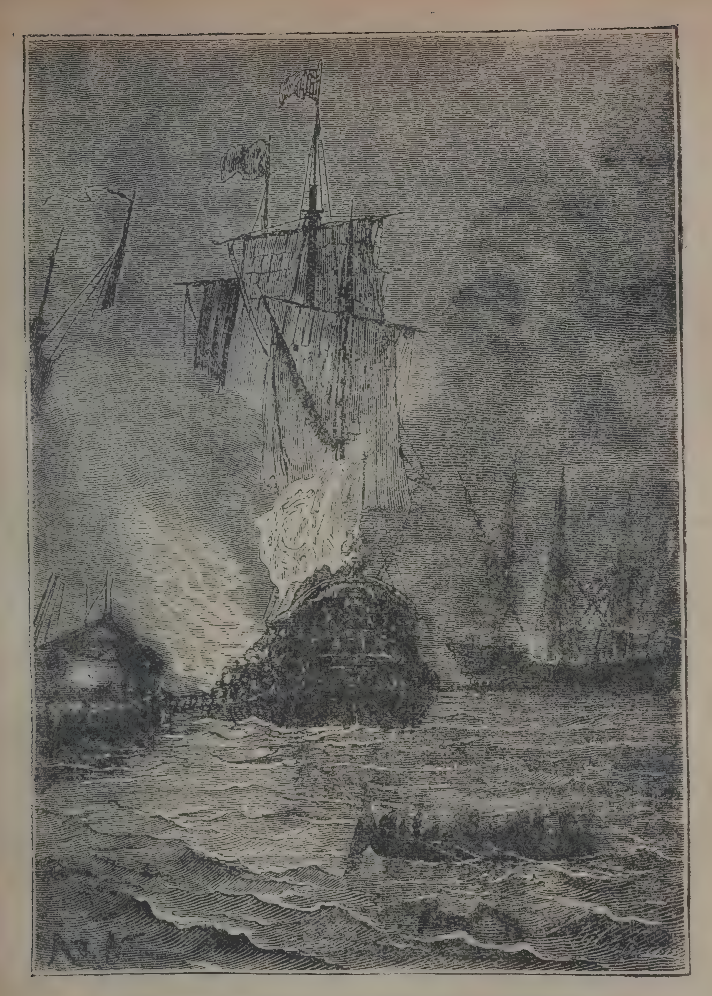
— Дальше? Дальше следует то, что мы сейчас находимся на дне бухты Виго, и только от нас зависит проникнуть в ее тайну.

Капитан поднялся и пригласил меня следовать за собой.

Я успел уже оправиться от смущения и непринужденно пошел за ним.

---

[1] Секвестр — запрещение, налагаемое властями на какое-нибудь имущество.

Адмирал поджег и потопил свои галионы.

В салоне было темно; сквозь открытые ставни виднелась искрящаяся за океаном морская вода. Я подошел к окну.

Прожектор ярко освещал воду на полмили в окружности. Свет его был настолько силен, что можно было рассмотреть каждую песчинку.

Матросы «Наутилуса», одетые в скафандры, ворошили на дне полусгнившие бочки, сломанные ящики, вытаскивая их из-под кучи других обломков. Из этих ящиков и бочонков сыпались струи золота, серебра и драгоценностей. Весь песок был устлан ими.

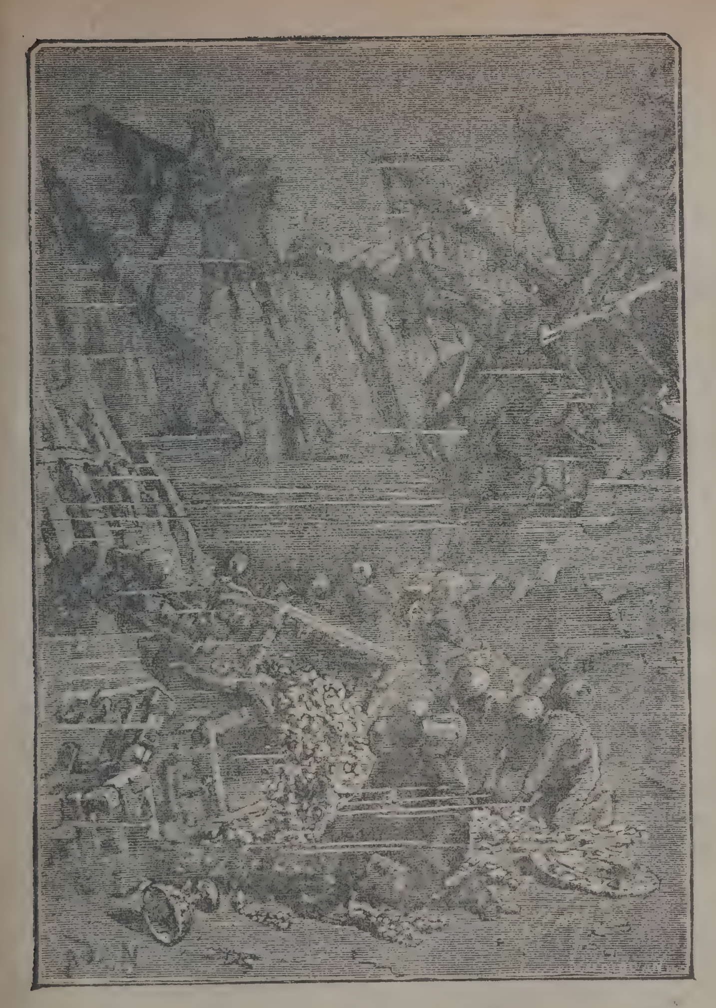
Взвалив на спину ящик или бочку, матросы шли к кораблю, складывали свой драгоценный груз и шли за новым запасом в эту неисчерпаемую сокровищницу.

Теперь я понял. Это был театр морского сражения. Здесь 22 октября 1702 года затонули галионы, которые везли золото испанскому королю. В этих россыпях капитан Немо черпал золото, когда оно ему было нужно. Только ему, ему одному принадлежали эти бочки, эти ящики. Он был прямым и единственным наследником этих миллионов.

— Знали ли вы, господин профессор, — улыбаясь, спросил капитан Немо, — что море содержит такое богатство?

— Я знал только то, что в морской воде в растворенном виде находится около двух миллионов тонн серебра.

— Это верно, но чтобы извлечь это серебро из воды, пришлось бы сделать больше затрат, чем получить прибыли. Здесь же нужно только дать себе труд нагнуться, чтобы поднять то, что потеряли люди. И не только бухта Виго служит мне сокровищницей: есть еще тысячи не менее богатых мест крушений, отмеченных на моей подводной карте. Понимаете ли вы теперь, что мое богатство измеряется миллиардами?

Из ящиков сыпалось золото.

— Отлично понимаю, капитан. Разрешите только сказать вам, что, черпая золото в этой бухте Виго, вы опередили одно торговое общество, которое могло бы соперничать с вами.

— Какое?

— Общество, получившее от испанского правительства привилегию на производство работ по поискам затонувших галионов. Акционеры этой компании спят и видят эти пятьсот миллионов — ведь стоимость груза затонувших галионов была оценена именно в эту сумму.

— Пятьсот миллионов? — повторил капитан Немо. — Они здесь были, но их уже нет.

— Понимаю, — сказал я. — Поэтому несколько слов предупреждения участникам этого дела были бы совсем не лишними. Впрочем, кто знает, как это предупреждение будет принято? Вы ведь знаете, что игроки всегда больше сожалеют о крушении безумных надежд, чем о пропаже денег. Ну, да мне не жалко этих спекулянтов! Я больше сожалею о том, что эти деньги, которые могли бы облегчить нужду сотен тысяч бедняков, никогда не дойдут до них...

Я еще не кончил фразы, как почувствовал, что она оскорбила капитана Немо.

— Никогда не дойдут до них? — воскликнул капитан. — Значит, вы считаете, что эти деньги пропали, раз они подобраны мной? Неужели вы думаете, что я для себя собираю эти сокровища? Кто вам сказал, что я не делаю с их помощью добрых дел? Я знаю, что на земле существует неисходное горе, угнетенные народы, несчастья, требующие помощи, и жертвы, взывающие о мести! Разве вы не понимаете, что...

Тут капитан Немо вдруг умолк. Может быть, он пожалел, что в порыве возмущения сказал лишнее.

Но я уже и так все понял. Каковы бы ни были причины, заставившие его искать независимость под водой,

но прежде всего он оставался человеком. Его сердце обливалось кровью от страданий человечества, и он щедрой рукой оказывал помощь угнетенным народам.

Я понял теперь, кому предназначались миллионы, отправленные капитаном Немо в тот день, когда «Наутилус» находился вблизи охваченного восстанием острова Крит!

Глава девятая

ПРОПАВШИЙ МАТЕРИК

На следующее утро, 19 февраля, ко мне зашел канадец. Я ждал этого посещения.

У Неда Ленда был удрученный вид.

— Что скажете, господин профессор? — начал он.

— Что же тут говорить, Нед? — ответил я. — Случай изменил нам.

— Да... Надо же было этому проклятому капитану остановить свой корабль как раз в ту минуту, когда мы собрались бежать!

— Что поделаешь, Нед, — он должен был навестить своего банкира.

— Банкира?

Нед широко раскрыл глаза.

— Вернее, кассу своего банка. Я имею в виду дно океана, где богатство находится в большей сохранности, чем в любом государственном хранилище.

И я рассказал Неду Ленду события предшествующего вечера, в тайной надежде, что мой рассказ примирит его с капитаном и заставит отказаться от мысли о побеге.

Но единственным результатом было горькое сожаление Неда Ленда, что ему не пришлось самому погулять на месте битвы при Виго.

— Однако, — сказал он, возвращаясь к преследо-

вавшей его мысли, — ведь ничто не потеряно! То, что не удалось вчера вечером, может удаться сегодня...

— Куда идет «Наутилус»? — прервал я его.

— Не знаю.

— В полдень посмотрим по карте.

Канадец вернулся к Конселю. Одевшись, я поспешил в салон.

Компас сообщил мне малоутешительную новость: «Наутилус» шел на юго-запад. Мы повернулись спиной к Европе.

Я с нетерпением ждал полуденных наблюдений, результат которых тотчас же отмечался на карте.

В половине двенадцатого насосы опорожнили резервуары, и «Наутилус» всплыл на поверхность океана.

Я бросился на палубу; Нед Ленд опередил меня.

В виду не было никакой земли. Только необозримое море. Несколько парусников виднелись на горизонте. Небо было обложено тучами. Видимо, надвигалась буря.

Огорченный Нед Ленд старался просверлить взором облачную завесу: он надеялся, что в тумане увидит желанную сушу.

В полдень не надолго выглянуло солнце. Помощник капитана воспользовался этим, чтобы сделать наблюдения. Так как на море поднялось сильное волнение, «Наутилус» тотчас же снова погрузился в воду.

Через час, когда на карту было нанесено положение судна, я увидел, что мы находимся на расстоянии шестисот километров от ближайшей земли, под 16°17′ долготы и 33°22′ широты. Нечего было и думать о побеге при этих условиях.

Нетрудно себе представить, как огорчился канадец при этом известии.

Что касается меня, то я не слишком был огорчен. Напротив, у меня словно камень свалился с души, и я с

величайшим наслаждением вернулся к своим текущим работам.

Поздно вечером, около одиннадцати часов, ко мне неожиданно зашел капитан Немо. Он очень любезно спросил меня, не утомило ли меня вчерашнее позднее бдение. Я ответил, что нисколько.

— В таком случае, господин профессор, я предложу вам принять участие в очень любопытной экскурсии, — сказал он.

— Пожалуйста, капитан.

— Вы до сих пор посещали морское дно только днем, при солнечном свете. Хотите посмотреть на него темной ночью?

— Очень охотно.

— Предупреждаю вас, что прогулка будет утомительной. Придется много ходить и взбираться на гору. Дороги здесь, как вам известно, содержатся в неважном состоянии.

— Вы только раздразнили мое любопытство, капитан. Я готов следовать за вами.

— Тогда пойдем в гардеробную — надо надеть скафандры.

В гардеробной я увидел, что ни матросы из экипажа «Наутилуса», ни мои товарищи не сопровождают нас в эту экскурсию. Капитан Немо даже не предложил мне пригласить Неда Ленда и Конселя.

Мы быстро облачились в скафандры. Нам на спину надели резервуары с большим запасом воздуха. Но аппаратов Румкорфа и электрических ламп мы с собой не взяли.

Я обратил на это внимание капитана.

— Они нам не понадобятся, — ответил он.

Мне показалось, что я плохо расслышал, но повторить свое замечание я не мог, так как капитан уже просунул голову в шлем. Я последовал его примеру. Мне

вложили в руку окованную железом палку, и через несколько минут, после обычных процедур, мы ступили на дно Атлантического океана на глубине трехсот метров.

Приближалась полночь. В воде было совершенно темно, но капитан Немо указал мне на какую-то красную точку, мерцавшую, словно костер, в двух милях от «Наутилуса». Что это был за огонь, что питало его, как и почему он горел под водой — я не мог себе объяснить. Как бы там ни было, но он освещал наш путь.

Я шел рядом с капитаном Немо прямо по направлению к этому огню.

Дно, плоское вначале, теперь заметно повышалось. Мы шли большими шагами, опираясь на палки, но, несмотря на это, в общем подвигались довольно медленно, так как ноги часто увязали в тине.

Всю дорогу над моей головой раздавался какой-то треск. Иногда треск усиливался, напоминая барабанную дробь. Вскоре я догадался о причине этого шума: над океаном шел дождь, и сильные струи его непрерывно ударялись о поверхность волн.

Я сначала испугался, что промокну, но тут же расхохотался — до того эта мысль показалась мне абсурдной! Бояться дождя, находясь под водой! Но дело в том, что под скафандром не чувствуешь, что находишься в воде, и замечаешь разве только, что окружающая среда плотнее воздуха.

После получаса ходьбы почва стала каменистой. Медузы и микроскопические ракообразные освещали ее слабым фосфорическим блеском.

Некоторые камни были усеяны зоофитами, другие поросли водорослями.

Я несколько раз поскользнулся на илистом ковре, и не будь у меня палки, без сомнения, не раз упал бы. Оглядываясь, я видел прожектор «Наутилуса», начинавший бледнеть в отдалении.

Нагромождения камней были расположены на дне океана как будто не случайно, а в известном строгом порядке, который я не мог себе объяснить.

Я видел теряющиеся в отдалении и мраке какие-то гигантские прямые выемки или борозды. Я наблюдал еще кое-какие странности, которых тоже не понимал. Мне казалось, что мои тяжелые, подбитые свинцом башмаки ступают по костям и с сухим треском давят их.

Каким странным местом была эта обширная долина, по которой мы шли!

Я хотел задать вопрос капитану, но не знал того условного языка знаков, при помощи которого он объяснялся с матросами, когда они сопровождали его в подводные экскурсии.

Между тем красноватый свет, служивший нам путеводной звездой, усиливался и заливал теперь весь горизонт. Этот огонь, горящий под водой, разжег до крайности мое любопытство. Что это — электрическое свечение? Или это какой-нибудь феномен, неизвестный земным ученым? А может быть — и такая мысль мелькнула в моем уме, — это огонь, поддерживаемый человеком? Быть может, здесь, в этих глубинных слоях воды, я встречусь с друзьями и единомышленниками капитана Немо, ведущими такую же странную жизнь, как и он? Неужели я найду тут целую колонию изгнанников, уставших от людской несправедливости и создавших себе независимое и спокойное убежище на дне океана?

Эти бессмысленные, безумные мечты преследовали меня все время. Да и неудивительно. В том состоянии возбуждения, в котором меня держало беспрерывное созерцание все новых и новых чудес, я бы даже не удивился, наткнувшись в глубине моря на один из тех подводных городов, о которых мечтал капитан Немо.

Наш путь освещался все ярче и ярче. Источник света помещался где-то за вершиной горы, поднимающейся

футов на восемьсот над дном. Свет, разлитый вокруг меня, был лишь преломленными в воде лучами этого источника, а сам он попрежнему оставался невидимым.

Капитан Немо шел не колеблясь по каменному лабиринту дна. Он хорошо знал эту темную дорогу. Очевидно, он так часто проходил по ней, что не боялся сбиться с пути. Я следовал за капитаном, преисполненный доверия. Он представлялся мне каким-то сверхъестественным существом, подводным гением, и я любовался его высокой фигурой, темный контур которой вырисовывался на светлом фоне горизонта.

Было около часа ночи. Мы подошли к подножью горы. Но взбираться на нее в лоб было невозможно, и мы стали карабкаться по узким тропинкам, проложенным в густом лесу.

Да, это был лес, пусть состоящий из мертвых, лишенных листвы деревьев, обуглившихся в соленой воде, но все-таки настоящий лес. В нем местами все еще возвышались гигантские сосны.

Это был каменный уголь, еще не слежавшийся пластами, еще стоящий вертикально, уцепившись мертвыми корнями за размытую почву; ветви окаменевших деревьев все еще простирались во все стороны, четко выделяясь своей точеной, ажурной чернотой в освещенной воде.

Тропинки поросли водорослями, в которых копошились тысячи ракообразных.

Я взбирался на скалы, перепрыгивал через поваленные давними бурями стволы деревьев, разрывал паутину морских лиан, преграждавших путь, вспугивал на ходу рыб, словно перелетавших с ветки на ветку.

Увлекшись, я не чувствовал усталости и не отставал от своего проводника, также, видимо, не испытывавшего утомления.

Какое незабываемое зрелище! Как передать его словами? Какими красками нарисовать деревья и скалы в воде, их мрачные подножья и окрашенные в красный цвет верхушки, искрящиеся и переливающиеся радугой в рассеянном свете преломленных лучей?

Мы перепрыгивали с утеса на утес и слышали, как только что оставленные нами скалы скатываются вниз с глухим рокотом.

Направо и налево уходили вдаль мрачные аллеи, в глубине которых терялся взор. Мы видели обширные лужайки, казалось, расчищенные руками человека, и я спрашивал себя: что, если вдруг перед нами появится один из обитателей этой подводной страны?..

Капитан Немо все шел и шел вперед. Я не хотел отставать и отважно следовал за ним. Палка оказывала мне существенную помощь. Один неверный шаг мог оказаться гибельным на этих узких, прилегающих к краям бездны тропинках. Но я уверенно продвигался вперед, не испытывая ни малейшего головокружения.

Я прыгал через расщелины, глубина которых — встреться они мне в ледниках земли — заставила бы меня отступить. Не глядя себе под ноги и не переставая восхищаться необычайной красотой раскинувшихся передо мной пейзажей, я смело переходил через пропасти по колеблющимся стволам деревьев, переброшенным с одного края на другой. Величественные скалы, наклонившиеся на своих причудливо очерченных основаниях, казалось, опровергали все законы равновесия. Рядом выточенные в породе откосы нависали над тропинками под таким углом, который нарушал все «земные» законы тяготения.

Да и сам я резко ощущал на самом себе влияние водной среды: несмотря на тяжелую одежду, медный шлем на голове и подбитые свинцом подошвы, я взбирался на почти отвесные стены с легкостью серны.

Я сам чувствую, как неправдоподобно звучит эта часть моего рассказа. Я должен описывать явления, которые на первый взгляд кажутся невероятными, немыслимыми, но которые в то же время реально существуют. Я не бредил и не грезил. Все это я видел и ощущал!

Через два часа после того, как началась экскурсия, мы поднялись выше линии распространения леса, и вершина горы возвышалась теперь лишь в сотне футов над нами.

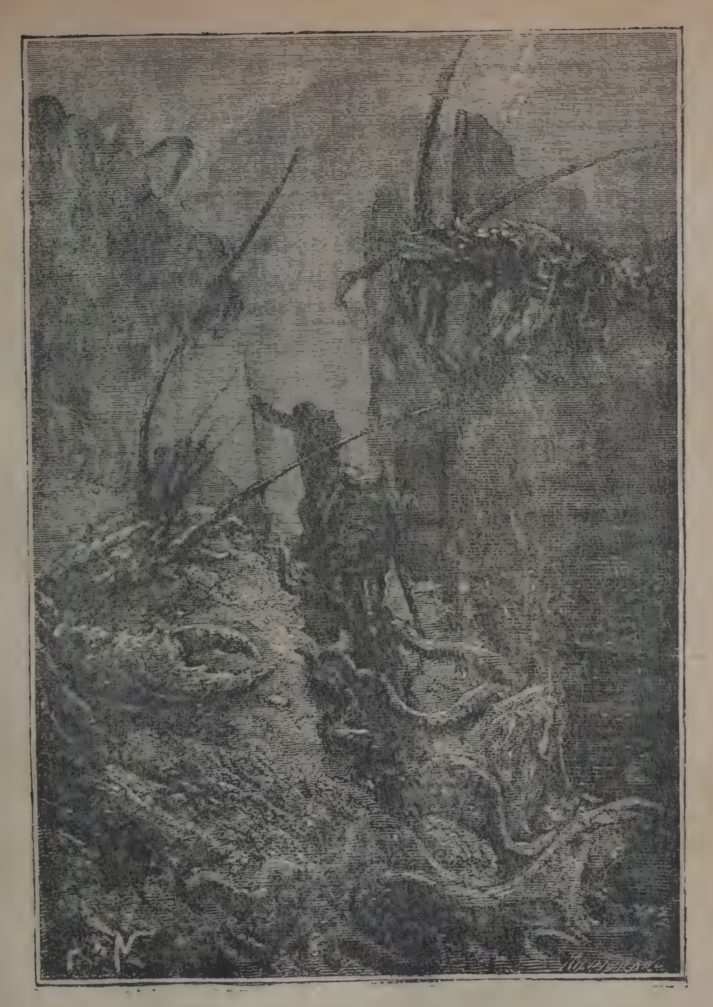
Здесь виднелись уже только редкие кустарники, переплетавшиеся в какой-то странный узор. Рыбы массами вырывались из-под наших ног, как вспугнутые птички из высокой травы.

Скалистый массив был изрезан непроходимыми трещинами, глубокими пещерами, бездонными пропастями, в глубине которых мне чудились страшные вещи. Кровь волной приливала к моему сердцу, когда дорогу вдруг преграждало огромное щупальце или страшная клешня, с шумом захлопывавшаяся при нашем приближении. Тысячи светлых точек блестели в темноте. Это были глаза исполинских крабов, укрывавшихся в своих логовищах, гигантских омаров, шевеливших своими лапами, точно алебардами, ужасных спрутов, чьи щупальцы извивались, словно живая изгородь из змей.

Это был еще незнакомый мне мир чудовищ. К каким видам принадлежат эти членистоногие, которым скалы служили как бы вторым панцырем? Как могла природа сохранить тайну их существования? Сколько веков живут они уже в этих глубинах океана?

Но я не имел возможности остановиться, чтобы лучше рассмотреть их. Капитан Немо, давно свыкшийся с этими страшными существами, проходил мимо, не обращая на них внимания.

Мы взобрались на первую площадку горы, и там

Гигантские крабы, омары-великаны...

меня ждала новая неожиданность. Это были высокие груды камней, в которых можно было угадать развалины дворцов, храмов, домов, созданных руками человека. Все это было покрыто теперь цветущими садами зоофитов и обвито зеленым плющом водорослей.

Но что это была за часть суши и какая катастрофа погрузила ее на дно морское? Где я находился? Куда привела меня фантазия капитана Немо?

Я хотел расспросить его. Не имея возможности окликнуть, я схватил его за рукав. Но он покачал головой под шлемом и указал рукой на вершину горы, как будто говоря мне: «Иди! Иди дальше, дальше!»

Собрав последние силы, я пошел за ним и в несколько минут с разбега поднялся на самую вершину горы, метров на двадцать взметнувшуюся над скалистым массивом.

Я оглянулся на склон, по которому мы взобрались. Гора возвышалась с этой стороны не больше чем на семьсот футов над долиной. Но противоположный склон ее уходил вниз по крайней мере на полторы тысячи футов.

Огромная, ярко освещенная равнина открывалась здесь перед моим изумленным взором.

Футах в пятидесяти под нами лежал широкий кратер. Потоки лавы огненными каскадами стекали по его склону. Этот вулкан, как гигантский факел, освещал лежащую у его подножья равнину ярким светом, распространявшимся до последних пределов видимого горизонта.

Вулкан извергал лаву. Раскаленная добела в недрах земли, она изливалась в воду, превращая ее в пар, покамест сама не остывала. Быстрое течение, образующееся вследствие разности температур, увлекало в сторону пары воды, а потоки огненной лавы спускались до самого подножья горы.

Перед моими глазами расстилался мертвый город — груда развалин с рухнувшими крышами, обвалившимися стенами, опрокинутыми арками храмов, лежащими на земле колоннами. Стиль этих сооружений был похож на тосканский.

Вдали, на равнине, высились развалины гигантского водопровода; ближе к подножью горы виднелись остатки величественного Акрополя, формы которого чем-то напоминали афинский Парфенон[1]; там — отдельные сохранившиеся участки набережной, уголки античного порта, служившего приютом торговым кораблям и военным триремам; еще дальше — длинные линии обрушившихся стен — следы бывших улиц.

Это была новая Помпея, которую капитан Немо воскресил перед моими глазами.

Где я находился? Я хотел узнать это во что бы то ни стало. Я хотел спросить об этом капитана Немо, хотя бы для этого нужно было сорвать медный шлем, державший в плену мою голову.

Но капитан Немо сам подошел ко мне. Нагнувшись и подобрав кусок мела, он подошел к черной базальтовой скале и начертал на ней только одно слово:

«АТЛАНТИДА»

Словно молния пронзила мой мозг. Атлантида! Атлантида Платона[2], существование которой оспаривали Ориген, Порфирий, д'Анвиль, Мальтбрэн, Гумбольдт, считавшие, что этот исчезнувший материк не более как красивая легенда! Атлантида, существование которой признавали Плиний, Амиан-Марцеллин, Тертуллиан, Энгель, Шерер, Турнефор, Бюффон, д'Авезак, — эта Атлантида

---

[1] Парфенон — храм богини Афины-Паллады, лучший памятник древнегреческой архитектуры.

[2] Платон (427—348 гг. до н. э.) — греческий философ.

лежала перед моими глазами, храня следы постигшей ее катастрофы!

Итак, вот где была эта потонувшая страна, о которой знали только то, что она находилась вне Европы, вне Азии, вне Ливии [1], по ту сторону Геркулесовых столбов [2], и что населяло ее могущественное племя атлантов, против которых древние греки предпринимали свои первые войны.

В летописях Платона сохранилось описание великих деяний того героического времени. Вот что говорится в диалоге Тимея и Критиаса об Атлантиде.

Однажды Солон беседовал с несколькими мудрыми старцами из Саиса — города, который уже в то время насчитывал восемьсот лет, о чем свидетельствовали надписи, высеченные на священной стене его храма. Один из этих старцев рассказал ему историю другого города, еще более древнего, чем Саис. Этот город, существовавший в течение девятисот веков, был захвачен и частично разрушен атлантами.

Власть атлантов, по его рассказам, распространялась даже на Египет. Они захотели подчинить себе также и Элладу [3], но им пришлось отступить перед мужественным сопротивлением эллинов.

Произошла катастрофа — наводнение, землетрясение...

Достаточно было одной ночи и одного дня, чтобы с лица земли исчезла Атлантида, и только самые высокие ее вершины — Мадейра, Азорские острова, Канарские острова, острова Зеленого Мыса — уцелели над поверхностью океана...

Таковы исторические воспоминания, которые пробудило в моем мозгу начертанное капитаном Немо слово.

---

[1] Ливия — древнее название Африки.

[2] Геркулесовы столбы — древнее название гибралтарских скал.

[3] Эллада — древняя Греция.

Итак, судьба забросила меня сегодня на вершину одной из гор этого исчезнувшего континента, позволила прикоснуться рукой к развалинам зданий, существовавших много тысячелетий! Я ступал по почве, по которой ходили первые обитатели Земли! Под моими подбитыми свинцом башмаками хрустели скелеты животных, живших в баснословно далекие времена под сенью этих деревьев, уже тысячелетия спящих каменным сном!

Ах, почему у меня не было времени! Я бы спустился по крутому склону горы и обошел бы из конца в конец этот огромный материк, вероятно соединявший когда-то Африку с Америкой; я посетил бы все его города, существовавшие задолго до всемирного потопа, построенные великанами, жившими целые столетия и наделенными такой огромной силой, что воздвигнутые ими сооружения многие тысячелетия сопротивляются разрушающему действию воды!..

Быть может, настанет день, когда вулканический процесс или сдвиг земной коры снова поднимет на поверхность воды эти погребенные на дне морском развалины. Ведь нам известен целый ряд действующих вулканов в этой части океана. Немало моряков отмечали сильные толчки, сотрясавшие их корабли при плавании над этими взволнованными глубинами. Одни слышали глухой шум борьбы разъяренных стихий, другие замечали плавающий на поверхности вулканический пепел. Вся эта часть планеты, до самого экватора, — область неутихающей вулканической деятельности. Как знать, может быть, и в самом деле в далеком будущем наслаивающиеся под влиянием частых извержений пласты лавы снова выведут на поверхность океана вершины огнедышащих гор?

В то время как я предавался грезам, стараясь в то же время запечатлеть в своей памяти все подробности этого грандиозного пейзажа, капитан Немо, облокотившись о поросший водорослями столб, стоял неподвижно,

в немом экстазе. Думал ли он об исчезнувших поколениях? Спрашивал ли себя о судьбах грядущих поколений? Или этот странный человек, ненавидящий современность, приходил сюда, чтобы пожить жизнью древних? Чего бы я не дал, чтобы разгадать его мысли!

В течение часа мы оставались на месте, созерцая обширную равнину, освещенную раскаленными потоками лавы так же ярко, как солнечным светом.

Склоны горы содрогались порой от кипения лавы внутри ее недр. Глухой шум, отчетливо передававшийся через воду, звучал грозно и величественно.

В эту минуту лучи луны пронизали слои воды и в течение нескольких минут озаряли затонувший континент. Невозможно передать словами потрясающий эффект этого зрелища!

Капитан Немо вдруг отошел от столба, окинул последним взглядом беспредельную равнину и затем сделал мне знак следовать за ним.

Мы быстро спустились с горы. Как только мы вышли из обуглившегося леса, я увидел вдали прожектор «Наутилуса», сверкавший, как звезда.

Капитан зашагал прямо к нему. Мы вернулись на борт, когда первые лучи зари осветили горизонт над океаном.

Глава десятая

ПОДВОДНЫЕ РУДНИКИ

На следующий день, 20 февраля, я проснулся очень поздно. Ночная прогулка так утомила меня, что я проспал до одиннадцати часов.

Я быстро оделся и вышел в салон: мне не терпелось узнать направление «Наутилуса».

Приборы показывали, что он попрежнему идет на юг

со скоростью двадцати миль в час и на глубине ста метров.

Консель вошел в салон. Я рассказал ему о нашей ночной прогулке. В это время раздвинулись ставни на окнах, и он смог увидеть часть затонувшего материка.

«Наутилус» шел всего в каком-нибудь десятке метров от «почвы» Атлантиды. Он мчался вперед, как воздушный шар, увлекаемый ветром; впрочем, вернее было сравнить наши ощущения с впечатлениями пассажиров курьерского поезда, которые глядят из окна вагона на проносящиеся мимо пейзажи.

Перед нашими глазами мелькали фантастические очертания скал, лесов, кустарников, перешедших из растительного царства в минеральное; нагромождения камней и обломков зданий, покрытых коврами из асцидий, анемонов, длинных вертикальных водорослей; наконец, глыбы лавы, немые свидетели деятельности подземного огня.

В то время как эти причудливые картины вспыхивали перед нами, вырванные из мрака лучами прожектора «Наутилуса», я рассказывал Конселю об атлантах и Атлантиде, существование которой было теперь для меня абсолютно бесспорным.

Но внимание Конселя было чем-то отвлечено, он слушал меня рассеянно. Вскоре я понял, чем объясняется его равнодушие к этой великой загадке истории. Действительно, мимо нас проносились рыбы, а когда Консель видел рыб, он погружался в дебри классификации, и весь остальной мир переставал существовать для него. Мне не оставалось ничего иного, как прекратить рассказ об Атлантиде и заняться вместе с ним рыбами.

Впрочем, рыбы Атлантического океана мало чем отличались от уже виденных нами в других океанах. Это были гигантские скаты, длиной в пять метров и обладающие такой мускульной силой, что они могут выпры-

гивать из воды; различные виды акул, в том числе одна зеленая с синим отливом, длиной в пятнадцать футов, с острыми треугольными зубами; благодаря своей окраске, похожей на цвет морской воды, она почти невидима в волнах. Тут были еще темнокоричневые сарги из породы спаровых рыб, осетры, подобные виденным нами в Средиземном море, игла-рыба с длинным трубкообразным рылом, окрашенная в светлобурый цвет, с темнобурыми поперечными полосами. Эти рыбы извивались в воде, как змеи.

Среди костистых рыб Консель отметил морских драконов, называемых также морскими скорпионами и считающихся ядовитыми рыбами. Действительно, шипы, находящиеся на спине и голове дракона, имеют по две бороздки; по этим бороздкам, когда шипы вонзаются в тело врага, в рану вливается ядовитая слизь. Драконы окрашены в серовато-красный цвет, переходящий на спине в коричневый, а на брюхе — в беловатый. Все тело дракона покрыто черноватыми неясными пятнами.

Далее Консель видел золотых макрелей, окрашенных в прекрасный золотистый цвет, с синим металлическим отливом, красивых скумбрий, лунных рыб, или ламприд, похожих на диски и удивительно красиво окрашенных: верхняя сторона синяя, бока фиолетовые, брюхо розовое, а плавники кораллово-красного цвета.

Но наблюдение за этими различными образчиками морской фауны не мешало мне в то же время любоваться равнинами Атлантиды. Порой капризные изломы морского дна заставляли «Наутилус» умерять скорость. Тогда он лавировал с ловкостью настоящей рыбы в подводных переулках.

Если лабиринт холмов становился непроходимым, корабль поднимался в верхние слои воды, как аэростат, и, перепрыгнув через препятствие, снова продолжал свой быстрый бег в нескольких метрах над дном.

Это плавание было очаровательной прогулкой, подобной прогулке на воздушном шаре, но отличавшейся от нее тем, что наш «шар» слушался каждого движения руки рулевого.

Около четырех часов пополудни характер дна, покрытого тиной, перемешанной с окаменевшими ветвями, стал понемногу видоизменяться. Теперь дно было преимущественно каменистое, усеянное конгломератами, вулканическим туфом, натеками застывшей лавы и сернистыми обсидианами. Я подумал, что здесь кончается равнина и начинается гористая местность. И действительно, вскоре я увидел, что горизонт на юге прегражден высоким горным барьером, повидимому совершенно непроходимым, так как верхушки его гор должны были выступать из воды над уровнем океана. Это был либо берег материка, либо берег какого-нибудь острова — может быть, одного из островов Зеленого Мыса или Канарских.

Так как за последние дни астрономические наблюдения не отмечались на карте — возможно, что намеренно, — я не представлял себе, где мы находимся. Эта гранитная стена, по-моему, отмечала собой конец материка атлантов, только малую часть которого мы видели.

Я не прерывал своих наблюдений и ночью. Консель ушел спать в свою каюту, а я остался один в салоне. «Наутилус», замедлив бег, плыл над смутно видневшимися массивами, то чуть не задевая их, точно собираясь остановиться, то всплывая на поверхность океана.

В такие минуты я видел сквозь тонкий слой воды несколько ярких созвездий и, в частности, те пять или шесть звезд, которые блестят в хвосте Ориона.

Я бы провел еще долгие часы у окна, любуясь красотами моря и неба, если бы ставни вдруг не закрылись.

В эту минуту «Наутилус» как раз подходил к отвесно вздымавшейся вверх стене. Как он обойдет это препят-

ствие, я не мог себе представить. Пришлось вернуться в свою каюту. «Наутилус» не двигался. Я заснул с твердым решением встать пораньше.

Но на следующее утро я проснулся только около восьми часов и тотчас же прошел в салон. Манометр указывал, что «Наутилус» плавает на поверхности океана. Впрочем, об этом я мог догадаться и по шуму шагов на палубе. Однако ни малейшей качки, неизбежной при плавании по поверхности океана, не ощущалось.

Я прошел к люку. Он был открыт. Но вместо яркого света дня, который я ожидал увидеть, меня окружала глубокая тьма.

Где мы были? Неужели я проспал целые сутки и сейчас была ночь?

Но нет, ни одна звезда не блестела на небосклоне, да и вообще ночь никогда не бывает такой темной.

Я не знал, что и подумать, как вдруг из темноты меня окликнул голос:

— Это вы, господин профессор?

— А, капитан Немо! Где мы находимся?

— Под землей, господин профессор.

— Под землей?! — вскричал я. — И «Наутилус» продолжает плавать?

— Он всегда плавает.

— Но... я ничего не понимаю...

— Потерпите несколько минут. Сейчас будет включен прожектор, и вы все поймете.

Я сел на вышку прожектора и терпеливо стал ожидать. Мрак был настолько густым, что я не видел даже капитана Немо.

Подняв глаза кверху, я увидел как раз над своей головой неопределенное мерцание, какой-то полусвет, проникавший сквозь круглое отверстие. В эту минуту вспыхнул прожектор, и его ослепительный свет растворил это неясное мерцание.

Когда глаза мои привыкли к свету, я стал осматриваться.

«Наутилус» стоял неподвижно возле берега, напоминавшего набережную какого-нибудь порта. Подводный корабль находился на поверхности озера, окруженного со всех сторон каменной стеной. Диаметр озера равнялся примерно двум милям; следовательно, окружность его тянулась на шесть миль. Уровень воды в озере был тот же, что и в океане, ибо это озеро обязательно должно было сообщаться с океаном. Это подтверждалось, впрочем, и показаниями манометра.

Высокие стены нависали над водой и смыкались вверху, на высоте пятисот или шестисот метров, в огромный купол. В высшей точке этого купола открывалось то самое отверстие, которое пропускало слабый свет, очевидно отблеск солнечных лучей.

Прежде чем приступить к внимательному осмотру внутренности этой огромной пещеры, даже прежде чем задаться вопросом, была ли эта пещера естественной или ее искусственно создали человеческие руки, я подошел к капитану Немо и спросил его:

— Где мы находимся?

— В самом центре потухшего вулкана, — ответил он, — залитого морем вследствие какого-нибудь тектонического сотрясения. В то время как вы спали, господин профессор, «Наутилус» проник в эту лагуну через естественный канал, проходящий на глубине десяти метров под поверхностью океана. Это одна из гаваней «Наутилуса» — верная, надежная, скрытая от нескромных глаз и защищенная от ветров всех румбов. Укажите мне хоть один порт на ваших материках и островах, который мог бы так же надежно укрыть судно от ярости урагана, как эта пещера!

— В самом деле, — сказал я, — вы здесь в полной безопасности, капитан Немо. Что может грозить вам

здесь, в недрах бездействующего вулкана? Но скажите, мне показалось только или действительно я разглядел в своде пещеры отверстие?

— Да, это бывший кратер вулкана, когда-то бурливший лавой, парами серы и столбами пламени. Теперь же он служит для того, чтобы снабжать мою гавань тем свежим, живительным воздухом, которым мы дышим.

— Какой это вулкан?

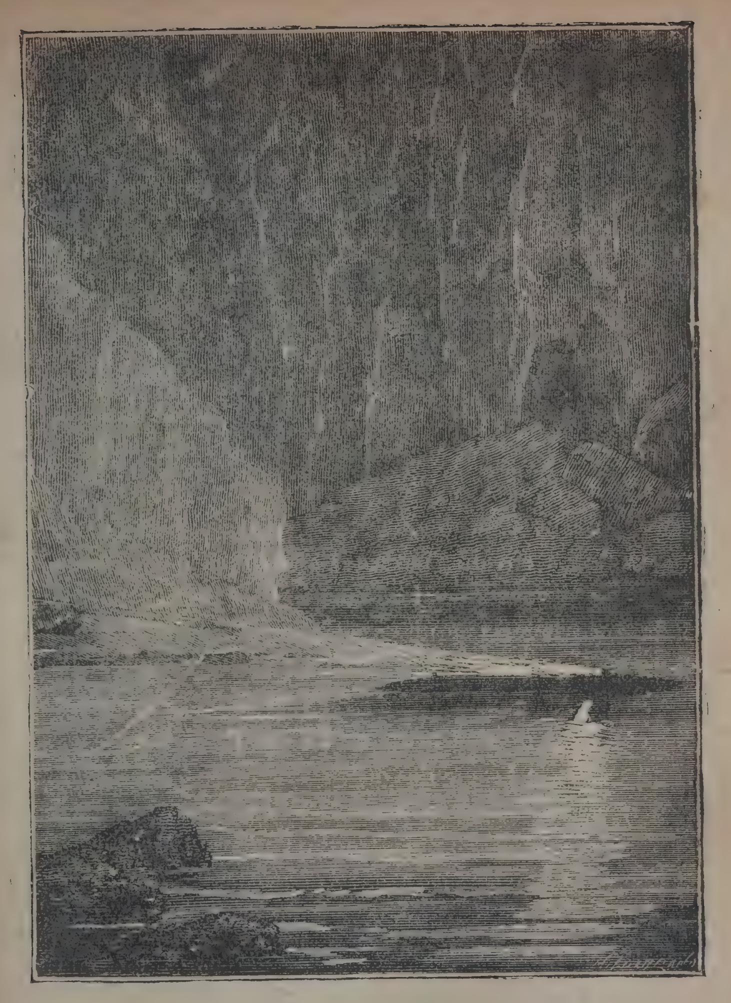
— Этот вулкан возвышается на одном из бесчисленных островков, усеивающих эту часть океана. Для проходящих мимо кораблей — это просто выступающая из моря скала; для нас же — это безопаснейший в мире порт. Я случайно открыл его, и этот случай сослужил мне немалую службу.

— Разве нельзя спуститься сюда через отверстие кратера?

— Это так же невозможно, как невозможно подняться отсюда к кратеру. Примерно футов на сто вверх еще можно взобраться по стенам, но дальше они наклоняются под тупым углом, образуют свод, и подняться выше совершенно невозможно.

— Я вижу, капитан, что природа приходит к вам на помощь везде и всегда. Вы в полной безопасности в этом подземном озере, и ничье нескромное посещение не может страшить вас. Но зачем вам понадобилось это убежище? Ведь «Наутилус» не нуждается в гавани.

— Нет, господин профессор, но он нуждается в электричестве, чтобы двигаться, в батареях — чтобы производить электрическую энергию, в натрии — чтобы питать эти батареи, в угле — чтобы получать натрий, и в рудниках — чтобы добывать каменный уголь. Здесь же море поглотило целые леса, росшие в незапамятные геологические эпохи; окаменевшие, превратившиеся в каменный уголь, они являются для меня неисчерпаемыми складами топлива.

«Наутилус» в пещере.

— Следовательно, ваши матросы превращаются здесь в рудокопов?

— Совершенно верно. Эти рудники находятся под водой, так же как и угольные шахты Ньюкестля. Одетые в скафандры, с киркой и лопатой в руках, мои матросы добывают здесь уголь, избавляя меня от необходимости получать его из земных рудников. Когда я для получения натрия сжигаю каменный уголь, дым, поднимающийся над кратером, придает этой горе вид действующего вулкана.

— Увижу ли я, как добывают уголь ваши матросы?

— Нет, на этот раз не увидите, так как я спешу продолжать наше подводное кругосветное плавание. Я ограничусь тем, что заберу хранящийся здесь запас готового натрия. Как только мы погрузим его на борт, то-есть не позже чем через день, мы снова тронемся в путь. Поэтому, если вы хотите ознакомиться с этой пещерой и обойти кругом лагуну, то воспользуйтесь этим днем стоянки, господин профессор.

Поблагодарив капитана, я отправился за своими товарищами, еще не выходившими из каюты.

Я предложил им последовать за мной, не говоря, где мы находимся.

Они вышли на палубу. Консель, по обыкновению ничему не удивлявшийся, нашел совершенно естественным, что, заснув под водой, он проснулся под землей. Что касается Неда Ленда, то он заинтересовался только одним: нет ли какого-нибудь выхода из этой пещеры на вольный воздух.

После завтрака, часов около десяти утра, мы сошли на берег.

— Вот мы и снова на земле! — сказал Консель.

— Ну, какая же это земля! — возразил канадец. — Да, кроме того, мы не на земле, а под землей.

Между озером и подножьем стены пещеры расти-

лался песчаный пляж, наибольшая ширина которого не превышала пятисот футов. По этому песчаному берегу можно было легко обойти кругом все озеро.

У подножья стены пещеры были нагромождены в хаотическом беспорядке изверженные вулканические глыбы, обломки скал и огромные куски пемзы.

Расплавленная подземным огнем и затем застывшая поверхность этих камней блистала под лучами прожектора тысячами огней. Слюдяная пыль, поднятая в воздух нашими ногами, разлеталась во все стороны мириадами светлячков.

По мере удаления от озера почва возвышалась уступами, напоминавшими ступеньки лестницы, но передвигаться приходилось с большой осторожностью, так как камни ничем не были сцементированы между собой и шатались под ногами.

Вулканическое происхождение этой гигантской пещеры подтверждалось на каждом шагу.

Я обратил на это внимание своих спутников.

— Представляете ли вы себе, как выглядела внутренность этой пещеры в те дни, когда она была наполнена кипящей лавой, когда уровень этой огненной жидкости поднимался до самого кратера горы, как расплавленный металл внутри горна?

— Отлично представляю, — ответил Консель. — Но не скажет ли нам хозяин, почему прекратился процесс плавления и как случилось, что в раскаленном жерле вулкана теперь мирно плещется вода?

— Вероятней всего, Консель, — сказал я, — что эта перемена произошла под влиянием землетрясения, вследствие которого в склоне горы образовалась трещина — та самая, через которую «Наутилус» прошел в эту пещеру. Через нее воды Атлантического океана хлынули в центральный очаг вулкана. Тут должна была произойти страшная схватка между огнем и водой, кончившаяся

победой воды. С тех пор прошло, должно быть, много веков, и затопленный вулкан превратился в мирное подземное озеро.

— Отлично, — заявил Нед Ленд, — я принимаю ваше объяснение, но искренне сожалею, что отверстие, о котором вы только что говорили, господин профессор, находится *под*, а не *над* уровнем моря. Нам бы было выгодней обратное.

— Вы забываете, Нед, — возразил Консель, — что если бы этот канал не был подводным, «Наутилус» не мог бы в него войти, и тогда нам не было бы от него решительно никакой пользы.

— Не говоря уже о том, что в этом случае и вулкан остался бы действующим вулканом, — добавил я. — Ваши сожаления, Нед Ленд, напрасны.

Мы продолжали подниматься. Тропинка становилась все круче и у́же. Глубокие трещины преграждали нам путь, и через них приходилось перепрыгивать.

Порой скала, обвалившаяся на тропинку, заставляла нас искать обходный путь, ползать на животе, карабкаться на четвереньках. Но благодаря ловкости Конселя и силе Неда Ленда мы преодолели все эти препятствия.

На высоте примерно тридцати метров характер почвы изменился, но она не стала более удобной для ходьбы. Здесь трахиты и вулканические конгломераты сменились черным базальтом, то стлавшимся гладкой поверхностью, чуть шероховатой от застывших пузырей лавы, то вздымавшимся правильными призмами, которые поддерживали низко нависший в этом месте свод естественными колоннами — дивным образчиком архитектурного искусства природы.

Между базальтовыми скалами змеились застывшие потоки лавы, в которые были вкраплены полоски битуминозных сланцев и широкие аморфные натеки серы. Рассеянные и блеклые лучи дневного света, проникавшие

сюда сквозь отверстие кратера, тускло освещали эти изверженные породы, навеки погребенные в недрах угасшего вулкана.

На высоте примерно семидесяти пяти метров нашему дальнейшему подъему помешало непреодолимое препятствие: стены здесь наклонялись внутрь пещеры под значительным углом; пришлось отказаться от попытки подняться выше, и мы двинулись вдоль низкого свода.

В этом месте растительное царство еще не сложило оружия перед царством мертвой природы. Несколько кустов и даже отдельные деревца росли в выемках камней или пустили корни в трещины и расселины стен.

Я увидел здесь кусты молочайника, выделявшего едкий сок; несколько чахлых, лишенных запаха гелиотропов, кстати сказать совершенно не оправдывающих здесь своего греческого названия — «обращенные к солнцу», — так как солнечные лучи никогда не доходили до них; чахлые хризантемы росли возле болезненного на вид алоэ; наконец, между застывшими потоками лавы цвели фиалки, и тут сохранявшие свой нежный аромат, который, признаюсь, я вдыхал с величайшим наслаждением.

С некоторых пунктов тропинки, вдоль которой мы шли, видно было все озеро. Прожектор «Наутилуса» ярко освещал его воды, зеркальной гладкости которых не нарушали ни волна, ни дыхание ветерка.

«Наутилус» был совершенно неподвижен. На его палубе и на берегу копошились матросы, черные силуэты которых резко вырисовывались на фоне освещенных скал.

Мы достигли в это время высшей точки скалистых уступов, тянувшихся кругом всей пещеры.

Несколько хищных птиц носилось в воздухе или сидело в своих гнездах, свитых на неприступных скалах.

Это были белогрудые ястребы-перепелятники и крикливые кобчики.

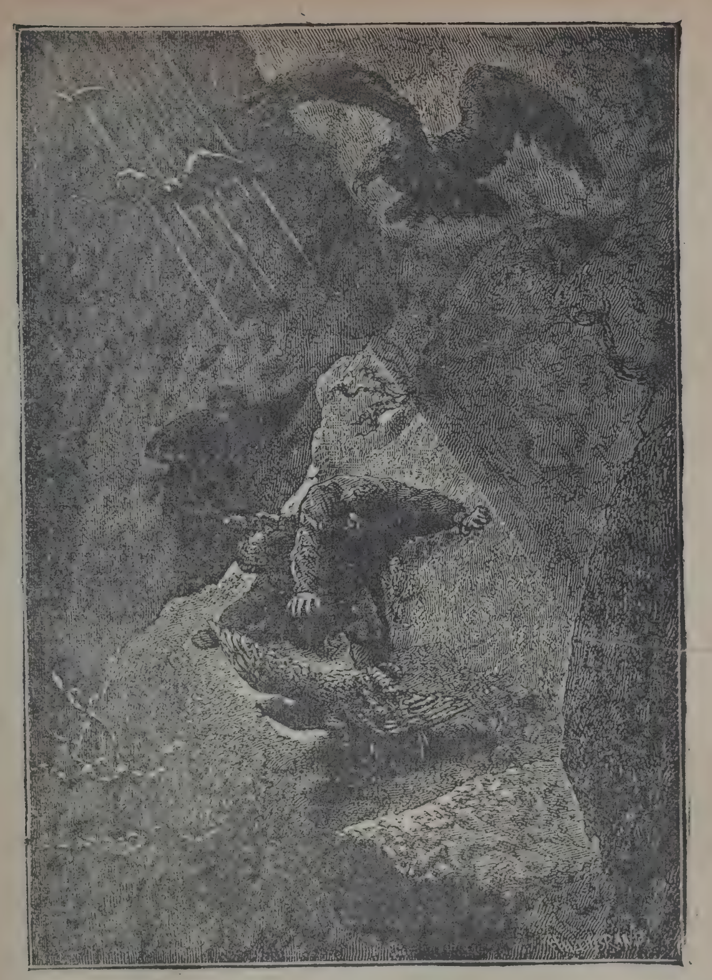
По крутому скату носились взад и вперед великолепные жирные дрофы. Можно себе представить, какая алчность пылала в глазах канадца при виде этой вкусной дичи и как он жалел, что не захватил с собой ружья. Он попытался заменить свинец камнями и после многих неудачных попыток ухитрился сбить крупную дрофу. Можно сказать без всякого преувеличения, что канадец раз двадцать был на волосок от смерти, покамест не поймал раненую птицу.

Но как бы там ни было, а она благополучно улеглась в его походную сумку.

Нам пришлось вскоре спуститься на берег, так как утесы стали совершенно непроходимыми. Высоко над нами зиял просвет кратера, казавшийся снизу широким отверстием колодца. С того места, где мы находились, можно было разглядеть кусочек голубого неба и облака, гонимые свежим западным ветром. Разорванные клочья их иногда застревали на минуту над кратером, затягивая его туманной дымкой. Из этого можно было с уверенностью сделать вывод, что облака неслись на небольшой высоте, так как вершина горы поднималась над уровнем океана не более как на восемьсот футов.

По возвращении на песчаный берег озера я стал знакомиться с его флорой и фауной. Первая была представлена широко раскинувшимся ковром укропа, небольшого зонтичного растения, служащего отличной приправой к пище. Консель собрал несколько пучков его. Что касается фауны, то ее представляли тысячи разнообразных раков, крабов, омаров и множество моллюсков всех видов и размеров.

Мы наткнулись здесь на великолепный грот, устланный толстым слоем мягкого, как пух, песка. Устав от лазания по скалам, я и мои товарищи с наслаждением

Нед двадцать раз рисковал жизнью...

растянулись на песчаном ложе. Подземный огонь отполировал внутреннюю поверхность стен грота и осыпал их слюдяной пылью, сверкавшей, как алмазы.

Нед Ленд стал выстукивать стены, пытаясь составить себе представление об их толщине. Я не мог удержать улыбки при виде его бесплодных стараний. Разговор, конечно, снова зашел о побеге. Я счел себя вправе обнадежить Неда Ленда и сказал ему, что капитан Немо, возможно, спустился на юг только затем, чтобы пополнить запас натрия, и есть все основания надеяться, что он снова повернет на север, к берегам Европы или Америки; тогда канадец сможет с бо́льшим успехом повторить попытку спастись бегством.

Мы провели уже около часа в этом прелестном гроте. Наша беседа, вначале очень оживленная, теперь почти замерла. Нами овладевало какое-то дремотное состояние. Не имея нужды спешить с возвращением, я не стал бороться со сном.

Мне снилось — ведь мы не властны над своими снами, — что я веду примитивный, растительный образ жизни моллюска и моя двустворчатая раковина находится в этом гроте.

Вдруг меня разбудил крик Конселя.

— Вставайте, вставайте скорее! — кричал он.

— Что случилось? — спросил я, садясь на песке.

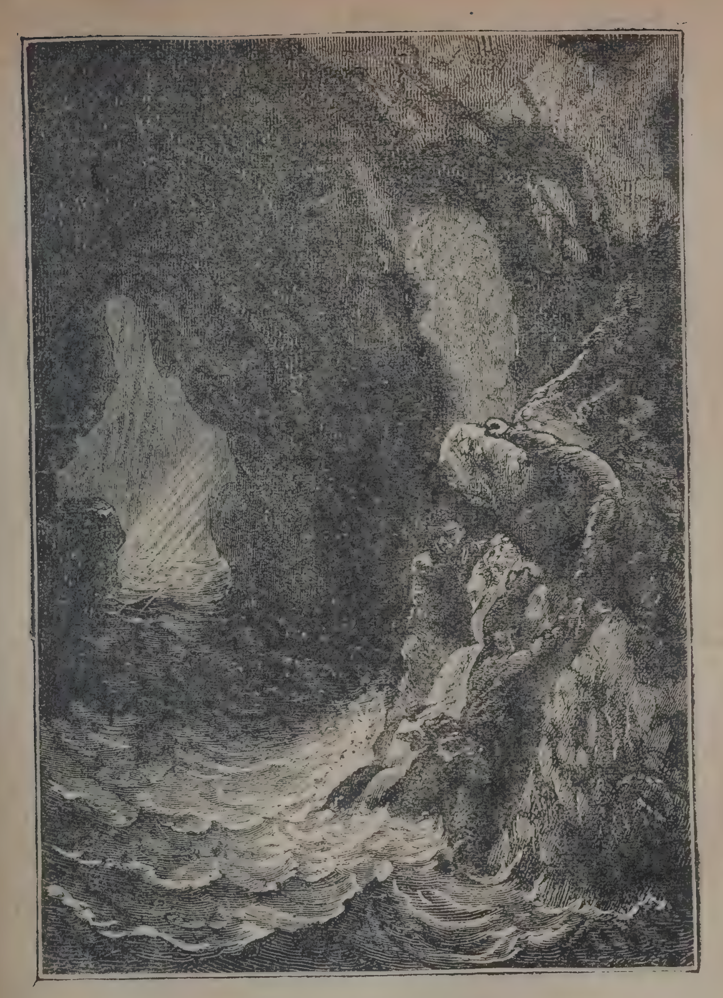
— Вода!

Я вскочил на ноги. Море потоком вливалось в наш грот, и так как мы не были моллюсками, необходимо было спасаться.

В несколько минут мы взобрались на стены грота, куда вода не могла достигнуть.

— Что тут происходит? — спросил Консель. — Опять какое-нибудь новое чудо природы?

— Нет, друг мой, — ответил я, — это просто прилив, обыкновенный прилив, который чуть не застиг нас.

Море хлынуло в грот.

Уровень воды в океане за пределами пещеры повысился в этот час прилива, и вследствие незыблемого закона равенства уровней жидкости в двух сообщающихся сосудах поднялся уровень воды и в озере. Мы можем сказать спасибо, что отделались легкой ванной. А теперь идем обратно на «Наутилус» — нам нужно переодеться.

Через три четверти часа мы подходили к «Наутилусу» с противоположной стороны, обойдя кругом все озеро.

Матросы заканчивали погрузку натрия, и «Наутилус» мог тотчас же продолжать свой путь.

Однако капитан Немо не отдавал приказа об отправлении. Хотел ли он дождаться ночи, чтобы незаметно выйти через подводный канал? Вполне возможно.

Следующее утро застало «Наутилус» уже вне его тайной гавани, плывущим вдали от земли, в нескольких метрах под поверхностью Атлантического океана.

Глава одиннадцатая

САРГАССОВО МОРЕ

Однако «Наутилус» продолжал удаляться от Европы. Приходилось на время отказаться от надежды увидеть вблизи ее берега.

Капитан Немо держал курс на юг.

Куда он вел свой корабль?

Я не мог этого понять.

В этот день «Наутилус» плыл по очень любопытной части Атлантического океана. Всем известно про существование большого теплого океанского течения — Гольфстрима. От берегов Флориды оно направляется к Шпицбергену. Но прежде чем проникнуть в Мексиканский залив, около сорок четвертого градуса северной широты, это течение делится на два рукава: больший из

них проходит мимо берегов Ирландии и Норвегии, тогда как меньший сворачивает на юг, к Азорским островам, затем уклоняется к берегам Африки и, описав широкую дугу, возвращается к Антильским островам.

Этот второй рукав — вернее было бы сказать не рукав, а кольцо — окружает как бы барьером из более теплой воды ту часть Атлантического океана, малоподвижную и спокойную, которая получила название Саргассова моря.

Саргассово море, таким образом, представляет собой настоящее озеро в Атлантическом океане. Протяжение его таково, что воды Гольфстрима проходят свой путь вокруг него в три года.

Саргассово море, собственно говоря, расстилается над всей погрузившейся в море частью Атлантиды. Некоторые ученые даже высказывали предположение, что плавающие на поверхности его травы выросли в прериях этого исчезнувшего материка. Но это предположение мало достоверно; вероятнее всего, тот же Гольфстрим приносит эти водоросли и травы в Саргассово море от берегов Европы и Америки.

Это обстоятельство, в числе других, и навело Колумба на мысль о существовании Нового Света. Когда этот отважный исследователь совершал переход через Саргассово море, водоросли и травы, к великому страху команды, задерживали его корабли, и плавание растянулось на долгие три недели.

Таково было это море, в котором сейчас находился «Наутилус». Это был настоящий луг, покрытый ковром из водорослей, таким густым и прочным, что нос корабля только с трудом мог разрезать его. Поэтому капитан Немо, боясь сломать или повредить винт в этих непроходимых зарослях, во время перехода через Саргассово море держался на глубине нескольких десятков метров.

Название «Саргассово море» происходит от испанского слова «sargazzo», означающего «водоросли». Водоросли, главным образом пловучие, и образуют растительный покров этого гигантского бассейна.

Ответ на вопрос, почему водоросли собрались в таком количестве в этом тихом уголке Атлантического океана, предложил Мори, автор «Физической географии земного шара».

«Объяснение этого явления, — говорит он в своей книге, — вытекает из общеизвестного опыта. Если в чашу с водой поместить кусочки пробки, щепочки или какие-нибудь другие плавающие тела и сообщить вращательное движение этой воде, скоро можно будет заметить, как все разрозненные кусочки соберутся в центре чаши, то-есть в месте наименьшего движения. В интересующем нас вопросе чашей служит Атлантический океан, Гольфстрим — это круговое течение, а Саргассово море — центральный пункт чаши, в котором собираются все плавающие тела».

Я совершенно согласен с объяснением Мори. Мне удалось изучить это явление в условиях, недоступных другим ученым, — под водой. Над нашим кораблем плавали бурые водоросли и травы; стволы деревьев, поваленные бурей в Андах и Скалистых горах и принесенные в океан течением Амазонки или Миссисипи; многочисленные обломки крушений — сломанные рангоуты, кили, куски обшивки или корпуса кораблей, настолько отяжелевшие от покрывавшего их слоя ракушек, что они не могли уже всплыть на поверхность.

Я не сомневаюсь, что с течением времени подтвердится и другое утверждение Мори — что все эти вещества, накапливающиеся в Саргассовом море в продолжение долгих веков, минерализуются от действия морской воды и превратятся в неисчерпаемые залежи каменного угля.

Среди этого хаоса трав и водорослей я заметил актиний, над которыми развевался пышный венец из тонких щупальцев, и множество медуз — зеленых, красных, синих, в том числе и медузу Кювье, голубоватый зонтик которой окаймлен фиолетовым кантом.

Весь день 22 февраля мы провели в недрах Саргассова моря, где рыбы, питающиеся морскими травами, находят обильную пищу. Но уже назавтра океан приобрел свой обычный облик.

В продолжение следующих дней, с 23 февраля по 12 марта, «Наутилус» ежедневно проходил по четыреста километров в сутки, неуклонно держа курс на юг. Капитан Немо, повидимому, осуществлял свой план кругосветного путешествия под водой, и я не сомневался в том, что, обогнув мыс Горн, «Наутилус» вернется в южную часть Тихого океана.

Итак, Нед Ленд был прав в своих опасениях. В этих обширных водных пустынях, где редко встречались острова, нечего было и мечтать о побеге. Но, с другой стороны, у нас не было и никакой возможности помешать выполнению плана капитана Немо.

Единственное, что нам оставалось делать, — это покориться своей судьбе.

Но если надежда на удачный побег рухнула, следовало испробовать еще один путь к освобождению: я надеялся, что по окончании кругосветного путешествия мне удастся упросить капитана Немо отпустить нас на свободу в обмен на клятвенное обещание никогда не выдавать его тайны. Мы этот долг чести выполнили бы, и его тайна умерла бы с нами.

Однако надо было еще выяснить, как отнесется к этому предложению капитан Немо. Ведь он категорически заявил с самого начала, что для сохранения своей тайны он всю жизнь продержит нас пленниками на «Наутилусе». То, что я в продолжение четырех месяцев

ни разу не возвращался к этому вопросу, он мог рассматривать как молчаливое согласие с его планами.

Затеять с ним теперь разговор об этом — значило разбудить в нем подозрение, которое могло только помешать нашему побегу, если со временем вновь представится удобный для него случай.

Все эти доводы и соображения осаждали мой ум. Я делился ими с Конселем, которого они повергали в не меньшее смущение, чем меня. В общем, хотя я нелегко поддаюсь унынию, но я понимал, что с каждым днем уменьшаются наши шансы когда-либо вернуться в человеческое общество, и особенно быстро уменьшаются они сейчас, когда капитан Немо с безумной настойчивостью забирается все дальше и дальше на юг Атлантического океана.

В течение этих восемнадцати дней наше плавание не ознаменовалось ничем примечательным. Я редко виделся с капитаном Немо. Он много работал. В библиотеке я часто находил оставленные им раскрытые книги, главным образом по естественной истории. Моя книга о тайнах морского дна была испещрена его пометками на полях, часто опровергающими мои теории и построения. Но капитан Немо довольствовался тем, что отмечал мои ошибки, не вступая со мной в словесный спор.

Иногда я слышал его игру на органе. Играл он с большим чувством и мастерством, но исключительно по ночам, когда кругом царил непроницаемый мрак и «Наутилус» крепко спал в пустынном океане.

Все эти дни мы плыли бо́льшую часть времени на поверхности океана. Море было пустынным. Редко-редко замечали мы вдали какой-нибудь парусник, спешащий в Индию или направляющийся к мысу Доброй Надежды.

Однажды за нами погналось китоловное судно, очевидно принявшее нас за огромного кита. Но капитан Немо не пожелал, чтобы бедные моряки понапрасну

тратили труд и время, и покончил с этим преследованием, нырнув в воду.

Это происшествие живо заинтересовало Неда Ленда. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что канадец в душе сожалел, что нельзя насмерть проткнуть гарпуном нашего металлического кита.

Рыбы этих мест мало чем отличались от тех, которых мы наблюдали под северными широтами. Иногда мимо нас проплывали морские собаки — крупные рыбы, отличающиеся, по словам рыбаков, большой прожорливостью.

Игривые дельфины сопровождали нас по целым дням. Они плыли группами по пять-шесть штук, охотясь стаями, как волки зимой. Дельфины не менее прожорливы, чем морские собаки.

Семейство дельфинов насчитывает десять видов. Встреченные нами экземпляры принадлежали к виду обыкновенных дельфинов. У них небольшие головы, узкие спереди, и клювовидно заостренные морды. Длина их тела равняется примерно двум метрам.

Укажу еще на встречающихся в этих морях любопытных представителей отряда колючеперых рыб — горбылей, или черных сциен. Некоторые авторы — скорей поэты, чем ученые — утверждают, что эти рыбы умеют мелодично петь и что стая их может дать концерт, способный затмить лучший ансамбль певцов. Не смею утверждать, что это неправда, но встреченные нами по пути сциены, к сожалению, не пели нам серенад.

Наконец, отмечу большое количество встреченных нами летающих рыб. Не может быть ничего интереснее, чем зрелище охоты дельфинов на летающих рыб. Точность расчета дельфинов совершенно математическая: как бы длинна ни была траектория полета, в конце ее летающая рыба все же с роковой неизбежностью попадает в раскрытую пасть дельфина!

Встреченные нами рыбы большей частью принадлежали к виду тригл. По ночам они полосовали воздух светящимися кривыми, похожими на падающие звезды.

С начала нашего путешествия мы совершили пробег в тринадцать тысяч лье, или пятьдесят две тысячи километров. В данное время мы находились под 45°37′ южной широты и 37°53′ западной долготы.

В этих местах зонд, опущенный капитаном «Герольда» Дэнгэмом, не встретил дна и на глубине четырнадцати тысяч метров. Тут же лейтенант Паркер с американского фрегата «Конгресс» не нашел дна даже на глубине пятнадцати тысяч ста сорока метров.

Капитан Немо для проверки этих промеров решил погрузиться с «Наутилусом» на предельную глубину.

Ставни на окнах салона раскрылись, и я уселся у окна, чтобы записывать показания приборов и вести наблюдения.

«Наутилус» стал готовиться к спуску на эту огромную глубину. Само собой разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы достигнуть ее путем заполнения резервуаров водой. Не говоря уже о том, что никакой добавочный балласт не был бы достаточным для этой цели, нужно было предвидеть еще то, что для возвращения на поверхность пришлось бы на дне выкачать эту воду из резервуаров, а на это — при огромном внешнем давлении — нехватило бы даже мощности насосов «Наутилуса».

Капитан Немо решил достигнуть дна по отлогой диагонали, с разбега. Рулям глубины был придан наклон в 45°, винт вращался с предельной скоростью. Лопасти его с огромной силой врезались в воду. Этот мощный толчок заставил вздрогнуть весь корабль, тотчас же послушно устремившийся вниз.

Капитан Немо присоединился ко мне, и мы вместе следили за быстрым движением стрелки манометра.

Вскоре «Наутилус» миновал обитаемую зону, в которой живет большинство рыб.

Если отдельные виды рыб могут жить только у самой поверхности океана или рек, то существуют и такие, которые живут лишь в глубоководных слоях. Среди этих последних я заметил гексанхов — разновидность гребнезубых акул с шестью жаберными щелями, телескопов с огромными глазами и, наконец, грендеров, живущих на глубине тысячи двухсот метров, где давление равняется ста двадцати атмосферам.

Я спросил капитана Немо, приходилось ли ему наблюдать рыб на больших глубинах.

— Рыб? — переспросил он. — На этих глубинах они встречаются довольно редко. А что об этом думает современная наука?

— Мы знаем только следующее: растительная жизнь исчезает быстрее, чем животная, по мере удаления от поверхности в нижние слои воды. Мы знаем, что в тех местах, где еще встречаются живые существа, нельзя уже найти ни одного растения. Нам известно, что устрицы и другие ракушки живут и на глубине двух тысяч метров под водой и что Мак Клинток, герой полярных морей, однажды выудил живую морскую звезду на глубине двух с половиной тысяч метров. Наконец, известно, что экипаж английского фрегата «Бульдог» на глубине четырех тысяч метров также выудил живую морскую звезду. Вот и все, что мы знаем. Но вы, капитан Немо, вероятно, скажете, что наша наука ничего не знает?

— Нет, господин профессор, я не позволю себе этой дерзости. Разрешите еще спросить вас, чем вы объясняете, что живые существа могут жить на такой глубине?

— Это объясняется двумя причинами, — ответил я. — Во-первых, тем, что вертикальные течения, обусловленные неодинаковой соленостью и плотностью воды на

разных глубинах, вызывают движение воды, достаточное для поддержания примитивной жизни морских ежей и звезд...

— Правильно, — сказал капитан.

— ...и, во-вторых, тем, что количество растворенного в воде кислорода, без которого жизнь невозможна, в глубоких слоях не уменьшается, а увеличивается и что высокое давление в этих слоях только способствует его концентрации.

— Ага, вы и это знаете? — воскликнул капитан Немо, не скрывая своего удивления. — Что же, я рад, что вам это известно, ибо это бесспорный факт. Я добавлю только, что в плавательном пузыре рыб, выловленных на небольшой глубине, больше азота, чем кислорода, тогда как у тех же рыб, пойманных на большей глубине, кислорода всегда больше, чем азота. Это доказывает справедливость вашего предположения. Но давайте продолжать наши наблюдения.

Я снова посмотрел на манометр. Стрелка его указывала глубину в шесть тысяч метров. Мы плыли уже в течение часа, и скользящий по диагонали «Наутилус» все еще продолжал погружаться. Вода отличалась здесь поразительной прозрачностью высокогорного воздуха.

Еще через час мы были уже на глубине тринадцати тысяч метров, но дна океана еще не было видно.

Но когда мы достигли глубины в четырнадцать тысяч метров, я увидел в отдалении черные вершины гор, выделяющиеся в воде. Впрочем, эти вершины могли принадлежать горам такой же высоты, как Гималаи или Монблан, а может быть, даже и выше, так что попрежнему мы не могли определить глубину этой водной пропасти.

Несмотря на огромное давление, которому подвергался «Наутилус», мы продолжали погружаться. Я чувствовал, как содрогаются скрепы железной обшивки

подводного судна, как изгибаются его распоры, как дрожат перегородки, как прогибаются внутрь под давлением воды окна салона. Если бы наш корабль не обладал прочностью цельного литого тела, его в одну секунду сплющило бы в лепешку.

Когда мы проходили на близком расстоянии от склонов гор, чернеющих в воде, я заметил на них несколько раковин и морских звезд. Но вскоре и эти последние представители животного царства исчезли, и «Наутилус» переступил границу распространения жизни, подобно воздушному шару, поднявшемуся вверх выше того слоя, где можно дышать.

Мы находились теперь на глубине шестнадцати тысяч метров, и обшивка «Наутилуса» испытывала давление в тысячу шестьсот атмосфер, или, иначе говоря, в тысячу шестьсот килограммов на каждый квадратный сантиметр своей поверхности.

— Как странно: плыть на такой глубине, где никогда не было жизни! — воскликнул я. — Смотрите, капитан, смотрите на эти величественные скалы, на эти необитаемые горы, на эти последние пределы океана, где не может быть ни малейшего проявления жизни! И как жалко, что у нас останутся об этом только одни смутные воспоминания.

— Эти воспоминания можно сделать и не смутными, — сказал капитан.

— Что вы хотите сказать? — спросил я. — Я не понимаю вас.

— Я хочу сказать, что нет ничего более простого, как сфотографировать этот пейзаж.

Не успел я выразить удивление по поводу этого нового предложения капитана Немо, как матрос принес в салон фотографический аппарат.

Расстилавшийся перед нами пейзаж, освещенный лучами прожектора, вырисовывался с удивительной ясно-

стью и отчетливостью. Прозрачность и полная неподвижность жидкой среды создавали идеальные условия для фотографирования, даже лучшие, чем при естественном, солнечном освещении. Мы направили объектив аппарата на подводную гору и получили великолепный негатив.

На фотографии отчетливо выделялись первобытные скалы, никогда не видевшие дневного света, гранитные устои земной поверхности, глубокие гроты, выдолбленные в массиве, и, наконец, поразительно четкий контур вершин, выступающих на фоне воды, словно нарисованных рукой фламандского художника.

Но снимок не передавал того сильного впечатления, которое производило полное отсутствие какой бы то ни было жизни на этих черных, гладких, словно отполированных скалах, совершенно однотонных, без единого цветного пятна, прочно стоящих на песчаном дне, блестящем под лучами прожектора.

Окончив съемку, капитан Немо обратился ко мне:

— Придется подняться, господин профессор. Не следует слишком долго подвергать корпус «Наутилуса» такому давлению.

— Я согласен с вами, капитан.

— Держитесь, — сказал он.

Я не успел спросить капитана, как понимать его совет и почему я должен держаться, как вдруг меня швырнуло на пол.

По приказу капитана Немо, винт «Наутилуса» был остановлен и рули глубины поставлены вертикально. В ту же секунду «Наутилус» взвился кверху, как воздушный шар. Скорость его подъема была поистине головокружительной. Он рассекал воду с глухим звоном.

Ничего нельзя было рассмотреть кругом — в четыре минуты он пролетел шестнадцать тысяч метров и, выпрыгнув из воды, как летающая рыба, снова опустился в нее, подняв тучу брызг на огромную высоту.

Глава двенадцатая

КАШАЛОТЫ И КИТЫ

В ночь с 13 на 14 марта «Наутилус» снова взял курс на юг. Я полагал, что на широте мыса Горн мы повернем на запад, по направлению к Тихому океану, и, таким образом, закончим свое кругосветное путешествие. Но я ошибся: «Наутилус» продолжал итти прямо на юг.

Куда он направлялся? К полюсу? Это было бессмысленно.

Я пришел к заключению, что безумие капитана Немо действительно оправдывало мрачные предчувствия Неда Ленда.

Канадец с некоторых пор перестал говорить со мной о своих планах побега. Он стал менее общительным, замкнутым в себе. Я видел, что его тяготит наше продолжительное заточение. Я чувствовал, что в нем накипает ненависть. При встречах с капитаном Немо его глаза загорались мрачным огнем, и я всегда боялся, что врожденная горячность толкнет канадца на какой-нибудь необдуманный поступок.

В этот день, 14 марта, Консель и Нед Ленд пришли ко мне в каюту.

Я спросил, что привело их ко мне.

— Один только вопрос, профессор, — ответил мне канадец.

— Я слушаю вас, Нед.

— Сколько, по-вашему, человек на «Наутилусе»?

— Не знаю, друг мой.

— Мне кажется, — продолжал Нед, — что управление этим кораблем не требует большого экипажа.

— Действительно, — ответил я, — при совершенстве его машин человек десять команды вполне могут обслуживать все нужды корабля.

— В таком случае, вряд ли капитан Немо набрал бо́льшую команду, — сказал Нед Ленд.

— Не думаю, — возразил я.

— Почему?

Я пристально посмотрел на Неда Ленда. Нетрудно было догадаться о его намерениях.

— Потому что, — сказал я ему, — если представление, которое я составил себе о капитане Немо, правильно, то «Наутилус» не просто корабль — он в то же время является и убежищем для тех, кто, как сам капитан, порвал всякие связи с землей.

— Возможно, — ответил до сих пор молчавший Консель, — что хозяин и прав. Но тем не менее «Наутилус» может вместить только строго ограниченное число людей. Не скажет ли нам хозяин, какой максимальный состав команды может быть на нем?

— Откуда я могу это знать, Консель?

— Путем простого расчета. Хозяину известен объем корабля, а следовательно, и объем заключающегося в нем воздуха. Зная, с другой стороны, какое количество воздуха потребно человеку для дыхания, и приняв в расчет то обстоятельство, что «Наутилус» должен каждые двадцать четыре часа возобновлять запас воздуха...

Я прервал длинную речь Конселя, так как понял, к чему он клонит.

— Понимаю, понимаю, — сказал я. — Этот расчет нетрудно сделать, но он даст чрезвычайно неопределенный результат.

— Пусть будет неопределенный, — настойчиво сказал Нед Ленд.

— Вот этот расчет. Человек тратит ежечасно на дыхание такое количество кислорода, какое содержится в ста литрах воздуха, или в течение суток ему нужно для дыхания две тысячи четыреста литров воздуха. Следовательно, для того чтобы получить искомое число,

нужно только разделить вместимость «Наутилуса» на две тысячи четыреста...

— Совершенно верно, — сказал Консель.

— А так как, — продолжал я, — вместимость «Наутилуса» равняется тысяче пятистам тоннам, а в каждой тонне тысяча литров, то общая вместимость корабля — полтора миллиона литров воздуха, каковая вместимость, деленная на две тысячи четыреста... — я быстро набросал на бумаге расчет, — дает в частном ровно шестьсот двадцать пять. Иначе говоря, воздуха, заключающегося в «Наутилусе», как раз хватило бы для дыхания шестисот двадцати пяти человек в течение двадцати четырех часов.

— Шестьсот двадцать пять человек! — воскликнул Нед Ленд.

— Но я могу вам поручиться, что мы все вместе взятые — матросы, пассажиры и командиры — не составляем и одной десятой этого числа.

— И то слишком много для трех человек! — прошептал Консель.

— Поэтому, бедный мой Нед, могу вам только посоветовать запастись терпением.

— И не только запастись терпением, — добавил Консель, — но и смириться.

Консель нашел нужное слово.

— В конце концов, — продолжал он, — не может же капитан Немо все время итти на юг. Придется же ему где-нибудь остановиться, хотя бы, например, перед ледяными полями! Настанет час, когда он вынужден будет вернуться в моря, омывающие культурные страны. Тогда придет пора снова думать о побеге.

Канадец покачал головой, провел рукой по лбу и, не ответив ни слова, вышел из каюты.

— С позволения хозяина, я сделаю одно замечание, — сказал Консель. — Бедняга Нед все время думает

о невозможных вещах. Он беспрерывно вспоминает о прошлых счастливых днях. Все, что для нас теперь недосягаемо, ему кажется милым. Груз воспоминаний давит на него, и он грустит по целым дням. Надо его понять. Чем он может тут заняться? Ничем! Он не ученый, как хозяин; ему не могут доставлять столько радости, сколько нам, чудеса подводного мира. Нед Ленд готов рискнуть всем, чтобы иметь возможность по вечерам заглянуть в какой-нибудь кабачок на своей родине.

Консель был прав. Вполне естественно, что однообразная жизнь на «Наутилусе» должна была казаться невыносимой привыкшему к деятельной и свободной жизни канадцу. События, которые возбуждали в нем интерес, случались крайне редко.

Однако как раз в этот день случилось происшествие, которое должно было напомнить ему счастливые дни его свободы.

Около одиннадцати часов утра плывший по поверхности океана «Наутилус» наткнулся на стадо китов. Встреча эта не удивила меня: я знал, что эти млекопитающие, за которыми люди упорно и настойчиво охотятся, ищут убежища под высокими широтами, куда китобои забираются реже.

Киты всегда играли важную роль в морском деле, и их влияние на географические открытия было очень значительным. Киты увлекали за собой охотников всех времен и народов — сначала басков, потом ассирийцев, англичан и голландцев. Борьба с опасностью океанских плаваний приучила этих охотников ничего не бояться и бороздить океаны из конца в конец.

Киты любят посещать полярные моря, как северные, так и южные. Старинные легенды гласят, что однажды охотники, преследовавшие китов, забрались так далеко на север, что до полюса осталось едва семь лье. Если эта легенда — вымысел, то когда-нибудь она станет дей-

ствительностью, и, вероятнее всего, люди достигнут этих неизвестных точек Земли, именно увлекшись охотой на китов.

Мы находились на палубе. Море было совершенно спокойно: в марте в этих широтах всегда стоит хорошая погода.

Канадец первым заметил кита на горизонте.

Внимательно всмотревшись в указанное место, и я увидел какую-то черную точку в пяти милях от «Наутилуса», то всплывавшую на поверхность, то снова погружавшуюся в воду.

— Ах, — вскричал Нед Ленд, — если бы я был сейчас на борту китоловного судна, сколько радости доставила бы мне эта встреча! Это громадное животное. Глядите, на какую высоту он выбрасывает столбы пара и водяных брызг. Какая досада, что я прикован к этому корыту!

— Я вижу, Нед, вы все еще чувствуете себя гарпунщиком, — сказал я.

— Разве китобой может когда-нибудь забыть о своей профессии? Разве можно когда-нибудь пресытиться ощущениями, доставляемыми этой охотой?

— А вам никогда не случалось охотиться в этих морях, Нед?

— Никогда, господин профессор. Я всегда работал в северных морях, доходил до Берингова пролива, до пролива Дэвиса...

— Значит, вы не знаете этих китов. Да вы и не можете их знать, потому что южные киты не осмеливаются перебраться на север через теплые воды экватора.

— Что вы, господин профессор! Что вы выдумываете! — недоверчиво возразил канадец.

— Я ничего не выдумываю, я говорю то, что есть.

— Как бы не так! Я самолично в шестьдесят пятом,

то-есть не дальше как два с половиной года тому назад, застукал возле берегов Гренландии кита, в котором еще торчал гарпун с клеймом китоловного судна из Берингова пролива! Позвольте спросить вас, каким образом животное, раненное к западу от Америки, подставило бы свои бока под гарпун на востоке, если бы оно предварительно не обогнуло мыс Горн или мыс Доброй Надежды, то-есть не прошло бы через экватор?

— Я согласен с доводами моего друга Неда и с нетерпением жду ответа хозяина, — сказал Консель.

— Хозяин ответит вам, друзья мои, что различные виды китов живут в различных морях и никогда не покидают их. Если один из китов прошел из Берингова пролива в пролив Дэвиса, это значит только, что между этими морями существует какой-то проход либо на американском, либо на азиатском берегу.

— И я должен этому верить? — прищуривая глаз, спросил канадец.

— Хозяину надо верить, — ответил Консель.

— Следовательно, вы утверждаете, что я не знаю здешних китов, так как никогда не охотился в этих водах? — продолжал гарпунщик.

— Совершенно верно.

— Что ж, Нед, тем больше у вас оснований познакомиться с ними, — заметил Консель.

— Глядите! Глядите! — вскричал канадец. — Кит приближается. Он идет прямо на нас. Он издевается надо мной, понимая, что я ничего не могу ему сделать!

Нед топнул ногой. Пальцы китолова сжались в кулак, стискивая воображаемый гарпун.

— А эти киты, — продолжал он, — такого же размера, как и северные?

— Почти такого же, Нед.

— Я спрашиваю это потому, господин профессор, что мне случалось видеть крупных китов, длина которых до-

ходила до ста футов. А старые китоловы рассказывали мне, что киты, водящиеся у Алеутских островов, достигают даже ста пятидесяти футов в длину.

— По-моему, это преувеличение, Нед, — возразил я. — Таких китов в природе не существует, а кашалоты еще меньше китов.

— Ах, — вскричал канадец, не отрывавший глаз от океана, — кит все приближается! Он скоро пройдет мимо «Наутилуса»!

И, продолжая нашу беседу, он обратился ко мне:

— Вы говорите о кашалотах, как о каких-то маленьких рыбках. Между тем существуют гигантские кашалоты. Вы знаете, это умные животные. Мне рассказывали, что некоторые из них зарываются в водоросли и вместе с ними всплывают на поверхность. Их принимают за островок. К ним причаливают, высаживаются, разводят огонь...

— Строят дома, — в тон канадцу подсказал Консель.

— Да, да! — подтвердил Нед Ленд. — Потом, в один прекрасный день, кашалот ныряет и увлекает за собой на дно океана всех своих обитателей.

— Совершенно как в приключениях Синдбада-морехода, — рассмеялся я. — Однако, мистер Ленд, я не знал, что вы такой мастер сочинять небылицы! Надеюсь, что вы сами-то не верите в существование таких кашалотов?

— Господин ученый, — серьезно ответил канадец, — от китов можно всего ожидать. Но смотрите, с какой быстротой он плывет! Как ныряет! Говорят, что эти животные могут проплыть вокруг света за пятнадцать дней!

— Не стану спорить.

— Бьюсь об заклад, господин профессор, что вы не знаете, что в самом начале существования мира киты плавали еще быстрее, чем теперь.

— В самом деле, Нед? Я действительно не знал этого. А почему?

— Потому что сначала хвост у них был вертикальный, как у рыб, и они били им воду слева направо и справа налево. Но потом богу показалось, что киты плавают слишком быстро, и он перекрутил им хвосты; с тех пор они у всех китов поставлены горизонтально и бьют воду сверху вниз и снизу вверх, что, конечно, сильно понижает скорость.

— И я должен этому верить? — пародируя Неда, спросил я.

— Необязательно, — ответил канадец, — и не больше, чем если бы я сказал вам, что видел китов длиной в триста футов и весом в пятьсот тысяч килограммов.

— Это вы хватили бы через край, — ответил я. — Однако некоторые китообразные достигают действительно гигантских размеров. Говорят, что из отдельных экземпляров вытапливают до ста двадцати — ста тридцати тонн жира.

— Это я видел собственными глазами, — сказал канадец.

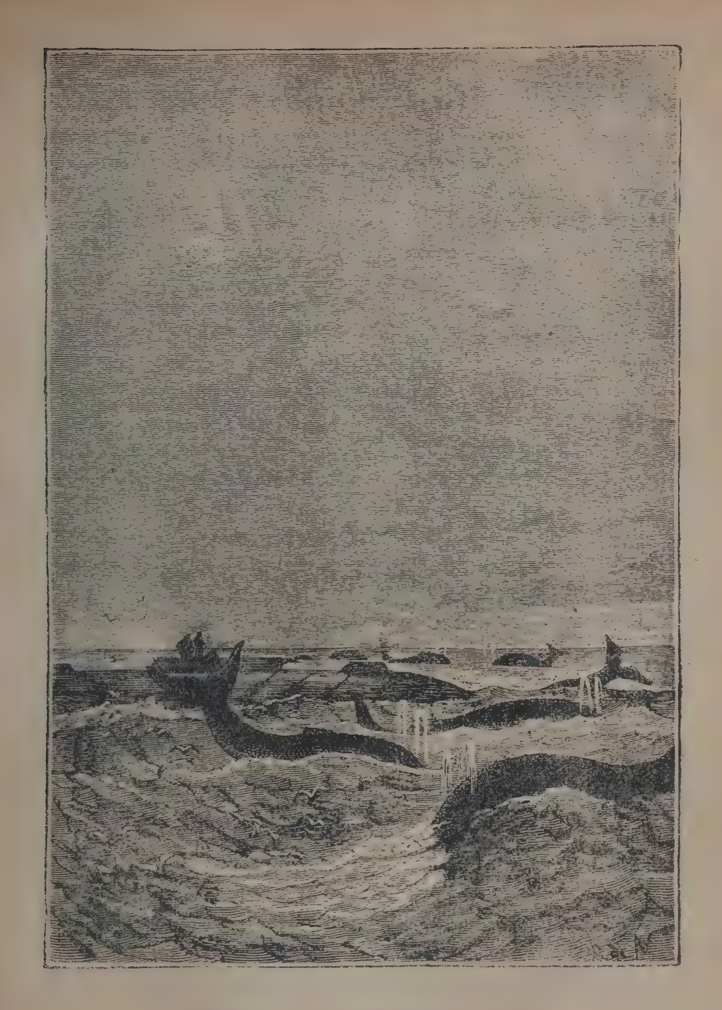
— Охотно верю вам, Нед, так же как верю в то, что некоторые киты по размеру равны сотне слонов. Представьте себе, какое действие может произвести такая масса, мчащаяся с большой скоростью!

— Правда ли, — спросил Консель, — что кит может потопить корабль?

— Я этому не верю, — ответил я. — Однако рассказывают, что в этих самых южных широтах в тысяча восемьсот двадцатом году кит набросился на «Эссекс» и начал его толкать назад со скоростью четырех метров в секунду. Волны залили судно с кормы, и оно почти тотчас же пошло ко дну.

Нед посмотрел на меня с лукавой усмешкой.

— Со мной, — сказал он, — однажды был такой

«Наутилус» встретил стадо китов.

случай: кит стукнул меня хвостом, то-есть, разумеется, не меня лично, а мою шлюпку. Я сам и мои спутники взлетели метров на шесть в воздух. Но по сравнению с тем китом, о котором только что рассказывал господин профессор, этот кит — сущий детеныш, просто грудной младенец!

— Долго ли живут эти животные? — спросил Консель.

— По тысяче лет, — не колеблясь ответил канадец.

— Откуда вы это знаете, Нед?

— Так говорят.

— А почему так говорят?

— Потому, что это известно всякому.

— Нет, Нед, это никому не известно. Это только предположение. И вот на каком рассуждении основывается это предположение. Лет четыреста тому назад, когда впервые стали охотиться на китов, эти животные были много крупнее нынешних. Поэтому естественно было допустить, что меньший размер современных китов обуславливается тем, что они не достигли еще своего полного развития. Это-то и побудило Бюффона заявить, что киты живут по тысяче лет. Понятно?

Но Нед Ленд не слушал и не слышал меня. Кит приближался, и канадец пожирал его глазами.

— Ах, — вскричал он вдруг, — это не один кит! Их тут десять... двадцать... целое стадо! А мы ничего не можем сделать! В такую минуту быть связанным по рукам и ногам!..

— Но, друг мой Нед, почему бы вам не попросить у капитана Немо разрешения поохотиться? — спросил Консель.

Консель еще не закончил своей фразы, как Нед Ленд уже стремглав мчался вниз на поиски капитана.

Через несколько минут они вместе появились на палубе.

Капитан Немо стал рассматривать стадо китов, резвившихся на поверхности воды примерно в одной миле от «Наутилуса».

— Это южные киты, — сказал он. — Этого стада хватило бы, чтобы обогатить целый китоловный флот.

— Так как же, капитан, не разрешите ли вы мне поохотиться за ними, хотя бы ради того, чтобы я не забыл свое ремесло гарпунщика?

— Зачем убивать животных понапрасну? — возразил капитан. — Нам совершенно не нужна ворвань.

— Однако, капитан, в Красном море вы позволили мне охотиться на дюгоня, — настаивал канадец.

— Дюгонь дал нам запас свежего мяса. Теперь же вы просите разрешения на убийство ради убийства. Я не хочу поощрять это варварское времяпровождение. Истребляя южного кита, безобидное и доброе существо, мистер Ленд, вы и ваши единомышленники совершаете черное дело... Так они уже уничтожили все живое в Баффиновом заливе, а теперь хотят истребить до последнего этих полезных животных. Оставьте же в покое несчастных китов. У них и без того достаточно естественных врагов — кашалотов и меченосов.

Можно себе представить выражение лица канадца во время этого неожиданного нравоучения. Читать такую лекцию профессиональному китолову — это значило тратить слова впустую.

Нед Ленд смотрел на капитана Немо и, видимо, просто не понимал, о чем тот говорит.

Однако капитан был прав. Безрассудное хищничество китоловов скоро приведет к тому, что в океане исчезнут последние киты.

Нед Ленд просвистел сквозь зубы мотив «Янки дудль»[1] и повернулся к нам спиной.

---

[1] «Янки дудль» — североамериканская патриотическая песенка эпохи борьбы за освобождение от власти Англии.

Между тем капитан Немо, продолжая наблюдать за стадом китов, сказал мне:

— Я был прав, когда только что говорил, что, помимо человека, у кита достаточно естественных врагов. Вот этому стаду придется сейчас столкнуться с сильным противником. Видите ли вы, господин профессор, там, вдали, в восьми милях под ветром, движущиеся черные точки?

— Вижу, капитан, — ответил я.

— Это кашалоты, страшные животные... Мне доводилось встречать целые стада их — в двести и триста штук! Вот этих жестоких и вредных животных действительно стоит уничтожать.

Канадец живо обернулся при этих словах.

— Что ж, капитан, — сказал я, — пожалуй, в интересах китов можно разрешить мистеру Ленду...

— Не стоит подвергать себя опасности, — прервал меня капитан. — «Наутилус» сам рассеет кашалотов. Он вооружен стальным бивнем, который, право, не слабее гарпуна мистера Ленда.

Канадец, не стесняясь, пожал плечами. Его вид ясно говорил: «Где это слыхано — истреблять кашалотов корабельным бивнем?!»

— Подождите, господин профессор, — сказал капитан, — я покажу вам охоту, какой вы еще никогда не видели. Ни капли жалости к этим хищникам, у которых только и есть, что пасть да зубы!

«Пасть да зубы» — трудно было дать лучшее определение большеголовому кашалоту, достигающему иногда двадцати пяти метров в длину. Огромная голова этого китообразного животного составляет больше трети его тела. В отличие от пасти китов, снабженной только роговыми пластинками «китового уса», пасть кашалота вооружена тридцатью девятью — пятьюдесятью двумя острыми зубами, весящими по два фунта каждый. В задней

части черепа кашалота имеются две сообщающиеся между собой камеры, заполненные тремястами-четырьмястами килограммами маслянистой жидкости — спермацета, — которая очень высоко ценится в продаже.

Кашалот, несомненно, самое неуклюжее и безобразное существо в мире. Голова его поражает своей асимметрией. Так, из двух носовых половин имеется только одна, а левый глаз значительно меньше правого, что и побуждало в прежние времена охотников нападать на кашалота всегда с левой стороны.

Тем временем стадо хищников приближалось. Они уже заметили китов и готовились напасть на них.

Можно было заранее предугадать, что в этой неравной борьбе киты будут побеждены, и не только потому, что кашалоты сильнее китов и лучше вооружены, но и потому, что кашалоты могут дольше китов оставаться под водой, не поднимаясь на поверхность для дыхания.

Пора было притти на помощь китам. «Наутилус» погрузился в воду. Консель, Нед Ленд и я заняли места у окон салона.

Капитан Немо прошел в штурвальную рубку, чтобы лично управлять судном в этой его новой роли орудия истребления.

Вращение винта убыстрилось, и «Наутилус» помчался полным ходом.

Битва между кашалотами и китами уже началась, когда подоспел «Наутилус». Капитан Немо направил свой корабль с таким расчетом, чтобы разделить надвое стадо кашалотов.

Сначала кашалотов мало обеспокоило появление нового противника, но вскоре они поняли свою ошибку.

Какая битва разыгралась перед нашими глазами! Даже Нед Ленд пришел в восторг и кончил тем, что стал бурно аплодировать.

«Наутилус» превратился в гигантский гарпун, послушное орудие в руке своего капитана. Он устремлялся на мясистые туши кашалотов и рассекал их на части, оставляя за собой два изуродованных, хлещущих кровью куска животного. Он не чувствовал страшных ударов хвоста, сыпавшихся на его обшивку, как не замечал и мощных толчков разъяренных кашалотов. Покончив с одним хищником, он кидался на другого, поворачиваясь вокруг своей оси, чтобы не терять времени и не упустить намеченной жертвы, мчался вперед, возвращался назад, нырял, если кашалот пытался уйти от него в глубину, возвращался на поверхность, когда тот всплывал, атаковал его с боков, с фронта, с тыла и разрезал или разрывал его при всякой скорости и откуда бы ни был нанесен удар.

Какая бойня! Какой шум над поверхностью воды! Какой резкий свист дыхания испуганных кашалотов! Взбаламученные гигантскими хвостами, взволновались даже постоянно спокойные нижние слои воды...

Больше часа продолжалось это массовое избиение. Несколько раз, объединившись в отряды по десять-двенадцать штук, кашалоты переходили в наступление, пытаясь сокрушить «Наутилус» своей массой. Через окно салона видны были их разверстые пасти со страшными зубами, их сверкающие яростью глаза.

Нед Ленд, не владея собой, проклинал их и угрожал им кулаками.

Кашалоты впивались зубами в борта подводного корабля, как собаки впиваются в горло затравленного в лесу зверя.

Но «Наутилус» не замечал ни огромной тяжести, ни отчаянных усилий своих врагов. Он увлекал кашалотов за собой в глубину или вытаскивал на поверхность, не прекращая ни на секунду погони за очередной жертвой.

Наконец стадо кашалотов поредело. Волнение улег-

лось. «Наутилус» возвратился на поверхность вод. Люк открылся, и мы поспешили подняться на палубу.

Море было усеяно изуродованными тушами. Если бы в воде среди кашалотов разорвался снаряд огромной разрушительной силы, то и он не мог бы больше растерзать, искромсать, разорвать в клочья эти глыбы мяса. Вода была окрашена в красный цвет на протяжении многих миль кругом, и «Наутилус» плыл как будто в океане крови.

Капитан Немо присоединился к нам.

— Ну-с, мистер Ленд, что скажете? — обратился он к канадцу.

— Мне нечего сказать, капитан, — ответил канадец, энтузиазм которого успел уже остыть. — Вы показали нам страшное зрелище, это бесспорно. Но я не мясник, я охотник, а вы показали нам бойню...

— Это было истребление злых и хищных животных, — возразил капитан Немо, — и «Наутилус» не секач мясника.

— Все-таки я предпочитаю свой гарпун, — сказал канадец.

— У каждого свое оружие, — ответил капитан, пристально глядя на Неда Ленда.

Я испугался, как бы Нед не наговорил капитану дерзостей, — это могло кончиться печально для всех нас, но, к счастью, внимание канадца было отвлечено видом кита, к которому «Наутилус» в эту минуту подплывал.

Это животное не успело избежать нападения кашалотов. Я узнал в нем южного кита, совершенно черного, с вдавленной головой. Анатомически он отличается от обыкновенных китов тем, что семь шейных позвонков у него срастаются, и тем, что у него на два ребра больше, чем у северных его сородичей.

Несчастный кит лежал на боку. Брюхо его было изранено кашалотами во многих местах. Он был мертв.

Под его изуродованным плавником ютился детеныш, которого ему не удалось защитить. Из раскрытой пасти убитой самки лилась вода, журча между пластинками китового уса, как ручеек.

Капитан Немо велел причалить «Наутилус» к туше. Двое матросов взобрались на бок животного, и я с удивлением увидел, что они выцеживают из его млечных желез содержащееся в них молоко. Они нацедили таким образом три бочки.

Капитан предложил мне выпить чашку этого еще теплого молока. Я не мог скрыть гримасу отвращения при этом предложении. Но он уверил меня, что китовое молоко превосходно на вкус и ничем не отличается от коровьего.

Я попробовал. Молоко действительно оказалось превосходным.

Эти три бочки молока были ценным приобретением для нас, так как масло и сыр, полученные из него, должны были внести приятное разнообразие в нашу пищу.

С этого дня я с огорчением стал замечать, что Нед Ленд все враждебнее и враждебнее косится на капитана Немо, и я решил следить за китоловом, чтобы во-время удержать его от какой-нибудь нелепой выходки.

Глава тринадцатая

ВО ЛЬДАХ

«Наутилус» продолжал неуклонно итти на юг. Он следовал со значительной скоростью вдоль пятидесятого меридиана. Неужели он хотел достигнуть полюса? Я не верил в это, так как март в южных полярных странах соответствует сентябрю северных стран, то-есть началу осени.

14 марта под 55° долготы я впервые увидел пловучий лед. Это были небольшие обломки льдин, синеватые глыбы длиной в двадцать — двадцать пять футов, о которые разбивались с грохотом морские волны.

«Наутилус» шел по поверхности океана. Нед Ленд, который часто плавал в полярных морях, неоднократно видал и раньше пловучие льды. Консель и я любовались этим зрелищем впервые.

На горизонте протянулась ослепительно белая полоса. Английские китоловы называют ее «ледяным блеском». Как бы ни были густы облака, они не могут затемнить ее. Эта полоса является предвестником ледяного поля.

И действительно, вскоре появились глыбы более крупных размеров, блеск которых то усиливался, то ослабевал, в зависимости от состояния атмосферы. Бока некоторых пловучих ледяных гор — айсбергов — были исчерчены зелеными полосами, как будто прожилками сернокислой меди. Другие глыбы, подобно огромным аметистам, просвечивали насквозь. Третьи отражали солнечные лучи тысячами тысяч своих граней. Наконец, четвертые, запушенные снегом, казались грандиозными глыбами мрамора, которых хватило бы на постройку целого города.

Чем дальше к югу, тем больше мы встречали пловучих льдин, тем мощней становились отдельные льдины и айсберги. Арктические птицы свили себе на них тысячи гнезд.

Это были глупыши, буревестники, пуффины, оглушавшие нас своими криками. Некоторые из них принимали «Наутилус» за тушу кита и, усевшись на его палубу, начинали долбить клювами звонкое железо.

Во время этого плавания среди льдов капитан Немо часто и подолгу бывал на палубе. Он с величайшим вниманием осматривал эти пустынные места. Я видел, как

иногда загорался его обычно холодный взгляд. Может быть, он думал в это время, что в этих полярных водах, недоступных человеку, он был единственным властелином? Возможно. Но он не говорил этого вслух. Он часами стоял неподвижно и как бы пробуждался от сна, когда льды обступали «Наутилус» и нужно было выбираться из ловушки.

Тогда он сам становился к штурвалу и с поразительным искусством управлял «Наутилусом», избегая столкновения с ледяными полями и горами. Некоторые из них достигали многих миль в длину при высоте надводной части в семьдесят-восемьдесят метров.

Часто путь «Наутилуса» казался прегражденным сплошной стеной льда. Но капитан Немо быстро находил какую-нибудь узенькую трещину и смело пускался в нее, хотя и знал, что она тотчас же закроется за ним.

Так, управляемый искусной рукой своего капитана, «Наутилус» продвигался среди вечных льдов.

Конселю понравилось, что существует точная классификация льдов по форме и размерам, и он быстро усвоил ее: айсберги, или ледяные горы; айсфильды, или ледяные поля; драйфтайс, или пловучие льдины; пэксы, или ледяная каша.

Температура воздуха стояла довольно низкая: ртутный столбик поднимался не больше чем на два-три деления выше нуля. Но мы не испытывали холода в теплых шубах из тюленьей кожи или меха белых медведей. Внутри же «Наутилуса» царила постоянно ровная температура, поддерживаемая электрическими печами и не зависящая от температуры воздуха.

Но если бы даже печи вдруг перестали работать, «Наутилусу» стоило погрузиться на несколько метров под воду, чтобы встретить снова терпимые температурные условия.

Если бы мы прибыли в эти места на месяц раньше, мы любовались бы незаходящим круглые сутки солнцем. Но мы опоздали, и ночь уже отнимала у нас три-четыре часа, удлиняясь с каждыми сутками, чтобы потом на шесть месяцев покрыть своею тенью эти полярные места.

15 марта мы пересекли параллель, на которой расположены Ново-Шетландские и Южно-Оркнейские острова. Капитан Немо рассказал мне, что недавно еще эти земли служили прибежищем бессчетным стадам тюленей, но английские и американские промышленники в своей слепой жажде наживы истребили и взрослых самцов, и самок, и детенышей, и теперь здесь царит нерушимое молчание смерти.

16 марта, около восьми часов утра, «Наутилус» пересек Южный Полярный круг, следуя вдоль пятьдесят пятого меридиана.

Льды окружали нас со всех сторон, закрывая горизонт. Тем не менее капитан Немо, отыскивая трещину за трещиной, находил проходы и продолжал подвигаться к югу.

— Куда он ведет нас? — как-то спросил я себя вслух.

— Куда глаза глядят, — ответил мне Консель. — Когда дальше итти будет некуда, он остановится.

— Я не поручусь за это, — ответил я.

Чтобы быть вполне искренним, признаюсь, что это опасное плавание даже нравилось мне. Не могу передать, какое великолепное зрелище представляли суровые ледяные пустыни. Льды приобретали тут совершенно неожиданную форму. Иногда ледяное поле казалось большим восточным городом с бесчисленными мечетями, с островерхими минаретами. В другом месте льды лежали словно развалины разрушенного землетрясением города. Но стоило солнцу опуститься ниже к горизонту и вместо отвесных лучей посылать косые, как, словно по волшеб-

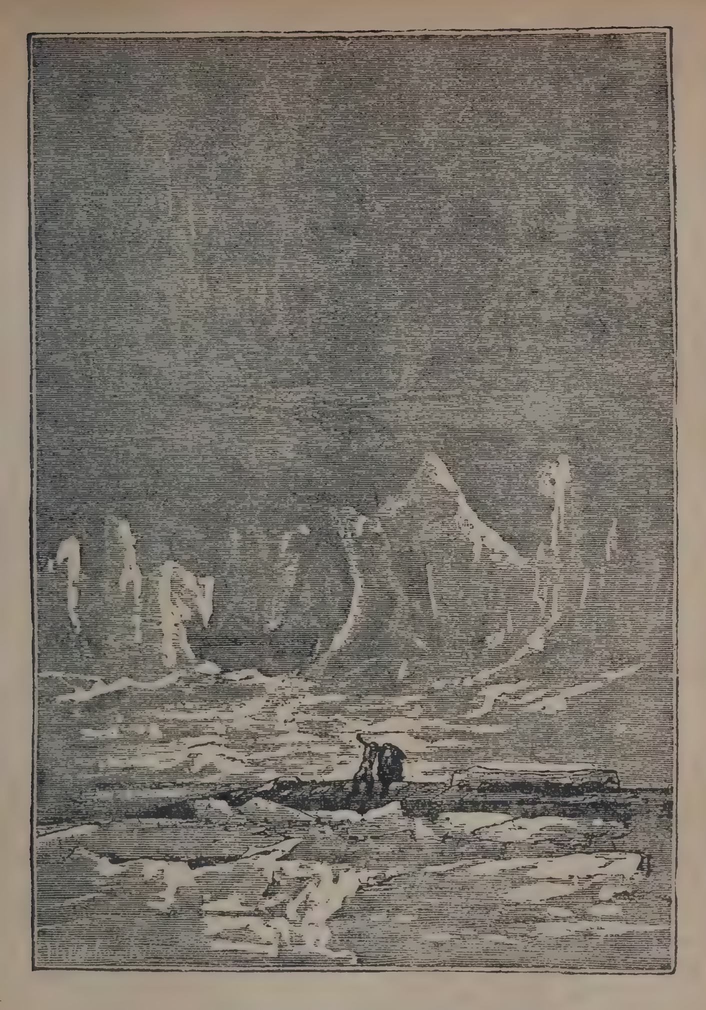
ству, ледяной пейзаж становился неузнаваемым. Еще быстрее менялись декорации этого фантастического спектакля, когда солнце скрывалось за тучами и на льды спускались туманы или когда две ледяные глыбы сталкивались между собой с грохотом залпа тысячи орудий.

Если «Наутилус» находился под поверхностью в момент такого столкновения, то шум передавался к нему по воде с еще большей силой, а падение громадных глыб волновало воду, создавая опасные водовороты. В таких случаях «Наутилус» качало и подбрасывало волнами, как обыкновенный надводный корабль в сильную бурю.

Часто бывало, что, не видя ни малейшего просвета между льдинами, я считал, что мы окончательно заперты во льдах. Но, руководствуясь своим безошибочным инстинктом, капитан Немо находил все новые и новые проходы. Он никогда не ошибался; указанием ему служили тонкие струйки синеватой воды, бороздившие склоны айсбергов. Поэтому я решил, что он уже не в первый раз плавает во льдах южных морей.

Однако 16 марта, в конце дня, льды окончательно преградили нам путь. Это не была еще полоса вечных льдов — это было лишь ледяное поле, прочно спаянное морозом. Препятствие не остановило капитана Немо. Взяв разгон, он с огромной силой налетел на стену льда. «Наутилус» врезался в хрупкую массу, как клин, и со страшным треском расколол ее на части. Здесь нашел свое применение древний принцип тарана, но только теперь этот таран направляла сила, не знавшая предела. Высоко взлетевшие осколки льда градом падали вокруг нас. Толчок был настолько сильным, что перед кораблем сразу открылся проход.

Иногда, увлеченный инерцией разбега, «Наутилус» взбирался на ледяное поле и прогибал его своей

— Сплошные льды, — сказал Нед.

тяжестью. Результат получался тот же самый: лед раздавался в стороны, и мы шли вперед в образовавшемся проливе.

В эти дни на нас часто обрушивались сильные шквалы. Временами на льды спускался туман, настолько густой, что с одного конца палубы не был виден другой. Ветер перескакивал с румба на румб. Выпавший за ночь снег к утру затвердевал; счищать его приходилось кирками — лопата его не брала.

Как только температура воздуха опускалась до пяти градусов ниже нуля, палуба «Наутилуса» покрывалась толстым слоем льда. Парусное судно не могло бы здесь маневрировать, потому что все блоки и тали его обледенели бы. Плавание в столь высоких широтах было под силу только кораблю, приводимому в движение электричеством.

Барометр все это время показывал низкое давление и обнаруживал тенденцию упасть еще ниже. Показания компаса не внушали теперь никакого доверия.

Обезумевшая стрелка компаса показывала самые фантастические направления по мере приближения к южному магнитному полюсу, не совпадающему с полюсом земного шара. В самом деле, по определению Гастена, южный магнитный полюс находится на 70° широты и 130° долготы. Дюперей вычислил несколько иные координаты — 70°30′ широты и 135° долготы. Для определения направления приходилось теперь перетаскивать компас в различные части судна, делать по нескольку наблюдений и полученную среднюю цифру принимать за правильную.

Иногда местонахождение судна приходилось отмечать на карте только на основании показаний лага. Способ этот, конечно, давал малодостоверные данные, вследствие того что в извилистых проходах курс приходилось менять поминутно.

17 марта, после двадцати безуспешных попыток пробить себе дорогу, «Наутилус» был окончательно заперт льдами. Это была уже не ледяная каша, не пловучие льды, даже не ледяные поля, а неподвижный и несокрушимый барьер из сросшихся между собой ледяных гор.

— Сплошные льды, — сказал мне канадец.

Я понял, что Нед Ленд, как и все полярные мореплаватели, считает это препятствие непреодолимым. Солнце показалось на несколько минут в полдень, и капитан Немо сделал точные вычисления. Мы находились под 51°30′ долготы и 67°39′ южной широты. Как видим, «Наутилус» прошел уже довольно далеко в глубь Антарктики.

Ни впереди, ни позади нас теперь не было видно чистой воды. «Наутилус» был окружен обширной торосистой равниной, усеянной бесформенными глыбами, нагроможденными в том хаотическом беспорядке, который отличает поверхность реки накануне вскрытия льда, но в гигантски увеличенном масштабе. Тут и там виднелись островерхие гребни ледяных холмов, вздымавшихся на двести и больше футов в высоту. Дальше стояли ряды отвесных ледяных утесов, одетых в сероватую туманную дымку. Над этим унылым пейзажем царила мертвая тишина, нарушаемая только взмахами крыльев и резкими криками буревестников. Все тут казалось мертвым...

Вот в каком месте пришлось «Наутилусу» остановить свой смелый бег!

— Знаете, господин профессор, — сказал мне в этот день Нед Ленд, — если нашему капитану удастся пройти дальше...

— Тогда что, Нед?

— То он будет молодчиной!

— Почему?

— Потому что никто не может преодолеть сплошной лед. Не спорю, наш капитан силен. Но — тысяча чертей! — не сильнее же он природы! И если она выстроила тут неодолимую преграду, ему придется волей или неволей остановиться.

— Вы, кажется, правы, мистер Ленд... А все-таки мне бы очень хотелось узнать, что находится за этими льдами. Меня самого раздражает эта стена!

— Хозяин прав, — сказал Консель. — Стены созданы специально для того, чтобы раздражать ученых. Была б моя воля, я снес бы все стены на земле!

— Пустое, — ответил канадец. — Я отлично знаю, что прячется за этой стеной.

— Что же? — спросил я.

— Лед, только лед! — ответил канадец.

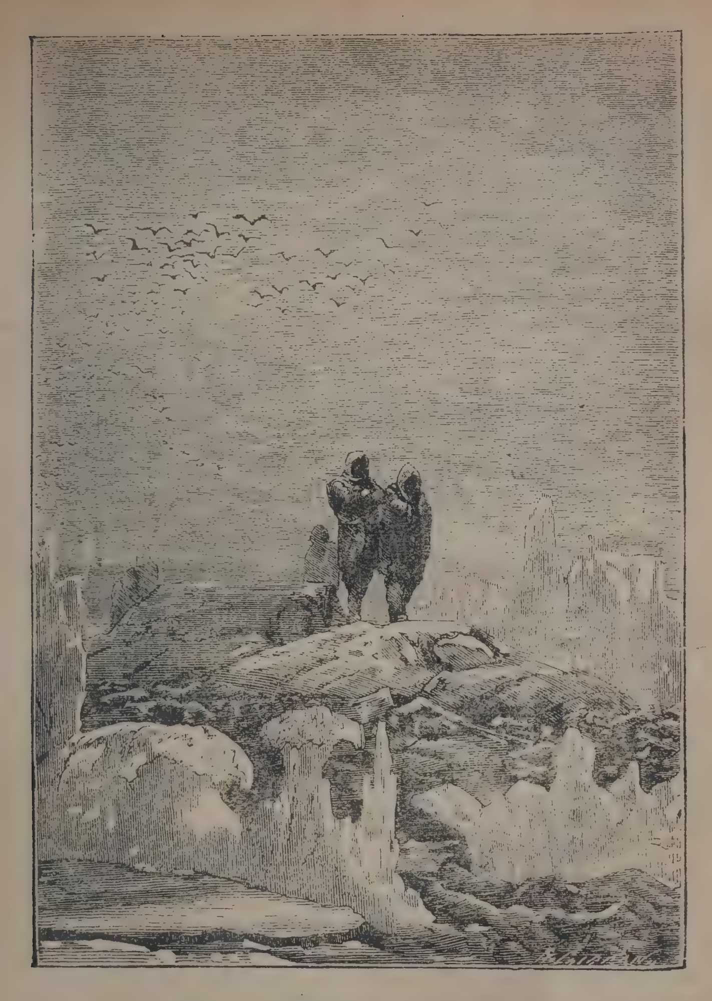
— Вы уверены, Нед? — возразил я. — Но я сомневаюсь в этом, и вот почему я хочу продолжать путь на юг.

— Тем хуже, господин профессор, — ответил Нед Ленд. — Вам придется отказаться от этой мысли. Мы дошли до границы сплошных льдов — этого уже достаточно. Дальше не удастся сделать ни шагу ни вам, ни капитану Немо, ни «Наутилусу». Хотите ли вы этого или нет, но мы вернемся на север, то-есть в места, где живут все порядочные люди.

Я должен был признать, что Нед Ленд прав в одном отношении: до тех пор, пока корабли не научатся передвигаться по ледяным полям, им придется останавливаться на границе сплошных льдов.

И действительно, несмотря на все усилия, несмотря на отчаянные попытки расколоть льды, «Наутилус» оставался неподвижным.

Обыкновенно, когда корабль не может продвинуться вперед, он возвращается назад. Но здесь возвращение назад было так же невозможно, как и продвижение вперед, ибо все проходы закрылись за нами. И если бы

«Наутилус» в плену у льдов.

наш корабль оставался неподвижным еще некоторое время, он непременно вмерз бы в лед.

Около двух часов пополудни стала обозначаться эта опасность: полынья, в которой стоял «Наутилус», с невероятной быстротой стала затягиваться молодым льдом. Должен признаться, что теперь поведение капитана Немо стало казаться мне верхом неосторожности.

Я находился в это время на палубе. Капитан, наблюдавший уже в течение нескольких минут образование ледяной пленки, обратился ко мне с вопросом:

— Что вы думаете о нашем положении, господин профессор?

— Думаю, что мы прочно застряли, капитан.

— Застряли? Как это понимать?

— Я хочу этим сказать, что мы не можем двинуться ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Это положение, по крайней мере в цивилизованных странах, определяется словом «застрять».

— Следовательно, вы думаете, что «Наутилус» не сможет выбраться отсюда?

— Я мало верю в это, капитан. Дело в том, что на пороге антарктической зимы трудно рассчитывать на передвижку льдов.

— Ах, профессор, вы верны себе! — иронически заметил капитан Немо. — Вам все мерещатся только препятствия да преграды! Позвольте же заявить вам, что «Наутилус» не только освободится из кольца льдов, но и продвинется еще дальше!

— Еще дальше к югу? — спросил я, подняв глаза на капитана Немо.

— Да, господин профессор, он пройдет к самому полюсу!

— К полюсу? — вскричал я, не в силах скрыть недоверия.

— Да, — холодно подтвердил капитан, — к Южному

полюсу, к этому загадочному месту, где скрещиваются все меридианы земного шара. Вы ведь знаете, что я могу заставить «Наутилус» делать все, что я хочу!

Да, я это знал. Я знал также, что этот человек отважен до безрассудства. Но все-таки только безумец мог осмелиться вступить в борьбу с бесчисленными препятствиями, преграждающими путь к Южному полюсу, еще менее доступному, чем Северный!

А ведь самые смелые, самые опытные мореплаватели напрасно пытались добраться до Северного полюса и отступали, побежденные, или погибали.

Я задал капитану Немо вопрос, не открыл ли он уже этот полюс, на который никогда еще не ступала человеческая нога.

— Нет, — ответил он. — Мы вместе сделаем это открытие. То, что не удавалось другим, удастся мне. Мне никогда еще не случалось заходить на «Наутилусе» так далеко на юг; но, я повторяю вам, мы пройдем еще дальше, до самого полюса!

— Я хочу верить вам, капитан, — иронически ответил я. — И я вам верю. Идем вперед! Для нас нет препятствий! Разобьем этот сплошной лед! Взорвем его, а если он будет сопротивляться, снабдим «Наутилус» крыльями, чтобы он мог перелететь над ним!

— *Надо* льдом, господин профессор? — спокойно ответил мне капитан Немо. — Нет, зачем же? Мы лучше пройдем *подо* льдом!

— Подо льдом?! — вскрикнул я.

Внезапно меня словно озарило. Я понял, на что рассчитывал капитан Немо. Чудесные свойства «Наутилуса» еще раз должны были сослужить капитану Немо службу!

— Вижу, что мы начинаем понимать друг друга, — улыбнувшись, проговорил капитан. — Вы, кажется, готовы допустить, что такая попытка возможна. Я же совер-

шенно уверен в успехе. То, что недостижимо для обыкновенного судна, легко дастся «Наутилусу». Если возле полюса он встретит материк, он остановится. Но если, напротив, полюс омывается водами океана, мы пройдем до самого полюса!

— В самом деле, — ответил я, увлеченный логическим рассуждением капитана, — если поверхность моря скована льдами, то нижние слои его не могут замерзнуть. И если я не ошибаюсь, погруженная в воду часть льдины относится к выступающей над уровнем моря, как четыре к одному?

— Да, господин профессор, отношение почти такое. На каждый фут айсберга, выступающий над поверхностью моря, приходится по три фута, погруженных в воду. Следовательно, так как эти ледяные горы не выступают над поверхностью океана больше чем на сто метров, они должны быть погружены в воду не больше чем на триста метров. А что стоит «Наутилусу» погрузиться на триста метров?

— Ничего не стоит!

— Больше того: мы можем опуститься еще глубже, в те слои воды, где температура одинакова под всеми широтами, и там безнаказанно будем насмехаться над тридцати-сорокаградусными морозами, стоящими на открытом воздухе!

— Вы правы, капитан, вы совершенно правы! — воскликнул я.

— Единственная трудность, которую нам, возможно, предстоит преодолеть, — продолжал капитан Немо, — это пребывание под водой в продолжение нескольких суток без возобновления запасов воздуха.

— Только всего? — возразил я. — На «Наутилусе» достаточно вместительные резервуары. Мы заполним их, и они снабдят нас необходимым количеством кислорода!

14

— Отлично, господин профессор, — снова улыбнулся капитан. — Разрешите мне поделиться с вами еще одним сомнением — мне не хотелось бы, чтобы вы потом обвиняли меня в безрассудстве.

— В чем же вы сомневаетесь? — спросил я капитана Немо.

— Возможно, что море у полюса, если оно существует, целиком сковано льдом, и, следовательно, мы не сможем выбраться на его поверхность.

— Что вы, капитан! Неужели вы забыли, что «Наутилус» вооружен бивнем! Вы сможете направить его по диагонали в ледяной потолок, и он легко пробьет себе выход наружу.

— Однако, господин профессор, сегодня вы заговорили совершенно новым языком.

— Впрочем, капитан, — продолжал я, все больше и больше воспламеняясь, — почему бы нам не встретить на Южном полюсе свободное ото льдов море? Полюсы холода не совпадают с земными полюсами как в Южном полушарии, так и в Северном. Поэтому, пока не будет доказано обратное, мы вправе предполагать существование свободных ото льдов морей или земель в этих двух противоположных точках земного шара.

— И я так думаю, господин профессор, — ответил капитан Немо. — Обратите только внимание на то, что после стольких возражений против моего проекта вы забрасываете меня теперь доводами в его пользу.

Капитан Немо был прав. Я теперь состязался с ним в смелости. Теперь я уговаривал его пуститься в плавание к полюсу. Я даже опередил его...

Но нет, жалкий безумец! Капитан Немо взвесил уже давно все «за» и «против» и теперь забавлялся, глядя на то, как я кидаюсь от одной крайности к другой, как безудержно предаюсь мечтам.

Между тем капитан Немо не терял времени. Он

вызвал на палубу своего помощника и заговорил с ним на непонятном языке. То ли помощник был уже раньше предупрежден о планах капитана, то ли он не видел в них ничего неисполнимого, но на лице его не отразилось даже удивления.

Но как он ни был хладнокровен, ему не пришлось перещеголять в невозмутимости Конселя, когда я объявил своим верным товарищам о решении капитана Немо итти к полюсу. Спокойное «как будет угодно хозяину» было единственным ответом этого храбреца, и ничего иного я от него не смог добиться. Другое дело — Нед Ленд: вряд ли можно было выше вздернуть плечи, чем это сделал канадец, выслушав мое сообщение.

— Вы знаете, господин профессор, — сказал он, — вы и ваш капитан Немо внушаете мне жалость.

— Но поймите, Нед, ведь мы попадем на полюс, на полюс!

— Возможно, что вы и попадете туда, но вот вернуться оттуда вы не сможете!

И с этими словами Нед Ленд ушел к себе в каюту («чтобы не наделать бед», сказал он, затворяя за собой дверь).

Тем временем «Наутилус» начал готовиться к своей смелой экспедиции. Мощные насосы, приведенные в действие двигателем, нагнетали в резервуары воздух под высоким давлением.

Около четырех часов пополудни капитан Немо сказал мне, что сейчас будет закрыт люк. Я бросил последний взгляд на преградивший нам путь барьер из сплошных льдов. Погода стояла ясная, небо очистилось от облаков. Холод был довольно значительный — двенадцать градусов ниже нуля, но ветра не было, и этот мороз не слишком давал себя чувствовать.

Человек десять матросов, с кирками в руках, вышли на палубу и стали обкалывать лед вокруг «Наутилуса».

Матросы быстро сумели высвободить судно, так как молодой лед был еще тонок. Тогда мы все спустились внутрь корабля, люк закрыли, и «Наутилус» медленно погрузился в воду.

Я зашел в салон в сопровождении Конселя. Мы сели у окна и стали смотреть на нижние слои воды Южного Ледовитого океана. Ртуть в термометре, измерявшем температуру наружной среды, быстро поднималась, стрелка манометра ползла вправо по циферблату.

На глубине трехсот метров, как и предвидел капитан Немо, вода была уже свободна ото льда. Но «Наутилус» продолжал погружаться, пока не достиг восьмисот метров. Температура воды в этих слоях была на два градуса выше, чем у поверхности. Само собой разумеется, что температура внутри «Наутилуса», поддерживаемая электрическими печами, нисколько не зависела от внешней температуры и всегда стояла на нормальном уровне.

Все маневры «Наутилус» выполнял необычайно послушно и точно.

— С позволения хозяина, скажу, что, по-моему, мы пройдем благополучно, — заметил Консель.

— Надеюсь, — ответил я тоном глубокой уверенности.

На этой свободной ото льдов глубине «Наутилус» взял курс прямо к полюсу, следуя вдоль пятьдесят второго меридиана. От 67°30′ до 90° нужно было пройти двадцать два с половиной градуса, или немногим больше двух тысяч километров. «Наутилус» плыл со скоростью примерно пятидесяти километров в час, то-есть со скоростью курьерского поезда. Если ничто не задержит его в пути, то за сорок с небольшим часов он должен достигнуть полюса.

Новизна пейзажа держала Конселя и меня часть ночи у окна салона. Прожектор ярко освещал воду. Но

море было совершенно пустынным. Рыбы не водились в этих скованных морозом водах.

Быстрота хода «Наутилуса» ощущалась только по непрерывному дрожанию его корпуса.

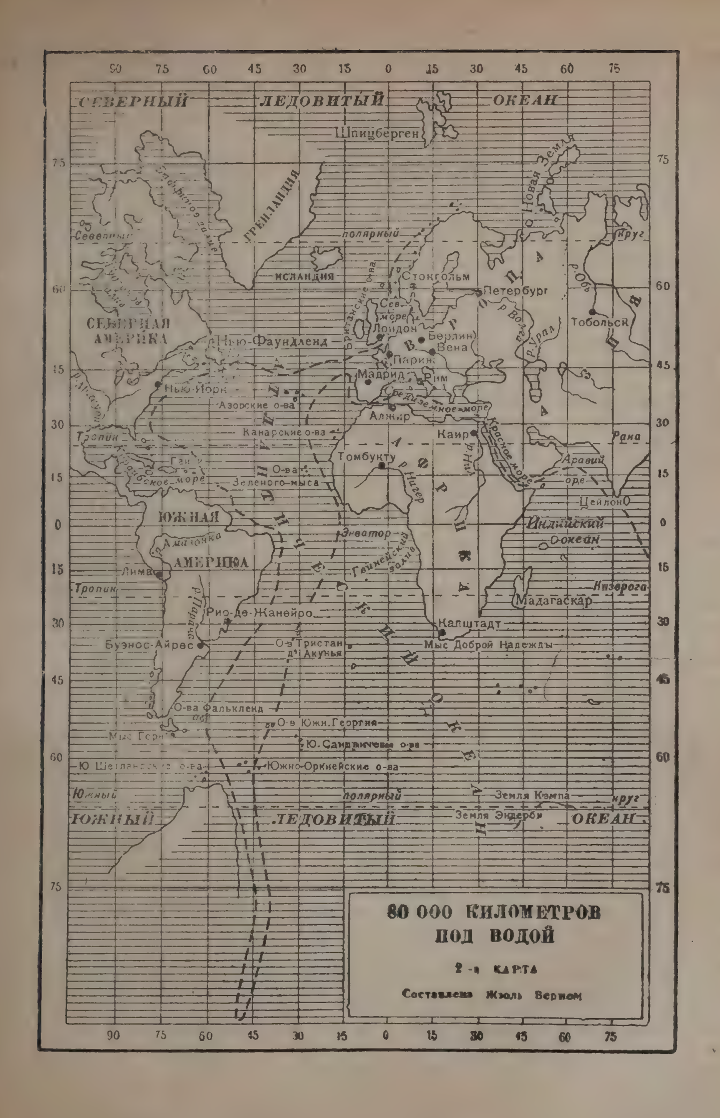
Около двух часов ночи я решил пройти к себе в каюту, чтобы поспать несколько часов. Консель последовал моему примеру. Проходя коридором к себе, я не встретил капитана Немо. Я решил, что он дежурит в штурвальной рубке.

На следующий день, 18 марта, я с утра снова занял свой наблюдательный пост у окна салона. Электрический лаг показал мне, что «Наутилус» шел с уменьшенной скоростью. Он поднимался теперь к поверхности, но не сразу, а постепенно, медленно опорожняя свои резервуары.

Сердце мое забилось учащенно. Удастся ли нам выйти на поверхность? Встретим ли мы свободное ото льдов пространство?

Но нет! Толчок дал мне понять, что «Наутилус» наткнулся на нижнюю поверхность сплошных льдов, и, судя по глухому тону толчка, на очень толстый слой их. И в самом деле, показания манометра подтвердили это предположение — мы находились на глубине полутора тысяч футов. Значит, над нами был слой льда толщиной в две тысячи футов, из которых пятьсот футов выступали над поверхностью! Следовательно, сплошной лед был в этом месте толще, чем в том, где мы погрузились. В этом не было ничего утешительного.

В течение дня «Наутилус» несколько раз возобновлял попытку выбраться на поверхность, но всякий раз наталкивался на потолок из толстого льда. Местами этот «потолок» доходил в глубину до девятисот метров, то-есть толщина ледяного слоя равнялась тысяче двумстам метрам, из коих триста возвышались над морем.

СЕВЕРНЫЙ
ЛЕДОВИТЫЙ
ОКЕАН
Шпицберген
Гренландия
Исландия
Новая Земля
полярный
круг
Стокгольм
Петербург
Тобольск
р. Обь
р. Урал
р. Волга
Британские о-ва
Сев. море
Лондон
Берлин
Вена
Париж
Мадрид
Рим
Средиземное море
Алжир
Каир
Красное море
р. Нил
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА
Нью-Фаундленд
Нью-Йорк
р. Миссисипи
Азорские о-ва
Канарские о-ва
Тропик
Рака
Гаити
Карибское море
О-ва Зеленого мыса
Томбукту
р. Нигер
АФРИКА
Аравийское море
Цейлон
Индийский океан
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
Амазонка
Экватор
Гвинейский залив
Лима
Тропик
Козерога
Мадагаскар
р. Парана
Рио-де-Жанейро
Калштадт
Мыс Доброй Надежды
Буэнос-Айрес
О-в Тристан д'Акунья
О-ва Фалькленд
О-в Южн. Георгия
Мыс Горн
Ю. Сандвичевы о-ва
Ю. Шетландские о-ва
Южно-Оркнейские о-ва
Южный
полярный
круг
Земля Кэмпа
Земля Эндерби
ЮЖНЫЙ
ЛЕДОВИТЫЙ
ОКЕАН
80 000 КИЛОМЕТРОВ ПОД ВОДОЙ
2-я КАРТА
Составлена Жюль Верном

Это было уже втрое больше, чем предельная высота айсбергов в момент нашего погружения! Я старательно отмечал глубину залегания оснований айсбергов и составил, таким образом, примитивную карту этой подводной опрокинутой горной цепи.

К вечеру наше положение не изменилось. Лед все время тянулся на глубине от четырехсот до пятисот метров. Это было уже некоторым утоньшением ледяного покрова, но все-таки еще огромная толща отделяла нас от открытого моря.

Было уже около восьми часов вечера. Четыре часа тому назад «Наутилус» должен был, по установившемуся обыкновению, возобновить свой запас воздуха. Однако я не чувствовал никакого стеснения при дыхании, хотя капитан Немо не выпустил еще ни литра кислорода из запасных резервуаров.

Этой ночью я плохо спал. Надежда и тревога поочередно волновали меня. Я вставал несколько раз с постели. «Наутилус» продолжал прощупывать проход. Около трех часов утра я вышел в салон и, посмотрев на манометр, увидел, что нижняя поверхность ледяного покрова проходит теперь на глубине всего лишь пятидесяти метров. Сплошной лед превращался мало-помалу в айсфильд — в ледяное поле. Подводные горы уступили место подводному плоскогорью.

Я не отрывал глаз от монометра. Мы все время поднимались, следуя по диагонали за наклонной поверхностью льда, сверкавшей тысячами искр при свете нашего прожектора.

Слой сплошного льда становился все тоньше и тоньше с каждым пройденным километром.

Наконец, в шесть часов утра этого памятного дня, 19 марта, дверь салона растворилась, и капитан Немо с порога сказал:

— Море свободно!

Глава четырнадцатая

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

Я бросился на палубу.

Да! Море было свободно. Только кое-где плавали отдельные льдины и айсберги. Дальше к югу льда совсем не было. Тысячи птиц носились в воздухе, и мириады рыб всех цветов — от темносинего до оливкового — бороздили волны. Термометр Цельсия показывал три градуса выше нуля. После только что перенесенных холодов по ту сторону смутно видневшихся на горизонте сплошных льдов это была почти весенняя температура.

— Где мы находимся? — спросил я капитана. Сердце мое бурно билось. — На полюсе?

— Я сам не знаю, — ответил он. — В полдень определю наше местоположение по высоте солнца.

— Но покажется ли солнце в этом тумане? — спросил я, с недоверием глядя на затянутое облаками небо.

— Если оно проглянет хоть на полминуты, этого будет достаточно, — ответил капитан.

В десяти милях к югу от «Наутилуса» виднелся одинокий островок, возвышавшийся метров на двести над уровнем моря. Мы направились к нему, но очень медленно, так как море могло быть усеяно рифами.

Через час мы подошли к самому островку. Еще через два часа мы закончили обход его. Береговая линия островка тянулась на четыре-пять миль. Узкий пролив отделял его от какой-то земли, может быть нового, неизвестного материка. Существование этой земли как будто бы подтверждало гипотезу Мори. Остроумный ученый обратил внимание на то, что между Южным полюсом и шестидесятой параллелью море покрыто плавучими льдинами огромных размеров, какие никогда не встречаются в Северном полушарии. Из этого наблюдения он сделал вывод, что в пределах Южного Полярного

круга должен существовать какой-то материк, так как айсберги не могут образовываться в море, а только на земле. По вычислениям Мори, масса льдов, окружающая Южный полюс, образует обширное кольцо, диаметром в четыре тысячи километров.

Между тем «Наутилус» из опасения сесть на мель остановился в трех кабельтовых от берега, над которым возвышалось величественное нагромождение скал. Шлюпка была спущена на воду. Капитан, двое матросов, нагруженных приборами, Консель и я уселись в нее. Было около десяти часов утра.

Я еще не видел в это утро Неда Ленда. Канадец, вероятно, не хотел признать себя побежденным.

Несколько взмахов весел приблизили шлюпку к песчаному пляжу, где она и остановилась.

Консель собирался выпрыгнуть на берег, но я остановил его.

— Капитан Немо, — сказал я, — вам должна принадлежать честь первому сойти на эту землю!

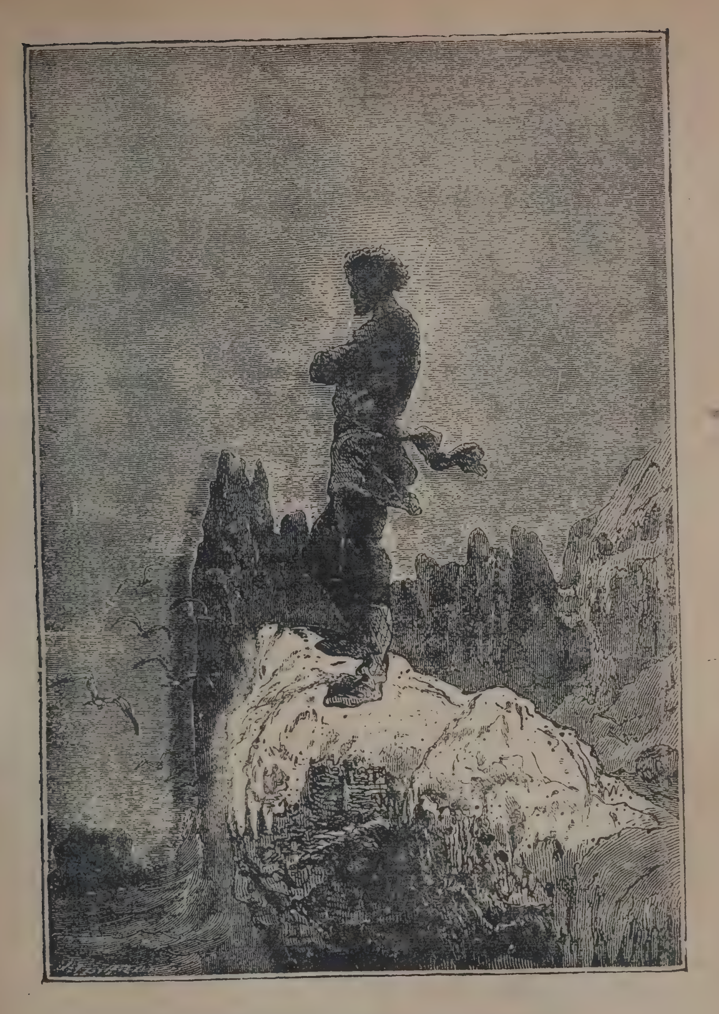
— Да, господин профессор, — ответил капитан. — И я не колеблясь сделаю это, потому что уверен, что до меня на эту землю никогда не ступала человеческая нога!

С этими словами он легко выпрыгнул на песок. Живейшее волнение заставило, видимо, усиленно биться его сердце. Он взобрался на скалу и там, скрестив руки на груди, неподвижный, молчаливый, с пылающим взором, казалось, вступал во владение этими полярными землями. Простояв так в экстазе несколько минут, он повернулся к нам и крикнул:

— Пожалуйста, господа, сходите на землю!

Я тотчас же выпрыгнул на берег. Консель последовал за мной. Матросы остались в шлюпке.

Почва, насколько видел глаз, состояла из красноватого туфа, словно была посыпана сверху толченым

Капитан Немо взобрался на скалу.

кирпичом. Шлаки, потоки застывшей лавы, куски пемзы покрывали ее.

Островок был, безусловно, вулканического происхождения. В некоторых местах из-под почвы прорывались струйки дыма с резким сернистым запахом. Это говорило о том, что работа подземного огня здесь еще не прекратилась.

Меня нисколько не удивило это, так как я знал, что Джемс Рос открыл в антарктических водах под 167° долготы и 77°32′ широты два действующих вулкана — Эребус и Террор. Я поспешил взобраться на скалу по примеру капитана Немо и стал осматривать горизонт. Однако кратера вулкана я не обнаружил.

Растительное царство на островке было представлено чрезвычайно скудно: несколько лишайников да прилепившиеся к скалам водоросли — вот и вся флора. Фауна была несколько разнообразней: моллюски, зоофиты, в частности коралловые полипы и морские звезды, и птицы, птицы... Птиц здесь было великое множество. Тысячами они носились в воздухе, оглушая нас своими криками, тысячами сидели на уступах скал, тысячами кружили над свинцовой гладью вод.

Тут были главным образом пингвины, тяжелые и неуклюжие на суше, но зато легкие и ловкие на воде.

В воздухе реяли крупные альбатросы, размах крыльев которых доходит до четырех метров, — их справедливо называют океанскими коршунами; исполинские буревестники, опасные враги тюленей; морянка, разновидность утки; наконец, целая туча глупышей — белых, с окаймленными коричневой полоской крыльями, и синих, водящихся только в Антарктике.

— Они настолько жирны, — сказал я Конселю, — что обитатели Фарерских островов вставляют в убитую птицу фитиль и получают готовый светильник.

Здесь были тысячи птиц.

— Постарайся природа еще чуточку, — ответил Консель, — и это была бы идеальная лампа. Какая досада, что она не снабжает их готовым фитилем!

Примерно в полумиле от того места, где мы высадились, земля была вся изрыта похожими на норы гнездами пингвинов. Капитан Немо приказал матросам наловить несколько сотен этих птиц, так как их темное мясо очень вкусно. Эти птицы, величиной с гуся, с черным оперением, с белыми пятнами на груди и желтой полоской на шее, позволяли убивать себя камнями, даже не думая спасаться бегством.

Между тем туман не рассеивался, и в одиннадцать часов солнце еще не показалось. Это очень взволновало меня. Если солнце не покажется, мы не сможем сделать наблюдений. А без наблюдений как знать, достигли ли мы полюса?

Когда я подошел к капитану Немо, он стоял, облокотившись на скалу, и молча глядел на море. Он казался недовольным и временами с нетерпением поднимал глаза к небу. Но что делать! Этот мужественный человек не мог так же властвовать над небом, как он властвовал над морем.

Настал полдень. Солнце не показалось. Сквозь густые тучи, затянувшие все небо, не видно было даже места, занимаемого дневным светилом на небосводе. Скоро пошел снег.

— Придется отложить до завтра, — просто сказал капитан, и мы вернулись на «Наутилус» среди разыгравшейся снежной бури.

В то время как мы были на островке, матросы «Наутилуса» успели закинуть и вытащить сети. Я с интересом рассматривал выловленных рыб. Антарктическое море служит прибежищем большому количеству рыб, спасающихся от бурь более низких широт, чтобы... попасть в пасть морских львов и тюленей.

Я заметил несколько бычков — рыбок с серебристой, испещренной бурыми пятнами чешуей, антарктических химер длиной в три фута, со скользким и гладким телом, окрашенным в переливающиеся тона золотисто-желтого, бурого и белого цветов, с мордой, выступающей вперед в виде конуса, и длинным нитевидным хвостом. Мне не понравилось их мясо, но Консель нашел его довольно вкусным.

Снежная буря продолжалась до следующего утра. Невозможно было даже высунуть нос на палубу. Сидя в салоне и записывая в дневник события последних дней, я через открытый люк слышал крики альбатросов, резвившихся в воздухе невзирая на бурю. «Наутилус», идя вдоль берега, продвинулся еще на десяток миль к югу.

На следующий день, 20 марта, буря утихла. Холод немного усилился. Термометр показывал два градуса ниже нуля.

Туман рассеялся, и я стал надеяться, что в этот день нам удастся сделать астрономические наблюдения.

Капитан Немо еще не выходил. Шлюпка «Наутилуса» отвезла на берег неведомой земли Конселя и меня. Почва и здесь была явно вулканического происхождения. Повсюду виднелись следы лавы, шлаки, базальт, но кратера вулкана я нигде не мог обнаружить. Так же как и на островке, здесь были тысячи птиц. Кроме пернатых, животное царство было представлено тут большими стадами морских млекопитающих, кротко глядевших на нас, когда мы проходили мимо. Это были тюлени. Одни из них лежали на берегу, другие распластались на льдинах, третьи плавали у берега или вылезали на него. Они не пугались при нашем приближении, так как, повидимому, впервые видели человека.

Стадо было так велико, что его хватило бы на несколько сотен охотничьих судов.

— Честное слово, — сказал Консель, — я бесконечно рад, что Нед Ленд не сопровождает нас!

— Почему, Консель?

— Потому что этот ярый охотник перебил бы всех тюленей!

— Всех бы он, конечно, не убил, но некоторым из этих кротких животных действительно не поздоровилось бы. А это очень не понравилось бы капитану Немо, который не любит понапрасну проливать кровь безобидных животных.

— И он совершенно прав.

— Конечно, Консель. Однако скажи: ты не успел еще проклассифицировать эти великолепные образчики морской фауны?

— Хозяин ведь знает, что я не слишком осведомлен в практической области. Если бы хозяин потрудился назвать мне этих животных...

— Это тюлени и морские львы.

— Два вида, принадлежащих к классу млекопитающих, подклассу одноутробных, отряду ластоногих, — поспешил сказать Консель.

— Правильно, Консель, — ответил я. — Но ведь у этих видов есть свои разновидности, и, если я не ошибаюсь, мы здесь их скоро увидим. Идем!

Было около восьми часов утра. Капитан Немо должен был сделать астрономические наблюдения в полдень; таким образом, в нашем распоряжении было около четырех часов.

Я предложил Конселю пойти по берегу обширной бухты, глубоко врезавшейся в эту землю. Берега, прибрежные льдины и вода были населены тысячами тысяч морских млекопитающих. Главным образом тут были тюлени. Они располагались семьями — самец, глава и защитник семьи, и под его покровительством сам-

ка, кормящая детенышей. Уже окрепшие молодые самцы, «холостяки», резвились отдельно, поодаль.

Тюлени передвигаются по земле с большим трудом, неуклюжими скачками: сперва они поднимаются на задние конечности и бросаются вперед всем туловищем, затем сгибают передние лапы, ложатся на грудь, горбят спину и тем подвигают вперед заднюю часть туловища. Сделав это, они снова поднимаются на задние конечности, и вся процедура повторяется. Но, неуклюжие на земле, тюлени чрезвычайно подвижны в воде благодаря своему гибкому спинному хребту, узкому тазу, густой короткой шерсти и перепончатым лапам. Отдыхая на поверхности воды и на берегу, эти животные принимают грациозные позы.

Я обратил внимание Конселя на сильно развитые, высокие лбы этих умных животных. Ни у одного млекопитающего, кроме человека, нет такого количества мозгового вещества, как у тюленей. Поэтому-то тюлени легко поддаются дрессировке. Они быстро становятся ручными, и я разделяю уверенность ряда натуралистов, что при соответствующем воспитании они могли бы приносить человеку значительную пользу, заменяя при рыбной ловле и морской охоте собак.

Большинство тюленей спало, когда мы проходили мимо. Я увидел на песке и на прибрежных скалах обыкновенных тюленей, длиной в полтора-два метра, с толстой верхней губой, усаженной волнистыми щетинистыми усами; у них почти незаметны были уши, обозначавшиеся лишь маленькими треугольными возвышениями.

Здесь же были и морские слоны — род тюленей с коротким подвижным хоботом. Эти гигантские животные, длиною в десять метров, не обращали на нас никакого внимания.

— Эти животные не опасны? — спросил Консель.

— Нет, — ответил я, — если их оставляют в покое. Но когда на них нападают, а особенно когда нападают на их детенышей, тюлени приходят в страшную ярость и нередко разносят в щепы лодки неосторожных охотников.

— Они совершенно правы, поступая так, — сказал Консель.

— Не спорю.

Двумя милями дальше нас задержал вдающийся далеко в море мыс, защищающий бухту от южных ветров. Скалы его отвесно падали в воду, и основание их было покрыто пеной прибоя.

В этом месте мы вдруг услышали громкое мычанье, как будто невдалеке паслось стадо жвачных животных.

— Откуда здесь быки? — спросил Консель.

— Это не быки, а моржи, — ответил я.

— Они дерутся?

— Дерутся или резвятся.

— С позволения хозяина, я хотел бы посмотреть на них.

— Пойдем посмотрим, Консель!

Мы снова зашагали вдоль черных базальтовых скал. Мы карабкались по их уступам среди валунов и скользили по их гладкой, отполированной льдом поверхности. Несколько раз я спотыкался и падал, больно ушибаясь.

Консель, более осторожный или более устойчивый, ни разу не упал и, поднимая меня, всякий раз говорил:

— Если бы хозяин старался пошире расставлять ноги, ему легче было бы удерживать равновесие.

Взобравшись на верхушку мыса, мы увидели обширную снежную равнину, усеянную моржами.

Животные играли и резвились. Шум, который доносился до нас, был шумом веселья, а не ярости.

Обойдя лежбище моржей, я решил вернуться обрат-

но. Было уже около одиннадцати часов утра, и мне хотелось присутствовать при определении широты местности, если условия погоды позволят капитану Немо произвести наблюдения.

Правда, на это было мало надежды. Густые тучи, обложившие весь небосвод, скрывали солнце. Казалось, что завистливое дневное светило нарочно пряталось за тучами, чтобы скрыть от людей этот неприступный уголок земного шара.

Мы пошли по узкой тропинке, огибавшей скалистую гряду. В половине двенадцатого мы подошли к тому месту, где высадились на берег. Капитан Немо уже стоял на верхушке базальтовой глыбы. Астрономические приборы лежали рядом с ним. Его взгляд неотступно был устремлен на север, в то место горизонта, где в это время должно было находиться невидимое за тучами солнце.

Я стал рядом с ним и молча ждал. Настал полдень, но солнце, так же как и накануне, не показалось.

Если и завтра солнце не выглянет в полдень, придется отказаться от попытки установить точное местонахождение полюса.

Сегодня уже 20 марта. Завтра, 21 марта, наступит равноденствие, и если не принимать в расчет преломления лучей, то уже завтра солнце исчезнет за горизонтом, и настанет долгая полярная ночь, длящаяся шесть месяцев...

Со времени сентябрьского равноденствия солнце, взошедшее над северным горизонтом, поднималось по небосклону все удлиняющимися спиралями до 21 декабря. В этот день летнего солнцестояния в Южном полушарии оно снова стало спускаться, каждый день все ниже и ниже, и, наконец, завтра должно было последний раз появиться над горизонтом.

Я поделился своими опасениями с капитаном Немо.

— Вы правы, господин профессор, — ответил он: — если завтра, двадцать первого марта, мне не удастся определить высоту солнца над горизонтом, то эту операцию придется отложить на шесть месяцев. Но зато если солнце выглянет завтра в полдень хоть на мгновение, то мне будет особенно легко определить его высоту над горизонтом именно благодаря тому, что случай привел нас в эти места накануне равноденствия.

— Почему, капитан?

— Потому что, когда солнце описывает на небосводе удлиненную спираль, очень трудно точно определить его высоту над горизонтом. Показания приборов в таких случаях часто неправильны.

— А что изменится завтра?

— Завтра я смогу сделать точное наблюдение, не прибегая к приборам, при помощи одного только хронометра. Если завтра, двадцать первого марта, в полдень солнечный диск — принимая, конечно, в расчет преломление — окажется перерезанным точно посредине горизонтом, это будет значить, что мы находимся на самом полюсе.

— Да, это так, — сказал я. — Но, с другой стороны, это определение не будет математически точным, потому что момент равноденствия не совпадает с полднем.

— Я это знаю, господин профессор, но эта неточность может выразиться ошибкой в сотню метров, что не имеет значения для моих целей. Итак, до завтра!

Капитан Немо вернулся на борт «Наутилуса». Консель и я оставались на земле до пяти часов, исследуя берег. Но ничего интересного мы не нашли, если не считать яйца пингвина, которое привлекло наше внимание своей необычайной величиной. Окрашенное в синий цвет и разрисованное какими-то похожими на иероглифы полосками и точками, оно представляло собой курьезную безделушку, за которую любитель не пожалел бы за-

платить и тысячу франков. Я вручил это яйцо Конселю; мой осторожный помощник понес его, как бесценный китайский фарфор, и благополучно доставил на борт «Наутилуса», где оно нашло свое место в одной из витрин музея.

Я с большим аппетитом съел за обедом кусок тюленьей печенки, напоминающей по вкусу свинину, и затем улегся спать, не забыв, как индусы-солнцепоклонники, призвать дневное светило милостиво выглянуть завтра в полдень.

На следующий день, 21 марта, когда в пять часов утра я поднялся на палубу, капитан Немо был уже там.

— Погода как будто проясняется, — сказал он мне. — Я начинаю надеяться. После завтрака мы поедем на берег и выберем там удобный пункт для наблюдений.

Договорившись с капитаном, я пошел к Неду Ленду. Мне хотелось пригласить его сойти на берег. Но упрямый канадец наотрез отказался. Я заметил, что он день ото дня становится все более мрачным и раздражительным. Впрочем, на этот раз меня не огорчило его упрямство: на берегу было слишком много тюленей, и не следовало подвергать напрасному искушению этого нераскаявшегося грешника.

После завтрака я поехал на берег. «Наутилус» ночью подался еще на несколько миль к югу. Он стоял теперь в открытом море, в четырех километрах от берега, над которым возвышался острый пик высотой в четыреста-пятьсот метров. В шлюпке, кроме меня, находились капитан Немо и два матроса. Капитан захватил с собой несложные приборы для наблюдений: хронометр, подзорную трубу и барометр.

Во время нашего переезда на берег мы встретили несколько китов. Гигантские млекопитающие резвились стадами в спокойных водах, и я понял, что этот

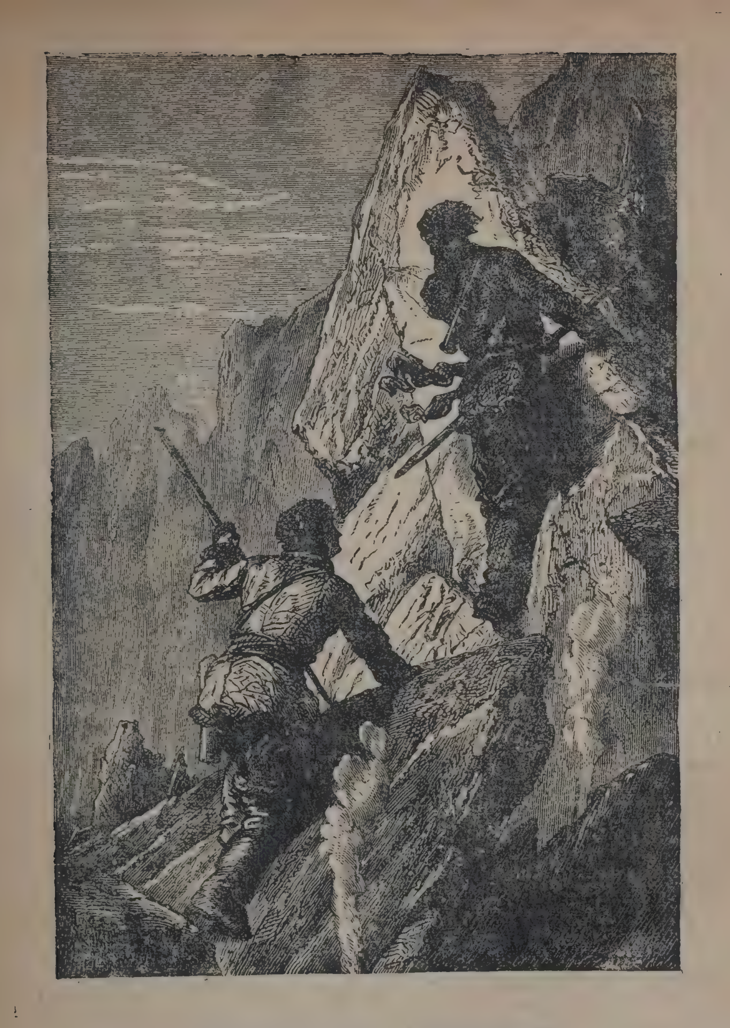
недоступный человеку южный полярный бассейн служил надежным убежищем для безжалостно истребляемых китов.

В девять часов мы причалили к скалистому берегу. Небо прояснилось. Туман постепенно рассеивался. Капитан Немо направился прямо к горе, на которой, повидимому, хотел устроить наблюдательный пункт. Подъем по скользким, обледеневшим скалам был очень труден. Капитан Немо взбирался по самым крутым склонам с ловкостью, которой позавидовал бы охотник за сернами. Я с трудом поспевал за ним, удивляясь его проворству, тем более неожиданному у моряка, который не привык ходить по земле.

Мы потратили почти два часа на подъем. С вершины пика перед нами открылся великолепный вид на море, с отчетливо выступающей вдали кромкой сплошных льдов. У подножья холма расстилалась ослепительно белая снежная равнина. Безоблачное небо над нашей головой было бледноголубым. На севере виднелся солнечный диск, точно срезанный снизу линией горизонта. Из воды поднимались сотни фонтанов, выбрасываемых китами. Вдалеке, в открытом море, покачивался на волнах «Наутилус», похожий на спящего кита. Вокруг, сколько видел глаз, простиралась земля, усеянная хаотическими нагромождениями каменных глыб и скал.

Взобравшись на вершину пика, капитан Немо первым долгом определил с помощью барометра его высоту над уровнем моря, чтобы внести потом поправку в свои наблюдения.

Без четверти двенадцать диск солнца, видимый до тех пор только вследствие преломления лучей в атмосфере, выплыл из-за горизонта и озарил своими багровыми лучами унылую, заброшенную землю и море, по которому до нас не плавал ни один человек.

Мы карабкались по уступам скал.

Капитан Немо, вооружившись зрительной трубой с зеркалом, исправляющим обман зрения вследствие преломления лучей, стал следить за дневным светилом, катившимся над самым горизонтом по очень длинной дуге. Я держал в руке хронометр и следил за стрелками, медленно ползущими по его циферблату. Мое сердце учащенно билось: если исчезновение половины солнечного диска за горизонтом совпадет с полднем, значит мы на самом полюсе.

— Полдень! — вскричал я.

— Южный полюс! — ответил мне капитан Немо взволнованным голосом.

Он протянул мне подзорную трубу. Приставив ее к глазам, я убедился, что горизонт перерезал сияющий диск на две совершенно равные части.

Последние лучи солнца озаряли еще вершину пика, в то время как по склонам его уже ползли кверху ночные тени.

Положив мне руку на плечо, капитан Немо торжественным тоном сказал:

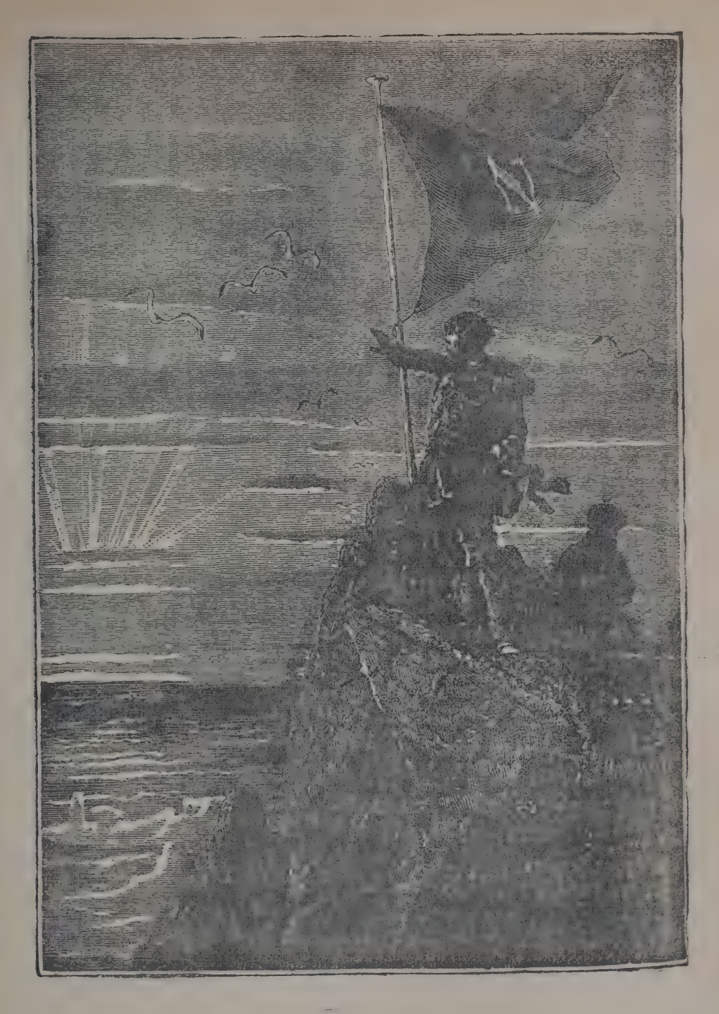
— Господин профессор, я, капитан Немо, сего двадцать первого марта тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года достиг Южного полюса, или 90° южной широты, и вступил во владение этой частью земного шара.

— От чьего имени вы вступаете во владение этим материком, капитан?

— От своего собственного, господин профессор!

И с этими словами он развернул большое черное знамя с вышитой на нем золотом буквой «Н» и, повернувшись лицом к дневному светилу, последние лучи которого еще освещали горизонт, воскликнул:

— Прощай, солнце! Исчезни, сияющее светило! Окунись в это свободное море и покрой на шесть месяцев ночной тенью мое новое владение!

— Прощай, солнце!

Глава пятнадцатая

В ЛОВУШКЕ

На следующий день, 22 марта, в шесть часов утра, на «Наутилусе» начали готовиться к обратному походу. Последний отблеск сумерек таял в ночном мраке. Холод был довольно чувствительным. Созвездия поразительно ярко сверкали на небе. В зените сиял ослепительный Южный Крест, одна из звезд которого играет в Южном полушарии роль Полярной звезды.

Термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля. Свежий ветер колол лицо. Открытое море у берега покрылось тонкими льдинками, и можно было ожидать с часу на час, что все море замерзнет. Было очевидно, что в продолжение шестимесячной ночи южный приполярный бассейн становится совершенно недоступным. Что делали в это время киты? Вероятней всего, они уплывали подо льдами в незамерзающие моря. Тюлени же и моржи, привыкшие к сильным морозам, оставались в этом царстве льда. Эти животные умеют делать проруби в ледяных полях и не дают им затянуться льдом. Через эти проруби они дышат. Когда птицы, изгнанные холодами, перелетают на север, в более теплые края, моржи и тюлени остаются безраздельными хозяевами полярного материка.

Между тем «Наутилус» заполнил резервуары водой и медленно стал погружаться. На глубине тысячи футов винт его начал работать, и корабль поплыл к северу со скоростью пятнадцати миль в час. К вечеру мы находились уже под огромным сводом сплошных льдов.

Из осторожности — «Наутилус» мог неожиданно наткнуться на какую-нибудь пловучую льдину — окна салона были наглухо закрыты ставнями. Поэтому я посвятил целый день приведению в порядок своих записей. Я весь погрузился в воспоминания о полюсе.

Мы достигли этой неприступнейшей точки земного шара без усталости, с полным комфортом, словно наш пловучий вагон скользнул туда по рельсам железной дороги.

Теперь мы с теми же удобствами пустились в обратный путь. Ждут ли нас на этом пути новые чудеса? Я был почти уверен в этом — так неистощима сокровищница моря!

В продолжение пяти с половиной месяцев, истекших с того момента, как случай забросил нас на борт подводного судна, мы прошли четырнадцать тысяч лье, или пятьдесят шесть тысяч километров, и сколько чудесных, неожиданных и страшных приключений выпало на нашу долю на этом пути!

Всю ночь меня осаждали видения, ни на секунду не давая сомкнуть воспаленные веки. Я вспоминал охоту в подводных лесах у острова Креспо, вынужденную стоянку в Торресовом проливе, коралловое кладбище на дне океана, цейлонские жемчужные отмели, Аравийский тоннель, золотые россыпи бухты Виго, Атлантиду, Южный полюс...

В три часа утра я был разбужен сильным толчком. Я сел в постели и стал напряженно вслушиваться, как вдруг резкий крен «Наутилуса» вышвырнул меня из постели на пол, на середину каюты.

Держась за стенки, я добрался до салона. Вся мебель в нем сдвинулась с места и валялась на полу. К счастью, витрины были накрепко прибиты, и коллекции не пострадали. Картины, привешенные к обивке штирборта, были словно приклеены, тогда как на бакборте нижний край их на целый фут отставал от стенки. «Наутилус» накренился на штирборт и лежал совершенно неподвижно.

В коридорах послышался шум шагов и смутный гул голосов. Но капитан Немо не показался. В ту минуту,

когда я собирался уже выйти из салона, в него вошли Нед Ленд и Консель.

— Что случилось? — тотчас же спросил я их.

— Я пришел спросить об этом хозяина, — ответил Консель.

— Тысяча чертей! — воскликнул канадец. — Я знаю, что случилось! «Наутилус» сел на мель, и, если судить по его крену, прочней, чем в прошлый раз, в Торресовом проливе.

— Но, по крайней мере, мы уже на поверхности моря? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Консель.

— В этом легко убедиться, — сказал я и подошел к манометру. К моему величайшему изумлению, стрелка показывала глубину в триста шестьдесят метров.

— Что это значит? — воскликнул я.

— Надо спросить капитана Немо, — сказал Консель.

— Но где его найти? — возразил Нед Ленд.

— Идите за мной, — сказал я своим товарищам.

Мы вышли из салона. В библиотеке не было никого. Я решил, что капитан Немо находится в штурвальной рубке. Беспокоить его там было неудобно, поэтому мы вернулись в салон.

Не стану пересказывать жалоб и причитаний Неда Ленда. На этот раз у него были все основания кипятиться. Я не мешал ему изливать свое дурное настроение, но и не отвечал ему.

Так мы просидели минут двадцать, прислушиваясь к малейшему шуму в коридорах «Наутилуса», как вдруг в салон вошел капитан Немо. Казалось, он не заметил нас. Его обычно невозмутимое лицо на этот раз выдавало сильное волнение. Он молча подошел к компасу, к манометру и наконец остановился перед картой и направил палец в какую-то точку в той ее части, которая изображала Южное полярное море.

Я не хотел отрывать его от размышлений. Но когда он через несколько минут обернулся ко мне, я спросил его:

— Опять заминка, капитан?

— Нет, — ответил он, — на сей раз несчастный случай.

— Серьезный?

— Возможно.

— Опасность?

— Нет.

— «Наутилус» сел на мель?

— Да.

— Как это случилось?

— Какая-то необъяснимая игра природы, в которой не повинен рулевой. Он не совершил ошибки... Но мы не в силах помешать закону тяготения. Можно пренебрегать законами, установленными человеком, но не законами природы!

Капитан Немо выбрал не очень удачный момент для философствований. В сущности, он ничего не разъяснил мне своим ответом.

— Можете ли вы сказать мне, капитан, — спросил я, — что явилось причиной этого происшествия?

— Опрокинулась огромная глыба льда, целая ледяная гора... Когда айсберги подтачиваются у основания теплыми течениями, центр тяжести их перемещается, и они переворачиваются. На «Наутилус», плывший под водой, обрушилась такая ледяная гора. Нижняя часть перевернувшегося айсберга подхватила «Наутилус» с собой, подняла и положила на бок.

— Но разве нельзя снять «Наутилус» с мели, опорожнив резервуары и тем облегчив его вес?

— Это мы и делаем сейчас, господин профессор. Прислушайтесь — там работают насосы, откачивая воду. Посмотрите на стрелку манометра: «Наутилус» всплы-

вает кверху, но вместе с ним всплывает и ледяная гора. До тех пор, пока какое-нибудь препятствие не задержит ее движение, наше положение не изменится.

И в самом деле, «Наутилус» продолжало кренить на штирборт. Без сомнения, он выпрямится, как только прекратится вращение айсберга вокруг его нового центра тяжести. Но кто знает, не случится ли так, что вращение айсберга будет остановлено нижней поверхностью сплошных льдов, и не будем ли мы с огромной силой сжаты, а может быть, и сплющены между двумя ледяными поверхностями?

Пока я размышлял о всех возможных последствиях несчастного случая, приключившегося с «Наутилусом», капитан Немо не отрывал глаз от стрелки манометра. Со времени столкновения с айсбергом «Наутилус» поднялся уже на сто пятьдесят футов, но угол наклона его на штирборт оставался прежним.

Внезапно корпус подводного корабля вздрогнул. «Наутилус» явно стал выпрямляться. Картины, висевшие на стене салона, изменили свое положение, да и сами стены заметно приблизились к вертикальной линии. Мы все сосредоточенно молчали. Затаив дыхание, мы следили за тем, как медленно и постепенно выпрямляется корпус судна. Пол салона стал горизонтальным.

— Наконец-то мы выпрямились! — воскликнул я.

— Да, наконец-то, — сказал капитан Немо, направляясь к выходу из салона.

— Но всплывем ли мы теперь? — спросил я.

— Конечно, — ответил он, — ведь резервуары не опорожнены до конца, и как только насосы вытолкнут из них всю воду, «Наутилус» всплывет на поверхность.

Капитан вышел, и тотчас же по его приказу прекратилась работа насосов, а следовательно, и движение «Наутилуса» вверх. В самом деле, мы рисковали при дальнейшем подъеме наткнуться на нижний слой

сплошных льдов, и было благоразумней оставаться на этом уровне глубины.

— Ну, мы, кажется, счастливо отделались! — сказал Консель.

— Да. Эти ледяные глыбы легко могли раздавить нас или, в лучшем случае, взять в плен. А тогда, не имея возможности обновить запас воздуха... Мы счастливо отделались!

— Если только мы действительно уже отделались! — негромко сказал Нед Ленд.

Я не пожелал вступать в напрасный спор с канадцем и ничего не ответил на его замечание.

В эту минуту раскрылись ставни салона, и мы бросились к окнам.

Свет прожектора озарял воду. На расстоянии десяти метров от нас по бокам вздымались сверкающие ледяные стены. Сверху и снизу — те же стены. Сверху это была глыба сплошного льда, нависшая над нашей головой, как огромный потолок. Снизу полом служил повернувшийся айсберг, нашедший точки опоры в боковых стенах и прочно утвердившийся в этом положении. «Наутилус», таким образом, был заключен в настоящий ледяной тоннель шириной в двадцать метров. Мы могли беспрепятственно выйти из него, идя либо вперед, либо назад, чтобы там, опустившись на несколько сот метров глубже, миновать зону сплошных льдов.

Несмотря на то что лампы на потолке не горели, салон был залит ярким светом. Это было отражение лучей прожектора «Наутилуса» в ледяных стенах.

Я не могу передать волшебный эффект этого освещения, ибо каждый излом, каждый уступ ледяных глыб отбрасывал лучи различного цвета, в зависимости от своей кристаллической структуры.

Это были как будто неисчерпаемые россыпи драгоценных камней — сапфиров и изумрудов, отражавшие пе-

рекрещивающиеся лучи всех оттенков зеленого и синего цвета. Свет прожектора усиливался во сто крат, как усиливается свет лампы, помещенной за толстыми чечевицами стекол маяка.

— Как красиво! Какая ослепительная красота! — восторгался Консель.

— Да, — сказал я, — это незабываемое зрелище! Не правда ли, Нед?

— Да, тысяча чертей, это правда! — признался канадец. — Я взбешен, что вынужден согласиться с этим. Никогда еще я не видел ничего подобного! Но только я боюсь, что мы дорого заплатим за это зрелище. Природа не любит, чтобы человек проникал в ее самые сокровенные тайны.

Нед Ленд был прав. Это зрелище было слишком прекрасно для человека.

Вдруг крик Конселя заставил меня обернуться.

— Что случилось? — спросил я.

— Пусть хозяин закроет глаза! Пусть хозяин не смотрит!

И, говоря это, Консель поднес руку к глазам.

— Но что с тобой, друг мой?

— Я ослеплен!

Я невольно повéрнулся к окну, но тотчас же отвел глаза, так как был не в силах выдержать ослепительный блеск.

Я понял, что произошло: «Наутилус» полным ходом тронулся вперед. Отблески прожектора, спокойно мерцавшие, пока мы стояли на месте, слились в яркие полосы. Сверканье миллиардов бриллиантов слилось в один сноп, и «Наутилус» мчался среди переплетения блистающих молний.

Тут ставни салона закрылись. Ослепленные, мы прижимали руки к глазам, перед которыми вспыхивали концентрические светящиеся круги, подобные тем, какие

мелькают перед сетчатой оболочкой, когда слишком долго смотришь на солнце.

Прошло довольно много времени, прежде чем зрение полностью вернулось к нам.

Наконец мы могли отнять руки от глаз.

— Честное слово, — сказал Консель, — я не поверил бы, если бы мне рассказали о таком зрелище!

— А я и сейчас в него не верю, — заявил канадец.

— Когда мы вернемся на сушу, — продолжал Консель, — пресыщенные созерцанием такого количества чудес природы, какими жалкими покажутся нам обитаемые земли и творения рук человеческих! Нет, обычный мир не может нас теперь удовлетворить!

Можно себе представить степень нашего энтузиазма, если уж Консель, этот невозмутимейший из невозмутимых фламандцев, заговорил таким языком! Но канадец не преминул влить свою ложку дегтя в нашу бочку меда.

— Обитаемые земли? — повторил он, покачав головой. — Не беспокойтесь, друг мой Консель: мы никогда не увидим их!

Было около пяти часов утра, когда раздался новый толчок, на этот раз спереди. Я понял, что бивень «Наутилуса» задел глыбу льда. Очевидно, рулевой неудачно сманеврировал в этом тоннеле, загроможденном ледяными глыбами, где не так легко было вести корабль. Я подумал, что капитан Немо обойдет это препятствие и, изменив направление, мы снова поплывем вперед вдоль извилин тоннеля. Однако, вопреки моим ожиданиям, «Наутилус» пошел задним ходом.

— Мы возвращаемся назад? — спросил Консель.

— Да, — ответил я. — Надо полагать, что с этой стороны из тоннеля нет выхода.

— Следовательно...

— Следовательно, мы возвратимся назад и выйдем через южное отверстие тоннеля. Это очень просто.

Я старался внушить своим друзьям уверенность, какой не было у меня самого.

Между тем попятное движение «Наутилуса» все ускорялось, и корабль шел теперь с полной скоростью.

— Это неприятная задержка, — зметил Нед Ленд.

— Ну, что для нас значат несколько лишних часов, раз мы все-таки выберемся! — сказал Консель.

— Да, — ответил Нед Ленд, — если только мы действительно выберемся.

Я зашагал из салона в библиотеку и обратно. Мои товарищи спокойно сидели на диване. Вскоре и я сел на диван и, взяв книгу, пытался заставить себя читать, но глаза мои машинально скользили по строкам.

По прошествии четверти часа Консель подошел ко мне и спросил:

— Интересную книгу читает хозяин?

— Очень интересную, — ответил я.

— Я и не сомневался. Хозяин ведь читает свою собственную книгу.

И в самом деле, я держал в руках свои «Тайны морского дна», совершенно не подозревая этого. Я захлопнул книгу и снова зашагал по салону. Нед и Консель, не желая мешать мне, поднялись с дивана и направились к выходу.

— Не уходите, друзья мои, — сказал я им. — Побудем вместе до тех пор, пока выберемся из тоннеля.

— Как будет угодно хозяину, — сказал Консель.

Так прошло несколько часов. Я часто смотрел на приборы, висевшие на стене салона. Стрелка манометра показывала, что мы все время находимся на глубине трехсот метров. Компас неизменно указывал, что мы идем на юг, лаг — скорость в двадцать миль в час, огромную в таком узком пространстве. Но капитан Немо понимал, что никакая спешка не может быть чрезмерной в этих условиях, где минуты стоили больше, чем годы.

В двадцать пять минут девятого раздался второй толчок. На этот раз удар пришелся по корме. Я побледнел. Мои товарищи вскочили на ноги и подошли ко мне. Я стиснул руку Конселя. Мы вопрошали друг друга взглядами, и этот бессловесный разговор был красноречивей всякого иного.

В эту минуту в салон вошел капитан Немо.

Я подбежал к нему.

— Путь закрыт и с юга? — спросил я.

— Да, господин профессор. Айсберг, опрокинувшись, запер нас.

— Мы в ловушке?

— Да.

Глава шестнадцатая

НЕДОСТАТОК ВОЗДУХА

Таким образом, «Наутилус» со всех сторон был окружен непроницаемыми ледяными стенами. Мы были пленниками льдов.

Канадец стукнул огромным кулачищем по столу. Консель молчал. Я не отрываясь смотрел на капитана. Его лицо снова стало невозмутимым. Скрестив руки на груди, он размышлял.

«Наутилус» стоял неподвижно.

Капитан Немо заговорил.

— Господа, — сказал он совершенно спокойно, — в том положении, в каком мы сейчас находимся, есть две возможности распрощаться с жизнью.

Этот загадочный человек держал перед нами речь с видом профессора математики, читающего лекцию студентам.

— Первая — это быть раздавленными льдинами, вторая — умереть от удушья. Я исключаю совершенно опасность умереть с голоду, так как запасы провизии на

«Наутилусе» безусловно переживут нас. Итак, взвесим обе эти возможности.

— Я думаю, что нам нечего бояться смерти от удушья, капитан, — сказал я, — поскольку резервуары «Наутилуса» наполнены сжатым воздухом.

— Это верно, — ответил капитан, — но они обеспечивают нам только двухдневную порцию воздуха. А ведь мы уже тридцать шесть часов находимся под водой, и сгущенный воздух внутри корабля требует обновления. Через сорок восемь часов запас будет исчерпан.

— Из этого следует, капитан, что нам надо вырваться на свободу раньше, чем истечет этот срок!

— Мы попытаемся это сделать. Попробуем буравить стену льда.

— С какой стороны? — спросил я.

— Это нам покажет зонд. Я посажу сейчас «Наутилус» на дно нашей ледяной клетки, и матросы, надев скафандры, определят, какая из ледяных стен имеет наименьшую толщину.

— Можно ли открыть ставни салона?

— Конечно. Ведь мы не движемся теперь.

Капитан Немо вышел из салона. Вскоре послышался свист, говоривший о том, что в резервуары впускают воду. «Наутилус» медленно опустился на дно ледяной клетки, на глубину трехсот пятидесяти метров.

— Друзья мои, — сказал я Конселю и Неду Ленду, — мы попали в опасное положение, но я не сомневаюсь, что вы не потеряете свойственных вам присутствия духа и энергии.

— Господин профессор может быть уверен, что в такую минуту я не буду приставать к нему с жалобами, — сказал канадец. — Я готов сделать все, что нужно, для общего спасения.

— Хорошо сказано, Нед! — ответил я, пожимая руку канадцу.

— Добавлю, — сказал он, — что я так же хорошо владею киркой, как и гарпуном, и если я могу быть полезен капитану Немо, он может располагать мной.

— Не сомневаюсь, что он не откажется от вашей помощи. Идемте, Нед.

Я прошел вместе с канадцем в гардеробную, где матросы «Наутилуса» облачались в скафандры. Я передал капитану Немо предложение канадца, и он тотчас же принял его.

Нед Ленд надел скафандр одновременно со всеми матросами. Каждый из них нацепил на плечи аппарат Руквейроля, наполненный свежим воздухом из резервуаров, — это уменьшало общий запас воздуха на «Наутилусе», но расход этот нельзя было считать излишним. Что касается ламп Румкорфа, то они были совершенно ненужны в этой ярко освещенной среде.

Когда Нед облачился в скафандр, я вернулся в салон, ставни которого были уже открыты. Усевшись вместе с Конселем у окна, я стал рассматривать ледяные стены, окружавшие «Наутилус».

Через несколько минут мы увидели, как двенадцать водолазов ступили на ледяной пол. Среди них легко было узнать Неда Ленда, выделявшегося своим высоким ростом. Капитан Немо также был в этой группе.

Прежде чем приступить к рубке льда, он велел пробуравить несколько пробных скважин, чтобы определить наивыгоднейшее направление пролома. Длинные сверла были воткнуты в боковые стены, но, просверлив пятнадцать метров в толще льда, они все еще не нащупывали свободной воды. Было совершенно бессмысленно рубить потолок тоннеля, так как это был нижний слой сплошного льда толщиной не менее четырехсот метров. Тогда капитан Немо приказал сверлить пол тоннеля.

Оказалось, что в этом направлении толщина ледяного пласта не превышала десяти метров. Нужно было,

следовательно, вырубить в этом ледяном полу яму, несколько превышающую размеры «Наутилуса», то-есть примерно вырубить до шести с половиной тысяч кубических метров льда, чтобы образовалось отверстие, сквозь которое «Наутилус» мог бы погрузиться в нижние, свободные ото льдов слои воды.

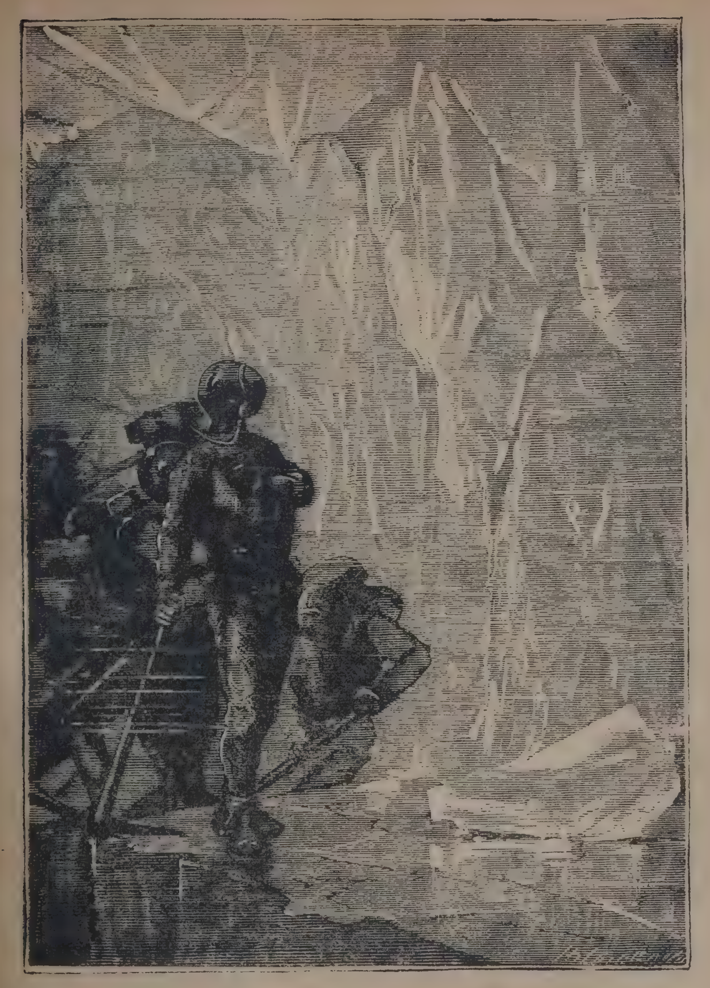
К этой работе водолазы приступили немедленно и повели ее с неослабевающей энергией. Капитан Немо распорядился рубить лед не непосредственно под «Наутилусом», что значительно затруднило бы работу, а в восьми метрах левее корпуса судна. Водолазы очертили гигантский овал на льду и принялись за работу в нескольких местах сразу. Их кирки одновременно врезались в пласты льда, вырубая из них большие глыбы.

Любопытная деталь этой работы: вырубленные глыбы вследствие того, что удельный вес льда меньше, чем воды, сами всплывали к потолку тоннеля, утолщавшемуся на столько, на сколько утоньшался его пол. Но это нисколько не беспокоило нас, так как толщина пола все-таки уменьшалась!

Нед Ленд вернулся в салон, устав после двухчасовой напряженной работы. На смену ему и его товарищам на лед вышла новая партия матросов, к которой присоединились и мы с Конселем. Помощник капитана руководил нашей работой.

Вода показалась мне поначалу очень холодной, но, поработав киркой, я быстро согрелся. Я не чувствовал никакого стеснения в движениях, несмотря на давление в тридцать атмосфер.

Вернувшись на «Наутилус» после двух часов работы, чтобы поесть и немного отдохнуть, я сразу почувствовал резкую разницу между чистым воздухом аппарата Рукейроля и сгущенной, перенасыщенной углекислотой атмосферой «Наутилуса». Воздух не обновлялся внутри

Водолазы ступили на ледяной пол.

корабля почти сорок восемь часов и был уже мало пригоден для дыхания.

За двенадцать часов непрерывной работы нам удалось вырубить из очерченного на льду овала слой толщиной только в один метр. Если каждый следующий метр потребует также двенадцатичасового труда, нам понадобится еще пять ночей и четыре дня, чтобы довести до конца работу.

— Пять ночей и четыре дня! — сказал я своим товарищам. — А у нас в резервуарах запас воздуха всего на двое суток!

— Не говоря уже о том, — добавил Нед Ленд, — что, вырвавшись из этой проклятой тюрьмы, мы должны будем еще некоторое время итти под сплошным льдом, не имея возможности подняться на поверхность.

Замечание Неда Ленда было справедливым. В самом деле, невозможно было определить, сколько времени нам необходимо, чтобы вырваться на свободу, и не погибнем ли мы все от удушья, прежде чем «Наутилус» выберется на поверхность вод. Быть может, нам всем суждено было найти себе могилу во льдах...

Наше положение было действительно трагическим. Но мы все глядели опасности прямо в глаза и решили исполнить свой долг до конца.

Как я и предвидел, за ночь яма во льду углубилась еще на один метр. Но утром, надев скафандр и выйдя на лед, я заметил, что боковые стены тоннеля несколько сблизились: слои воды, прилегавшие к ним и не согреваемые работой водолазов, промерзали.

Это была новая, и грозная, опасность, сводившая к нулю наши шансы на спасение. Как и чем можно было предотвратить замерзание воды и сближение стенок тоннеля, грозившее раздавить «Наутилус», словно хрупкое стеклышко?

Я ничего не сказал своим товарищам об этой новой

опасности. К чему было убивать в них волю к труду, направленному на спасение? Но, вернувшись на борт, я сообщил капитану Немо об этом серьезном осложнении.

— Я уже заметил это, — сказал он своим ровным голосом, в котором не чувствовалось и тени волнения. — Это новая угроза, но я бессилен предотвратить ее. Единственное средство спасения заключается в том, чтобы выбраться из ловушки раньше, чем вода оледенеет. Вот и все.

«Вот и все», сказал он. Пора было бы мне уже привыкнуть к его манере разговаривать!..

В течение дня я несколько раз выходил на лед и усердно работал киркой. Эта работа бодрила меня. Кроме того, работать — значило иметь возможность покинуть «Наутилус» и дышать чистым воздухом резервуаров, вместо бедной кислородом, удушливой атмосферы корабля.

К вечеру яма стала глубже еще на один метр.

Когда я вернулся на борт, я чуть не задохнулся, втянув в легкие перенасыщенный углекислотой воздух. Ах, как жалко было, что у нас не было химических средств поглощения этого вредного для дыхания газа! В кислороде мы не испытывали бы недостатка. Он содержался в огромных количествах в окружающей нас воде, и нам легко было добыть его, разложив воду электрическим током наших батарей. Я подумал об этом, но потом отказался от этой мысли, так как она не разрешала проблемы удаления из атмосферы углекислоты, выделяемой нами при выдыхании и заполнившей все судно. Чтобы поглотить ее, нужно было бы наполнить большие сосуды едким натром и беспрерывно размешивать его. Но едкого натра на «Наутилусе» не было, и заменить его мы ничем не могли.

Вечером капитану Немо пришлось открыть краны своих резервуаров и выпустить несколько кубических

метров воздуха в атмосферу судна. Если бы он не сделал этого, мы бы не проснулись наутро.

На следующий день, 26 марта, я снова принялся за работу забойщика, вырубая пятый метр ямы. Боковые стены и потолок тоннеля заметно сблизились. Ясно было, что при таком темпе работ они сомкнутся раньше, чем «Наутилус» успеет высвободиться.

На секунду мною овладело отчаяние. Я едва не выпустил кирку из рук. К чему было рубить лед, если все равно нам предстояло неминуемо погибнуть от удушья или быть раздавленными водой, превратившейся в камень?

Мне чудилось, что я схвачен челюстями какого-то страшного животного и они неотвратимо сжимаются.

В эту минуту руководивший нашей группой и сам энергично орудовавший киркой капитан Немо прошел мимо меня. Я задержал его и указал рукой на стену нашей тюрьмы. За ночь она приблизилась к кораблю не меньше чем на четыре метра.

Капитан Немо понял меня и сделал мне знак следовать за собой.

Мы вернулись на борт.

Сняв скафандр, я прошел за ним в салон.

— Господин Аронакс, — сказал он, — нам надо будет предпринять какие-то героические меры, иначе мы окажемся замурованными во льду прочнее, чем в цементе.

— Да, — ответил я, — но что мы можем сделать?

— О, — воскликнул он, — если бы только мой «Наутилус» был настолько прочным, чтобы выдержать это давление и не расплющиться!

— Тогда что было бы? — спросил я, не понимая мысли капитана.

— Неужели вам не ясно, что замерзание воды пришло бы к нам на помощь? Ведь вода, превратившись в лед, должна занять больший объем и неминуемо расколет

держащее нас в плену ледяное поле, как раскалывает она, замерзая, самые крепкие камни. Неужели вы не понимаете, что это было бы нашим спасением, а не гибелью!

— Да, капитан, возможно. Но какой бы прочностью ни обладал «Наутилус», он не сможет выдержать такое страшное давление, и стены льда сплющат его в тоненький листочек.

— Я это знаю, профессор. Поэтому-то я и не надеюсь больше на помощь природы, а рассчитываю только на самого себя. Надо во что бы то ни стало воспрепятствовать дальнейшему замерзанию воды! Надо его приостановить! Теперь уже сближаются не только боковые стенки: перед носом и за кормой «Наутилуса» осталось не больше как по десяти футов свободной воды... Наша ледяная клетка сужается со всех сторон!

— На сколько времени, — спросил я, — хватит запаса воздуха в резервуарах?

Капитан посмотрел мне прямо в глаза.

— Послезавтра, — сказал он после недолгого молчания, — резервуары опустеют!

Холодный пот выступил у меня на лбу. Между тем этот ответ не должен был удивить меня: 22 марта «Наутилус» погрузился в воды открытого моря у полюса, сегодня было 26 марта, — следовательно, мы уже пять дней существовали за счет запасов воздуха на борту судна. Кроме того, много воздуха уходило на подводные работы по рубке льда.

Сейчас, когда я пишу эти строки, воспоминания о пережитом ужасе так свежи в моей памяти, что судорога страха сводит мои конечности и я жадно глотаю воздух, как будто его недостает моим легким...

Между тем капитан Немо, сосредоточенный и молчаливый, погрузился в раздумье.

Вдруг я увидел, что его осенила какая-то мысль. Сна-

чала он как будто оттолкнул ее, видимо неудовлетворенный. Но потом с его уст сорвались слова:

— Кипяток! Кипяток!

— Кипяток?! — вскричал я.

— Да, профессор. Мы заключены в очень узком пространстве. Струя кипятка, беспрерывно извергаемая насосами «Наутилуса», поднимет температуру окружающей нас воды и остановит процесс ее обледенения!

— Надо испытать это средство, — сказал я.

— Попробуем, господин профессор.

Термометр, выведенный за борт, показывал температуру в семь градусов ниже нуля.

Я прошел вслед за капитаном Немо в камбуз. Там стоял большой кипятильник — опреснитель морской воды.

В кипятильник доверху налили воды, и вся мощь электрических батарей «Наутилуса» была переключена на нагревание змеевиков, сквозь которые проходила вода. В несколько минут вода дошла до точки кипения. Насосы стали выталкивать ее наружу, а на место извергнутой тотчас же приливала новая холодная вода. Теплота, развивавшаяся электрическими батареями, была настолько велика, что поступавшая в змеевик холодная морская вода выходила из него уже нагретой до ста градусов.

После трехчасового беспрерывного накачивания кипятка столбик ртути поднялся на один градус и показывал теперь минус шесть градусов. Еще через два часа он поднялся до четырех градусов.

— Подействовало! — сказал я капитану, проконтролировав показания термометра. — Теперь успех обеспечен!

— Да, — ответил капитан, — и я так думаю. Мы не будем раздавлены. Остается спастись только от грозящего нам удушья.

В течение ночи температура воды поднялась до одного градуса ниже нуля. Сколько мы ни старались поднять ее выше, это не удавалось. Впрочем, в этом и не было нужды, так как обледенение прекратилось. К следующему утру, 27 марта, глубина ямы возросла до шести метров. Оставалось, таким образом, вырубить только четыре метра. Это требовало еще сорока восьми часов работы.

Воздух внутри «Наутилуса» в этот день не обновлялся, так как ничтожный остаток его в резервуарах капитан Немо берег для подводных работ. Дышать на корабле с каждым часом становилось все труднее.

Как будто огромная тяжесть давила мне на грудь. К трем часам пополудни мучение стало невыносимым. Я беспрерывно зевал. Легкие мои судорожно втягивали в себя воздух, выискивая в сгущенной атмосфере «Наутилуса» атомы живительного кислорода, которых становилось все меньше и меньше с каждым нашим вдохом.

Мною овладело какое-то оцепенение, парализовавшее движения и мозг. Я лежал обессиленный, почти потеряв сознание.

Добрый Консель, страдавший не меньше, чем я, не покидал меня ни на секунду. Он брал мою руку, ободрял меня, и я слышал, как он шептал:

— Ах, если бы я мог не дышать, чтобы сберечь воздух хозяину!

Слезы выступали у меня на глазах при этих словах.

Чем труднее становилось дышать внутри судна, тем с большей охотой мы надевали скафандры, когда приходила наша очередь работать. Кирки звенели, вкалываясь в лед. Плечи и спина ныли от усталости, руки покрывались мозолями, но что значили усталость и боль, когда можно было полной грудью вдыхать свежий воздух, когда можно было дышать!

И тем не менее никто не оставался под водой дольше, чем следовало.

Проработав два часа, каждый из нас спешил передать своему задыхающемуся в удушливой атмосфере корабля товарищу спасительный резервуар с чистым воздухом, который вновь возвращал того к жизни.

Капитан Немо первым подавал пример строжайшей дисциплины. Когда истекало время работы под водой, он твердым шагом возвращался на корабль, в ядовитую атмосферу. Лицо его попрежнему было спокойно, и ни одна жалоба не срывалась с его уст.

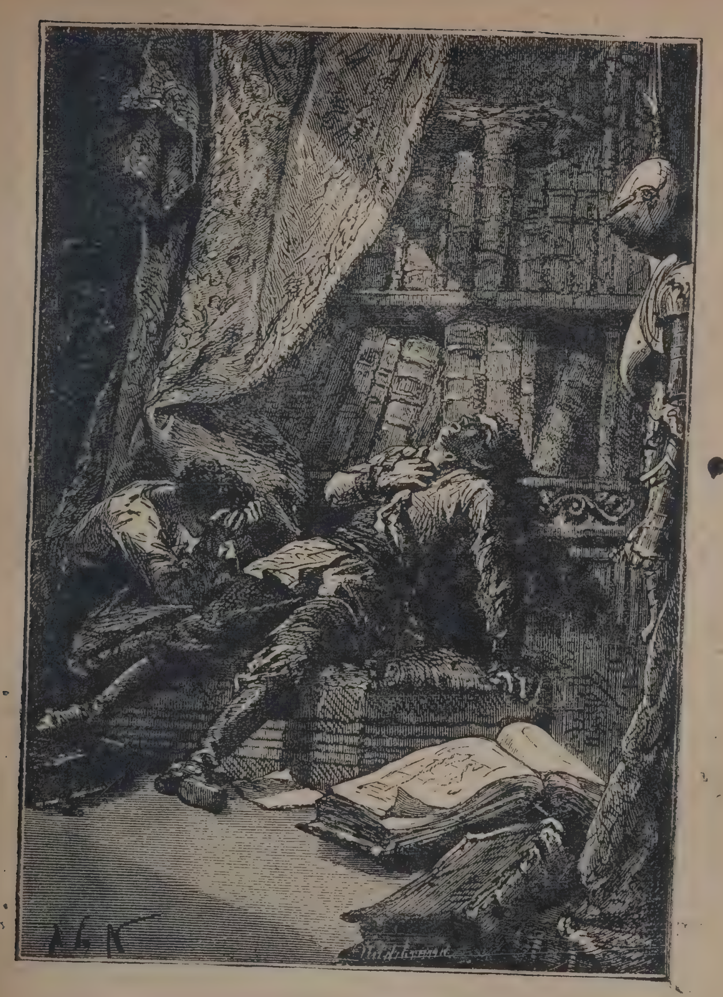
В тот день работа шла с еще бо́льшим напряжением. Еще два метра льда были вырублены за сутки, и теперь только два метра отделяли нас от свободной воды.

Но резервуары воздуха были совершенно опустошены, и оставался только тот запас, который имелся в аппаратах Руквейроля.

Когда я вернулся на борт и снял скафандр, я сразу чуть не задохнулся. Какую ночь я провел! Описать ее невозможно — такие страдания не могут быть переданы словами.

Наутро дыхание мое было стеснено еще больше. К головной боли присоединились частые головокружения, во время которых я шатался, как пьяный. Спутники мои страдали так же, как и я. Некоторые из матросов уже хрипели.

В этот шестой день нашего пленения капитан Немо, понимая, что работа кирками слишком медленна и запас воздуха истощится раньше, чем она будет доведена до конца, решил попробовать другим способом пробить слой льда, отделявший нас от свободной воды. Этот человек сохранил всю ясность ума, энергию и хладнокровие. Усилием воли он заставлял себя не замечать физических страданий. Он размышлял, изобретал, действовал.

Мы задыхались...

По его приказанию из резервуаров «Наутилуса» была выкачана часть водяного балласта.

Когда судно поднялось со льда, его установили точно в центре огромной овальной выемки, вырытой нами. Затем резервуары были снова наполнены водой, и «Наутилус» опустился на дно выемки.

Весь экипаж вернулся на борт, и двойную дверь герметически закрыли.

«Наутилус» лежал теперь на пласте льда толщиной не больше одного метра, пробуравленном к тому же сверлами в тысяче мест. Капитан Немо приказал наполнить резервуары доотказа, увеличив таким образом вес «Наутилуса» на сто тысяч килограммов.

Мы прислушивались и напряженно ждали, забывая даже о своих мучениях. Наше спасение было поставлено на карту.

Несмотря на сильный шум в ушах, я вскоре услышал, как трещит лед под корпусом «Наутилуса». Треск этот все усиливался. Мы явно оседали ниже. Лед раскалывался с особым треском, похожим на треск разрываемой бумаги. «Наутилус» стал опускаться.

— Мы проходим, — шепнул мне на ухо Консель.

Я не в силах был ответить ему. Я схватил его руку и конвульсивно стиснул.

Внезапно, увлекаемый своим тяжелым балластом, «Наутилус» камнем полетел на дно, словно ядро в пустом пространстве.

Мгновенно вся энергия батарей была переключена на насосы, и вода со свистом стала вылетать из резервуаров. По истечении нескольких минут наше падение замедлилось, а затем и вовсе прекратилось, и стрелка манометра показала, что начался подъем.

Тут винт «Наутилуса» заработал с такой быстротой, что весь корпус судна задрожал мелкой, частой дрожью, и мы понеслись на север.

Но сколько времени должно было продлиться это плавание подо льдом до открытого моря? Еще день? Тогда я не доживу до его конца...

Я полулежал на диване в библиотеке. Я задыхался. Мое лицо посинело, губы совершенно почернели. Я не в силах был шевельнуть пальцем. Я ничего не видел и не слышал, потерял представление о времени. Мои мускулы утратили способность сокращаться...

Не могу сказать, сколько часов я пролежал в таком состоянии. Но в редкие минуты сознания я чувствовал, что начинается агония. Я понимал, что умираю...

Вдруг я пришел в себя. Свежий воздух омыл мои легкие. Неужели мы вышли на поверхность воды? Как же я не заметил, что мы миновали полосу сплошных льдов?

Нет, мы все еще были подо льдом! Это Консель и Нед Ленд, мои преданные друзья, жертвовали собой, чтобы спасти меня. В одном из аппаратов Руквейроля сохранилось еще немного воздуха. Вместо того чтобы взять его себе, они подарили этот воздух мне и, задыхаясь сами, вдохнули в меня жизнь.

Очнувшись, я хотел оттолкнуть спасительный аппарат, но они удержали мои руки, и в продолжение нескольких минут я с громадным наслаждением глотал живительный газ.

Я посмотрел на часы. Было одиннадцать часов утра. Наступило уже 28 марта.

«Наутилус» мчался со страшной скоростью — сорок миль в час, — стрелой врезаясь в воду.

Где был капитан Немо? Выжил ли он? Уцелели ли его товарищи?

В эту минуту стрелка манометра показывала, что мы находились всего в двадцати футах от поверхности моря. От вольного воздуха нас отделяло только тонкое ледяное поле. Неужели его нельзя расколоть?

Нет, можно! Во всяком случае, «Наутилус» собирался это сделать.

Я почувствовал, что он опускает корму и поднимает свой острый форштевень. Достаточно было впустить немного воды в резервуар на корме, чтобы судно заняло такое положение. Затем, увлекаемое вверх своим мощным винтом, оно атаковало ледяное поле, как огромный таран.

«Наутилус» настойчиво колотился в него, по нескольку раз с разбега ударяя в одно и то же место, пока пласт льда не поддался и мы не вынырнули на воздух, подламывая своей тяжестью лед.

Люк был открыт, вернее — сорван, и свежий воздух потоками хлынул во все закоулки «Наутилуса»...

Глава семнадцатая

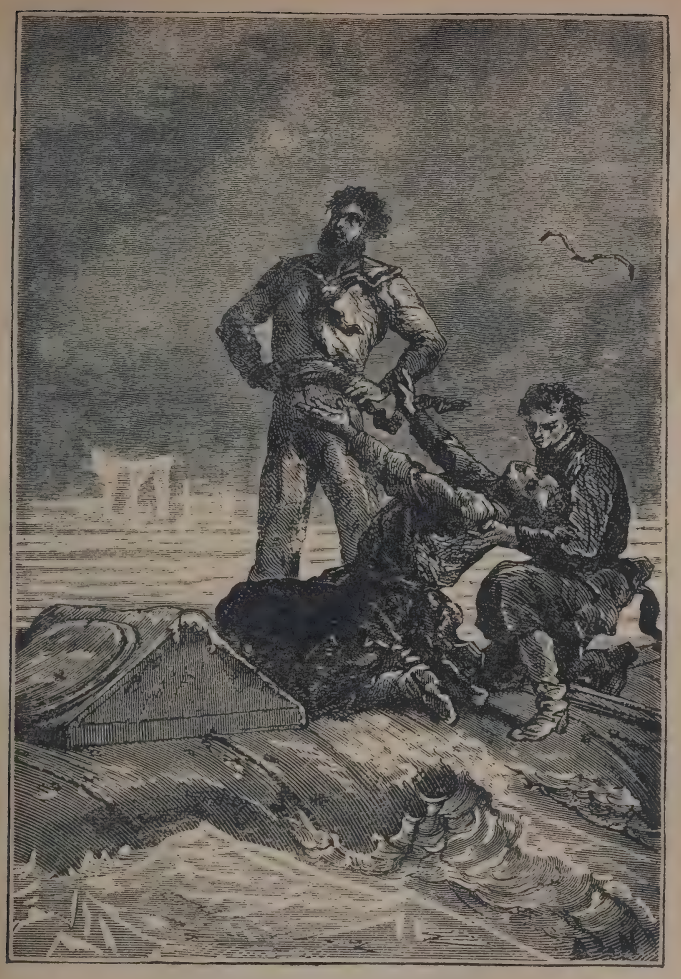
ОТ МЫСА ГОРН К АМАЗОНКЕ

Не помню, как я попал на палубу. Возможно, что меня перенес туда канадец. Я дышал полной грудью, с наслаждением втягивая в легкие животворный морской воздух. Нед Ленд и Консель рядом со мной с упоением пили досыта свежее дыхание моря.

Человек, долго голодавший, должен с большой умеренностью есть предложенную ему пищу, иначе он заболеет. Другое дело мы, — мы не должны были ни в чем ограничивать себя, и мы дышали, дышали, набирая полные легкие воздуха, который опьянял нас.

— Ах, — воскликнул Консель, — как хорош свежий воздух! Пусть хозяин дышит вволю — тут хватит его на всех!

Нед Ленд — тот не разговаривал, но он так широко раскрывал рот, что ему позавидовала бы даже акула. И с какой силой втягивал он воздух в легкие! Канадец всасывал его со свистом, как жарко горящая печка.

Я дышал полной грудью.

Силы быстро возвратились к нам. Придя в полное сознание и оглянувшись, я увидел, что мы одни на палубе. Никого из матросов «Наутилуса» не было здесь. Не появился и капитан Немо. Эти странные люди, видимо, довольствовались воздухом, циркулирующим внутри корабля. Никто из них не пришел насладиться свежестью морского ветерка!..

Первыми произнесенными мною словами были слова благодарности моим спутникам и верным друзьям.

Нед Ленд и Консель спасли мне жизнь, когда у меня началась агония. Никакими словами нельзя было отблагодарить за эту услугу!

— Довольно, господин профессор, — прервал мои излияния Нед Ленд, — об этом не стоит говорить. Да и заслуги никакой нет. Это был простой расчет: чья жизнь дороже? Ясно, что ваша. Следовательно, ее и нужно было сохранить в первую очередь!

— Нет, Нед, она не дороже вашей! Ничья жизнь не может быть ценней жизни доброго и благородного человека, а вы и добры и благородны!

— Ладно, ладно, — пробормотал смущенный канадец.

— А ты, мой дорогой Консель, ты очень страдал?

— Конечно, мне немножко нехватало свежего воздуха, но я полагаю, что скоро привык бы дышать и таким. Кроме того, когда я видел, как корчится в муках хозяин, мне и дышать-то не хотелось. Как говорится в таких случаях, у меня дыхание спирало в...

Смущенный Консель умолк, так и не закончив фразы.

— Друзья мои, — растроганно ответил я, — пережитые часы спаяли нас навеки нерушимой дружбой, и вы вправе требовать от меня...

— И потребуем! — прервал меня канадец.

— Что? — спросил Консель.

— Чтобы господин профессор последовал за нами,

когда мы решимся бежать с этого проклятого «Наутилуса».

— Кстати, — спросил Консель, — куда направляется «Наутилус»? Мы идем на север?

— Конечно, — ответил я, — ведь мы идем навстречу солнцу, а в этих местах солнце — это север.

— Остается только узнать: направляемся ли мы в Атлантический или Тихий океан, то-есть в оживленные или пустынные моря? — спросил канадец.

На этот вопрос я не мог дать ответа. Но я боялся, что капитан Немо поведет свой корабль в тот обширный океан, который омывает берега Азии и Америки. Таким образом, он завершит свое кругосветное путешествие и вернется в ту часть света, где «Наутилус» пользовался наибольшей свободой.

Но как осуществить планы Неда Ленда, если мы снова очутимся в пустынных водах Тихого океана, вдали от обитаемых земель?

Ответ на этот важный вопрос мы должны были получить в самом непродолжительном времени. «Наутилус» плыл с большой скоростью. Мы скоро миновали Полярный круг и взяли курс на мыс Горн.

31 марта, около семи часов вечера, мы были уже на траверсе[1] этой крайней точки Американского материка.

К этому времени пережитые страдания уже начали забываться. Потеряли свою остроту и воспоминания о днях пленения во льду. Мы думали только о будущем. Капитан Немо не показывался ни в салоне, ни на палубе.

Пометки, ежедневно наносимые на карту помощником капитана, осведомляли меня о курсе нашего корабля. В этот вечер стало очевидным, что мы идем в Атлантический океан.

---

[1] Траверс — направление, перпендикулярное курсу судна.

Я сообщил Конселю и Неду Ленду результаты своих наблюдений.

— Это радостное известие, — сказал канадец. — Но куда идет «Наутилус»?

— Пока не могу вам сказать этого, Нед.

— Может быть, капитан Немо хочет после Южного полюса открыть Северный и оттуда пройти в Тихий океан знаменитым Северо-западным проливом?

— Уж мы-то, во всяком случае, не станем подзадоривать его! — сказал Консель.

— Но мы постараемся лишить его нашего общества раньше, чем он приведет в исполнение этот план, — заметил канадец.

— Как бы там ни было, — заявил Консель, — он молодчина, этот капитан Немо, и я не буду жалеть о том, что познакомился с ним.

— Особенно после того, как с ним расстанетесь, — иронически добавил канадец.

На следующий день, 1 апреля, когда «Наутилус» за несколько минут до полудня поднялся на поверхность моря, мы оказались в виду какого-то берега.

Это была Огненная Земля, прозванная так первыми исследователями из-за многочисленных дымков, курившихся над крышами туземных хижин.

Огненная Земля представляет собой архипелаг, простирающийся на сто двадцать километров в длину и триста двадцать в ширину между 53° и 56° южной широты и 67°50′ и 77°15′ западной долготы. Берег ближайшего к нам острова был низменным, но на горизонте виднелись высокие горы. Я узнал как будто бы гору Сармиенто. Остроконечная вершина этой горы предсказывает морякам погоду — хорошую, когда зубчатый профиль ее четко вырисовывается в синеве небес, и дурную, когда он затянут туманной дымкой. Так сказал мне Нед Ленд.

— И что же, Нед, этот барометр оказывается верным? — спросил я.

— Замечательно верным, господин профессор, — ответил канадец. — Он ни разу не обманул нас, сколько бы раз мы ни проплывали по Магелланову проливу.

Вершина горы в эту минуту резко вырисовывалась на синем фоне неба. Это предвещало хорошую погоду. И предсказание сбылось.

Погрузившись снова в воду, «Наутилус» с большой скоростью поплыл дальше на север.

К вечеру мы подошли к Фальклендским островам, и когда на заре следующего дня всплыли на поверхность океана, я увидел суровые вершины их гор. Океан здесь был неглубоким. Это навело меня на мысль, что оба главных острова архипелага и все примыкающие к ним маленькие островки в давно прошедшие времена составляли часть Магеллановой Земли.

Фальклендские острова были, повидимому, открыты знаменитым Джоном Дэвисом, назвавшим их Дэвисовыми южными островами. Значительно позже их назвали островами св. Девы. В начале XVIII века моряки из Сен-Мало назвали эти острова Малуинскими — в честь своего города, и, наконец, англичане, которым эти острова принадлежат и сейчас, назвали их Фальклендскими.

Дикие гуси и утки стаями кружили над палубой, и многим из них пришлось в этот же день украсить наш обеденный стол.

Из рыб я обратил внимание на членов семейства колбневых, в особенности на бычков-колбней длиной в двадцать сантиметров, сплошь усеянных буроватыми и желтыми пятнами.

Когда исчезли из виду вершины гор Фальклендских островов, «Наутилус» погрузился в воду и на глубине двадцати — двадцати пяти метров поплыл вдоль южноамериканских берегов.

Капитан Немо попрежнему не показывался.

До 3 апреля мы плыли в патагонских водах, то погружаясь в океан, то всплывая на его поверхность. 4 апреля «Наутилус» миновал широкий лиман, образуемый дельтой Ла-Платы, и очутился на траверсе Уругвая, но в пятидесяти милях от берега. Капитан Немо попрежнему держал курс на север, следуя за всеми извилинами берега Американского континента. С момента нашего вступления на борт подводного корабля в Японском море «Наутилус» сделал шестнадцать тысяч лье, или шестьдесят четыре тысячи километров.

Около одиннадцати часов утра мы пересекли тропик Козерога на тридцать седьмом меридиане. Видимо, капитану Немо, к великому неудовольствию Неда Ленда, не нравилось соседство этих населенных мест Бразилии, и он вел свой корабль с головокружительной скоростью. Ни одна рыба, ни одна птица, как бы быстры они ни были, не могли угнаться за «Наутилусом», и потому мы не имели случая наблюдать фауну этих морей.

Вплоть до 9 апреля мы шли с той же бешеной скоростью. Вечером этого дня мы очутились вблизи самой восточной точки Южноамериканского материка — у мыса Рок. Но тут «Наутилус» сошел с курса и на значительной глубине направился к подводной лощине, лежащей между мысом Рок и хребтом Леоне на африканском берегу. Эта лощина раздваивается на высоте Антильских островов и оканчивается на севере огромной впадиной, уходящей вглубь на девять тысяч метров. В этих местах геологический разрез океанского дна до самых Малых Антильских островов представляет собой отвесный утес вышиной в шесть тысяч метров. У островов Зеленого Мыса проходит вторая, не менее высокая стена, замыкающая с юга потонувший материк Атлантиды. Дно этой огромной долины местами усеяно горами, делающими

особенно живописным подводный пейзаж. Я говорю об этом главным образом на основании рукописных карт, составленных, очевидно, самим капитаном Немо по непосредственным наблюдениям.

В течение двух дней мы посетили все глубины этих вод. «Наутилус», приведя в действие свои рули глубины, описывал зигзаги в вертикальной плоскости.

Но 11 апреля он вдруг всплыл на поверхность, и мы снова увидели землю у устья реки Амазонки, обширная дельта которой вливает в море такое огромное количество воды, что на много миль от берега океанская вода становится пресной.

Мы перешли экватор. В двадцати милях к западу от нас осталась Гвиана, французская колония, где мы нашли бы отличное убежище. Но ветер дул с ураганной силой, и яростные волны не позволяли и думать спустить на воду легкую шлюпку. Это было очевидно даже для Неда Ленда, так как он не заговаривал со мной о побеге. Со своей стороны, и я не делал никаких намеков на этот счет, чтобы не толкнуть его на безрассудную попытку, которая неминуемо должна была кончиться бедой.

Впрочем, эта отсрочка меня нисколько не огорчала, и я утешался интересными наблюдениями. В продолжение двух дней — 11 и 12 апреля — «Наутилус» все время оставался на поверхности моря, и сети его принесли обильный улов зоофитов, рыб и пресмыкающихся.

Одну из попавшихся в сети рыб Конселю суждено было запомнить, и надолго.

Вот как было дело.

Закинутые матросами сети принесли в числе прочих рыб разновидность ската, плоского и — если бы ему отрезать хвост — совершенно круглого. Скат этот был довольно большим и должен был весить не менее двадцати килограммов; брюхо у него было белое, спина бурая,

с большими мраморными пятнами, с гладкой кожей и двухлопастными плавниками.

Выброшенный из сетей на палубу, скат отчаянно извивался, пытаясь перевернуться на живот, и в своих конвульсиях так близко подкатился к краю палубы, что еще секунда — и он наверняка свалился бы в воду. Но Консель, которого эта рыба заинтересовала, бросился к ней и, прежде чем я успел предупредить его, схватил ее обеими руками.

В ту же секунду он опрокинулся на палубу, наполовину парализованный.

Он закричал:

— Ах, хозяин, хозяин! Помогите мне!

Это был первый случай за все время нашего знакомства, что бедный малый обратился ко мне не в третьем лице.

Канадец и я подняли его на ноги и стали энергично массировать. Когда Консель снова обрел способность владеть своими конечностями, этот вечный классификатор прошептал прерывающимся голосом:

— Класс рыб, подкласс хрящевых рыб, отряд скатов, семейство электрических скатов, вид мраморных электрических скатов...

— Да, мой друг, — сказал я, — мраморный электрический скат и привел тебя в такое горестное состояние.

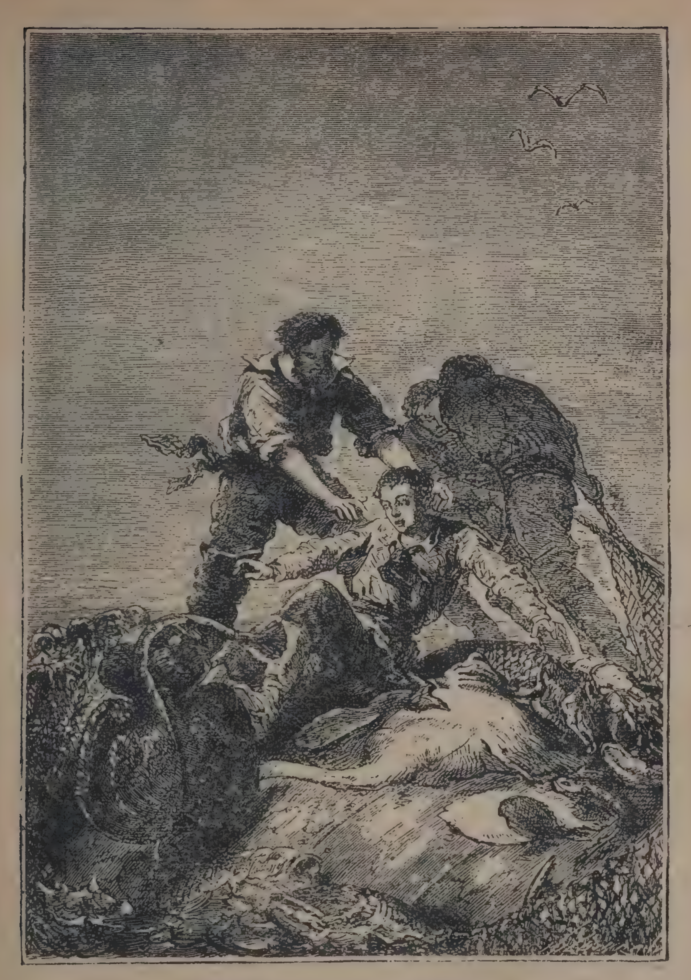
— Хозяин может мне поверить, — возразил Консель, — что я отомщу этому скату.

— Каким образом?

— Я его съем!

И он выполнил свое обещание в тот же вечер, очевидно только для того, чтобы отомстить, так как мясо ската отвратительно на вкус.

Несчастный Консель столкнулся с самой опасной разновидностью электрических скатов. Находясь в воде — хорошем проводнике тока, этот скат убивает рыб

Консель упал на палубу.

на расстоянии в несколько метров: настолько силен его электрический заряд.

12 апреля «Наутилус» приблизился днем к берегу голландской колонии около устья реки Марони.

Тут мы увидели несколько семей ламантинов. Это были манаты, которые, как и дюгони, принадлежат к отряду сирен. Эти крупные животные, длиной в шесть-семь метров, весят около четырех тысяч килограммов.

Я рассказал Конселю, какую полезную роль дала предусмотрительная природа этим млекопитающим: вместе с тюленями они пасутся в подводных прериях, уничтожая заросли, засоряющие устья тропических рек.

— И знаете ли вы, — добавил я, — что произошло с тех пор, как человек совершенно истребил этих животных на южноамериканском побережье? Гниющие в устьях рек водоросли отравили воду и воздух, а в отравленном воздухе пышно расцвела желтая лихорадка, бич этих прекрасных стран. Ядовитые растения наводнили все побережья тропических морей, и эта болезнь распространилась от Рио-де-ла-Плата до самой Флориды.

Если верить Туснелю, это еще сущие пустяки по сравнению с теми бедами, которые грозят нашим потомкам, когда будут истреблены последние тюлени и киты. Тогда моря, кишащие свободно размножающимися медузами и кальмарами, станут огромными очагами всяческих инфекций, ибо не будет больше «этих объемистых желудков, которым природа дала задание очищать моря».

Экипаж «Наутилуса», очевидно, мало верил в эти теории и потому не постеснялся убить с полдюжины манатов, мясо которых значительно вкуснее говядины.

Охота на этих животных не представляла никакого интереса — манаты позволяли убивать себя, не защищаясь и не пытаясь спастись бегством. Таким образом,

Ламантины.

кладовые «Наутилуса» пополнились несколькими тысячами килограммов мяса, которое, будучи засушенным, надолго обеспечило нас вкусной пищей.

В тот же день еще одна оригинальная охота в этих богатых водах увеличила пищевые запасы «Наутилуса». В петлях вытащенных на палубу сетей оказалось некоторое количество рыб, головы которых оканчивались овальными пластинками с мясистыми загнутыми краями. Это были прилипалы, из семейства макрелевых рыб. Их овальные пластинки состоят из поперечных подвижных хрящиков, между которыми эти рыбы могут создавать пустоту, что дает им возможность присасываться к любой поверхности.

Всех найденных в сетях прилипал наши матросы тотчас же откладывали в специально приготовленное ведро с водой.

Когда рыбная ловля была окончена, «Наутилус» приблизился к берегу, где на поверхности вод дремало изрядное количество крупных морских черепах.

Завладеть этими ценными морскими пресмыкающимися было нелегко, так как они просыпаются от малейшего шума, а прочный панцырь защищает их от гарпуна. Но при помощи прилипалы поимка черепахи чрезвычайно проста. Эта рыба — живой крючок, который осчастливил бы любого рыболова.

Матросы надели на хвосты прилипал по кольцу, достаточно широкому, чтобы не стеснять их движений, и к этому кольцу привязали длинную веревку, второй конец которой укрепили на перилах палубы.

Прилипалы, спущенные в воду, тотчас же подплыли к черепахам и присосались к их панцырям. Они так крепко уцепились за них, что их легче было разорвать, чем отодрать от панцыря. Теперь оставалось только потянуть за веревку, чтобы вытащить на палубу черепах, к которым они прилипли.

Этой охотой закончилась наша стоянка у устья Амазонки, и с наступлением ночи «Наутилус» снова ушел в открытое море.

Глава восемнадцатая

СПРУТЫ

В течение нескольких дней «Наутилус» держался вдалеке от американского берега. Капитан Немо не хотел, очевидно, заплывать ни в Мексиканский залив, ни в воды, омывающие Антильские острова. Причиной этого не могло служить мелководье, ибо средняя глубина этих морей равна тысяче восьмистам метрам. Скорее всего, эти воды с бессчетным количеством островов, часто посещаемые пароходами, просто не нравились капитану Немо.

16 апреля на расстоянии почти тридцати миль мы увидели остров Мартиника. Я различил вдалеке высокие гребни его гор.

Канадец, надеявшийся привести здесь в исполнение свои планы — добраться до земли или до одного из многочисленных судов, совершающих плавание между островами, — был очень разочарован. Бегство было бы вполне возможным, если бы Неду Ленду удалось захватить шлюпку без ведома капитана. Но в открытом море нечего было и думать об этом.

Мы с Недом Лендом и Конселем всесторонне обсудили создавшееся положение. Целых шесть месяцев мы были пленниками на борту «Наутилуса». Мы проплыли семнадцать тысяч лье — шестьдесят восемь тысяч километров, и, как говорил Нед Ленд, не было никаких оснований предполагать, что плавание наше когда-нибудь придет к концу. Поэтому канадец предложил мне попытаться заставить капитана Немо ответить без обиняков, не собирается ли он всю жизнь держать нас на борту своего корабля.

Подобная попытка мало мне улыбалась. По-моему, она была совершенно бесцельна. Мы ведь давно убедились, что нам нечего рассчитывать на капитана Немо, тем более что с некоторого времени капитан стал еще более угрюмым, более замкнутым, более суровым, чем когда бы то ни было.

Казалось, он избегал меня. Я видел его лишь через большие промежутки времени. Когда-то он развлекался тем, что показывал мне всевозможные подводные чудеса; теперь он не появлялся больше в салоне.

Какая перемена произошла в нем? И отчего? Я ни в чем не мог упрекнуть себя. Быть может, наше присутствие на борту тяготило его. Так или иначе, я не надеялся, что этот человек когда-нибудь вернет нам свободу.

Я попросил Неда дать мне возможность поразмыслить над его предложением. Если эта попытка не будет иметь успеха, то она только возбудит подозрения капитана Немо и помешает исполнению планов канадца. Наше пребывание здесь станет еще более тягостным.

Я должен сказать, что никто из нас никоим образом не мог пожаловаться на состояние своего здоровья. Если не считать тяжелого испытания, которому мы подверглись во льдах Южного полюса, мы никогда еще не чувствовали себя так хорошо — ни Нед, ни Консель, ни я. Здоровая пища, свежий воздух, размереная жизнь, всегда ровная температура — все это отнюдь не способствовало заболеваниям.

Я принимал, что для капитана Немо, у которого воспоминания о земле не вызывали ни малейших сожалений, который, где бы он ни находился, был у себя дома, такая жизнь была привлекательной. Но мы, мы не рвали связей с человечеством и не хотели рвать их. Я, например, не имел ни малейшего желания похоронить вместе с собой свои сенсационные подводные наблюдения.

Теперь я имел неоспоримое право написать книгу о тайнах морского дна, и, конечно, я хотел, чтобы эта книга рано или поздно увидела свет!

Да хотя бы здесь, в этих водах, омывающих Антильские острова, в десяти метрах под поверхностью океана, сколько интересных наблюдений я ежедневно записывал в свой дневник!

Здесь встречались медузы, жгучие, как крапива, и выделяющие едкую жидкость. Из кольчатых червей здесь были аннелиды длиною в полтора метра, с розовым хоботом и тысячью семьюстами органами движения. Они извивались под водой, разбрасывая вокруг себя снопы лучей всех цветов спектра. Из хрящевых рыб тут были скаты длиною в десять футов и весом в двести сорок килограммов, с треугольными грудными плавниками, с выпуклостью посредине спины и с глазами, выступающими по краям передней части головы. Они плавали, будто какие-то обломки крушения, прилипая к нашим окнам, как плотный ставень. Здесь были американские спинороги, которым природа уделила лишь два цвета — белый и черный; макрель длиной в полтора метра, с короткими и острыми зубами. Далее целыми стаями плыли султанки, исполосованные от головы до хвоста золотистыми поясками, с поразительно красивыми плавниками. Эти рыбы — красивейшие создания природы — были некогда посвящены богине Диане и особенно ценились богатыми римлянами. О них даже сложилась поговорка: «Не те едят султанок, кто их ловит». Наконец, золотистые монахи из семейства рифовых рыб, словно одетые в бархат и шелка, проплывали перед нашими глазами, как важные синьоры с картины Веронезе [1]. Маленькие подвижные спары поспешно разбегались во все стороны при их приближении. Кефали рассекали воду своими

---

[1] Веронезе — итальянский художник.

сильными мясистыми хвостами. Серебристые луны-рыбы, достойные своего названия, плавали в воде, отбрасывая вокруг себя белые отблески.

Сколько бы еще чудесных и новых разновидностей я мог увидеть, если бы «Наутилус» не погрузился в более глубокие слои! Наклоненные горизонтальные рули увлекли его на две, три и три с половиной тысячи метров в глубину. Здесь животная жизнь была представлена только морскими звездами, медузами и некоторыми моллюсками.

20 апреля мы плыли на глубине полутора тысяч метров. Ближайшей землей были Багамские острова, огромными булыжниками выступающие над поверхностью вод. Там подымались высокие подводные скалы, отвесные стены которых были гладко отшлифованы водой и покрыты гигантскими водорослями — фукусами. Поистине, это был морской сад, достойный мира титанов!

Вид этих колоссальных растений, естественно, натолкнул нас на мысль о гигантских морских животных. Однако сквозь окна «Наутилуса» я видел на длинных подводных ветвях только некоторых представителей семейства ракообразных — фиолетовых крабов с длинными клешнями.

Было уже одиннадцать часов, когда Нед Ленд обратил мое внимание на то, что в высоких водорослях что-то происходит.

— Это очень подходящее место для спрутов, — сказал я, — и я нисколько бы не удивился, если бы увидел здесь эти чудовища. Но дружище Нед, очевидно, ошибся, так как я не вижу здесь ничего подозрительного.

— Очень жаль, — сказал Консель. — Я непрочь был бы рассмотреть как следует одного из этих спрутов, которые, как я слышал, способны утащить за собой целый корабль в глубину морской бездны. Эти чудовища называются крак...

— Крак — и всё тут! — иронически прервал его Нед.

— ...кракенами, — невозмутимо докончил Консель, не обратив никакого внимания на насмешку.

— Никогда я не поверю, — сказал Нед Ленд, — что подобные чудовища существуют на свете.

— Почему же? — возразил Консель. — Ведь верили же мы в существование нарвала.

— И мы ошиблись, Консель!

— Несомненно! Но другие и теперь верят в него.

— Возможно, Консель, но что до меня, то я поверю в существование этих чудовищ лишь тогда, когда буду анатомировать их собственными руками, — сказал я.

— Итак, хозяин не верит в гигантских спрутов? — спросил Консель.

— А кто же верил в них? — вскричал Нед Ленд.

— Множество людей, дружище Нед.

— Только не рыбаки! Ученые — может быть.

— Прошу прощенья, Нед, — и рыбаки и ученые.

— Но я, я сам, — сказал Консель с самым серьезным видом, — своими собственными глазами видел огромное судно, увлекаемое в бездну щупальцами спрута.

— Вы это видели? — спросил канадец.

— Да, Нед.

— Собственными глазами?

— Да, дружище Нед.

— Где, хотел бы я знать?

— В Сен-Мало, — невозмутимо ответил Консель.

— В порту? — насмешливо спросил Нед.

— Нет, в церкви, — ответил Консель.

— В церкви? — удивленно воскликнул канадец.

— Да, дружище Нед. Это была картина, на которой был изображен именно такой спрут, о каком мы говорили.

— Ах, так! — вскричал Нед Ленд и разразился смехом. — Консель издевается надо мной!

— А ведь Консель говорит правду, — сказал я. — Я слышал об этой картине. Сюжет ее взят из легенды, а вы знаете, как нужно относиться к легендам из области естественной истории, особенно когда дело идет о чудовищах. Здесь уж воображение не знает границ. Люди не довольствуются рассказами о спрутах, способных увлечь на дно морское целый корабль. Некий Николай Магнус утверждает, что он видел спрута длиной в целую милю и скорее похожего на остров, чем на живое существо. Другой «очевидец» сообщает, что однажды епископ Нидросский воздвиг алтарь на огромной скале. Когда он кончил обедню, скала сдвинулась с места и уплыла в море. Оказалось, что скала была не что иное, как спрут.

— Это всё? — спросил канадец.

— Нет, — ответил я. — Другой епископ, Понтоппидан Берхемский, сообщил о спруте, на котором свободно мог маневрировать целый кавалерийский полк.

— Какие, однако, врали эти епископы! — сказал Нед.

— И, наконец, древние естествоиспытатели рассказывали о чудовищах, чья пасть была подобна целому заливу и которые были так велики, что не могли проплыть через Гибралтарский пролив.

— Вот это размер! — сказал канадец.

— Но какая доля правды во всех этих рассказах? — спросил Консель.

— Никакой, друзья мои. Здесь нет и тени правдоподобия. Просто-напросто воображению рассказчиков нужен если не повод, то по крайней мере предлог. Нельзя отрицать, что существуют спруты и кальмары огромных размеров, но все же уступающие по величине китообразным. Аристотель, например, утверждал, что бывают кальмары длиною в пять локтей, то-есть в три метра десять сантиметров величиной. Наши рыбаки часто встречали кальмаров, достигавших почти двух метров в

длину. По вычислениям натуралистов, головоногое — кальмар или спрут — диаметром только в шесть футов обладает щупальцами длиною в целых двадцать семь футов. Этого совершенно достаточно, чтобы казаться страшным чудовищем!

— А в наше время ловят спрутов? — спросил канадец.

— Не знаю, ловят ли их, но моряки иногда их встречают. Один из моих друзей, капитан Поль Бос из Гавра, утверждал, что в Индийском океане ему встретился однажды огромный спрут. Но самый удивительный случай, который не позволяет более сомневаться в существовании этих гигантских животных, произошел в тысяча восемьсот шестьдесят первом году.

— Что же это за случай? — спросил Нед Ленд.

— Сейчас расскажу. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году к северо-востоку от Тенерифа, почти на той же широте, на какой мы находимся сейчас, экипаж рассылочного судна «Алектон» заметил вблизи чудовищного осьминога. Командир судна Буге приблизился к животному и атаковал его гарпунами и ружейными выстрелами, без большого, впрочем, успеха, так как пули и гарпуны проникали в его мягкое тело, как в желе. После долгих и бесплодных попыток экипажу удалось накинуть петлю на туловище животного. Узел скользнул до хвостового плавника и там остановился. Попытались втащить чудовище на борт судна, но тяжесть его была так велика, что веревка разрезала его надвое, хвост его оторвался, и, освобожденное от этого украшения, чудовище скрылось в волнах.

— И это факт? — спросил Нед.

— Неоспоримый факт, дружище Нед. Этого осьминога предложили назвать осьминогом Буге.

— А какой он был длины? — спросил канадец.

— Метров шесть, не правда ли? — сказал Консель,

который, стоя у окна, снова принялся разглядывать расщелины в подводных скалах.

— Совершенно верно, — ответил я.

— И голова его была увенчана восемью щупальцами, извивающимися в воде, как гнездо змей?

— Именно так.

— Глаза навыкате?

— Да, Консель.

— И рот у него напоминал клюв попугая, только гигантски увеличенный?

— Совершенно верно.

— Отлично! С позволения хозяина, — спокойно сказал Консель, — вот он, этот самый осьминог Буге или по крайней мере один из его ближайших родственников!

Я изумленно посмотрел на Конселя. Нед Ленд поспешил к окну.

— Какое страшилище! — вскричал он.

Я взглянул в окно и не мог подавить гримасу отвращения. Перед моими глазами было чудовище, вполне достойное фигурировать в самой страшной легенде. Это был спрут огромных размеров, метров восемь величиной. Он с большой быстротой плыл по направлению к «Наутилусу», не спуская с нас своих огромных зеленовато-синих глаз. Его восемь щупальцев, или ног, росших прямо из головы — что и заставило назвать животных этого типа головоногими, — вдвое увеличивали его туловище. Можно было отчетливо видеть все двести пятьдесят присосков, расположенных на внутренней стороне щупальцев в виде полусферических наростов. Иногда эти щупальцы как бы прилипали к окну салона.

Пасть чудовища — роговая и загнутая, как клюв попугая — открывалась и закрывалась. Его язык, тоже из какого-то рогового вещества, снабженный многими рядами острых зубов, подрагивая, высовывался из-за этих

Гарпуны и пули не причиняли вреда осьминогу.

страшных клещей. Какой каприз природы! Птичий клюв у моллюска!

Веретенообразное, раздутое посредине тело спрута представляло собой мясистую массу, которая должна была весить по крайней мере двадцать или двадцать пять тысяч килограммов. Цвет его был непостоянен — он беспрестанно менялся, переходя последовательно от пепельно-серого до коричнево-красноватого. Что раздражало этого моллюска? Без сомнения, присутствие «Наутилуса», на который его присасывающиеся щупальцы и страшные челюсти не оказывали ни малейшего действия.

Какие страшилища эти спруты, какой необычайной жизненной силой наделила их природа, сколько мощи в их движениях!

Случай столкнул нас с осьминогом, и я не хотел упустить единственную возможность детально изучить этот образчик головоногого. Я превозмог ужас, который внушал мне вид животного, и, взяв карандаш, принялся зарисовывать его.

— Может быть, это тот самый спрут, которого ловил «Алектон»? — сказал Консель.

— Нет, — возразил канадец, — ведь он совсем целый, а тот потерял свой хвост!

— Это не доказательство, — возразил я. — Щупальцы и хвост этих животных обладают способностью восстанавливаться, и, мне кажется, хвост осьминога Буге имел достаточно времени, чтобы подрасти.

— Впрочем, — сказал Нед, — если этот красавчик не осьминог Буге, то, может быть, он находится здесь, среди вот этих?

Действительно, еще несколько спрутов показалось у окна штирборта. Я насчитал их семь. Они образовали как бы кортеж вокруг «Наутилуса», и я слышал скрежетание их клювов о железную обшивку судна. Превосходный случай для наблюдения! Я продолжал свою работу.

Спрут словно прилип к окну.

Чудовища не отступали от нас ни на шаг, они казались неподвижными, — я мог бы при желании вычертить их контуры на стекле, тем более что мы шли с очень умеренной скоростью.

Внезапно «Наутилус» остановился. Резкий толчок заставил вздрогнуть весь корпус судна.

— Мы натолкнулись на что-нибудь? — спросил я.

— Во всяком случае, это препятствие уже позади, так как мы снова плывем, — ответил канадец.

«Наутилус», без сомнения, пытался плыть, но он не двигался с места. Лопасти его винта не рассекали больше волн.

Прошла минута. Капитан Немо со своим помощником вошли в салон.

Я не видел капитана довольно долго. Он показался мне очень мрачным. Не обращая на нас никакого внимания, быть может не заметив нас, он подошел к окну, посмотрел на спрутов и сказал несколько слов своему помощнику.

Тот вышел. Вскоре ставни закрылись, и потолок салона осветился.

Я подошел к капитану.

— Любопытная коллекция спрутов, — сказал я с деланной небрежностью.

— Вы правы, господин натуралист, и мы сразимся с ними не на жизнь, а на смерть!

Я недоуменно посмотрел на капитана. Мне показалось, что я не расслышал.

— Не на жизнь, а на смерть? — повторил я.

— Да, профессор. Винт остановился. Я думаю, что роговые челюсти одного из этих спрутов застряли в его лопастях. Это мешает нам двигаться.

— И что же вы собираетесь делать?

— Подняться на поверхность и уничтожить всех этих гадов.

— Трудное предприятие.

— Я думаю! Электрические пули бессильны против этих мягких масс: они не встречают в них сопротивления и потому не могут взорваться. Придется напасть на них с топорами.

— И с гарпуном, капитан, если вы не откажетесь от моей помощи, — сказал канадец.

— Я принимаю ее, мистер Ленд.

— Мы пойдем с вами, — сказал я капитану.

У трапа уже стояли десять матросов, вооруженных топорами. Я и Консель тоже взяли по топору. Нед Ленд захватил гарпун.

«Наутилус» поднялся на поверхность океана. Один из моряков, стоя на последней ступеньке трапа, отвинчивал болты у крышки люка. Как только он снял гайки, створки стремительно распахнулись, очевидно отворенные присоском щупальца спрута. Тотчас же одна из его длинных ног скользнула, как змея, в отверстие.

Ударом топора капитан Немо отсек это страшное щупальце, которое, скользя и извиваясь, скатилось по ступенькам.

Пока мы, толкая друг друга, спешили скорее выбраться на палубу, два других щупальца с молниеносной быстротой обвились вокруг моряка, стоявшего впереди капитана Немо, и сжали его с непреодолимой силой. Капитан Немо вскрикнул и бросился вперед. Мы ринулись за ним. Какое ужасное зрелище! Несчастный, схваченный присосавшимися к нему щупальцами, взлетел на воздух и повис там, хрипя и задыхаясь. Он кричал:

— Помогите! Помогите!

Эти слова, произнесенные по-французски, повергли меня в глубокое изумление. Итак, здесь, на борту, был мой соотечественник, быть может их было даже несколько? Этот душераздирающий крик я буду помнить всю жизнь!

Несчастный погибал.

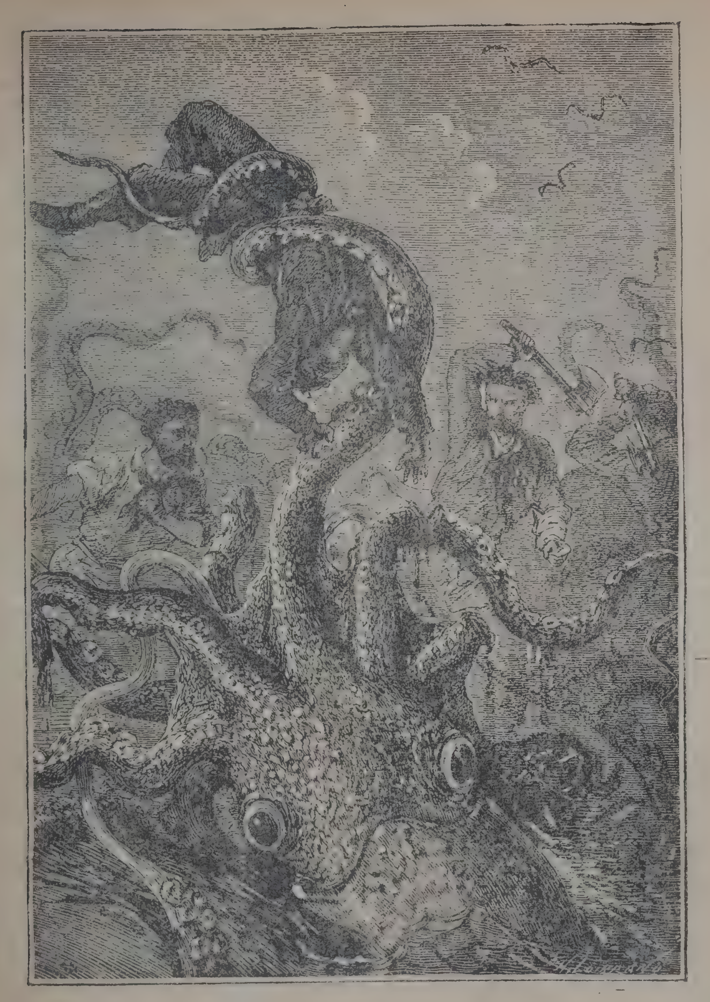
Кто мог вырвать его из этих могучих объятий? Капитан Немо поспешил к спруту и отсек ударом топора еще одну его ногу. Его помощник бешено боролся с другими чудовищами, вползавшими на борт «Наутилуса». Весь экипаж сражался топорами. Канадец, Консель и я погружали наше оружие в мясистую массу. В воздухе распространился сильный запах мускуса.

Одно мгновение мне казалось, что несчастный, схваченный спрутом, будет вырван из его страшных присосков. Семь ног из восьми были обрублены, и только одна, вертя свою жертву, как перышко, извивалась в воздухе. Но в тот момент, когда капитан Немо и его помощник бросились на нее, животное выпустило столб черноватой жидкости из мешка, находящегося у него в желудке. Мы были ослеплены. Когда эта завеса рассеялась, спрут уже исчез вместе с моим соотечественником...

Какое бешенство овладело нами! Мы озверели от ярости. Десять или двенадцать спрутов взобрались на палубу «Наутилуса». Мы буквально катались среди мешанины из змееобразных обрубков, которые извивались на палубе в потоках крови и черной жидкости. Казалось, будто эти липкие щупальцы вырастали снова, как многочисленные головы гидры.

Гарпун Ленда при каждом ударе вонзался в сине-зеленые глаза осьминогов и прокалывал их. Но вдруг наш храбрый товарищ был схвачен щупальцами чудовища, от которого он не успел увернуться.

Как мое сердце не разорвалось тогда от испуга и ужаса! Страшный клюв спрута был уже разинут над Недом Лендом. Еще секунда — и несчастный будет рассечен надвое! Я поспешил к нему на помощь. Но капитан Немо опередил меня. Его топор вонзился в огромные челюсти чудовища, и чудом спасенный канадец,

Несчастный погибал...

поднявшись на ноги, всадил свой гарпун по самую рукоятку в тройное сердце спрута.

— Я был в долгу перед вами, — сказал капитан Немо канадцу.

Нед молча поклонился.

Эта битва продолжалась не более четверти часа. Побежденные, искалеченные чудовища очистили место сражения и исчезли в волнах.

Капитан Немо, весь в крови, неподвижно стоял у вышки прожектора и со слезами на глазах смотрел на море, поглотившее одного из его товарищей.

Глава девятнадцатая

ГОЛЬФСТРИМ

Это ужасное событие, о котором никто из нас никогда не забудет, произошло 20 апреля. Я описал его под свежим впечатлением только что пережитого сильнейшего волнения. Потом я пересмотрел свой рассказ и прочел его Конселю и канадцу. Они нашли, что он вполне точен, но недостаточно эффектен. Чтобы описать подобную картину, надо обладать даром самого знаменитого из наших поэтов — Виктора Гюго, автора «Тружеников моря».

Я сказал уже, что капитан Немо плакал, глядя на море. Он был безгранично опечален. За время нашего совместного плавания он терял уже второго товарища. И какая ужасная смерть! Его друг, раздавленный чудовищными щупальцами спрута, сокрушенный его железными челюстями, не будет даже покоиться рядом со своими товарищами в спокойных водах кораллового кладбища!

Я сам был потрясен до глубины души криком, внезапно раздавшимся во время борьбы. Этот бедный фран-

цуз забыл свой условный язык и заговорил в час гибели на языке своей родины!..

Итак, среди матросов «Наутилуса», преданных душой и телом капитану Немо, как и он убежавших от общения с человечеством, был мой соотечественник! Был ли он единственным в этом странном сборище, состоящем, очевидно, из представителей самых различных национальностей? Вот одна из неразрешимых проблем, которые возникали передо мной...

Капитан Немо ушел к себе, и я несколько дней не видел его.

Но я мог судить по поведению подводного корабля, душой которого он был и который отражал все его переживания, как велика и непритворна была скорбь капитана Немо. «Наутилус» потерял управление. Он носился, как труп, по воле волн. Его винт был теперь свободен от пут, но он едва шевелился. Капитан Немо никак не мог расстаться с этим местом борьбы, не мог уйти из моря, поглотившего одного из его товарищей.

Так прошло десять дней.

И только 1 мая «Наутилус» решительно взял курс на север, мимо Багамских островов, к устью Багамского канала.

Мы плыли теперь по течению большой океанской реки, у которой есть свои берега, своя фауна и своя собственная температура. Я говорю о Гольфстриме.

И действительно, это настоящая река, свободно текущая посредине Атлантического океана, воды которой никогда не смешиваются с океанскими водами. Эта река более соленая, чем окружающее ее море. Ее средняя глубина — три тысячи футов, ее средняя ширина — шестьдесят миль, средняя скорость — четыре километра в час.

Под влиянием постоянно дующих в экваториальной области Атлантического океана северо-восточных пасса-

тов громадный поток нагретой тропическим солнцем поверхностной воды пересекает Атлантический океан и устремляется к Южной Америке. У ее побережья, где он получает уже название Гольфстрима, этот мощный поток теплых вод еще более нагревается, проходя через горячие воды Антильского моря. И здесь Гольфстрим, призванный уравновешивать температуру земного шара, вступает в свои обязанности.

Нагретый почти до точки кипения в Мексиканском заливе, он подымается к северу, к американским берегам, доходит до Ньюфаундленда, изменяет направление под давлением холодного течения Дэвисова пролива и снова течет к океану, следуя по окружности большого круга.

У сорок третьей параллели Гольфстрим разделяется на два рукава, из которых один под влиянием северо-восточного пассата возвращается к Бискайскому заливу и Азорским островам, другой же, согрев берега Ирландии и Норвегии, идет дальше, к Шпицбергену, где, остывая до температуры в четыре градуса, образует свободное море Северного полюса.

По выходе из Багамского канала Гольфстрим, имея тридцать миль в ширину и триста пятьдесят метров в глубину, течет со скоростью восьми километров в час. Эта быстрота постепенно уменьшается по мере приближения к северу. И нужно пожелать, чтобы эта постепенность снижения быстроты сохранилась, ибо если скорость и направление течения изменятся, то европейскому климату угрожают такие потрясения, последствия которых даже трудно себе представить.

По этой реке в океане и плыл «Наутилус».

В полдень мы с Конселем стояли на палубе. Я рассказывал ему о некоторых особенностях Гольфстрима.

Кончив объяснения, я предложил ему погрузить руку в воду.

Консель послушался и был очень удивлен, не ощутив ни тепла, ни холода.

— Это происходит оттого, — сказал я ему, — что температура Гольфстрима при выходе его из Мексиканского залива мало отличается от температуры человеческого тела. Гольфстрим — это огромный источник тепла, благодаря которому берега Европы покрыты вечной зеленью. По вычислениям Мори, тепловая энергия, затрачиваемая природой на нагревание вод Гольфстрима, могла бы поддерживать в расплавленном состоянии целую реку из железа, величиной с Амазонку или Миссури.

В этом месте быстрота Гольфстрима достигала двух метров с четвертью в секунду. Течение резко отличалось от окружающего моря. Его темные, богатые солями воды четко выделялись своим чистым синим цветом на фоне зеленых морских волн.

Демаркационная линия между ними была так ясна, что близ Каролинских островов наступило мгновение, когда можно было заметить, как нос «Наутилуса» рассекает уже воды Гольфстрима, тогда как его винт продолжает еще пенить океанские волны.

Гольфстрим увлекал за собой целый мир живых существ. Аргонавты, водящиеся в Средиземном море, путешествовали здесь огромными стаями. Из хрящевых рыб самыми заметными были скаты, у которых хвосты составляли почти треть всего тела; они представляли собой как бы огромные косоугольники, футов в двадцать пять длиною. Затем мы видели маленьких акул в метр величиной, с большой головой и короткой круглой мордой, с многочисленными рядами острых зубов; тело их, казалось, было покрыто чешуей.

Среди костистых рыб я отметил губанов, водящихся обычно в этих морях; морских карасей, радужная оболочка которых сверкала, как огонь; полосатых змееголовов длиной в один метр, с телом, словно разрисован-

ным полосами, продолжающимися в виде точек и пятен и на плавниках; золотую макрель прекрасного золотистого цвета с синеватым отливом; палтусов, или флетан, с глазами на правой стороне; ромбов, принадлежащих к тому же семейству, что и палтусы, но с глазами и широким ртом, расположенными на левой стороне; множество мелких бекасовых рыб с трубкообразным рылом, окрашенных в беднокрасный цвет на спине и в серебристый на брюхе; различных представителей семейства семги, и т. д.

Ночью фосфоресценция вод Гольфстрима соперничала со светом нашего прожектора. Особенной яркости это свечение достигало в предгрозовые часы.

8 мая мы были еще на траверсе мыса Гаттераса, на широте Северной Каролины. Ширина Гольфстрима равна здесь семидесяти пяти милям, а глубина — двумстам метрам.

«Наутилус» попрежнему плыл наудачу. Все предосторожности, казалось, были оставлены. При этих условиях бегство представлялось нам вполне возможным. И действительно: населенные берега повсюду гарантировали убежище; море бороздили многочисленные пароходы, плававшие между Бостоном и Нью-Йорком или Мексиканским заливом; день и ночь скользили маленькие нагруженные шхуны, поставлявшие груз в различные пункты американского берега. Мы могли надеяться, что нас подберут.

Итак, это был самый «подходящий случай», несмотря на то что от берегов Соединенных Штатов нас отделяли целых триста миль.

Но одно досадное обстоятельство препятствовало осуществлению планов канадца: стояла очень дурная погода. Мы приближались к местам, где постоянно свирепствуют грозы, — здесь была родина смерчей и циклонов, как раз порождаемых Гольфстримом. Пуститься в путь

на хрупкой шлюпке в бурю — значило итти на верную гибель.

Нед Ленд понимал это и, скрежеща зубами от бессильной злобы, откладывал со дня на день побег. Он в конце концов заболел отчаянной тоской по родине, и только бегство могло излечить его.

— Господин профессор, — говорил он мне, — надо покончить с этим! Ваш Немо удаляется от обитаемых земель и идет на север. Но я уже говорил вам, что с меня хватит Южного полюса, мне нечего делать на Северном.

— Как же быть, Нед, если бегство в данный момент невозможно?

— Я возвращаюсь к своему предложению. Надо поговорить с капитаном. Вы молчали, когда мы плыли вдоль берегов вашей родины. Теперь мы плывем у берегов моей, и я не могу молчать! Когда я думаю, что через несколько дней «Наутилус» будет у Новой Шотландии и что там, у Ньюфаундленда, открывается широкая бухта, что в эту бухту впадает река святого Лаврентия и что река святого Лаврентия — моя родная река, река города Квебека, моего родного города, — когда я вспоминаю все это, я дрожу от бешенства! Господин профессор, я не могу больше, я брошусь в море! Я не останусь здесь. Я задыхаюсь!

Канадец, очевидно, потерял последние остатки терпения. Его сильная натура не могла примириться с этим продолжительным заключением. Его лицо становилось мрачнее день ото дня. Я хорошо понимал его страдания, так как и сам заболел тоской по родине.

Прошло уже семь месяцев с тех пор, как мы потеряли всякую связь с землей. Да, кроме того, замкнутость капитана Немо, его изменившееся после битвы со спрутами настроение, его молчаливость — все это сильно меняло дело. Я не испытывал больше энтузиазма первых

дней. Надо было быть фламандцем, как Консель, чтобы мириться с этой обстановкой, вполне подходящей для китов и прочих обитателей моря, но не для людей. Право же, если бы этот славный малый имел жабры вместо легких, он был бы весьма почтенной рыбой.

— Итак, господин профессор? — спросил Нед Ленд, видя, что я не отвечаю ему.

— Итак, Нед Ленд, вы хотите, чтобы я узнал у капитана Немо, каковы его намерения относительно нас?

— Да, профессор.

— И вы настаиваете на этом, несмотря на то что однажды он уже высказал их?

— Да. Я хочу выяснить все до конца. Говорите обо мне, только обо мне одном, если хотите.

— Но я почти не встречаю его. Он избегает меня.

— Тем больше оснований его увидеть!

— Хорошо, я спрошу, Нед.

— Когда? — настаивал канадец.

— Когда я его встречу.

— Господин Аронакс, хотите, я сам пойду разыщу капитана?

— Нет, нет, предоставьте это мне. Завтра...

— Сегодня, — сказал Нед Ленд.

— Отлично. Я увижу его сегодня, — ответил я канадцу, боясь, что он испортит все дело, если возьмется за него сам.

Я остался один. Дав обещание, я решил выполнить его немедленно. Я всегда предпочитал горькую правду мучительной неизвестности.

Я вернулся в свою комнату. За стеной слышались шаги капитана Немо. Нельзя было упускать такой хороший случай. Я постучал в его дверь. Никакого ответа. Я снова постучал, потом повернул дверную ручку. Дверь отворилась.

Я вошел. Капитан был у себя. Согнувшись над своим

рабочим столом, он что-то писал. Он не услышал моих шагов.

Решившись не уходить, не переговорив с ним, я подошел к нему.

Он резким движением поднял голову, нахмурил брови и спросил меня довольно грубым тоном:

— Вы здесь? Что вам от меня нужно?

— Говорить с вами, капитан.

— Но я занят, сударь, я работаю. Я предоставил вам полное право уединяться. Думаете ли вы, что сам я лишен этого права?

Этот прием подавал мало надежд на успешный исход переговоров. Но все же я решил довести дело до конца.

— Сударь, — сказал я холодно, — я должен говорить с вами о деле, не терпящем отлагательства.

— О каком же, профессор? — спросил он насмешливо. — Вам посчастливилось сделать какое-нибудь открытие, ускользнувшее от моего внимания? Море поведало вам какую-нибудь новую тайну?

Прежде чем я успел ответить, он указал мне на листы рукописи, лежавшей у него на столе, и добавил более серьезным тоном:

— Вот, господин Аронакс, рукопись, написанная на нескольких языках. Она содержит в себе итоги моих научных исследований, и я надеюсь, что она не погибнет вместе со мною. Эта рукопись, подписанная моим именем и пополненная историей моей жизни, будет положена в маленький нетонущий аппарат. Последний из оставшихся в живых на «Наутилусе» бросит аппарат в море, и волны подхватят его.

Имя этого человека! Его история, написанная им самим! Итак, значит, тайна его когда-нибудь будет открыта?

Но тогда в этом сообщении я увидел лишь повод для перехода к интересовавшей меня теме.

— Капитан, — сказал я, — я могу только одобрить шаг, который вы собираетесь осуществить. Было бы безумием, если бы плоды ваших трудов погибли. Но средство, изобретенное вами, кажется мне слишком примитивным. Кто знает, куда ветер занесет этот аппарат и в какие руки он попадет! Нельзя ли придумать что-либо более надежное? Может быть, вы сами или один из ваших товарищей...

— Никогда, сударь! — с живостью прервал меня капитан.

— В таком случае, я и мои спутники — мы готовы хранить эту рукопись, и если вы вернете нам свободу...

— Свободу? — сказал капитан Немо.

— Да, капитан, это то, о чем я хотел говорить с вами. Вот уже семь месяцев, как мы находимся на «Наутилусе», и я хочу спросить вас сегодня от своего имени и от имени своих товарищей: не намерены ли вы держать нас всю жизнь в заключении на своем корабле?

— Господин Аронакс, я отвечу вам то же, что ответил семь месяцев назад: кто попал на «Наутилус», тот никогда более его не покинет!

— Но ведь это настоящее рабство!

— Называйте это, как вам будет угодно.

— Раб имеет право стремиться к свободе! Все средства для этого хороши.

— Это право никто не отнимает у вас, — ответил капитан Немо. — Разве я связывал вас какой-нибудь клятвой?

Капитан Немо скрестил руки на груди и посмотрел на меня.

— Сударь, — сказал я ему, — ни мне, ни вам не хотелось во второй раз возвращаться к этой теме. Но раз мы уже коснулись ее, надо ее исчерпать. Я повторяю, речь идет не обо мне одном. Для меня наука является могущественной опорой, увлечением, развлечением, если

хотите, страстью, которая может помочь мне все забыть. Как и вы, я могу жить в неизвестности, довольствуясь надеждой завещать когда-нибудь человечеству результаты своих трудов посредством какого-нибудь аппарата, брошенного в море. Одним словом, я могу восхищаться вами, признавать в некоторых отношениях вашу правоту и даже испытывать известное удовольствие от того, что являюсь участником ваших скитаний. Но есть другие стороны вашей жизни, к которым на этом судне только я и мои товарищи не имеем никакого касательства. И даже тогда, когда наши сердца бились в унисон с вашим, тронутые вашим горем или восхищенные вашими талантами и умом, мы должны были отказаться от малейшего проявления той симпатии, которую неизбежно рождает вид всего прекрасного и доброго. И то, что мы чужды всему, что вас касается, делает наше пребывание здесь невозможным даже для меня. Но особенно нестерпимо оно для Неда Ленда. Всякий человек, по одному тому, что он человек, заслуживает, чтобы о нем думали. Задавались ли вы вопросом, какие планы мести могут возникнуть у человека, любящего свободу и ненавидящего рабство? У такого человека, как наш канадец? Спрашивали ли вы себя, что́ он может придумать, на что может решиться?..

Капитан Немо встал.

— Что может придумать Нед Ленд и на что он может решиться? Какое мне до всего этого дело? Я не искал его! И я не для собственного удовольствия держу его здесь. Что касается вас, господин Аронакс, то вы из тех, кто может все понять, даже молчание. Мне больше нечего вам ответить. Первая ваша попытка говорить со мной на эту тему должна быть последней, так как во второй раз я не стану даже слушать вас.

Я удалился. С этого дня наши отношения стали очень натянутыми.

Я передал наш разговор обоим моим товарищам.

— Мы знаем теперь, — сказал Нед Ленд, — что нам нечего ждать от этого человека. «Наутилус» приближается к Лонг-Айленду. Мы должны бежать, какова бы ни была погода!

Но небо становилось все более и более угрожающим. Появились предвестники урагана. Молочно-белый туман носился в воздухе. Горизонт затянулся грозовыми тучами. Облака неслись низко над морем с необычайной быстротой. Море бушевало. Птицы исчезли, за исключением буревестников, этих друзей бури. Барометр упал.

Гроза разразилась днем 12 мая, как раз тогда, когда «Наутилус» находился на траверсе Лонг-Айленда, в нескольких милях от Нью-Йорка. Я могу описать эту борьбу стихий, так как, вместо того чтобы укрыться в глубине моря, капитан Немо, по необъяснимому капризу, остался на его поверхности.

Ветер дул с юго-востока со скоростью пятнадцати метров в секунду; к трем часам пополудни скорость его достигла двадцати пяти метров в секунду. Это был настоящий ураган.

Капитан Немо занял место на палубе. Он привязал себя к перилам, чтобы его не смыли бушующие волны. Я привязал себя рядом с ним, одинаково восхищаясь бурей и этим необыкновенным человеком, который встречал ее с поднятой головой.

Клочья туч касались вздымавшихся волн моря. Я не видел маленьких промежуточных волн, образующихся обычно между большими валами. Ничего, кроме черных, как сажа, валов, гребень которых даже не рассыпался в брызгах — так он был плотен. Высота их все возрастала.

«Наутилус» то ложился на бок, то вздымался отвесно вверх носом, как мачта, отчаянно качаясь и зарываясь кормой в воду. К пяти часам вечера пошел проливной

дождь, но он не успокоил ни ветра, ни моря. Ураган несся со скоростью сорока пяти метров в секунду, то-есть свыше сорока лье в час. Подобные ураганы разрушают дома, сносят черепичные крыши, разбивают железные решетки и, как мячики, перекатывают большие пушки на палубах кораблей. Но «Наутилус» посреди этого хаоса вполне оправдывал слова одного знаменитого инженера: «Нет такого корабля, если он хорошо построен, который не мог бы бороться с морем». Это не была неподвижная скала, которую волны могли разрушить, — это было стальное веретено, подвижное и повинующееся человеку; без снастей и без мачт, оно безнаказанно боролось с разбушевавшейся стихией.

Я внимательно наблюдал эти как бы сорвавшиеся с цепи валы. Они достигали пятнадцати метров в высоту при длине от ста пятидесяти до ста семидесяти пяти метров и катились со скоростью, вполовину меньшей, чем скорость ветра. Их объем и их мощность увеличивались в зависимости от глубины моря. Я понял тогда роль этих волн, которые вбирают в себя воздух, уносят его в глубь моря, доставляя туда таким образом кислород. Высший предел давления их, по подсчетам ученых, достигает трех тысяч килограммов на квадратный фут поверхности, на которую они обрушиваются. Вот такие именно волны сдвинули с места на Гебридских островах скалу весом в тридцать три тысячи килограммов. Это они во время бури 23 декабря 1864 года, разрушив часть города Иеддо[1] в Японии, со скоростью семисот километров в час пронеслись по океану и в тот же день достигли берегов Америки, чтобы разбиться о них.

При наступлении ночи я увидел на горизонте большой корабль, отчаянно боровшийся с бурей. Он лежал в дрейфе. Должно быть, это был один из пароходов, со-

---

[1] Иеддо — старинное название столицы Японии — Токио.

вершающих рейсы между Нью-Йорком и Ливерпулем или Гавром. Вскоре он скрылся во мраке.

К десяти часам вечера все небо было как бы объято пламенем. Огненные молнии рассекали воздух. Я не мог глядеть на их нестерпимый блеск, но капитан Немо не отводил глаз от неба. Казалось, он наслаждался бурей.

Невероятный гул сотрясал воздух: грохот разбивающихся друг о друга валов, завывание ветра, раскаты грома... Ветер все время менял направление, и циклон, начавшись с востока, туда же и возвратился, обойдя север, запад и юг.

Ах, этот Гольфстрим! Он вполне заслужил свое имя короля бурь! Что, как не различная температура его вод и слоев воздуха, лежащих над его течением, рождает эти чудовищные циклоны!

За дождем последовал настоящий огненный ливень. Струйки воды, казалось, превратились в потоки расплавленного металла.

Можно было подумать, что капитан Немо, выбирая себе достойную смерть, желает быть убитым молнией.

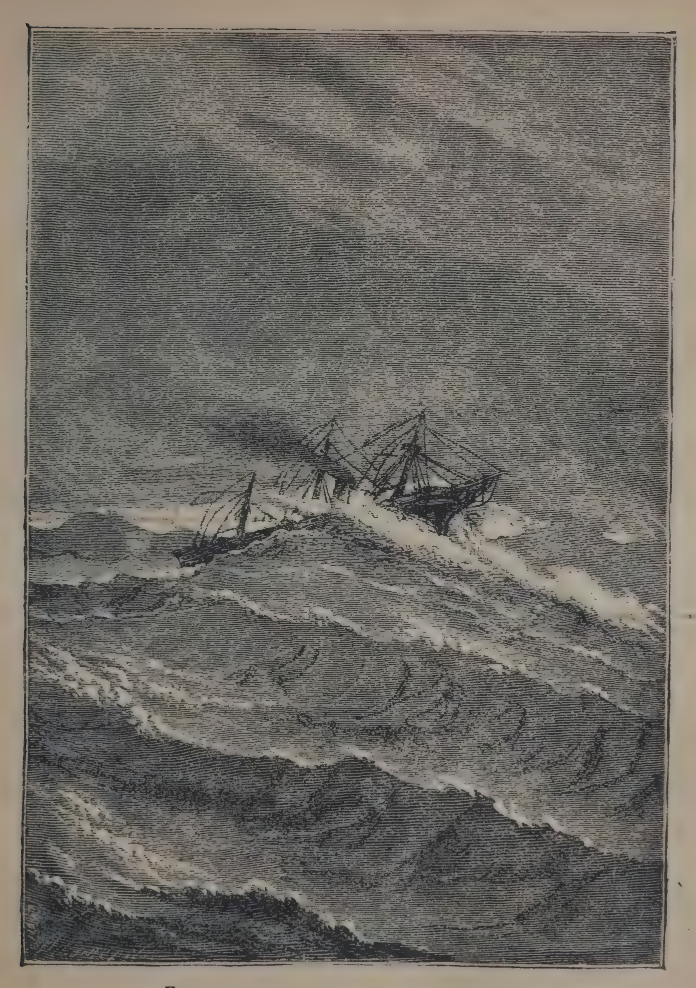
В момент страшнейшей килевой качки «Наутилус» поднял в воздухе свой стальной бивень наподобие громоотвода, — я видел, как сыпались с него искры.

Совсем выбившись из сил, я на животе дополз до люка, открыл его и спустился в салон. Ураган достиг в это время наивысшего напряжения. Внутри «Наутилуса» ни секунды нельзя было удержаться на ногах.

Капитан Немо сошел вниз только в полночь. Я слышал, как наполнились резервуары, и «Наутилус» медленно погрузился в спокойную глубь моря.

Ставни в салоне были открыты, и я видел целые стада больших рыб, которые, как призраки, в смятении носились в огненных водах. Некоторые из них были убиты молнией на моих глазах.

«Наутилус» продолжал опускаться. Я думал, что он

Большой корабль лежал в дрейфе.

найдет спокойную зону на глубине пятнадцати метров. Но морская поверхность была настолько бурной, что нам пришлось опуститься на глубину пятидесяти метров в недра океана.

Но зато здесь, в глубине, какая тишина, какой мир, какое спокойствие! Кто бы мог подумать, что на поверхности моря продолжает свирепствовать ужасный ураган!

Глава двадцатая

ПОД 47°24′ ШИРОТЫ И 17°28′ ДОЛГОТЫ

Буря отбросила нас к востоку. Всякая надежда бежать близ берегов Нью-Йорка или устья реки св. Лаврентия пропала. Бедный Нед впал в отчаяние и уединился, как капитан Немо. Мы с Конселем не разлучались.

Я сказал уже, что «Наутилус» был отброшен к востоку, точнее говоря — к северо-востоку. В течение нескольких дней он бродил то под водой, то на поверхности моря, почти все время в тумане, таком опасном для мореплавателей. Туманы эти порождаются преимущественно таянием льдов, которое насыщает атмосферу до предела водяными парами.

Сколько судов гибнет в этих краях, пытаясь добраться до берега, ориентируясь на неверное мерцание его огней! Сколько несчастий произошло из-за туманов! Сколько погибло кораблей, несмотря на огни фонарей, несмотря на гудки, несмотря на тревожный звон судовых колоколов! Сколько ударов о подводные камни там, где ветер заглушает шум прибоя!

Неудивительно, что дно морское в этих местах напоминало поле битвы: остатки крушений устилали его — одни старые и обветшалые, другие свежие, с не потускневшей еще медной обшивкой, в которой отражался свет нашего прожектора.

Сколько здесь лежало судов, пропавших без вести со всем своим экипажем и живым грузом эмигрантов! Сколько крушений ежегодно происходит в этих отмеченных во всех справочниках опаснейших зонах — у острова Сен-Поль, мыса Рас, пролива Бель-Иль, устья реки св. Лаврентия!

Только за несколько последних лет в скорбный список потонувших в этих местах кораблей пришлось занести: «Сольвея», «Изиду», «Параматту», «Венгерца», «Канадца», «Англо-сакса», «Гумбольдта», «Соединенные Штаты», все потопленные ураганами; «Арктику» и «Лионца», погибших при столкновении; «Президента», «Тихий океан», «Город Глазго», погибших от неизвестных причин.

«Наутилус» плыл среди обломков крушений, точно делая смотр мертвецам.

15 мая мы находились на южной оконечности ньюфаундлендской отмели. Отмель эта образована морскими наносами. Это значительное скопление всевозможных органических остатков, занесенных сюда либо с экватора Гольфстримом, либо с Северного полюса противоположным, холодным течением, которое огибает американский берег. Здесь образовалась также чудовищная груда рыбьих костей, остатков моллюсков и зоофитов, миллиардами гибнущих в этих местах.

На ньюфаундлендской отмели глубина моря очень незначительна: несколько сот футов, не более. Но к югу вдруг возникает глубокая впадина — пропасть в три тысячи метров. Здесь Гольфстрим расширяется. Он тут образует целое море, но теряет при этом свою быстроту и тепло.

Среди рыб, которых «Наутилус» вспугивал при своем приближении, я различил круглоперов в полметра величиной, с черноватой спиной и оранжевым брюхом, — они являют собой пример исключительной супружеской верности; длинных изумрудных мурен, очень приятных на

вкус; карракс с большими глазами, голова которых имеет некоторое сходство с собачьей; бычков и губанов. Но чаще всего нам встречалась треска, которую мы застали в ее излюбленном месте — на отмелях Ньюфаундленда. Можно смело сказать, что треска — это горная рыба, ибо Ньюфаундленд не что иное, как подводная гора. Когда «Наутилус» прокладывал себе дорогу среди сплоченных фаланг трески, Консель не мог удержать возгласа удивления.

— Как, это треска! — вскричал он. — А я был уверен, что треска такая же плоская рыба, как камбала.

— Что за вздор! Треска бывает плоской только в рыбных лавках, куда она попадает уже выпотрошенной. В море это такая же веретенообразная рыба, как голавль, и отлично приспособленная для плавания!

— Хозяину лучше знать, — ответил Консель. — Но как много здесь рыбы — настоящий муравейник!

— Ее было бы неизмеримо больше, друг мой, если бы не ее враги — люди. Знаешь ли ты, сколько икринок мечет одна самка?

— Предположим, что пятьсот тысяч.

— Одиннадцать миллионов, мой друг!

— Одиннадцать миллионов! Ну, этому я никогда не поверю, прежде чем не сосчитаю сам.

— Сосчитай! Но, я думаю, ты сбережешь время, если поверишь мне. Не забывай, что ловят треску в огромном количестве. Ее потребляют неимоверно много, и если бы не необычайная способность размножаться, от этой рыбы давно не осталось бы и следа. Только в Англии и Америке пять тысяч судов с семьюдесятью пятью тысячами моряков заняты ловлей трески. Каждое судно за сезон вылавливает в среднем не менее сорока тысяч штук, что составляет в итоге около двухсот миллионов. У берегов Норвегии ее ловят в таком же количестве.

— Отлично, — сказал Консель. — Я верю хозяину и не стану считать.

— Что считать, Консель?

— Одиннадцать миллионов икринок. Но я должен сделать одно замечание.

— Какое?

— А то, что если бы из каждой икринки действительно появлялась рыба, достаточно было бы двух пар трески, чтобы накормить всю Англию, Америку и Норвегию.

В то время как мы проходили над самой ньюфаундлендской отмелью, едва не зарываясь килем в песок, я рассмотрел длинные тонкие веревки, снабженные двумястами крючков для ловли трески; каждая рыбацкая лодка выбрасывает их в воду дюжинами. Веревка, привязанная одним концом к крюку, удерживается на поверхности моря при помощи буйка. «Наутилусу» приходилось маневрировать среди этой подводной сети.

Впрочем, подводный корабль недолго оставался в этих людных местах. Он поднялся до широты Ньюфаундленда, где на острове Сен-Джонс выходит американский конец трансатлантического кабеля, соединяющего телеграфной линией Европу с Северной Америкой.

Отсюда «Наутилус», вместо того чтобы продолжать свой путь на север, взял направление на восток, как бы желая исследовать эту плоскую возвышенность, на которой покоится кабель, — рельеф ее был известен до мельчайших подробностей благодаря бесчисленным зондированиям.

17 мая в пятистах милях от Сен-Джонса, на двух тысячах восьмистах метрах глубины, я увидел простертый на песке кабель. Консель, которого я не успел предупредить, принял его за гигантскую морскую змею и собирался уже классифицировать ее по своему методу. Но я разочаровал славного малого и, чтобы утешить его,

рассказал ему целый ряд подробностей о том, как был проложен этот кабель.

Первый кабель был проложен в течение 1857 и 1858 годов. Но, передав четыреста телеграмм, он внезапно перестал работать. В 1863 году инженеры соорудили новый кабель, в три тысячи четыреста километров длины; он весил четыре тысячи пятьсот тонн, и для укладки этого огромного груза был специально приспособлен пароход «Great Eastern». Но и эта попытка потерпела неудачу.

25 мая «Наутилус», погрузившийся на глубину трех тысяч восьмисот тридцати шести метров, очутился как раз на том месте, где произошел обрыв кабеля.

Это случилось на расстоянии шестисот тридцати восьми миль от берегов Ирландии. В два часа пополудни заметили, что сообщение с Европой прервано. Инженеры, находившиеся на борту «Great Eastern», нашли место обрыва и к одиннадцати часам вечера сумели вытащить из воды оба конца. Исправив повреждения, они снова опустили кабель в воду. Но через несколько дней опять произошел разрыв, и на этот раз извлечь кабель из глубины океана не удалось.

Но инженеры не отступали перед трудностями. Они изготовили новый кабель, более совершенной конструкции. Пучок проволоки, изолированной гуттаперчевой оболочкой, был защищен подушкой из волокнистых веществ и заключен в металлическую арматуру.

«Great Eastern» вышел в море 13 июля 1866 года.

Все шло хорошо. Но однажды произошло следующее. Разматывая кабель перед спуском, инженеры заметили, что в нескольких местах он проткнут гвоздями, очевидно с целью испортить сердцевину. Капитан Андерсон, корабельные офицеры и инженеры собрались, обсудили это дело и постановили, что если найдут виновного, он будет брошен за борт без всякого суда. С этого времени преступные попытки более не повторялись.

27 июля, пробираясь в тумане, «Great Eastern» достиг американского побережья. Предприятие было счастливо закончено.

Конечно, я не рассчитывал увидеть электрический кабель в его первоначальном состоянии, то-есть таким, каким он вышел из мастерских завода.

Металлическая змея, вытянувшаяся на своем каменистом ложе, покрылась известковой корой, предохраняющей ее от нападения моллюсков-сверлильщиков.

Кабель лежал на дне, защищенный от морских волнений, и передача электрического сигнала по нему из Европы в Америку отнимала всего тридцать две сотых секунды. Кабель этот будет существовать вечно, так как замечено, что гуттаперча только укрепляется под влиянием морской воды. К тому же направление кабеля выбрано так удачно, что он ни при каких условиях не может погрузиться на такую глубину, где вследствие сильного давления воды ему грозил бы разрыв.

«Наутилус» следовал до наибольшей глубины залегания кабеля — четыре тысячи четыреста тридцать один метр.

Оттуда мы отправились к месту, где в 1863 году произошла авария.

Дно океана образовало здесь узкую долину в сто двадцать метров ширины. Если бы сюда можно было перенести Монблан, верхушка его не выступила бы из воды. Долина эта заканчивалась в своей восточной части стеной из утесов высотой в две тысячи метров. Мы достигли этой долины 28 мая. «Наутилус» находился теперь не более как в ста пятидесяти километрах от Ирландии.

Быть может, капитан Немо собирался обогнуть Британские острова? Нет. К моему великому удивлению, он снова направился к югу, к европейским морям.

Когда мы огибали остров Энглези, я на мгновение

увидал огни его маяка, освещающие путь тысячам судов, идущих из Глазго или Ливерпуля.

Важный вопрос занимал мой ум: осмелится ли «Наутилус» войти в Ла-Манш?

Нед Ленд, вылезший из своей норы, как только мы приблизились к земле, не уставал спрашивать меня об этом. Что я мог ему ответить? Капитан Немо попрежнему не появлялся. Он подразнил канадца берегами Америки; уж не собирается ли он подразнить теперь меня берегами Франции?

Тем временем «Наутилус» продолжал плыть к югу. 30 мая он прошел в виду острова Ленда, невдалеке от Британских островов.

Если капитан Немо хотел войти в Ла-Манш, он должен был взять курс на восток.

Но он не сделал этого.

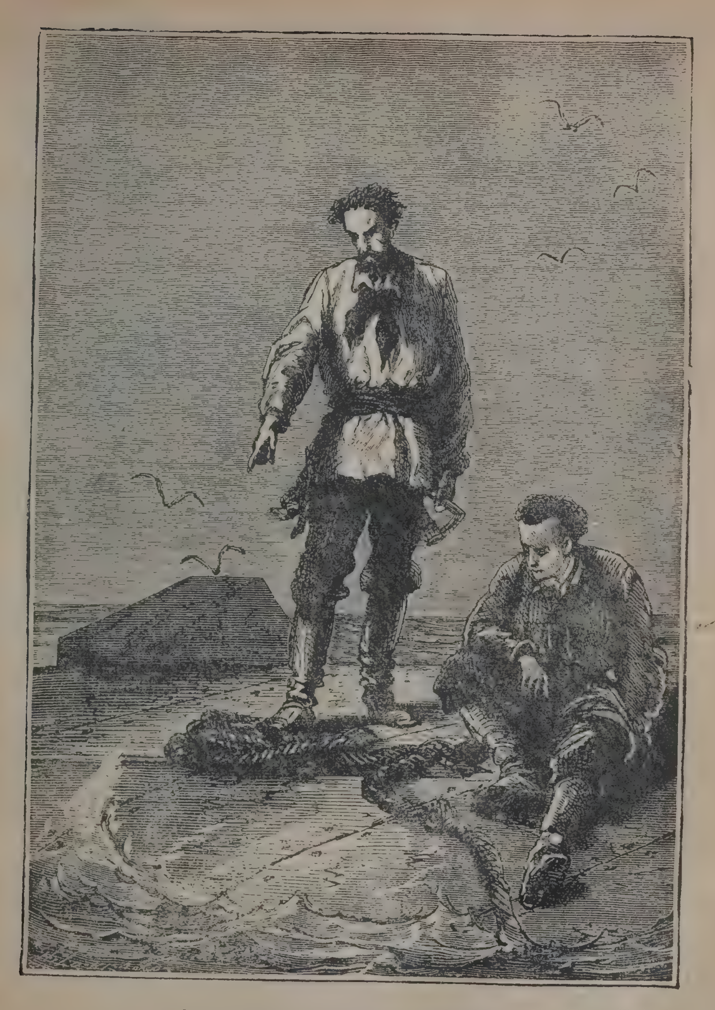
Целый день 31 мая «Наутилус» описывал по морю какие-то странные круги, чрезвычайно интриговавшие меня. Казалось, он искал какое-то место и не находил его.

В полдень капитан Немо сам делал наблюдения. Он не обменялся со мной ни одним словом. Он был мрачен, как никогда. Что его так расстроило? Быть может, его мучили какие-нибудь воспоминания о покинутой родине? Что испытывал он — раскаяние или сожаление? Эта мысль долгое время занимала мой ум. У меня было как бы предчувствие, что случай так или иначе обнаружит тайну капитана.

На другой день, 1 июня, «Наутилус» продолжал свои странные маневры. Было очевидно, что он искал какое-то вполне определенное место в океане. В полдень капитан Немо, так же как и накануне, сам произвел наблюдения.

Море было спокойно, небо чисто.

В восьми милях на восток на горизонте четко

— Это здесь! — сказал капитан.

вырисовывался контур большого судна, идущего на всех парах. На нем не было никакого флага, и я не мог определить его национальность.

Капитан Немо в момент, когда солнце проходило через меридиан, взял секстант и произвел наблюдения с особой тщательностью. Это было очень легко сделать, так как море было абсолютно спокойно. Совершенно неподвижный, «Наутилус» не испытывал ни боковой, ни килевой качки.

Я находился в этот момент на палубе. Как только пеленгация была закончена, капитан Немо сказал:

— Это здесь!

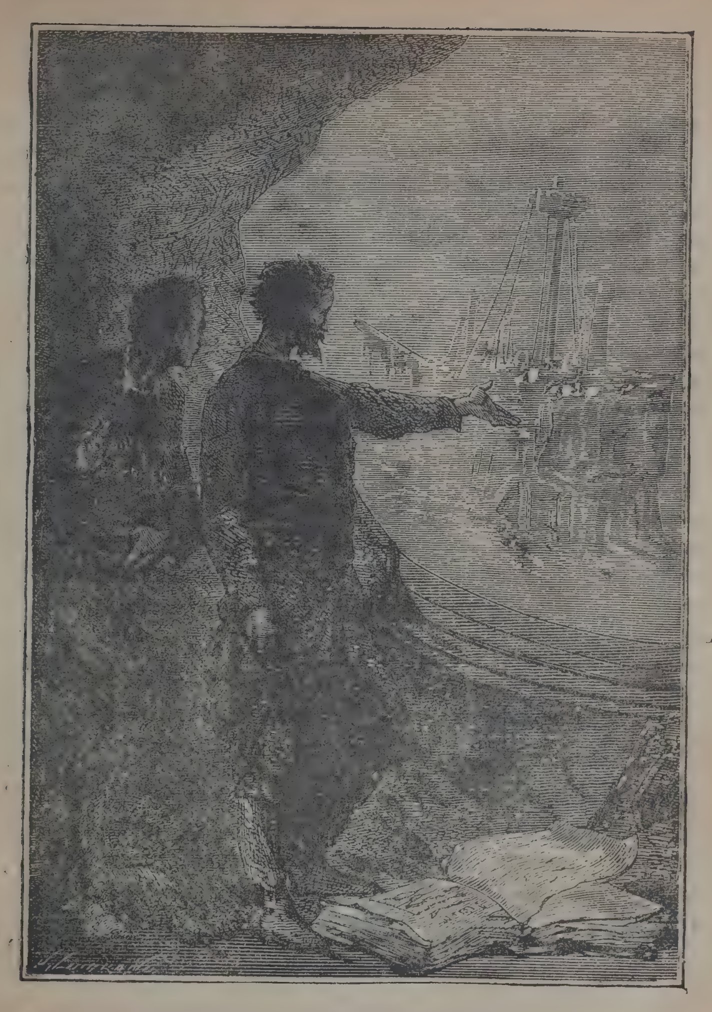
Он спустился вниз по трапу. Видел ли он судно, которое, казалось, умерило свой ход и приближалось к нам? Я этого не знал.

Я возвратился в салон. Люк закрыли, и я услышал шипенье воды в резервуарах. «Наутилус» начал погружаться. Он опускался по вертикальной линии, так как винт не работал.

Через несколько минут он остановился на глубине восьмисот тридцати трех метров и коснулся носом дна.

Свет в салоне погас. Ставни открылись, и сквозь оконные стекла я увидел море, на протяжении полумили ярко освещенное лучами нашего прожектора. В левое окно я ничего не видел, кроме спокойной воды. С правого же борта я заметил в глубине какую-то темную массу, привлекшую мое внимание. Это был какой-то предмет, покрытый, словно снежной мантией, оболочкой из белых ракушек. Присмотревшись внимательнее, я различил очертания корабля, лишенного мачт, который, очевидно, пошел ко дну носом вперед. Этот обломок кораблекрушения должен был много лет покоиться на дне океана, чтобы до такой степени обрасти известковыми отложениями.

Что это было за судно? Почему «Наутилус» пришел

— Эго «Мститель»? — вскричал я.

навестить его могилу? Быть может, вовсе не морская буря была причиной его гибели?

Я не знал, что подумать, как вдруг капитан Немо заговорил:

— Когда-то это судно называлось «Марселец». Оно было спущено в море в тысяча семьсот шестьдесят втором году и имело на своем борту семьдесят четыре пушки. Тринадцатого августа тысяча семьсот семьдесят восьмого года корабль этот, под командой Ла-Пойпа Вертрие, яростно сражался с «Престоном». Четвертого июля тысяча семьсот семьдесят девятого года он в составе эскадры адмирала д'Эстена участвовал во взятии Гренады. В тысяча семьсот восемьдесят первом году, пятого сентября, он сражался под начальством графа де-Грасса в бухте Чизпик. В тысяча семьсот девяносто четвертом году Французская республика переменила его название. Шестнадцатого апреля того же года он присоединился в Бресте к эскадре Виларе-Жуаеза, которой было поручено эскортировать транспорт с зерном, шедший из Америки под командой адмирала Ван-Стабеля. Одиннадцатого и двенадцатого прериаля второго года Республики эскадра эта встретилась с английскими судами. Господин профессор, сегодня тринадцатое прериаля — первое июня тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года. Ровно семьдесят четыре года тому назад на этом самом месте, под 47°24′ широты и 17°28′ долготы, после героического боя, полузатопленное, потерявшее все мачты и треть своего экипажа судно предпочло погрузиться в воду, чем сдаться... Триста пятьдесят шесть оставшихся в живых бойцов, подняв на корме флаг Республики, пошли ко дну, громко возглашая: «Да здравствует Республика!»

— Это «Мститель»? — вскричал я.

— Да, сударь, это «Мститель». Прекрасное имя, — прошептал капитан Немо, скрестив руки.

Глава двадцать первая

МСТИТЕЛЬ

Неожиданность всей этой сцены, эта история революционного корабля, начатая равнодушным тоном и законченная с каким-то особенным волнением, это имя «Мститель», значение которого не могло ускользнуть от моего внимания, — все это глубоко поразило меня. Я не мог оторвать глаз от капитана. Указывая рукой на море, он жадным взором всматривался в эти славные обломки.

Быть может, мне никогда не удастся узнать, кем был капитан Немо, откуда он пришел и куда идет, но я видел, как человек в нем все больше и больше берет верх над ученым.

Нет, не простое человеконенавистничество заключило в эти стальные стены капитана Немо и его товарищей, а страшная, грозная ненависть, которую даже время не в силах было ослабить.

Быть может, он жаждал мести?

Тем временем «Наутилус» медленно поднимался, и очертания «Мстителя» мало-помалу исчезли из виду. Вскоре легкая качка показала, что мы плывем по поверхности моря. В этот момент я услышал глухой взрыв.

Я посмотрел на капитана. Он не шелохнулся.

— Капитан! — сказал я.

Он не ответил.

Я оставил его и поднялся на палубу. Консель и канадец были уже там.

— Что это за грохот? — спросил я.

— От пушечного выстрела, — ответил Нед Ленд.

Я посмотрел в том направлении, где раньше находилось судно. Оно приближалось к «Наутилусу» на всех парах. Нас разделяло не более шести миль.

— Что это за судно, Нед?

— Держу пари, что это военное судно, — ответил канадец. — Это сразу видно по его оснастке и по высоте его мачт. Ох, если бы оно напало на нас и потопило этот проклятый «Наутилус»!

— Дружище Нед, — ответил Консель, — какое зло может это судно причинить «Наутилусу»? Ведь оно не может ни атаковать его под водой, ни обстрелять в глубине моря.

— Скажите, Нед, — спросил я, — можете ли вы определить национальность этого судна?

Канадец, нахмурив брови и прищурив глаза, стал напряженно всматриваться в очертания корабля.

— Нет, профессор, — ответил он наконец, — я не могу определить его национальность: на нем нет флага. Но я продолжаю утверждать, что это военное судно, так как на его грот-мачте развевается длинный вымпел.

В течение четверти часа мы продолжали разглядывать направлявшийся прямо на нас корабль.

Я не мог себе представить, чтобы он узнал «Наутилус» на таком расстоянии; больше того: я не предполагал, что ему вообще известно о существовании этого подводного корабля.

Вскоре канадец объявил мне, что это большое военное судно, с бивнем и двумя бронированными палубами. Густой черный дым поднимался из его труб. Убранные паруса сливались с реями. На нем не было флага. Расстояние мешало разглядеть цвета его вымпела, который развевался в воздухе, как узкая лента.

Корабль быстро приближался. Если капитан Немо позволит ему подойти на близкое расстояние, нам может представиться случай спастись.

— Профессор, — сказал Нед Ленд, — когда это судно приблизится к нам на расстояние одной мили, я брошусь в море и предлагаю вам последовать моему примеру!

Я ничего не ответил на предложение канадца и продолжал разглядывать судно, которое росло на глазах. Будь оно английским, французским, американским или русским — оно все равно подберет нас, если нам удастся доплыть до него.

— Хозяин помнит, вероятно, что у нас есть некоторый опыт в искусстве плавания, — сказал Консель. — Он может предоставить мне заботу взять его на буксир, если только он решит последовать совету друга Неда.

Я собирался уже ответить, как вдруг на носу военного судна показался белый дымок. Несколько секунд спустя вода, вспененная падением тяжелого тела, залила корму «Наутилуса». Звук выстрела оглушил меня.

— Как? Они стреляют в нас? — вскричал я.

— Храбрые люди, — прошептал канадец.

— Значит, они не считают нас потерпевшими крушение! — воскликнул я.

— Если хозяину будет угодно... — начал Консель.

В это время новое ядро, упавшее еще ближе, окатило его столбом брызг с ног до головы.

— С позволения хозяина, скажу, — продолжал Консель, — что они принимают нас за нарвала и обстреливают этого нарвала.

— Но они должны видеть, что имеют дело с людьми! — вскричал я.

— Может быть, именно поэтому они и стреляют, — ответил Нед Ленд, многозначительно посмотрев на меня.

Эти слова явились как бы откровением для меня. Без сомнения, теперь уже всему миру было известно, какого мнения следует держаться относительно существования мнимого чудовища. Во время столкновения с «Авраамом Линкольном», когда канадец ударил чудовище своим гарпуном, капитан Фарагут успел распознать, что страшное «чудовище» было не чем иным, как подводной лодкой, более опасной, чем самый огромный нарвал.

Надо полагать, что это ошеломляющее известие заставило всполошиться все народы, и теперь нас преследовали военные корабли всех стран.

И это было справедливо, потому что «Наутилус» был самым грозным и страшным оружием, какое только можно себе представить, если капитан Немо посвятил его делу мести.

Теперь я больше не сомневался, что в ту ночь в Индийском океане, когда капитан Немо заточил нас в стальную камеру, «Наутилус» сражался с каким-то судном. Я не сомневался больше в том, что человек, покоящийся на коралловом кладбище, был жертвой столкновения, нарочно вызванного «Наутилусом».

Завеса над таинственной жизнью капитана Немо слегка приподнималась. И если личность его не была еще опознана, то, во всяком случае, представители различных наций, объединившись, преследовали теперь не призрачное животное, но заклятого врага, человека, давшего обет непримиримой ненависти ко всему человечеству.

Эта мысль мелькнула в моем мозгу, и мне стало ясно, что вместо друзей мы должны были встретить на приближающемся к нам корабле безжалостных врагов.

Тем временем ядра продолжали сыпаться вокруг нас. Некоторые из них, падавшие на поверхность воды под известным углом, отлетали рикошетом на большое расстояние и исчезали в волнах. Но ни одно ядро не попадало в «Наутилус».

Военное судно находилось теперь на расстоянии не более трех миль от нас.

Несмотря на все усиливающуюся канонаду, капитан Немо не показывался на палубе.

А между тем, если бы одно из этих конических ядер попало прямо в корпус «Наутилуса», удар его мог бы быть роковым для подводного корабля.

Канадец сказал мне:

— Сударь, мы не можем допустить, чтобы о нас так плохо думали! Попытаемся сигнализировать. Тысяча чертей! Быть может, они все-таки поймут, что имеют дело с честными людьми!

Нед Ленд вынул из кармана платок. Но едва он успел развернуть его, как был схвачен железной рукой и с огромной силой брошен на палубу.

— Несчастный! — вскричал капитан. — Ты хочешь, чтобы я пригвоздил тебя к бивню даже прежде, чем он вонзится в этот корабль?

Было страшно слушать капитана Немо, но еще страшнее было глядеть на него. Лицо его смертельно побледнело. Зрачки сузились от гнева. Голос скорее походил на рычанье. Склонившись над лежащим канадцем, он буквально пригвоздил его к палубе.

Наконец он бросил Неда Ленда и обернулся лицом к военному кораблю, продолжавшему осыпать нас ядрами.

— А ты знаешь, кто я такой, корабль проклятого народа! — вскричал он громовым голосом. — Мне не нужно видеть твоего флага, чтобы узнать тебя! Гляди! Сейчас я покажу тебе свой флаг!

И капитан Немо развернул черный флаг, похожий на тот, который он водрузил на Южном полюсе.

В этот момент ядро ударило в корму «Наутилуса», не причинив ей, однако, вреда; чуть не задев капитана Немо, оно упало в море.

Капитан пожал плечами. Обернувшись ко мне, он резко сказал:

— Ступайте вниз! Вы и ваши товарищи...

— Капитан, — вскричал я, — неужели вы думаете атаковать это судно?

— Не только атаковать, но и потопить!

— Вы не сделаете этого!

— Я сделаю это, — холодно ответил капитан Немо. — Не ваше дело судить меня! Случайно вы увидели то, чего не должны были видеть. Мои враги напали на меня, им будет дан страшный отпор.

— Чье это судно?

— Вы не знаете этого? Тем лучше. Его национальность, по крайней мере, будет скрыта от вас. Ступайте же!

Канадец, Консель и я — мы не посмели ослушаться. Пятнадцать матросов «Наутилуса» окружили капитана, глядя на приближавшееся судно с непримиримой ненавистью В то время как я спускался по трапу, новое ядро ударило в корму «Наутилуса». Я услышал, как кричал капитан:

— Стреляй же, безумное судно! Расточай свои бесполезные ядра! Ты не ускользнешь от «Наутилуса»! Но я погублю тебя не здесь, не в этом месте! Я не хочу, чтобы твои обломки смешались с благородными обломками «Мстителя».

Я пошел в свою комнату. Капитан и его помощник остались на палубе. Винт пришел в движение. «Наутилус» быстро удалялся и вскоре очутился вне пределов досягаемости для военного судна. Но преследование не прекращалось, и капитан Немо продолжал сохранять эту дистанцию.

К четырем часам дня, не в силах сдержать охватившее меня нетерпение и беспокойство, я подошел к трапу.

Дверь была открыта. Я проскользнул на палубу. Капитан возбужденно шагал по ней взад и вперед. Он не спускал глаз с судна, шедшего под ветром на расстоянии каких-нибудь пяти-шести миль от нас. Он кружил вокруг корабля, как дикий зверь, увлекая его к востоку, позволяя ему преследовать себя, но пока что сам не нападал на него. Быть может, он еще колебался?

Я попытался снова вмешаться. Но я едва успел произнести несколько слов, как капитан Немо заставил меня умолкнуть.

— Справедливость и право на моей стороне, — сказал он. — Я угнетенный, а вот — угнетатель! Это из-за него я потерял все, что любил, все, что мне было дорого и свято, — родину, жену, детей, отца, мать — все! Все, что я ненавижу, — здесь, на этом корабле! Молчите же!

Я бросил последний взгляд на военный корабль, который приближался под всеми парами, и спустился вниз к Неду и Конселю.

— Мы должны бежать! — вскричал я.

— Отлично, — сказал Нед. — Но чье это судно?

— Этого я не знаю. Так или иначе, но оно будет пущено ко дну еще до наступления ночи. Лучше погибнуть вместе с ним, чем сделаться соучастниками поступка, о справедливости которого мы не можем судить.

— Таково и мое мнение, — холодно ответил Нед. — Дождемся ночи.

Ночь наступила. Глубокое молчание царило на корабле. Компас указывал на то, что «Наутилус» не изменил своего направления. Я слышал мерные удары его винта. Он держался на поверхности.

Мы решили бежать в тот момент, когда корабль приблизится к нам настолько, чтобы нас могли услышать или хотя бы увидеть, — через три дня должно было наступить полнолуние, и луна светила достаточно ярко. Очутившись же на борту этого судна, если мы и не сможем предотвратить его гибели, то, во всяком случае, мы попытаемся сделать все, что обстоятельства нам позволят.

Много раз мне казалось, что «Наутилус» готовится начать бой; но, позволив своему противнику приблизиться на некоторое расстояние, он снова увеличивал скорость и отдалялся от него.

Часть ночи прошла спокойно. Изредка перебрасываясь словами, мы выжидали подходящего момента для бегства. Мы были сильно взволнованы. Нед Ленд хотел пуститься вплавь по направлению к кораблю. Я заставлял его ждать. Я был уверен, что «Наутилус» нападет на своего преследователя на поверхности моря, а в этом случае наше бегство будет не только возможным, но и легким.

В три часа утра, горя от беспокойства, я снова поднялся на палубу. Капитан Немо был там. Он стоял на носу. Черный флаг развевался над его головой. Он не отрывал глаз от корабля. Его напряженный взгляд как бы притягивал преследователя, гипнотизировал его, тянул его за собой, как буксирный канат.

Луна проходила через меридиан. На востоке всходил Юпитер. Все было тихо вокруг. Казалось, что небо и океан соперничали друг с другом в спокойствии.

И когда я сравнивал это спокойствие стихий с ненавистью, кипевшей в каждом уголке неуловимого «Наутилуса», я чувствовал, как содрогается все мое существо.

Корабль был в двух милях от нас. Он приближался, идя все время вслед за сиянием, излучаемым прожектором «Наутилуса». Я видел его опознавательные огни — зеленые и красные — и белый фонарь, повешенный на фок-мачте. Снопы искр вырывались из труб — очевидно, корабль довел давление пара до высшей точки.

Я оставался на палубе до шести часов утра. Капитан Немо попрежнему не замечал меня. Военный корабль находился всего в полутора милях от нас и с первыми проблесками рассвета возобновил обстрел.

Приближался момент, когда «Наутилус» должен был напасть на своего противника, и как только это случится, я и мои товарищи покинем навсегда человека, которого я не осмеливался судить. Я собирался спуститься вниз, чтобы предупредить Конселя и Неда, когда помощ-

ник капитана поднялся на палубу. Его сопровождало несколько моряков.

На «Наутилусе» готовились к бою. Приготовления эти были очень несложны. Были опущены перила, окружавшие палубу. Вышки прожектора и штурвальной рубки были втянуты внутрь корпуса подводной лодки. Поверхность длинной железной сигары не имела больше ни одной выпуклости — ничто не мешало ей теперь маневрировать.

Я возвратился в салон. «Наутилус» продолжал оставаться на поверхности моря, освещаемой первыми утренними лучами солнца. Красноватые отблески его отражались в стеклах.

Наступил ужасный день 2 июня.

В пять часов лаг показал мне, что «Наутилус» умерил свою скорость. Я понял, что он хочет подпустить фрегат на близкое расстояние. Пушечные выстрелы становились все слышнее и слышнее. Ядра пенили воду вокруг нас, ввинчиваясь в нее с каким-то резким свистом.

— Друзья мои, — сказал я, — час настал! Пожмем друг другу руки, и будь что будет!

Нед Ленд был полон решимости, Консель спокоен, я с трудом сдерживал охватившее меня волнение. Мы прошли в библиотеку. В тот момент, когда я толкнул створку двери, ведущей к трапу, я услышал, как внезапно закрылась крышка люка.

Канадец бросился к ступенькам, но я удержал его. Знакомое шипенье сказало мне, что резервуары «Наутилуса» наполняются водой. И действительно, через несколько мгновений «Наутилус» погрузился на десять метров ниже поверхности моря.

Я понял этот маневр. «Наутилус» не собирался нападать на фрегат сверху, где тот был защищен непроницаемой броней. Он хотел атаковать его под водой, ниже ва-

терлинии, там, где кончалась его металлическая обшивка.

Итак, мы снова пленники, да еще вынужденные свидетели готовящейся мрачной драмы. Впрочем, размышлять было уже некогда. Укрывшись в моей комнате, мы безмолвно глядели друг на друга. Глубокий ужас овладел мною. Я находился в том тягостном состоянии, которое обычно предшествует какому-то страшному потрясению. Я ждал катастрофы, я вслушивался в каждый шорох, я весь превратился в слух.

Между тем «Наутилус» значительно увеличил скорость. Очевидно, он брал разгон. Весь корпус его дрожал.

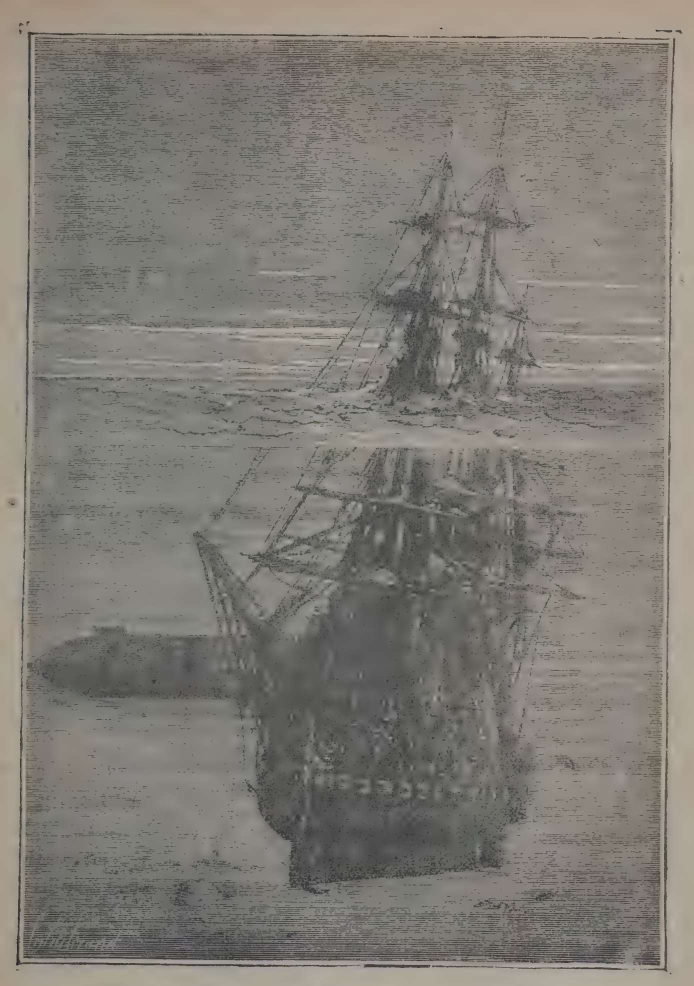
Внезапно я вскрикнул. Произошло столкновение. Это был сравнительно легкий толчок. И все же я почувствовал, с какой силой стальной бивень вонзился в дерево. Послышался скрип и треск. Но «Наутилус», уносимый вперед инерцией движения, прошел через плотную массу корабля, как игла проходит сквозь холст.

Я не мог более выдержать. Обезумев от ужаса, я побежал из комнаты в салон. Капитан Немо был там. Безмолвный, мрачный, неумолимый, он смотрел на то, что происходило за стеклом.

Огромная, почти бесформенная масса темнела под водой, и чтобы до конца присутствовать при ее агонии, «Наутилус» опускался на дно вместе с ней. В десяти метрах от себя я видел расколотый почти надвое корпус судна; вода заливала его со страшным шумом. Выше был виден двойной ряд пушек. На палубе двигалось множество черных теней.

Вода все прибывала. Несчастные бросались на ванты, взбирались на мачты, барахтались в воде. Это был человеческий муравейник, внезапно застигнутый наводнением.

Парализованный ужасом, с волосами, вставшими

Огромный корабль медленно погружался.

дыбом, едва дыша, я смотрел на это потрясающее зрелище, не в силах оторвать глаз от окна.

Огромный корабль медленно погружался. «Наутилус» следовал за ним. Вдруг произошел взрыв. Сжатый воздух разорвал палубу корабля с такой силой, будто взорвался пороховой погреб. Давление воды было так велико, что «Наутилус» отбросило в сторону.

Теперь несчастное судно стало погружаться быстрее. Мелькнули его мачты, облепленные жертвами, реи, гнущиеся под тяжестью тел, потом верхушка грот-мачты, и наконец темная масса исчезла в водовороте со своим экипажем мертвецов...

Я обернулся к капитану Немо. Этот страшный судья, настоящий демон ненависти, попрежнему глядел в темноту. Когда все было кончено, он направился к двери своей комнаты, открыл ее и переступил порог... Я следил за ним глазами.

В глубине комнаты, на стене, под портретами его любимых героев, я увидел портрет совсем еще молодой женщины и двух маленьких детей.

Капитан Немо смотрел на них несколько мгновений и, упав на колени, разразился рыданиями.

Глава двадцать вторая

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА КАПИТАНА НЕМО

Страшное видение исчезло, и окна закрылись. Но свет в салоне не зажигался. Мрак и тишина царили на «Наутилусе». Казалось, капитан Немо стремительно бежал от этого страшного места. Куда он направил свой путь? На север или на юг?

Я вернулся в свою каюту, где Нед и Консель ждали меня в глубоком молчании. Я испытывал непреодолимый ужас перед капитаном Немо. Какие бы страдания ни

перенес он по вине людей, он все же не имел права так наказывать их. И он сделал меня если не соучастником, то свидетелем своей мести. Это было уж слишком!

В одиннадцать часов зажегся электрический свет. Я прошел в салон. Там никого не было. Я посмотрел на приборы. «Наутилус» шел на север со скоростью двадцати пяти миль в час то по поверхности моря, то под водой, на глубине тридцати футов.

Найдя наше местонахождение на карте, я увидел, что мы прошли мимо устья Ла-Манша и несемся теперь к северным морям.

К вечеру мы прошли двести лье по Атлантическому океану.

Сумерки сгущались, и до восхода луны море покрылось мраком.

В эту ночь мне не удалось уснуть. Меня душили кошмары. Страшная сцена гибели судна неотступно стояла перед моими глазами.

С этого дня на карте в салоне перестали отмечать пройденный за день путь.

Кто может сказать, как далеко забрался «Наутилус» на север Атлантического океана, несясь вперед с неослабевающей быстротой посреди северных туманов? Приближался ли он к Шпицбергену или шел к берегам Новой Земли? Быть может, он проходил по малоизвестным морям: Белому морю, Карскому, Обской губе, мимо архипелага Ляхова, близ почти неизвестных берегов Северной Азии? Я не мог бы ответить на это.

Я потерял счет времени. Казалось, будто день и ночь не чередовались более в обычной своей последовательности. Я чувствовал, что вовлечен в область таинственного и страшного, более свойственного больному воображению Эдгара По[1], чем действительной жизни. Каждую

[1] Эдгар По — американский писатель, автор фантастических рассказов

минуту я ждал, что увижу, подобно герою произведения По — Артуру Гордону Пиму, «окутанную покрывалом человеческую фигуру, размерами своими превышающую все живые существа на Земле, закрывающую доступ к полюсу».

Мне кажется — но, может быть, я ошибаюсь, — что это странствие наудачу длилось пятнадцать или двадцать дней, и я не знаю, сколько еще оно продлилось бы, если бы не произошло событие, которое положило конец нашему путешествию.

Капитана Немо как будто не существовало на корабле, так же как и его помощника. Никто из экипажа не показывался ни на одну минуту. «Наутилус» почти все время плыл под водой. Когда он поднимался на поверхность, чтобы набрать воздуха, люк открывался и закрывался автоматически. Я совершенно потерял представление, где мы находимся.

Ко всему этому канадец, истощив все свои силы и терпение, не выходил из своей каюты. Он упорно молчал. Консель не мог добиться от него ни одного слова и опасался, как бы он не покончил с собой в припадке отчаяния и тоски по родине.

Консель неотступно следил за каждым движением Неда Ленда.

Понятно, что при всех этих условиях жизнь стала невыносимой.

Однажды — не могу сказать, какого числа — я забылся на рассвете болезненным и тягостным сном. Когда проснулся, я увидел Неда Ленда.

Он склонился надо мной и сказал шопотом:

— Мы бежим!

— Когда? — спросил я.

— Ближайшей ночью. На «Наутилусе» не существует теперь никакого надзора. Судно как будто погрузилось в спячку. Вы согласны?

— Да. Где мы находимся?

— Вблизи какой-то земли. Мне удалось разглядеть ее сегодня утром в тумане, в двадцати милях на восток.

— Что ж это за земля?

— Я не знаю, но какова бы она ни была, мы будем искать на ней убежища.

— Да, Нед... Решено: мы бежим этой ночью, даже если нам суждено погибнуть в море!

— Море бурное, ветер сильный, но сделать двадцать миль в легкой шлюпке «Наутилуса» не так уж трудно. Мне удалось незаметно снести в нее кое-какие припасы и несколько бутылок воды.

— Я последую за вами!

— Знайте же: если я попадусь, я буду защищаться. Я готов скорее умереть, чем сдаться!

— Мы умрем вместе, друг Нед.

Я был готов на все. Канадец ушел. Я поднялся на палубу. Там едва можно было держаться на ногах — так сильны были удары волн. Небо было грозное. Но так как за этим густым туманом находилась земля, надо было бежать. Мы не должны были терять ни дня, ни часа.

Я возвратился в салон, боясь и желая в одно и то же время встретиться с капитаном Немо; мне и хотелось и не хотелось его видеть. Что я ему скажу? Удастся ли мне скрыть тот ужас, который он внушает мне? Нет! Лучше нам не встречаться! Лучше забыть его! И все же...

Как долго тянулся этот день, последний день, который я должен был провести на борту «Наутилуса»! Я оставался все время один. Нед Ленд и Консель не разговаривали со мной из боязни выдать себя.

В шесть часов я обедал. Я не был голоден, но заставлял себя есть, несмотря на отвращение, чтобы не терять сил.

В половине седьмого Нед Ленд вошел в мою комнату. Он сказал мне:

— Мы больше не увидимся до самого побега. В десять часов луны еще нет. Воспользуемся темнотой. Идите прямо к лодке. Я с Конселем буду ждать вас там.

Канадец вышел, не дав мне времени на ответ.

Я хотел проверить направление «Наутилуса» и вернулся в салон. Мы взяли курс на северо-северо-восток и шли с чудовищной быстротой на глубине пятидесяти метров.

Я бросил последний взгляд на чудеса природы и произведения искусства, хранящиеся в этом музее, на коллекции, не имеющие равных себе на всем земном шаре и обреченные на гибель вместе с тем, кто собрал их здесь. Мне хотелось надолго удержать все это в памяти. Я целый час предавался безмолвному созерцанию сокровищ, разложенных под стеклом и освещенных ярким электрическим светом, мягко струящимся с потолка. Потом я возвратился в свою каюту.

Там я надел теплый костюм, собрал все свои заметки и спрятал их под платье. Сердце мое учащенно билось. Мое волнение, мой возбужденный вид, несомненно, выдали бы меня капитану Немо, если бы я попался ему на глаза.

Что он делал в этот момент? Я подошел к двери его каюты и прислушался. Я услышал шум шагов. Капитан Немо был там. Каждый шорох пугал меня. Мне казалось, что сейчас он выйдет и спросит, почему я хочу бежать. Страх овладел мною, воображение разыгралось. Это состояние было так мучительно, что я невольно спрашивал себя: не лучше ли войти в комнату и встретиться с капитаном лицом к лицу?

Конечно, это было бы безумием, и, к счастью, я вовремя сдержал себя. Вернувшись в свою каюту, я растянулся на постели и постарался успокоиться.

Волнение мое понемногу улеглось, но мозг продолжал лихорадочно работать. Я вспоминал все пережитое на борту «Наутилуса», все счастливые и несчастливые события со времени моего падения с палубы «Авраама Линкольна». Подводные охоты, Торресов пролив, новогвинейские дикари, стоянка на мели, коралловое кладбище, Аравийский тоннель, остров Санторин, критский водолаз, Атлантида, ледяная ловушка, Южный полюс, сплошные льды, битва со спрутами, буря в Гольфстриме, «Мститель» и, наконец, эта страшная сцена гибели военного судна со всем его экипажем! Все эти картины проносились перед моими глазами, как декорации, беспрестанно меняющиеся на театральной сцене, и во всех воспоминаниях неизменно участвовал капитан Немо. В моем воображении он вырастал в какого-то гиганта. Это был уже не человек, подобный всем людям, но какой-то таинственный обитатель вод, гений океана.

Пробило девять с половиной часов. Голова моя пылала, я сжал ее руками и закрыл глаза. Пытался ни о чем не думать. Оставалось еще полчаса ждать. Кошмарные полчаса, которые сведут меня с ума!..

Вдруг до меня донеслись неясные звуки органа, печальная мелодия какой-то песни. Едва дыша, я всем своим существом впитывал эти звуки, охваченный, как и капитан Немо, музыкальным экстазом.

Потом внезапная мысль поразила меня: капитан Немо покинул свою комнату. Он находился в салоне, через который мне придется пройти, чтобы попасть в шлюпку. Я встречусь с ним в последний раз. Быть может, он заговорит со мной! Один его жест способен уничтожить меня, одно его слово может навсегда приковать меня к этому кораблю!

Наконец часы пробили десять ударов. Наступило время покинуть каюту и присоединиться к моим товарищам. Я не мог более колебаться.

С величайшими предосторожностями я приоткрыл дверь. Мне казалось, что она поворачивается на своих петлях с ужасным скрипом. Быть может, скрип этот существовал только в моем воображении. Я пробирался ощупью по темным переходам «Наутилуса», останавливаясь на каждом шагу, чтобы умерить биение сердца.

Наконец я добрался до двери салона и тихо отворил ее.

Салон был погружен в глубокую тьму. Тихо звучали аккорды органа. Капитан Немо был там. Он не видел меня. Я думаю, он не увидел бы меня и при самом ярком дневном свете: так велик был экстаз, охвативший его.

Я ступил на ковер, опасаясь малейшего шороха, который мог бы выдать мое присутствие. Понадобилось целых пять минут, чтобы дойти до двери в глубине салона, ведущей в библиотеку.

Я приготовился уже открыть ее, как вдруг услышал вздох капитана Немо. Этот вздох пригвоздил меня к месту. Капитан Немо отошел от органа; я даже разглядел в темноте его силуэт, так как слабые лучи света проникали в салон из библиотеки. Он тихо приближался ко мне, со скрещенными на груди руками. Казалось, он не идет, а скользит, как тень. Его грудь вздымалась от рыданий. Я услышал слова, которые он прошептал, — последние его слова, услышанные мною:

— Довольно, довольно!

Значит, угрызения совести все же терзали этого человека?..

Вне себя я бросился в библиотеку. Я поднялся по трапу к шлюпке, где меня уже ждали мои товарищи.

— Бежим! Бежим! — прошептал я.

— Сейчас! — ответил мне канадец.

Отверстие в железном корпусе «Наутилуса» наглухо завинчивалось с помощью английского ключа, которым

Нед Ленд предусмотрительно запасся. Крышка шлюпки завинчивалась таким же способом, и канадец принялся уже отвинчивать гайки — последнее, что привязывало нас к подводному судну, как вдруг мы услышали глухой шум, идущий из глубины судна. Что это могло быть? Может быть, там заметили наше исчезновение?

Я почувствовал, как Нед Ленд сует мне в руку нож.

— Да, — прошептал я, — мы должны быть готовы к смерти.

Канадец прекратил свою работу.

Но одно слово, повторенное десятки раз, одно страшное слово открыло мне причину странного волнения на борту «Наутилуса».

Оно не имело никакого отношения к нам.

«Мальстрем, Мальстрем!»

Мальстрем! Это самое страшное, что мы могли услышать. Итак, мы находились в наиболее опасных местах, у норвежского берега! Неужели «Наутилусу» суждено было попасть в эту гибельную пучину как раз в ту самую минуту, когда мы готовились вырваться на свободу?

Известно, что здесь во время прилива во́ды, сжатые островами Фарерскими и Лофотенскими, несутся с непреодолимой силой. Они образуют водоворот, из которого еще не выходил целым ни один корабль. Отовсюду, со всех точек горизонта, сюда набегают чудовищные валы, центростремительная сила которых распространяется на пятнадцать километров. В этом водовороте погибают не только корабли, но и киты и даже белые медведи арктических стран.

И вот сюда-то невольно, а может быть, и нарочно, привел капитан Немо свой «Наутилус». Корабль двигался по спирали, радиус которой постепенно уменьшался. Вместе с ним с ужасающей быстротой вращалась и наша шлюпка, прикрепленная еще к борту. Я это чувствовал. Я испытывал мучительное, болезненное головокружение.

Безумный ужас овладел нами, кровь остановилась в жилах. Сердце переставало биться. Мы обливались холодным потом, как в последние минуты агонии. Какой адский шум вокруг этой хрупкой шлюпочки! Какой рев, без конца повторяемый эхом на расстоянии десятков миль! Какой грохот волн, разбивающихся об острия подводных скал, там, в глубине, где самые мощные стволы деревьев превращаются в жалкие щепы!

Какой ужас!

Нас страшно качало. «Наутилус» защищался от ударов волн, как живое существо. Его стальные мускулы трещали. Иногда корабль как бы становился на дыбы.

— Надо крепко держаться за «Наутилус», — сказал Нед. — Попытаемся завинтить обратно все гайки. Если мы не оторвемся от «Наутилуса», может быть нам еще удастся спастись...

Он не успел договорить, как раздался страшный треск. Гайки сорвались, и шлюпка, вырванная из своего гнезда, была выброшена, как камень из пращи, в самую середину водоворота.

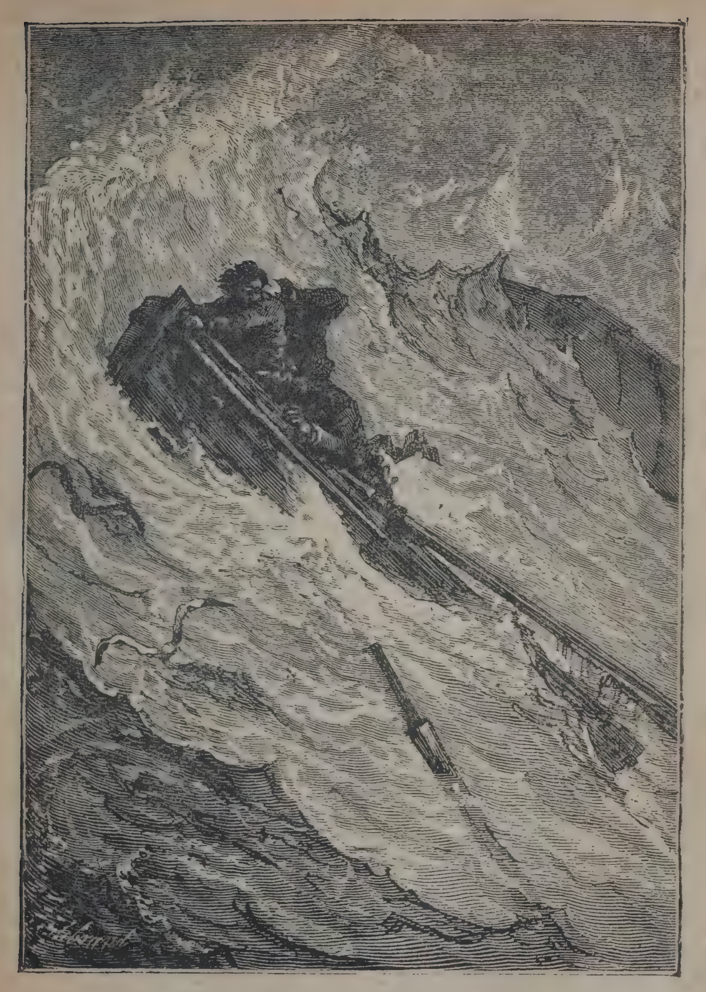
Я ударился головой о железный борт и от сильного толчка потерял сознание.

Глава двадцать третья

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и пришел конец нашему подводному путешествию.

Что произошло в ту страшную ночь, как шлюпка наша выбралась из гибельного водоворота, каким образом Нед Ленд, Консель и я спаслись из бездны — этого я не могу рассказать. Сознание вернулось ко мне в хижине рыбака на одном из Лофотенских островов. Оба мои товарища, целые и невредимые, стояли возле меня и радостно пожимали мне руки. Мы крепко обнялись.

Шлюпка попала в водоворот.

В это время года нечего было и думать о возвращении во Францию.

Пути сообщения между северной и южной Норвегией были плохие. Нам долго пришлось ожидать парохода, совершающего рейсы к Северному мысу с наступлением хорошей погоды.

Здесь, среди этих простых, добрых людей, подобравших нас, я пересматриваю рассказ о своих приключениях. Он вполне достоверен. Ни один факт не пропущен. Ни одна подробность не изменена. Это совершенно правдивая история о необычайном путешествии в недоступную для человека стихию, где со временем наука проложит свободные пути.

Поверят ли мне? Не знаю. Да и не все ли мне равно?

Для меня достаточно сознания, что я проплыл восемьдесят тысяч километров под поверхностью вод меньше чем в десять месяцев, что во время этого кругосветного путешествия Красное и Средиземное моря, Атлантический, Тихий, Индийский, Северный и Южный Ледовитые океаны открыли мне самые сокровенные свои тайны.

Но какова судьба «Наутилуса»? Удалось ли ему спастись из водоворота? Жив ли еще капитан Немо? Продолжает ли он свое страшное дело мести или удовлетворился этой последней жертвой? Принесут ли когда-нибудь волны его рукопись, где описана история всей его жизни? Узнаю ли я имя этого человека? По национальности погибшего корабля узнаем ли мы о национальности капитана Немо?

Я надеюсь на это. Я надеюсь также, что его изумительный корабль победил самую страшную пучину моря и что «Наутилус» уцелел там, где погибло столько кораблей! Если это так, если капитан Немо еще плавает по океану, заменившему ему родину, пусть ненависть утихнет в его ожесточенном сердце. Он видит столько чудес, пускай же созерцание их погасит огонь мщения!

Я очнулся в рыбацкой хижине.

Грозный судья должен исчезнуть и уступить место ученому, мирно изучающему море. Судьба капитана Немо необычна, но она и возвышенна. Кому же знать это, как не мне, прожившему десять месяцев бок о бок с этим загадочным человеком! И теперь на вопрос, поставленный шесть тысяч лет тому назад «Екклезиастом»[1]: «Кто измерил когда-нибудь глубину бездны?», два человека из всех людей на Земле имеют право ответить: «Я!»

Это капитан Немо и я.

Конец второй части

[1] Одна из книг библии, приписываемая царю Соломону.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор М. Зубков.
Художественный редактор Г. Вебер.
Технический редактор Т. Добровольнова.
Корректоры
А. Враныч и Ю. Носова.
Сдано в набор 24/XI 1950 г. Подписано к печати 26/V 1952 г. Формат 70 × 108$^{1}/_{32}$ — 9,0 бум. = 24,66 п. л. (25,06 уч.-изд. л.). Тираж 75 000 экз. А04235. Заказ № 1446. Цена 10 руб. Номинал — по прейскуранту 1952 года.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49.

28 DAY BOOK
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY
1207

10 руб.

